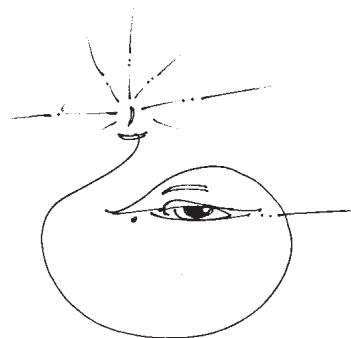

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 141
ББК 87

М. П. Меняева, А. Б. Невелев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ

Предлагается авторское определение понятия культуры согласия. Осмысливаются методологические основания исследования культуры согласия. В качестве методологических оснований исследования культуры согласия выступают идеи и теории, содержащие в себе диалектику и синергетику, кроме того идеи ряда философов – Гегеля, М. Хайдеггера, представителей философии диалога (М. Бубера, М. М. Бахтина, К. Ясперса, Ю. Хабермаса и др.), И. А. Ильина, В. И. Плотникова, а также интегральная концепция П. А. Сорокина.

Ключевые слова: культура согласия; становление; диалектика; синергетика; «спасительное» М. Хайдеггера; диалог; интегральная концепция П. А. Сорокина.

Культура согласия объединяет и систематически воспроизводит те формы отношений на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях, вплоть до глобального, основой которых является согласие. В человеческом мире отношения, которые скрепляют различные стороны в совместном существовании, необходимы для выживания. Дружественные, доверительные отношения на индивидуальном уровне проявляются в расположенности друг к другу, в восприятии другого как близкого, родного. Подобные отношения выражаются солидарностью, взаимопомощью, взаимной поддержкой, взаимным приятием. Они предполагают доброжелательность, взаимоуважение, бескорыстную любовь, заботу друг о друге. В их основе – взаимная уступчивость. Последняя позволяет также мирно сосуществовать гражданам разных наций, странам. Их совместимость возможна на взаимоблизиких основаниях, взаимодопустимых и взаимоудовлетворяющих отношениях.

Культура согласия может быть представлена в двух планах. Она является способом организации человеческого со-бытия с целью взаимообогащения и плодотворного развития,

а также способом персональной идентификации, благодаря которому в ходе единения человека с другими происходит осознание, обретение, сохранение и обогащение собственного внутреннего мира в его целостности.

Культура согласия как форма отношений, скрепляющих всё многообразие в гармоническое единство, обозначает состояние и процесс. Последний имеет свои этапы: становление, начало и воспроизводство. Их осмысление требует, прежде всего, обращения к самой категории становления.

Становление как философская категория «выражает спонтанную изменчивость вещей и явлений, переход от одной определенности бытия к другой. Все существующее является становящимся, а его бытие есть становление» [8]. В античной философии Гераклит растворяет бытие в становлении и представляет мир как становящееся, текучее, вечно изменчивое целое. Говоря, что все течет, все изменяется, он тем самым провозглашает становление основным определением всего сущего.

Становление несет в себе идею изменения, развития, которая связана с переходом от одного качества, состояния к другому, от старо-

го к новому. Категория становления органически связана с диалектическим воззрением на мир: в ее основе лежит взгляд на любую вещь, явление как на единство противоположностей – бытия и небытия. Диалектическое содержание категории становления подробно развил Гегель. В его философии становление как единство бытия и ничто представляет собой абстрактное выражение возникновения, порождения вещей и явлений» [8]. Гегель утверждает, что не существует ничего такого, «что не было бы средним состоянием между бытием и ничто» [8].

В «Науке логики» философ пишет: «Каждый имеет представление о становлении и <...> каждый, далее, признает, что если проанализировать это представление, то мы убедимся, что в нем содержится определение бытия, а также того, что полностью ему противоположно – определение ничто; далее, эти два определения нераздельны в одном представлении, так что становление есть единство бытия и ничто. Другим ближайшим примером служит начало. Вещи еще нет, когда она начинается, но в начале содержится не только ее ничто, но уже также и ее бытие. Начало само есть становление, но, говоря о начале, мы, кроме того, имеем в виду дальнейшее движение» [1].

Становление культуры согласия предполагает переход от отношений несогласия к согласию как новому качеству взаимоотношений в человеческом мире. Возникновение культуры согласия есть ее начало, которое совпадает с завершением противоположной ей культуры несогласия.

Гегель отмечает, что «наше обычное представление о становлении подразумевает, что там, где имеется становление, получается нечто, и становление, следовательно, имеет результат» [1].

Становление культуры согласия предполагает осмысление того, что ей предшествовало, что явилось предпосылкой.

Идею Гегеля о предпосылках и условиях использовал В. И. Плотников. Его опыт представляется методологически эффективным для осмысления становления культуры согласия.

Обращаясь к философии Гегеля, В. И. Плотников пишет: «Категория “предпосылки” выработана для постижения исторического процесса в его глубинной необходимости. Категория “условия”, напротив, объясняет “наличное бытие” в его соотношении с иной, безразличной для него непосредствен-

ностью. С помощью категории “предпосылки” наличное бытие, понятое в его единстве, выводится с необходимостью из прошлого или столь же логично соотносится с будущим. Категория “условия”, напротив, обозначает лишенное единства многообразие наличного бытия по отношению к любому выделенному из него явлению или событию» [5. С. 104].

В. И. Плотников отмечает, что условие может совпадать и совпадает с предпосылкой, но лишь в случае непосредственности последней, а еще точнее – в момент возникновения основания. Ссылаясь на Гегеля, он пишет: «Когда мы рассматриваем условия некоторой вещи, последние представляются нам чем-то совершенно невинным. На деле же такая непосредственная действительность содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого. Сначала это другое есть только возможность, но эта форма снимает себя и превращается в действительность. Возникает совершенно другая форма вещей, и вместе с тем не возникает ничего другого по сравнению с тем, что было раньше, ибо первая действительность лишь полагается соответственно ее сущности. Условия, которые жертвуют собой, идут к основанию и поглощаются, сливаются в другой действительности лишь с самими собой. Таков вообще процесс действительности» [5. С. 104–105].

Становление культуры согласия начинается с общих предпосылок – исторических тенденций, направляющих человечество к культуре согласия. Общие предпосылки, будучи разрозненными в своем виде, переходят в непосредственные предпосылки, так как связываются друг с другом. Тем самым они порождают элементарную форму культуры согласия. Она выражается в стремлении преодолеть отношения несогласия и разрешить возникающие в человеческом мире противоречия мирным путем, путем согласования интересов, целей, ценностей на основе приоритета человеческой жизни и необходимости выживания всего человечества, а также закрепления достигнутого согласия в соглашениях на институциональном уровне (средством соответствующих организаций). Сцепление непосредственных предпосылок исследуемого явления есть событие, начало культуры согласия как реального исторического феномена. Когда культура согласия возникает, сопутствующие исторические обстоятельства становятся условиями ее воспроизводства.

Момент возникновения, начала культуры согласия связан с моментом предельного обострения опасности. В работах М. Хайдеггера («Поворот», «Вопрос о технике», «Письмо о гуманизме») ставится вопрос: «Что происходит там, где опасность выступает самою собой?». Отвечая на него, М. Хайдеггер предлагает «прислушаться к намеку, доносящемуся в строках Гёльдерлина. В поздней редакции гимна “Патмос” поэт говорит, что там, где опасность, там и спасительное» [9. С. 255]. По словам М. Хайдеггера, «где опасность выходит на свет как опасность, там уже восходит и спасительное» [9. С. 255]. Философ отмечает, что последнее – «не противовес опасности, спасительное не стоит пообок опасности. Опасность несет спасительное из своего потаенно обратимого существа <...> В существе опасности таится возможность поворота, который превращает опасность в спасение, забывание бытия – в хранение истины бытия» [9. С. 256]. Применительно к осмыслению культуры согласия опасность таится во всём, что связано с культурой несогласия. В существе культуры несогласия должны таиться ростки спасительного. Вглядевшись в то, что есть культура несогласия, можно вывести на свет ростки спасения, то есть культуры согласия.

Идея М. Хайдеггера о том, что там, где опасность достигает предела, там кроется спасительное начало, позволяет рассматривать культуру согласия в качестве этого спасительного. Отношения несогласия, проявляющиеся в разного рода противоречиях, конфликтах, вплоть до военных, которые в своем количественном накоплении доходят до критического предела, представляются крайне опасными, поскольку угрожают существованию всего человечества. Осознание опасностей и угроз, несущих разрушение и гибель, позволяет осуществить сознательный переход к новым взаимоотношениям, выражающим согласие. Рождение культуры согласия происходит из своей противоположности – культуры несогласия.

Культуру несогласия терминологически отличает от культуры согласия простое *не*. Не только терминологически, но и по существу в *не*-согласии кроется его противоположность. Именно в этом «не» таятся ростки культуры согласия. «Не», т. е. слово ‘нет’, может означать отказ как воздержание (ограничение от излишнего). Добровольный отказ в пользу

другого есть уступки, компромиссное решение. Поддержать другого значит оказать помощь, содействие, выразить согласие. То, что поддерживает – служит опорой. Удержать что-либо значит сохранить, сберечь. Значимой является также сдержанность (ровность, без крайностей). Сдержанность, значит остановить. Всё, что содержится, – держится вместе, в единстве всего в форме целого.

Для осознания того, как возникает культура согласия, можно использовать элементы синергетической методологии. Синергетика (теория самоорганизации) содержит в себе идею перехода от беспорядка (хаоса) к порядку (космосу). Переход системы из состояния хаоса к состоянию порядка сопровождается кризисом, накоплением в ней противоречий и их разрешением. Если рассматривать, например, культурную систему, то «разрешение накопленных в ней противоречий порождает новое качество элементов культуры, их взаимосвязей и структуры и ведет к новому стабильному и одновременно более сложному уровню всей культурной организации. Новая стабильность культурной системы достигается большим числом типов взаимосвязей и взаимодействий ее элементов; вместе с тем нарушение любого типа этих связей ведет к потере устойчивости системы» [3]. «В синергетической системе организация возникает за счет локальных взаимодействий между элементами, которые “запускают” внутренний механизм самоорганизации» [6. С. 612].

Специфика синергетики связана со своеобразными кооперативными эффектами, которые обеспечивают переход от неустойчивого, неравновесного состояния системы к устойчивому, стабильному через точку бифуркации (раздвоения, разветвления). Неустойчивость в человеческом мире сопряжена с отношениями несогласия, способствующими возникновению противоречий, которые требуют разрешения. Важную роль при этом играют отношения взаимной связанности, взаимной зависимости сторон, их готовность действовать вместе, согласованно, сообща. Синергетика позволяет показать интегративную суть начала культуры согласия.

Парадигма самоорганизации в человеческом мире влечет за собой диалог, предполагающий движение по «герменевтическому кругу», т. е. возвратно-поступательное движение между предварительным пониманием целого и пониманием части, в ходе которого

устраняются несогласованности между тем и другим. Содержательный смысл круга целого и части Х.-Г. Гадамер дополняет тем, что понимание исходит не из субъективности одного из собеседников, а из факта сопрячания общему для них смыслу.

Понимание диалогично. Концепция понимания развертывается в философии диалога, которая выступает методологическим основанием для осмысления этапа воспроизводства культуры согласия.

В оригинальных концепциях М. Бубера, М. М. Бахтина, К. Ясперса, Ю. Хабермаса и других мыслителей улавливается связь с проблемой согласия и социального единства. М. Бубер рассматривает диалог как отношения Я с Ты, Я с Другим. Отсутствие в них противопоставления открывает возможности для возникновения согласия, обоюдность которого позволяет охарактеризовать «Другого» как партнера, собеседника, друга, т. е. воспринимать его в качестве своего, а не чужого, в качестве Ты, а не Оно. М. Бахтин обращает внимание на то, что отношения друг с другом могут быть гармоничными не только при условии наличия общего, но и при сохранении различий между ними. М. Хайдеггер считает, что унификация влечет за собой безответственность и утрату заботы, без чего подлинный диалог невозможен. С точки зрения С. Л. Франка, будучи органично связаны друг с другом, Я и Ты образуют общность Мы. В ней, по мнению Г. Марселя, происходит собирание Я. Оно становится возможным путем экзистенциальной коммуникации, которая, по утверждению К. Ясперса, отличается от массовой – обезличенной и бессмысленной. Смысловая связь играет важную роль в коммуникативном действии, ориентированном, по Ю. Хабермасу, на взаимопонимание и тем самым выступающим механизмом социальной интеграции. В качестве нового средства, создающего возможность для обеспечения целостности социальной организации, М. Маклюэн рассматривает Интернет. Последний служит обретению единства каждого со всеми, а также способствует формированию синтетического типа мышления, на основе которого возможно появление такой культуры, которая органически объединит всё человечество.

Можно утверждать, что мыслители, разрабатывавшие концепции диалога, сами вступили в незримый диалог друг с другом, расширив и углубив представления о нем.

В диалоге как двухголосии согласие достигается общими усилиями, без преимущества какого-то одного голоса. Тем самым диалог противостоит монологу. Единство, возникающее посредством диалога, отличается от диалектического единства. В последнем единство возникает в результате победы одной противоположности над другой, что означает ее уничтожение и гибель. Диалог предполагает сопряжение различий в единство, что способствует взаимообогащению. С помощью диалога возможно (хотя и необязательно) установление или восстановление лада в человеческих отношениях.

Воспроизводство всех отношений согласия не гарантировано никаким природным законом в человеческом мире, поскольку представляет собой лишь плод деятельного усилия. Воспроизводство культуры согласия возможно только посредством диалога, который, с точки зрения М. Бубера и М. М. Бахтина, предполагает отношения взаимности сторон, благодаря чему каждый из участвующих воспринимается как партнер, т. е. равный. По мнению К. Ясперса и Ю. Хабермаса, в диалоге как вопрос-ответной форме происходит процесс согласования и движения к общему смыслу, без которого невозможно взаимопонимание. Именно смысловая связь создает устойчивое единство.

Особое значение для осмысления процесса воспроизводства культуры согласия имеет идея И. А. Ильина о внутренней, духовной целостности человека.

В работе «Путь к очевидности» И. А. Ильин рассматривает человека, находящегося в состоянии внутреннего раскола, душевной расщепленности, духовной нецельности. Такой человек, по мнению философа, должен воссоединиться в своем собственном существе, собрать распавшиеся части – в этом его исцеление и восстановление Духа. «Нужно внутренне объединить человека, придать ему духовную цельность» [2]. Для этого И. А. Ильин предлагает сосредоточение, влекущее за собой ограничение, воздержание, аскезу. Воздержание предполагает постоянную работу над собой, которая вызывается чувством ответственности и сопрягается с актом совести.

В человеческом мире любая целостность (внешняя и внутренняя) требует организации. Воспроизводство, обновление культуры согласия не происходит само по себе. Для

того чтобы отношения согласия воспроизводились, необходимо их культивировать. Важным при этом является воспитание человека и его обучение таким отношениям.

Продуктивным для осознания значимости периода воспроизводства культуры согласия представляется интегральная концепция культуры П. А. Сорокина. Воспроизводство отношений согласия предполагает саму культуру, которая представляет собой организующее начало. С точки зрения П. А. Сорокина, в культуре заложен принцип смысловой взаимосвязи всех ее составляющих. По мнению П. А. Сорокина, логико-смысловые единства можно обнаружить только в той сфере, которая включает в себя человеческую мысль и воображение, т. е. в сфере человеческой культуры, причем лишь в той ее части, которая является результатом деятельности человеческого ума, будь то наука, религия, искусство, философия, мораль или техника. Иначе говоря, «смысловая и логическая интеграция, по определению, может существовать лишь там, где есть разум и смысл» [7. С. 32].

П. А. Сорокин выделяет две противоположные смысловые формы – «чувственную» и «идеациональную», которые образуют аналогичные типы культур. Взаимодействие их в равных пропорциях и на одинаковом основании способствует появлению нового типа – «идеалистического», интегрального по своей сути. «Идеалистический» тип в своем качественном отношении синтезирует послышки обоих типов культур (идеационального и чувственного) в одно внутренне согласованное и гармоничное единство.

«Философ фиксировал ситуацию разлада, рассогласования, кризиса современной ему культуры – “чувственной”. Его проявления мыслитель видел в росте материальных ценностей, в культивировании прагматизма, утилитаризма, гедонизма, представленных в крайней чувственной форме, когда человек сосредоточен на технологических изобретениях, а также в господстве культа силы и принуждения» [4. С. 116], когда распространяется «моральный релятивизм, нигилизм» и отсутствуют абсолютные моральные ценности. «П. А. Сорокин обратил внимание на то, что, если составляющие культурной системы становятся морально безразличными, то образуются такие ненормальные явления, как, например, наука, совершенствующаяся в производстве средств войны и способствующая уничтожению чело-

вечества, вместо того, чтобы служить благу. С ситуацией кризиса чувственной системы связано усиление насильственных отношений» [4. С. 16], результатом которых в XX в. стало торжество тоталитарных режимов и мировых войн. Насилие, по мнению П. А. Сорокина, исключает благотворная сила любви. В качестве средств выхода из кризиса философ предлагал признание «“альтруистической любви” абсолютной ценностью. Любовь, в его понимании, – “гармонизирующая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса. Она объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором, создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме”» [7. С. 250; 4. С. 16]. Другими словами, любовь предполагает согласие. Общество индивидов, связанное взаимоотношениями любви, П. А. Сорокин считал самым мирным и самым гармоничным. Он утверждал, что «энергия неэгоистической любви потенциально представляет собой гигантскую восстанавливающую силу» [7. С. 250]. Такую любовь необходимо культивировать в отношениях между людьми, что способствует вхождению в «идеалистический» тип культуры. Другими словами, переход к такому типу культуры есть воспроизводство культуры согласия, гарантирующее устойчивость человеческого бытия и со-бытия.

Таким образом, выделение методологических оснований культуры согласия, их анализ и осмысление позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, идея Гегеля о категориальной взаимосвязи предпосылок и начала получила, в частности, развитие в исследованиях В. И. Плотникова и была плодотворно им применена. Выделение общих предпосылок нацелено на методологический поиск сцепления непосредственных предпосылок, которое и есть начало культуры согласия.

Во-вторых, идея М. Хайдеггера о роли предельной опасности, в которой кроется «спасительное» начало, позволяет понять культуру согласия в качестве «спасительного», того, что обеспечивает выживание в человеческом мире.

В-третьих, элементы синергетики – теории самоорганизации, в которой важную роль играют совместные действия, позволяют раскрыть суть культуры согласия.

В-четвертых, оригинальные концепции М. Бубера, М. М. Бахтина, К. Ясперса, Ю. Ха-

бермаса и других о диалоге как средстве взаимосвязи являются важными для осмысления процессов возникновения и воспроизводства культуры согласия.

В-пятых, идея И. А. Ильина о внутренней целостности человека позволяет выявить особое значение этапа воспроизводства культуры согласия в человеческом мире.

В-шестых, концепция интегральной культуры П. А. Сорокина об объединении противоположных типов культур («чувственного» и «идеационального») и формировании на их основе интегрального типа – гармоничного и более жизнеспособного – помогает осознать механизм воспроизводства культуры согласия.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000426/st006.shtml> (дата обращения: 10.03.2013).
2. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – URL: http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_очевидности.html (дата обращения: 15.03.2013).
3. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – URL: <http://terme.ru/dictionary/1170/word/samorganizacija-v-kulture> (дата обращения: 05.03.2013).
4. Меняева, М. П. Идея согласия в контексте философии культуры П. А. Сорокина / М. П. Меняева // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 1.
5. Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема / В. И. Плотников. – Свердловск, 1975.
6. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемеров. – М.: Академ. проект, 2004.
7. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: (Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений) / П. А. Сорокин; пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб.: Изд-во Рус. хрис. гуманитар. ин-та, 2000.
8. Становление. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/stanovlenie.html> (дата обращения: 05.03.2013).
9. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.

Сведения об авторе

Меняева Марина Петровна – кандидат культурологии, доцент кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

kaf-fil@chgaki.ru

Невелев Анатолий Борисович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Челябинского государственного университета.

filos@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 9–15.*

METHODOLOGICAL BASIS OF STUDY OF CONSENT CULTURE

M. P. Menyayeva

Chelyabinsk State Academy of Culture and Art. kaf-fil@chgaki.ru

A. B. Nevelev

Chelyabinsk State University, filos@csu.ru

The article presents the author's definition of consent culture. There are conceptualized methodological foundations of the research of consent culture. As the methodological foundations of the re-

search of consent culture are the ideas and theories that contain a dialectic and synergies, in addition the ideas of a number of philosophers such as Hegel, Heidegger, representatives of the philosophy of dialogue (M. Buber, M. Bakhtin, K. Jaspers, Y. Habermas and others), I. Ilyin, V. I. Plotnikov, as well as an integrated concept of P. A. Sorokin.

Keywords: consent culture; formation; dialectic; synergy; “saving” of M. Heidegger; dialogue; integral concept of P. A. Sorokin.

References

1. Hegel G.-V.-F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk, t. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophy, vol.1. Science of logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 452 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000426/st006.shtml>, accessed 10.03.2013. (In Russ.).
2. Il'in I.A. *Put' k ochevidnosti* [Path to the evidence]. Available at: http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_ochividnosti.html, accessed 15.03.2013 (In Russ.).
3. Kononenko B.I. *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Great Dictionary of Cultural Studies]. Available at: <http://terme.ru/dictionary/1170/word/samorganizacija-v-kulture>, accessed 05.03.2013. (In Russ.).
4. Menyayeva M.P. Ideya soglasiya v kontekste filosofii kul'tury P.A. Sorokina [The idea of consent in the context of the philosophy of culture of P.A. Sorokin]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2012, no. 1. (In Russ.).
5. Plotnikov V.I. *Sotsial'no-biologicheskaya problema* [Socio-biological problem]. Sverdlovsk, 1975. (In Russ.).
6. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern Philosophical Dictionary], V.Ye. Kemerov (ed.). Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2004. (In Russ.).
7. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: (Issledovaniye izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy)* [Social and Cultural Dynamics (Research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations)], V.V. Sapova (tr.). Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo institute Publ., 2000. (In Russ.).
8. *Stanovleniye*. Available at: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/stanovlenie.html>, accessed 05.03.2013. (In Russ.).
9. Heidegger M. *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and Being (Articles and Speeches)]. Moscow, Respublika Publ., 1993. (In Russ.).

УДК 140.8
ББК 70

Rene Wadlow

CREATIVITY AND INSIGHTS: THE INTERNATIONAL DECADE FOR THE RAPPROCHEMENT OF CULTURES 2013–2022

*We must prepare the field for the cooperation
of all the cultures of the world
where all will give and take from each other.
This is the keynote of the coming age.*

Rabindranath Tagore

Каждое общество и народ имеет свою собственную внутреннюю космологию – это осознание своего бытия в мире. Эта внутренняя космология помогает людям визуализировать и интерпретировать мир, делать жизнь совершеннее и прекраснее. Без сильной внутренней космологической идеи есть опасность погружения в скептицизм, цинизм, фатализм и отчаяние. Развитие межкультурных отношений и является целью Международного десятилетия сближения культур 2013–2022 гг.

Ключевые слова: взаимодействие культур; ЮНЕСКО; культура мира; внутренняя космология; диалог.

Building on efforts in the UNESCO General Conference of October 2011, the United Nations General Assembly has proclaimed the Decade 2013–2022 as the International Decade for the Rapprochement of Cultures, with UNESCO as the lead Agency.

The Decade is a follow up to the strong momentum created by the International Decade for a Culture of Peace and Non-violence for the Children of the World (2001–2010) which called for peace and non-violence at every level of society. The UN General Assembly had stated “convinced that such a decade, at the beginning of the new millennium, would greatly assist the efforts of the international community to foster peace, harmony, all human rights, democracy and development throughout the world, calls upon UN bodies, NGOs, religious bodies and groups, educational institutions, artists, and the media to support the Decade for the benefit of every child of the world”.

This resolution on the Culture of Peace and Non-violence had been steered through some stormy waters by Ambassador Anwarul Karim Chowdhury of Bangladesh – some States objecting to the term “non-violence” - a term little used in UN circles though it had been proposed by UNESCO. In presenting the resolution, Ambassador Chowdhury said “as we struggle to address a multitude of problems that transcend borders, a culture of peace and harmony as opposed to war,

violence, and conflict could provide the foundation for a meaningful alliance or global action... The objective of a culture of peace is the empowerment of people. It contributes effectively to the overcoming of authoritarian structures, and also exploitation, through democratic participation. It works against poverty and inequality and promotes development. It celebrates diversity, advances understanding and tolerance, and reduces inequality between men and women. We regard the culture of peace as an effective expedient to minimize and prevent violence and conflict in the present world.”

As we review the events of 2001–2010, we can only note that there is still a good deal to be done to replace a culture of war with a culture of peace.

The 2006 UNEDCO General Conference in its resolution on Promotion of Dialogue among Peoples had called for the “development of a universal global consciousness” based on dialogue and cooperation in a climate of trust and mutual understanding and for a “new humanism for the twenty-first century.”

The year 2010 had been designated as the International Year for the Rapprochement of Cultures “to promote universal respect for, and observation and protection of all human rights and fundamental freedoms.” Cultures encompass not only the arts and humanities but also different ways of living together, value systems

and traditions. The Second World Conference on Cultural Policy in Mexico City in 1992, organized by UNESCO had stated that “culture ought to be considered today as the collection of distinctive traits, spiritual and material, intellectual and affective, which characterize a society or social group. It comprises, besides arts and letters, modes of life, human rights, value systems, traditions and beliefs.”

It is true that, to an unprecedented degree, people are meeting together in congresses, conferences and universities all over the globe. However, in themselves, such meetings are not dialogue and do not necessarily lead to rapprochement of cultures. There is a need to reach a deeper level. Reaching such deeper levels takes patience, tolerance, the ability to take a longer-range view and creativity.

Every society and people has its own interior cosmology – a coherent account of its being in the world. This interior cosmology helps people to visualize and interpret the world and to elevate and embellish life. Without strong interior cosmologies, there is a danger of sinking into skepticism, cynicism, fatalism and despair. As Amiya Chakravarty, a literary secretary to Rabindranath Tagore has written “Each individual must strike the ‘universal concrete’ in terms of his own creative effort, in the milieu of his own cultural heritage; only by proceeding from wherever we are, geographically, spiritually or vocationally, can we make the integral effort for peace. The peace-worker belongs to the entire human family, using the language or religious associations to which he has been born and which he transforms not necessarily by revolt but by inner transcendence.”

For any UN-sponsored Year or Decade to have a real impact, there must be wide initiatives and actions by civil society, non-governmental organizations (NGO), academic institutions and the media. Governments at the UN are often will-

ing to adopt fine resolutions but which are not followed up by governmental programs. Thus it is essential to convince government decision-makers in all parts of the world that greater understanding is capable of creating conditions for a better world and a way to meet the serious challenges facing humanity. One of the central tasks of today is to develop a problem-solving, future-oriented global view which addresses the important concerns, issues, and problems of humanity as a whole. We need to identify as clear a vision as possible of a feasible and desirable world society and to outline the specific steps required to move in that direction. If the complex problems and challenges which confront the world at present are to be addressed effectively, the cultural community will have to play a leadership role.

The 2013–2022 Decade has used a French word for the aim: “Rapprochement” rather than the term used earlier in UN resolutions: “Dialogue”. The difference between the two terms can be significant beyond the fact that “dialogue” has been used so often as to lose its impact as a term. Dialogue is discussion, interesting and perhaps making clearer the views of the other party. Rapprochement – coming closer together – indicates a working together, a contribution to other cultures, forms of cooperation. Thus we must look at ways in which cultures can be mutually enriched through common efforts.

Within the framework of the Decade, I have been writing on the creative efforts of individuals who built bridges of understanding over the divides of cultures, social classes, and ethnicity such as Nicholas Roerich, F.S.G. Northrop, Pitrim Sorokin, Rabindranath Tagore, Sarvepalli Radakrishnan, James Cousins and Leopold Sedar Senghor. These are some of our models in working for a harmonious Earth. There are many such creative individuals, and the Decade should be an opportunity to highlight their efforts.

Сведения об авторе

Рене Уадлоу – редактор журнала «Транснациональные перспективы», представитель ООН по общественным организациям, президент Ассоциации граждан мира, профессор Женевского университета (Женева, Швейцария).

filos@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 16–18.*

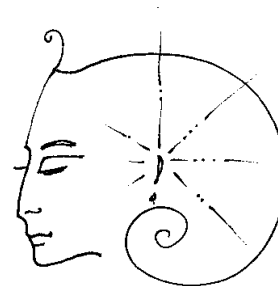
**CREATIVITY AND INTUITION: THE INTERNATIONAL DECADE
OF RAPPROCHEMENT IN THE FIELD OF CULTURE 2013-2022**

René Wadlow

Every society and people has its own interior cosmology – a coherent account of its being in the world. This interior cosmology helps people to visualize and interpret the world and to elevate and embellish life. Without strong interior cosmologies, there is a danger of sinking into skepticism, cynicism, fatalism and despair. The United Nations General Assembly has proclaimed the Decade 2013–2022 as the International Decade for the Rapprochement of Cultures.

Keywords: Rapprochement of Cultures; UNESCO; a culture of peace; interior cosmology; dialog.

**ФИЛОСОФИЯ,
РЕЛИГИЯ,
МИФ**

УДК 141
ББК 71.1

И. С. Акулова, М. П. Ахметзянова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В МИФОЛОГИИ

Статья посвящена выявлению онтологических оснований эсхатологических концептов в мифологии. Позже данные концепты «перешли» в более развитые религиозные системы, философские парадигмы и даже в научные теории. Анализируя объективированное мифологическое мировоззрение, авторы приходят к выводам: в мифологии многих народов можно проследить эсхатологические мотивы, на появление которых напрямую повлияли мифы. На эсхатологичность человеческого сознания также повлияли различные природные стихии и катастрофы; онтологические основания появления эсхатологических мифов и концептов «конца истории» укоренены в человеческом сознании, которое пытается подстроить мир «под себя» и не может помыслить его бесконечным во времени.

Ключевые слова: эсхатология; мифология; календарные мифы; космогонические мифы; онтологические основания.

Эсхатологические воззрения сопровождают человечество с того момента, когда люди ощутили потребность рационально осмысливать и отражать в своем сознании окружающую их действительность. Самой первой такой «картиной универсума» стала объективированная система мифологических взглядов и представлений, с помощью которой древние люди пытались объяснить окружающий их мир [1]. Концепт 'конец истории' появился в философии не случайно. Он занимал умы людей с самых древних времен. И «прошел» яркой линией в более ранних формах человеческого мировоззрения. В мифологии многих народов можно проследить эсхатологические мотивы. Они могут быть не очень ярко выражены, но они существуют. Мифы эсхатологические о «последних» вещах, о конце мира возникают относительно поздно и опираются на модели мифов календарных, мифов о смене эпох, мифов космогонических. В противоположность космогоническим мифам эсхатологические рассказывают не о возник-

новении мира и его элементов, а об их уничтожении – гибель суши во всемирном потопе, хаотизация космоса и др.

Календарные мифы, которые напрямую повлияли на появление эсхатологических мифов, тесным образом связаны с циклом календарных обрядов, с аграрной магией, ориентированной на регулярную смену времен года, в особенности на возрождение растительности весной. Распространены также календарные мифы об уходящем и возвращающемся, или умирающем и воскресающем герое, таковым, например, в египетской мифологии является Бог Усир (греч. Осирис).

Также на появление эсхатологических мифов повлияли мифы о смене эпох и мифы космогонические. В этих мифах люди уже пытались понять, как был создан мир, проследить развитие исторического процесса, выявить его смысл. Космогонические мифы повествуют о происхождении мира в целом и отдельных его частей. В космогонических мифах особенно часто «предлагается» такой

вариант создания мира, как упорядочение хаоса и превращения его в разумный космос. Особенно отчетливо это проявляется в древнегреческих мифах, согласно которым вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные Боги. Из Хаоса, источника жизни, родилась и могучая сила, все оживляющая Любовь – Эрос. Начал создаваться мир. Здесь явно видно, как при попытке понять происхождение мира проявляется антропоморфность человеческого сознания. Древние греки не приемлют «хаос», как что-то неизведанное и непонятное человеческому сознанию. Они стараются «подстроить» мир «под себя», под свое сознание. Тогда получается, что если у мира есть ярко выраженное начало (превращение хаоса в упорядоченный космос), далее налицо развитие мира (появляются боги, затем герои, затем люди), то должно быть у мира и завершение. Иначе нарушается сам принцип гармонии, который ценился греками превыше всего. Правда, древние греки, хотя в их мифологии и присутствуют эсхатологические моменты, считали, что мир цикличен. Нет одного «конца мира» и одного «конца истории» раз и навсегда, а есть бесконечный круговорот мироздания. Есть многочисленные «концы истории», после которых всякий раз мир начинает свое существование заново.

В космогонических мифах отражаются представления людей о структуре космоса и его основных элементов. Появление космоса в мифологическом сознании древних обычно сопровождается поиском онтологических оснований и выделением основных стихий (огонь, вода, земля, небо), отделением неба от земли, а затем созданием светил, земной тверди, растений, животных и человека. Мир, согласно мифам, возникает по-разному: из первоэлементов, из антропоморфных мифических существ, как эманация воли богов и т. п. Космогонические мифы есть не только в греческой мифологии, но и у самых разных народов, которые жили в совершенно различных частях мира. Например, в мифологии народов Бирмы есть миф о высшем существе Вайшуне. В его образе есть черты создателя мира. Вайшун существовал еще до создания мира. Остальные духи (Читон – дух леса, Мушанг – дух небес, Мбон – дух ветра, Ваун – дух-земледелец, Ян – дух солнца,

Шита – дух луны) – его порождения. Не имея больше никакого эмпирического материала для наблюдений, кроме окружающей их природы, древние люди именно на основе этих «собираемых» и доступных для них данных и выстраивали свою систему мироздания: «Дикарь, в отличие от цивилизованного человека, почти не отличает естественного от сверхъестественного. Мир для него является творением сверхъестественных, антропоморфных существ, которые действуют из побуждений, подобных его собственным» [4. С. 17].

Д. Фрезер находит массу примеров того, как разные народы объясняют появление мира и людей в результате деятельности неких мифических антропоморфных существ: «...создатель Бунджил своим большим ножом срезал три крупных куса древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом как следует вымесил ее. Затем он переложил часть глины на другой кусок коры и вылепил из нее человеческую фигуру; сначала он сделал ступни, потом ноги, туловище, руки и голову» [5. С. 17]. Таким образом, мифологическое сознание древних людей не могло «выйти» за свои пределы и, пытаясь объяснить появление мира, приписывало это появление неким первосуществам, опять же антропоморфным, похожим на человека. Также в мифологии разных народов богам-демиургам обязательно противостоят боги-разрушители, символизирующие смерть, царство мертвых, а значит, в более отдаленной перспективе, и конец мира.

Эсхатологичность человеческого сознания проявляется уже в самых древних мифах. После того, как были созданы мифы о сотворении мира и человека, древние люди пытаются объяснить появление смерти. Ведь личный опыт всего их существования говорит о том, что никто из людей не живет вечно. Во многих мифах такое явление, как конечность человеческого существования, логически не объясняется. Феномену смерти находят такие же «сказочные» объяснения, как и феномену появления жизни на Земле. Например, дикари племени намакуа считали, что Луна хотела дать людям бессмертие, но ее гонец заяц все напутал, и поэтому люди стали смертными [5. С. 36]. Аналогичный миф существует у племени бушменов. В похожем по содержанию мифе африканского племени нанди подобную весть принесла людям собака [5. С. 37]. Все приведенные примеры опять

же построены на «ресурсах» человеческого сознания и на результатах наблюдения древних людей за окружающим их природным миром. Ведь во всех этих примерах именно луна (как символ умирания и возрождения вновь) должна была дать людям бессмертие, но в результате намеренных или ненамеренных ошибок ее гонцов, люди, в результате, вместо бессмертия получили конечное существование на земле. Фрезер выдвигает следующий тезис: «...первобытный философ пришел к заключению, что первоначально некое благожелательное существо предназначило в удел человеческому роду вечную юность, что человек даже действительно наслаждался таковой и что, если бы не какое-то преступление, несчастье или просто ошибка, человек никогда бы не расстался с этим счастливым даром» [5. С. 50]. Но в том-то и дело, что подобное «заключение» появилось в сознании этого «первобытного философа» именно в результате наблюдения за внешним миром, и за процессами, в нем происходящим. Так, наблюдая за фазами Луны, древние люди пришли к выводу, что все конечно, но луна, входя в другую фазу, начинает «возрождаться». Недаром именно от Луны древние люди ждали бессмертия. Видя же, что этого не происходит, что никто не возвращается из «мира мертвых», древние мудрецы нашли свои объяснения конечности человеческого существования.

На эсхатологичность человеческого сознания повлияли и различные природные стихии и катастрофы. Давно известно, что легенды о Всемирном потопе, в котором погибло почти все человечество, широко распространены у совершенно различных народов по всему миру. При всем разнообразии подобных легенд, самой древней ученые считают вавилонскую легенду о потопе, которую, правда, вавилоняне также в свою очередь заимствовали у более древней цивилизации – шумерийцев. И хотя многие ученые сомневаются в реальном существовании когда-то великого потопа, Фрезер считает, что не могло случайно появиться столько легенд о потопе у совершенно разных народов практически всех континентов земли. «Но хотя сказания о подобных страшных катаклизмах почти несомненно являются легендарными, все же вполне возможно и даже вероятно, что многие из них под мифической оболочкой содержат зерно истины. Возможно, что они скрывают в себе воспоминания о наводнениях, которые

действительно произошли в отдельных местах, но, передаваемые народной памятью из поколения в поколение, приняли со временем грандиозные размеры мировых катастроф» [5. С. 165]. В любом случае, был ли Всемирный потоп или это был ряд наводнений на всей земле, древние люди достаточно полно ощутили на себе страх перед природными стихиями и невозможность управлять ими. Это также повлияло на мировоззрение древних и на их понимание развития истории. Ведь если один раз уже был «конец истории», в результате потопа, то почему бы ему не повториться вновь в будущем. И к осознанной и не поддающейся сомнению на тот момент конечности собственного, личного существования, прибавилось понимание того, что и целый народ, целая страна, а то и человечество в целом может также погибнуть. Тем более если учесть мировоззрение древних людей, которые не подвергали сомнению мифические предания.

Временной устойчивости и широкому распространению мифов (в том числе и эсхатологических) способствовало то, что они были и есть понятны всем народам, они доступны для понимания людям с разным уровнем образования. Так, если научные источники или художественные произведения во многом зависят от качества перевода, а следственно и качества дальнейшего восприятия, то мифы очень лаконичны и понятны: «Напротив, ценность мифа как такового нельзя уничтожить даже самым плохим переводом. Как бы плохо мы ни знали язык и культуру народа, создавшего миф, он все же во всем мире любым читателем будет воспринят как миф. Дело в том, что сущность мифа составляют не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем история» [2. С. 218]. Эсхатологические мифы вышли из мифов космогонических, но встречаются гораздо реже и в основном у тех народов, у которых мифология достигла высокой степени развития. Эсхатологические мифы – это повествование о грядущем во времени окончания мира. Их мотивы можно найти и в мифологии остальных народов, но в основном действительно развитые эсхатологические представления присутствуют в сложных и развитых мифологиях, и они явно имеют богословский характер: «Известны эсхатологические мифы у древних майя и ацтеков, в маздеистской религии Ирана, в христианстве (“Апокалипсис”

и пр.), в талмудическом иудаизме, в исламе, в скандинавской мифологии» [3. С. 542].

Таким образом, если концепт ‘конец истории’ или его мотивы присутствовали в мифологическом сознании древних, то затем они «перешли» в религиозное сознание, а затем и в научное. Сходство в понимании бытийственных оснований мира у разных древних

народов говорит о том, что мифология, религия и философия являются объективированными формами мировоззрения. То есть человеческое сознание рано или поздно задается онтологическими вопросами о начале и окончании бытия и выражает их последовательно в трех вышеназванных формах мировоззрения.

Список литературы

1. Акулова, И. С. Эсхатология в религиозном мировоззрении / И. С. Акулова // Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 24–27.
2. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.
3. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990.
4. Фрезер, Д. Золотая ветвь: (Исследование магии и религии): в 2 т. / Д. Фрезер. – Т. 2. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998.
5. Фрезер, Д. Фольклор в Ветхом завете / Д. Фрезер. – М.: Изд-во полит. лит., 1989.

Сведения об авторах

Акулова Ирина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Магнитогорского государственного технического университета им. Н. И. Носова.
akulova_i@list.ru

Ахметзянова Марина Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Магнитогорского государственного технического университета им. Н. И. Носова.
marinka.mgn@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 19–23.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF ESCHATOLOGICAL CONCEPTS IN MYTHOLOGY

I. S. Akulova

Magnitogorsk State Technical University named N. I. Nosov, akulova_i@list.ru

M. P. Akhmetzyanova

Magnitogorsk State Technical University named N. I. Nosov, marinka.mgn@mail.ru

The article is devoted to revealing the ontological grounds of the eschatological concepts in mythology. Later, these concepts are “switched” in more developed religious systems, philosophical paradigms and even in scientific theory. Analyzing objectified mythological worldview, the author comes to the following conclusions: in the mythology of many nations can be traced eschatological motives on the occurrence of which directly influenced the myths calendar, myths about changing eras and cosmogonic myths; eschatological human consciousness is also affected by various natural disasters and catastrophes; the ontological foundations of the emergence of the eschatological myths and concepts of the “end of history” rooted in the human mind, which tries to adapt the world “under itself” and can’t think of its infinite in time.

Keywords: eschatology; mythology; calendar myths; cosmogonic myths; ontological foundations.

References

1. Akulova I.S. Eskhatologiya v religioznom mirovozzrenii [Eschatology in religious outlook]. *Religiovedeniye* [Religion studies], 2008, no. 1, pp. 24–27. (In Russ.).
2. Levi-Strauss, K. *Strukturnaya antropo-logiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001. (In Russ.).
3. Tokarev S.A. *Ranniye formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. (In Russ.).
4. Frazer J. *Zolotaya vetv': (Issledovaniye magii i religii)* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion], vol. 2. M.: Refl-buk Publ.; Kiyev: Vakler Publ., 1998. (In Russ.).
5. Frazer J. *Fol'klor v Vetkhom zavete* [Folklore in the Old Testament: Studies in Comparative Religion, Legend and Law.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1989. (In Russ.).

УДК 902.2
ББК 63.3

И. П. Лобанкова

СИМВОЛЫ АРКАИМСКОГО МИФА КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Культура – продукт символической деятельности человека. Символ – ключ к природе человека. Символизм культуры исходит из культовой символики. Современная десакрализация культуры упразднила ее священное содержание и антропологический смысл духовных практик. Аркаимский миф помогает восстановить целостный образ человека и его сакральность в системе отношения ‘человек – мир’, что входит в задачи философской антропологии.

Ключевые слова: культура; миф; символ; ритуал; сакральность.

Культура – единство четырех слоев бытия: орудийного, образного, символического и духовно-энергийного. Согласно К. Ясперсу, предметное бытие истончается по мере его универсализации [13].

Культура сакральна и символична, в основе ее лежит символ, раскрывающий человеческую природу и специфику его трансцендентного бытия, божественное и сакральное. Трансценденция, проявляясь через природу, мифологию, философию, придаёт высший смысл человеческому бытию. Миф конституирует сознание человека в качестве реальности, образующей духовные аспекты бытия, и как продукт коллективного бессознательного миф кристаллизует универсальный опыт человека.

Понятие символа оказало воздействие на философское постижение человека. Для философской антропологии исследования символики мифа представляет интерес, поскольку обращение к символу способствует решению ряда проблем философской антропологии (антропогенез, поиск трансцендентных основ бытия, духовность, целостность человеческого бытия и преобразование его природы).

В философии символ рассматривается в ряде направлений: философия культуры (Н. Бердяев, Й. Хейзинга), герменевтика (Х. Гадамер), психоанализ (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм), философский символизм (Э. Кассирер), философия языка (Л. Витгенштейн, Ж. Лакан) и др.

Связь символа и мифа рассматривали Э. Кассирер, А. Лосев, Э. Тайлор, В. Топоров, П. Флоренский, Й. Хейзинга, М. Элиаде, К. Юнг и др.

Человек впервые обратился к символу в ритуале и мифе. Согласно М. Элиаде, в архаичном мифе «о вечном возвращении» выражены

«вечные» символы природы человека – циклическое восприятие времени, соответствующее модусу человеческого бытия; миф – прорыв трансцендентного в наш мир, священность начал мира обретает формы в мифологическом символизме. Э. Кассирер, разработав концепцию символического, игрового приспособления к природному миру, считает миф символической функцией и формой деятельности, где мифологическое мышление имеет рациональные элементы, в отличие от Л. Леви-Брюля, подчеркивающего его иррациональный, дологический характер. В теории символических форм Э. Кассирера символ – форма, в которой находит выражение проявление духа. По Кассиреру, миф – способ становления духа, имеющий свою реальность, его генезис рассматривается как структура культуры, миф – форма культуры, структурирующая жизнь этноса. Бытие человека протекает в символических формах. Миф проник во все формы культуры, их взаимовлияние образует систему символических форм отношения человека с миром.

К. Леви-Стросс, применив структурный подход, рассматривает миф как язык образов, исходя из концепции связи человечества единой структурой бессознательного, закрепившего в мышлении логику первоначального освоения мира, давшего в разных условиях разные этнические культуры. Миф снимает отрицательные события, уводит от историчности, погружив в безвременье. Миф отличается неутилитарность и свобода отношений человека со Вселенной. Ритуал – магическая деятельность, где бытие мифа из сознания переходит в эмоционально-чувственное переживание конкретных событий. Развитие культуры связано со становлением символического мышления.

А. Ф. Лосев, дав феноменологическое описание мифа, выводит его диалектическую формулу: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история. Миф есть не субстанциальное, но *энергийное*, самоутверждение личности в ее *выявительных* и *выразительных* функциях <...> смысловое явление личности, ее образ» [12. С. 195, 199]. Это энергийное, феноменальное самоутверждение личности не зависит от проблемы взаимоотношения вечности и времени. Миф – бытие, в котором новые свойства вещи возникли в результате воплощения в ней более высокого или общего смысла. «Миф есть живое, символически-выразительное, бытие. Вещь, ставшая символом, есть уже миф. Вещь не просто осмысливается мифологически, но энергийно воплощает в себе новую сущность и объективно обретает новые свойства. Мифическая отрешенность есть отрешенность фактов по их *иде*е от их обычного идейного состава и назначения. Миф – это символ, т. е. вещь, которая означает то, что она есть по существу» [12. С. 67, 186].

«У Лосева, миф – тождество идеального и материального, становление идеи как бытия в символе. Внешняя проявленность мифа – символ. Структуры символа и первосущности (бытия самого по себе) совпадают, но символ выражается энергийно (лично). Миф – развёрнутый осуществлённый символ, коммуникация человека и Бога (открытость Бога в энергии, осуществление символа)» [3].

Так, предметность и энергийность в символе – это онтологическое единство внутреннего и внешнего, сущности и энергийного выражения вовне. Рассмотрим онтологическое единство предметности и энергийности в символе на примере археологического памятника Аркаим.

Аркаим – протогород Зауральской степной цивилизации эпохи бронзы (XXI–XVIII в. до н. э.). Это укрепленное поселение в форме круга, опоясанное рвом и рекой, два кольца оборонительных сооружений (были контуры и третьего кольца), два кольца жилищ, круговая улица, в центре – площадь. Четыре входа ориентированы по сторонам света.

На Южном Урале открыта цепь городов подобного типа (22 памятника), условно названная «Страна городов». Эти укрепленные поселения с планировкой в форме овалов, кругов, квадратов относят к синташтинской археологической культуре, которую исследо-

ватели связывают с ранними индоиранцами. Население Зауральской степи эпохи бронзы (конец III – начало II тыс. до н. э.) говорило на индоиранском языке. По группе крови и антропологическим признакам жители «Страны городов» – протоиндоевропейцы. Аркаим – исток индоиранской цивилизации, древний символ когда-то единой индоевропейской общности [7]. Концептуализация аркаимской культуры основана на принятии гипотезы исследователей (Е. Е. Кузьмина, Т. Я. Елизаренкова, И. М. Стеблин-Каменский, Г. М. Бонград-Левин, Э. А. Грантовский, М. Бойс, И. М. Дьяконов, К. Ф. Смирнов, В. Н. Топоров, В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович), локализующими прародину индоиранцев в степях Урала в эпоху бронзы [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 16].

Согласно Е. Е. Кузьминой, реконструированной культуру ариев (индоиранской ветви индоевропейцев) на основе анализа текстов Ригведы, Атхарваведы, Шатапатха-Брахманы, Авесты, «сопоставление индоиранских источников с археологическими культурами Древнего мира II тыс. до н. э. позволяет считать наиболее вероятными предками ариев создателей памятников Синташта – Аркаим на Урале XXI–XVIII в. до н. э.» [10. С. 4].

Аркаим – культурный символ, имеющий сакральную силу мифологических символов с архетипическим содержанием, отражающим представления о сущности вещей, явлений и процессов земного, социального и небесного, сверхъестественного характера, превратился в загадку, разгадывание её погружает во внутреннюю жизнь аркаимской культуры.

Индоиранская культура жителей Аркаима формирует свои мифы и символические системы, составляющие основу ритуалов, они представлены в архитектуре, очагах, орнаментах, утвари, культурном ландшафте. Единое символическое ядро, служащее объединяющим началом для социальной общности аркаимцев, – символы, репрезентирующие сообщество и служащие знаками его консолидации – закрепленные в географическом пространстве артефакты (городище-крепость в форме круга, курганы); закрепленные в социальном пространстве человеческие типы (элитарная субкультура военной аристократии – гробницы военно-жреческой элиты с погребением лошадей, колесниц, культовых предметов из металла); закрепленные в культурной памяти образы мира (сакральное про-

странство, гора в центре округа «Арийский простор», культурные герои), отраженные в культурном ландшафте, курганных захоронениях, погребальных обрядах, мифах. Процесс символизации пространства жизни – условие существования социума как единой системы. Это условие коммуникации, в ходе которой происходит дифференциация мира жизни на «свой» и «чужой» (круглые городища «Страны городов» и поздние квадратные городища петровской культуры). Символизация пространства формирует самосознание жителей Аркаима [11].

Так, аркаимские символы – средство объединения людей в социальные группы; способ идентификации (фиксация социальных статусов); межкультурной коммуникации; адаптации к культурной среде и регуляции поведения в ритме коллектива и природы; постижения идей, ценностей, принятых в культуре в процессе социализации, а толкующие их традиции закреплены в мифе.

Символы аркаимской культуры – архитектурно-планировочное решение городища в форме индийской мандалы со свастикой и иранской вары, предметы быта, искусства, мифологические образы, ритуалы. В эпоху бронзы любая вещь имела культурный смысл и представляла символ, связанный с предельными основаниями культурной экзистенции.

В аркаимской архитектуре заложены величайшие достижения древних цивилизаций в плане реализации пространственного видения (поселения в форме круга, квадрата – связь с Вселенной). Такой сложности архитектуры нет во всем степном евразийском пространстве. Древний человек осмыслял жизнь как акт космогонии. Города строились согласно представлениям об устройстве Вселенной (идеальное в материальном). Строительство Аркаима – ритуал, космогония, акт творения Вселенной. В его основе – модель космоса, вара, мандала, Вселенная. Круг в архаическом мировоззрении означал целостность, символ мироздания, границу, разделяющую мир Космоса и Хаоса (энергичное в предметном).

Согласно индоевропейскому мифу, первоначально был хаос. Начало творению дали воды, из них оформилось яйцо (символ космогенеза) и раскололось на две половины – небо и землю. В космогонических мифах Верховный Принцип (Абсолют) создает Яйцо, из него выходит Творческий Принцип, Демиург

и начинает работу по созданию Мира, он сопоставим с Брамой в индийской космогонии, который исходит из вселенского яйца (бесконечного хаоса) в виде света и двигает вечные воды своим божественным духом. Выделившись из мировой души, Первопричины, Брами эманурует из себя природу. Брама и вселенная – единое Существо.

Самой древней формой укреплений в «Стране городов» был овал, затем появились круги, позже – квадраты. Островное положение Аркаима, окруженного речками Караганка и Утяганка (символ мировых вод), входит в понятие структуры Вселенной. По индоевропейской мифологии круг – космическая модель, мандала, женское начало. С женщиной связан Запад и левая сторона (входы в круглых поселениях обращены на запад – налево). Женщина играет жреческую роль. Квадрат – мужское начало (в квадратных поселениях входы обращены на восток – направо).

Так, создавая города в форме кругов и квадратов, люди эпохи бронзы в ритуале моделировали структуру Вселенной, отождествляясь с персонажем мифа, проделывали то, что делал Йима в мифические времена. Форма Аркаима позволяет сравнить ее с мифами о первопродке, царе индоиранцев, названном в Авесте Йима, в Ригведе Яма, у нуристанских кафиров Имра. Ряд ученых (А. П. Медведев, И. В. Пьянков, И. М. Стеблин-Каменский) [14; 17] выдвинул гипотезу о связи конструкции Аркаима с авестийской варой – обителью праведников, построенной Йимой по указанию Ахура-Мазды для спасения от стихийных бедствий. Авеста содержит детали ее строительной «технологии» – глинобитная крепость круглой формы с тремя кругами укреплений. По мнению ученых, архетип вара сформирован в эпоху бронзы. Вара, находящаяся в Арианам-Вэйджа – прародине Ариев, – символ эсхатологического мифа, начинается с космогонии (строительство города-архетипа), заканчивается эсхатологией – историей о конце Света, Всемирном потопе, спасении праведников.

Аркаим – воплощение мифологического архетипа ‘священный город – центр мира’ в связи с круглой планировкой, центром на площади, где выявлены прокалы от огня, горевшего в ритуальные праздники. Это место социальных контактов, ритуальных действий, центр, прорыв уровней, сакральное пространство, где происходит иерофания, проявляются

образы, идущие с Неба. Это воплощение живого мифа – энергичное, феноменальное самоутверждение личности, совершающей ритуал. Связь с Небом используется для жертвоприношений богам и просьбы о помощи. Центральный столб жилища, спроецированный в Центр Мира – символ общения с Небом воплощает в себе энергии высшей сущности.

В Аркаиме обожествляли жертвенный огонь – Агни. Обряды поклонения огню, солнцу реконструированы по проколам от огня в храмово-погребальном комплексе Большого Синташтинского кургана, на аркаимской площади; солярным свастическим знакам в плане городища, орнаментах на предметах обихода, украшениях, керамике; жертвоприношениям богу Агни на дне колодца-печи – модели мира. Печь-колодец связана с обрядом в области металлургии. В ней плавил металл и переживали общение с трансцендентным уровнем в ритуале поклонения богу Агни, участвовавшему в демиургическом процессе творения металла из руды. «На дне печи-колодца обнаружены остатки жертвоприношений богу Агни – иллюстрация индоевропейского мифа рождения огня. Согласно мифу о возникновении света в изначальном хаосе, Агни рожден в водах: «Бог Агни родился из воды темной и таинственной». Подземные воды колодца способствуют печной тяге, которая раздувает огонь и родит Агни, плавящего металл. Это модель творения космоса» [8. С. 38].

Так, духовная жизнь человека аркаимской культуры выражена символически через зна-

ки и культ как прообраз осуществленных божественных тайн. Предметность и энергичность в аркаимских символах – это онтологическое единство внутреннего и внешнего, сущности и энергичного выражения вовне, духа и материи, это микрокосм в макрокосме.

Символ, воплощаясь в ритуале, порождает миф, привнося в действительность новые свойства, связанные с воплощением более общего смысла. Сакральность – энергия сущности символа, его способность действовать в эмпирической реальности благодаря ритуалу. Эмпирическая вещь может стать мифологической, если в ней возникают новые свойства, связанные с воплощением более общего смысла, и может стать сакральным символом, если она воплощает в себе энергии высшей сущности [15]. Вещи в мифе, оставаясь теми же, приобретают особый смысл.

Так, сакральные символы аркаимской культуры через ритуал порождают миф, который способствует решению таких проблем философской антропологии, как раскрытие человеческой природы, восстановление целостного образа человека, духовности, постижение трансцендентных основ бытия, протекающего в символических формах в системе отношения 'человек – мир'. Аркаимский символ – форма выражения представлений, имеющих разные смысловые грани для интерпретации, расшифровка которых предполагает определенный временной идейно-мировоззренческий контекст.

Список литературы

1. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. – СПб.: Центр «Петербург. востоковедение», 1994.
2. Бонград-Левин, Г. М. От Скифии до Индии / Г. М. Бонград-Левин, Э. А. Грантовский. – М.: Мысль, 1983.
3. Буктеров, М. Диалектика мифа в учении А. Ф. Лосева / М. Буктерев. – URL: <http://liternet.bg/publish6/mbukterov/dialektika.htm>.
4. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг; УрО РАН; ЧелГУ. – Ч. 1. – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 1992.
5. Дьяконов, И. М. Восточный Иран до Кира / И. М. Дьяконов // История Иранского государства и культуры. – М., 1971.
6. Елизаренкова, Т. Я. Слова и вещи в Ригведе / Т. Я. Елизаренкова. – М.: Восточ. лит. РАН, 1999.
7. Зданович, Г. Б. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. – Челябинск, 2007.
8. Зданович, Г. Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация / Г. Б. Зданович // Аркаим. – Челябинск, 1995. – С. 21–42.

9. Иванов, В. В. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты / В. В. Иванов // Комплексные общества Центральной Евразии. – Челябинск, 1999. – С. 45–48.
10. Кузьмина, Е. Е. Арии – путь на юг / Е. Е. Кузьмина; Рос. ин-т культурологии. – М.: Лет. сад, 2008.
11. Лобанкова, И. П. Историко-культурное наследие Аркаима как теоретико-практическая модель осмысления культуры / И. П. Лобанкова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 4. – История. – Вып. 23. – С. 68–74.
12. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев; сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994.
13. Невелев, А. Б. Человек – это место любящего бытия / А. Б. Невелев. – URL: www.zenon74.ru/krug-obsheniya/chelovek-eto-mesto-lyubyashchego-bytiya.
14. Стеблин-Каменский, И. М. Арийско-Уральские связи мифа об авестийском царе Йиме и индоиранской *vare* / И. М. Стеблин-Каменский // Россия и Восток: материалы конф. – Ч. 5, кн. 1. – Челябинск, 1995. – С. 166.
15. Тарнапольская, Г. М. Сакральность символа в мифологическом бытии / Г. М. Тарнапольская // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – Вып. 14 а. – Улан-Удэ, 2009. – С. 104–107.
16. Топоров, В. Н. Индоевропейская мифология / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – Т. 1 – М., 1991. – С. 527–535.
17. Medvedev, A. P. The Avestan “Yima’s Town” in Historical and Archaeological Perspective / A. P. Medvedev // Complex Societies of Central Eurasia from the 3-rd to 1-st Millennium BC. – Vol. I. – Washington D.C., 2002.

Сведения об авторе

Лобанкова Инна Петровна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии, политологии и права Уфимского государственного университета экономики и сервиса
 izar77@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
 Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 24–29.*

THE SYMBOLS OF THE ARKAIM’ MYTH AS THE OBJECT OF THE PHILOSOPHY ANTHROPOLOGY

I. P. Lobankova

Ufa State University of Economics and Service, izar77@mail.ru

The culture is the product of the symbolic activity of man. The symbol is the key to the nature of man. The symbolism of the culture comes from the cult symbolic. The contemporary desacralization of the culture annuls its sacred content and the anthropology sense of spirit practices. The Arkaim’ myth helps to restore the integrity image of a man and its sacred in the system of the relation “man – world”, it is the problem of the philosophy anthropology.

Keywords: culture; myth; symbol; ritual; sacred.

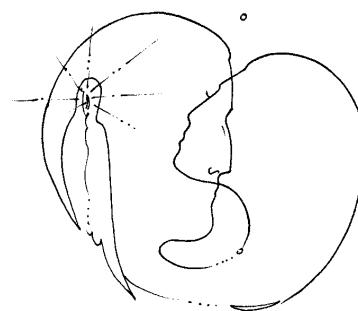
References

1. Boyce M. *Zoroastriytsy. Verovaniya i obychai* [Zoroastrians. Beliefs and customs] / M. Boys. Sankt-Petersburg, Tsentr Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 1994. (In Russ.).
2. Bongrad-Levin G.M., Grantovskiy E.A. *Ot Skifii do Indii* [From Scythia to India]. Moscow, Mysl’, 1983. (In Russ.).
3. Bukterov M. *Dialektika mifa v uchenii A. F. Loseva* [Dialectics of myth in the teaching Losev]. Available at: <http://liternet.bg/publish6/mbukterov/dialektika.htm>, accessed 20.04.2015. (In Russ.).

4. Gening V.F., Zdanovich G. B., Gening V.V. Sintashta: *Arkheologicheskiye pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Sintashta Archaeological Monuments Aryan tribes Ural-Kazakhstan steppes], vol. 1. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1992. (In Russ.).
5. D'yakonov I.M. *Vostochnyy Iran do Kira* [Eastern Iran to Cyrus]. Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury [History of the Iranian state and culture]. Moscow, 1971. (In Russ.).
6. Yelizarenkova T.Ya. *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and things in the Rig Veda]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1999. (In Russ.).
7. Zdanovich G.B., Batanina I.M. *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy)* [Arkaim as a Country of Cities: space and images (Arkaim: Horizons of studies)]. Chelyabinsk, 2007. (In Russ.).
8. Zdanovich G.B. *Arkaim: Aarii na Urale ili nesostoyavshayasya tsivilizatsiya* [Arkaim: Aria in the Urals or abandoned civilization]. Arkaim. Chelyabinsk, Kamennyy poyas Publ., 1995, pp. 21–42. (In Russ.).
9. Ivanov V.V. *K voprosu o vozmozhnoy lingvisticheskoy interpretatsii otkrytiya Arkaima i Sintashty* [On the question of possible linguistic interpretation of the discovery of Arkaim and Sintashta]. Kompleksnyye obshchestva Tsentral'noy Yevrazii [Complex Society of Central Eurasia]. Chelyabinsk, 1999, pp. 45–48. (In Russ.).
10. Kuz'mina Ye.Ye. *Aarii – put' na yug* [Aria – way to the South], Moscow, Letniy sad, 2008. (In Russ.).
11. Lobankova I. P. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе Arkaima kak teoretiko-prakticheskaya model' osmysleniya kul'tury* [Historical and cultural heritage Arkaima both theoretical and practical understanding of the culture model]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 23, pp. 68–74. (In Russ.).
12. Losev A.F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]; A.A. Takho-Godi, I.I. Makhan'kova (eds.). Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ.).
13. Nevelev A.B. *Chelovek – eto mesto lyubyashchego bytiya* [Man as a place being a loving]. Available at: www.zenon74.ru/krug-obsheniya/chelovek-eto-mesto-lyubyashchego-bytiya, accessed 20.04.2015. (In Russ.).
14. Steblin-Kamenskiy I.M. *Ariysko-Ural'skiye svyazi mifa ob avestiyskom tsare Yime i indoiranskoy vare* [Aryan myth of the Ural due king Avestan Yima, and Indo-Iranian vary]. Rossiya i Vostok: materialy konferentsii [Russia and the East: conference materials], vol. 5, part 1. Chelyabinsk, 1995, p. 166. (In Russ.).
15. Tarnapol'skaya G.M. *Sakral'nost' simvola v mifologicheskoy bytii* [Sacred symbol of the mythological being]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University], 2009, no. 14 a, pp. 104–107. (In Russ.).
16. Toporov V.N. *Indoyevropeyskaya mifologiya* [Indo-European mythology]. Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of nations of the world: Encyclopedia], vol. 1. Moscow, 1991, pp. 527–535. (In Russ.).
17. Medvedev A.P. *The Avestan “Yima’s Town” in Historical and Archaeological Perspective* [The Avestan «Yima’s Town» in Historical and Archaeological Perspective]. Complex Societies of Central Eurasia from the 3-rd to 1-st Millennium BC [Complex Societies of Central Eurasia from the 3-rd to 1-st Millennium BC], vol. I. Washington D.C., 2002. (In Russ.).

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

УДК 34.01
ББК 67

Э. Р. Исева

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ И ПРАВОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ

Предлагается оригинальная интерпретация взаимодействия правовой традиции и правовой преемственности в условиях переходной эпохи общественного развития, основанная на восходящем к В. Дильтею представлению о пограничном положении права между системами культуры и институциональной системой социального порядка. Обосновывается исследовательская позиция, предполагающая, что в социокультурном дискурсе эволюции правовой культуры и институтов права в переходный период должны рассматриваться как одновременно, но параллельно развивающиеся процессы, взаимодействующие на основе нелинейных корреляционных, а не линейных причинно-следственных связей, что придаёт аналогичный нелинейный характер правовой преемственности.

Ключевые слова: право; традиция; преемственность; переходная эпоха; Дильтей; корреляция; нелинейность.

Значимость права как универсального инструмента регулирования всей системы общественных отношений особенно возрастает в условиях социальных трансформаций, возникающих на переходных этапах в развитии общества. Независимо от того, насколько масштабны и глубоки бывают происходящие преобразования, их проведение всегда требует юридического обеспечения, а успешность конечных результатов в немалой степени определяется адекватностью законодательных и правоприменительных новшеств не только потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня, но и возможностям, заложенным для них днём вчерашним.

Последнюю проблему в юридической науке принято исследовать в категориальных рамках «правовой традиции» и «правовой преемственности», трактуемых в качестве важнейших компонентов, обеспечивающих естественный, органичный характер правовой эволюции. Как отмечает, например, известный российский историк права

В. Т. Графский, «право в его социальном измерении предстает не столько в пространственном или одномоментном действии, сколько в действии длящемся – долговременном или краткосрочном, постоянном (преемственном) или преходящем» [2. С. 74].

Актуальность новому обращению юриспруденции к изучению вопросов правовой традиции и правовой преемственности придали фронтальные по своему характеру преобразования, происходящие в отечественной правовой системе в условиях переживаемого обществом с конца 1980-х гг. переходного этапа развития. Для созданных в последние десятилетия исследований российских правоведов характерно сосредоточение внимания на обнаружении и детальном анализе конкретных связей, аналогий и аллюзий между текущим и предыдущими (главным образом, советским) состояниями законодательства и правоприменительной практики, а также попытки выявления закономерностей, определяющих правовую эволюцию в

условиях переходного времени [5; 6; 9; 10; 11; 12].

В то же время в других социальных науках, включая философию, проблемы правовой преемственности и правовой традиции пока крайне редко подвергаются изучению, оставаясь на периферии в работах, рассматривающих общие проблемы социальной трансформации общества [3; 7]. При этом следует учитывать, что накопившийся к настоящему времени эмпирический материал, позволяющий проследить ход правовых преобразований и их воздействие на развитие посткоммунистических стран, включая Россию и другие государства бывшего СССР, даёт основания для неоднозначной оценки как содержания, так и результативности этих преобразований, особенно с точки зрения реакции на них общественного сознания [17; 18; 20]. Эти обстоятельства, на наш взгляд, диктуют необходимость более широкого, по возможности, ретроспективного взгляда на роль правовой традиции и правовой преемственности, позволяющего рассмотреть современные особенности проявления этих сторон эволюции правовых систем в общем контексте трансформационных процессов переходной эпохи.

В настоящей статье обосновывается возможный вариант реализации такого подхода, основанного на интерпретации правовой традиции и правовой преемственности не в формально-юридическом, а в социокультурном дискурсе.

Социокультурная феноменальность права проистекает из общей пограничности его положения в обществе. С одной стороны, право является универсальным способом организации социального порядка, регулятором всей структуры социальных отношений в обществе. С другой стороны, право является продуктом сознательной деятельности человека, отражающим его представления о социуме, формирующиеся в рамках определённой, исторически детерминированной культуры.

Убедительное объяснение этой двойственной и одновременно пограничной феноменальности права между системами культуры и системами внешней организации общества (институциональными системами в современной терминологии) было дано одним из выдающихся представителей философской мысли рубежа XIX–XX вв. Вильгельмом Дильтеем в рамках разработки им теоретико-методологических оснований гуманитарного знания.

«В праве, – писал В. Дильтей, – как в основании общественного сосуществования людей, системы культуры еще не отделены от внешней организации общества <...> оно представляет собой нерасчлененное единство». «Каждое правовое понятие включает в себе момент внешней организации общества», и в то же время «право есть целевая совокупность, основанная на правовом сознании как постоянно действующем психологическом факторе». Отсюда, заключал немецкий философ, вытекает, что «целевая совокупность права представляет собой коррелят внешней организации общества; оба этих явления в каждый момент рядоположены друг другу, существуют одно подле другого, то есть не связаны друг с другом как причина и следствие, но каждое нуждается в другом как в условии своего бытия. Это отношение есть наисложнейшая и наиважнейшая форма каузальной связи; осмысление его возможно лишь в рамках теоретико-познавательного и логического основоположения наук о духе» [4. С. 330–331].

В. Дильтей, конечно, не явился первооткрывателем двойственности права, но принципиальное значение, на наш взгляд, имело его указание на то, что каузальная связь, реализующаяся внутри системы права между её составляющими, которые в современной терминологии, принятой в юриспруденции, обозначаются как правовая культура и институты права, не носит причинно-следственного, то есть линейного характера, а скорее относится к связям корреляционного нелинейного свойства. В современных системных теориях нелинейным связям уделяется большое внимание, и в этом отношении можно говорить о предвосхищении подобного понимания немецким философом. Последнее служит ещё одним подтверждением того, что, как подчёркивается в современной историко-философской литературе, В. Дильтею принадлежит «формулирование нового основоположения познания в целом» [8. С. 14].

Охватившая более трёх столетий практика правовых реформ, проводившихся в различных регионах и странах в эпоху перехода к обществу modernity, равно как и реформ, вызванных к жизни социальными трансформациями современной эпохи глобализации, рисует очень пёструю зигзагообразную картину хода самих реформ (широкую вариативность их разработки и реализации, различные со-

четания реформ и контрреформ) и ещё более разнообразную нестабильную картину динамики изменений правовых представлений в общественном сознании.

Анализируя *postfactum* произошедшие правовые изменения, прежде всего посредством сопоставления действующего позитивного права и его предшествующих форм, историки права обнаруживают наличие многочисленных прямых и косвенных заимствований, иногда уходящих далеко назад в историю права, вплоть до норм обычного права. Правовая традиция предстаёт в этом плане крайне неоднородным явлением, своего рода огромным хранилищем правовых норм, то извлекаемых и модифицируемых, то отправляемых обратно и становящихся предметом чисто исторического интереса, а правовая преемственность обретает черты «машин времени», соединяющей нормы, отстоящие друг от друга на самые разные временные дистанции.

Обобщая, можно сказать, что даже с чисто легистской точки зрения, до сих пор широко принятой в юридической науке, в переходный период развития общества, а в меньшей степени и после его завершения, позитивное право представляет собой в лучшем случае синтез (а в худшем – амальгаму) правовых норм различного пространственно-временного генеза. Красноречивым современным примером является законодательство почти всех посткоммунистических стран, включая и Россию, в котором нормы, восходящие к традиционному национальному праву, праву собственно коммунистического периода развития и широким заимствованиям из континентального романо-германского права сосуществуют в одном законодательном поле, в практике правоприменения постоянно порождая различные коллизии, требующие специального толкования высшими конституционно-правовыми и судебно-правовыми инстанциями [16].

Может быть, ещё более показательным примером неоднородности правового поля обществ переходного типа является более или менее широкое распространение в них, наряду с позитивным правом, неформального «теневого» права, чаще всего в наиболее затрагивающей повседневные интересы людей экономической сфере [1]. Подобное «право», чаще всего не фиксируемое в виде нормативных письменных текстов, тем не менее в значительной мере определяет поведение людей

и формирует их отношение к позитивному праву. Анализ этой стороны регулирования социального поведения людей показывает присутствие в нём неформальных норм, апеллирующих к «здоровому смыслу», но опирающихся при этом иногда на очень глубинные архаичные представления о праве, восходящие к временам ранней социальности. Иначе говоря, и на этом уровне «неправового», но вообще-то тоже позитивного (в смысле реально действующего регулятора социальных взаимодействий) права прослеживаются аналогичные несистематизированность (сочетание различных оснований) и амальгамированность. В итоге, как отмечается в современной литературе, в странах, переживающих переходный период, возникает своего рода парадокс: «в государственном управлении обязательная власть закона одновременно увеличивается и снижается» [15. Р. 2].

Нам представляется, что возможное объяснение своеобразия правовой ситуации, возникающей в обществе в условиях переходного периода, кроется как раз в отсутствии линейной каузальной связи правовой культуры и правовых институтов, о котором писал В. Дильтей, и в приобретении в такой ситуации правовой преемственностью нелинейного характера. Фактически речь надо вести о взаимодействии двух видов правовой традиции и двух видов правовой преемственности, эволюционирующих соответственно в культурно-духовной сфере и в институционально-правовой сфере общества – взаимодействии, основанном на корреляции определённых, прежде всего ценностных элементов традиции и преемственности. В подтверждение возможности такого корреляционного характера взаимодействия допустимо, в частности, сослаться на мнение создателя одной из наиболее распространённых в социальном знании теорий традиции Э. Шилза, согласно которому традиция как таковая всегда гетерогенна и в каждый конкретный момент времени «является амальгамой устойчивых элементов, приращений и инноваций» [19. Р. 44–45].

Правовая культура в социально-стратифицированном обществе не может не быть дифференцированной, и процессы изменений, происходящие в коллективных представлениях разных страт (тем более в обществе, переходящем к стадии *modernity* или трансформирующемся в границах этой стадии), объ-

активно приобретают крайне неравномерную динамику. В то же время институциональные изменения права, хотя, безусловно, и отражают происходящие в обществе социокультурные сдвиги, но лишь до известной степени, поскольку являются продуктом целенаправленной управленческой деятельности государственной бюрократии, руководствующейся своими собственными рационалистическими представлениями о содержании позитивного права. «Сам правовой принцип (формальное равенство, равенство в свободе, запрет агрессивного насилия), – отмечается в современной институциональной теории права, – достигается и проявляется лишь в определенном социокультурном контексте, в специфической социальной реальности <...> Следовательно, вне этого контекста прескриптивные юридические тексты могут существовать только как модели, которым не соответствует социальная практика» [14. С. 7].

С некоторой долей упрощения можно сказать, что здесь проявляется имманентное противоречие между культурно-правовой и институционально-правовой традициями в их ценностном основании. Содержательным ядром первой является представление о праве как средстве обеспечения общественной справедливости, а второй – как средстве обеспечения социального порядка. В результате в первом случае правовая преемственность заключается в преемственности идеи справедливости и других сопряженных с ней в данной культуре идей, во втором – в аналогичной преемственности идей порядка, управляемости, трактуемых властью в качестве обязательных условий социально-экономического развития и социально-политической стабильности.

Конечно, между этими традициями нет непреодолимой границы, как в силу их бытования в рамках одной и той же социокультурной реальности, так и достижимости того или иного принимаемого за допустимый уровня справедливости лишь при соответствующем уровне сохранения социального порядка. Но в условиях одновременно и неравномерно происходящих в обществе в переходный период процессов дезинтеграции прежних социокультурных оснований и встречной консолидации новых социокультурных оснований рациональные соображения сохранения управляемости обществом в сознании властной элиты и её бюрократического управленческого слоя неизбежно становятся определяющими.

Отсюда вытекает, как правило, более быстрая трансформация институционально-правовой сферы на фоне медленной трансформации культурно-правовой сферы. Корреляция изменений в этих сферах то ослабевает, то усиливается, и диапазон её колебаний может при определенном стечении внешних и внутренних факторов привести к столь серьезной разбалансировке всей правовой системы, что поставит под угрозу целостность общественного организма.

Предложенная здесь в самом общем ракурсе возможная социокультурная интерпретация эволюции правовой традиции и правовой преемственности в условиях переходных этапов общественного развития, естественно, нуждается в дальнейшем апробировании применительно к конкретному исследованию правовых преобразований различного характера, в том числе и на российском историческом материале.

Список литературы

1. Баранов, В. М. Теневое право / В. М. Баранов. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД, 2002.
2. Графский, В. Т. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен / В. Т. Графский // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М.: ИГиПРАН, 1996.
3. Данилов, А. Н. Переходное общество: (Проблемы системной трансформации) / А. Н. Данилов. – Минск: Харвест, 1998.
4. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей. – Т. 1. Введение в науки о духе. – М.: Дом интеллектуал. кн., 2000.
5. Литвинович, Ф. Ф. Преемственность в праве: вопросы теории / Ф. Ф. Литвинович. – Уфа: Изд-во Восточ. ун-та, 2003.
6. Медушевский, А. Н. Российская правовая традиция – опора или преграда?: доклад и обсуждения / А. Н. Медушевский. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

7. Мошелков, Е. Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Мошелков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
8. Плотников, Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея / Н. С. Плотников. – М.: Дом интеллектуал. кн., 2000.
9. Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии России / под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: ИГиП РАН, 1996.
10. Рыбаков, В. А. Способы развития национального права / В. А. Рыбаков. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006.
11. Сорокин, В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода / В. В. Сорокин. – М.: Юрлитинформ, 2010.
12. Сорокин, В. В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы / В. В. Сорокин. – М.: Юрлитинформ, 2003.
13. Тихомиров, Ю. А. Право официальное и неформальное / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2005. – № 5. – С. 80–87.
14. Четвернин, В. А. Институциональная теория права / В. А. Четвернин, А. В. Яковлев. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009.
15. Benda-Beckmann, F. von. Rules of Law and Laws of Ruling: Law and Governance between Past and Future / F. von Benda-Beckmann, K. von Benda-Beckmann, J. Eckert // Rules of Law and Laws of Ruling. On the Governance of Law / eds. by F. von Benda-Beckmann, K. von Benda-Beckmann, J. Eckert. – Farnham, Surrey: Ashgate Publishers, 2009.
16. Dupré, C. Importing the Law in Post-Communist Transition / C. Dupré. – Oxford-Portland, OR: Hart Publishing, 2003.
17. Prospects for Constitutionalism in Post-Communist Countries / ed. by L. Gnenç. – The Hague: MartinusNijhoff Publishers, 2002.
18. Russia, Europe, and the Rule of Law / ed. by F. Feldbrugge. – Leiden: MartinusNijhoff Publishers, 2007.
19. Shils, E. Tradition / E. Shils. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1983.
20. Spreading Democracy and the Rule of Law? The Impact of EU Enlargement on the Rule of Law, Democracy and Constitutionalism in Post-Communist Legal Orders / eds. by W. Sadurski, A. Czarnota, M. Krygier. – Dordrecht: Springer, 2006.

Сведения об авторе

Исева Эльвира Рамилевна – аспирант кафедры философии, политологии и права Уфимского государственного университета экономики и сервиса.
filosofiya80@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 30–35.*

SOCIOCULTURAL INTERPRETATION OF LAW TRADITION AND LAW CONTINUITY DURING A TRANSITIONAL PERIOD

E. R. Iseeva

Ufa State University of Economics and Service, filosofiya80@mail.ru

The article considers an original interpretation of law tradition and legal continuity interaction in the conditions of a transitional period of social development, based on Wilhelm Dilthey's idea concerning the borderline position of law between the systems of culture and institutional system of social order.

Keywords: law; tradition; continuity; transitional period; correlation; nonlinearity.

References

1. Baranov V.M. *Tenevoye pravo* [Shadow Law]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Publ., 2002. (In Russ.).
2. Grafskiy V.T. *Traditsii i obnovleniye v prave: tsennostnoye izmereniye peremen* [Tradition and Innovation in the law: value dimension changes]. Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovleniye [Problems Count value approach in law: tradition and renewal]. Moscow, IGI PRAN Publ., 1996. (In Russ.).
3. Danilov A. N. *Perekhodnoye obshchestvo: (Problemy sistemnoy transformatsii)* [Transitional society (problems of systemic transformation)]. Minsk, Kharvest Publ., 1998. (In Russ.).
4. Dilthey V. *Sobraniye sochineniy, t. 1. Vvedeniye v nauki o dukhe* [Collected Works, vol. 1. Introduction to the science of the spirit]. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 2000. (In Russ.).
5. Litvinovich F.F. *Preyemstvennost' v prave: voprosy teorii* [Continuity in law: questions of the theory]. Ufa, Izdatel'stvo Vostochnogo universiteta Publ., 2003. (In Russ.).
6. Medushevskiy A.N. *Rossiyskaya pravovaya traditsiya – opora ili pregrada?: doklad i obsuzhdeniya* [Russian legal tradition – a support or barrier?: report and discussion]. Moscow, Fond «Liberal'naya missiya» Publ., 2014. (In Russ.).
7. Moshchelkov Ye.N. *Perekhodnyye protsessy v Rossii: (Opyt retrospektivno-komparativnogo analiza sotsial'noy i politicheskoy dinamiki)* [Transients in Russia: (Previous retrospective comparative analysis of the social and political dynamics)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1996. (In Russ.).
8. Plotnikov N.S. *Zhizn' i istoriya. Filosofskaya programma Vil'gel'ma Dil'teya* [Life and History. Wilhelm Dilthey's philosophical program]. Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 2000. (In Russ.).
9. *Preyemstvennost' i novizna v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii* [Continuity and novelty in the state and legal development of Russia], V.S. Nersesyants (ed.). Moscow, IGI PRAN Publ., 1996. (In Russ.).
10. Rybakov V.A. *Sposoby razvitiya natsional'nogo prava* [Methods of national law]. Omsk, Nauka Publ., 2006. (In Russ.).
11. Sorokin V.V. *Obshcheye ucheniye o gosudarstve i prave perekhodnogo perioda* [General theory of State and Law in Transition]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. (In Russ.).
12. Sorokin V.V. *Pravovaya sistema perekhodnogo perioda: teoreticheskiye problemy* [Legal system in transition: theoretical problems]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2003. (In Russ.).
13. Tikhomirov Yu.A. *Pravo ofitsial'noye i neformal'noye* [Right formal and non-formal]. Zhurnal rossiyskogo prava [Magazine of Russian Law], 2005, no. 5, pp. 80–87. (In Russ.).
14. Chetvermin V.A., Yakovlev A.V. *Institutsional'naya teoriya prava* [Institutional Theory of Law]. Moscow, GU-VSHE Publ., 2009. (In Russ.).
15. Benda-Beckmann F. von., Benda-Beckmann K. von., Eckert J. Rules of Law and Laws of Ruling: Law and Governance between Past and Future. *Rules of Law and Laws of Ruling. On the Governance of Law*, by F. von Benda-Beckmann, K. von Benda-Beckmann, J. Eckert (eds.). Farnham, Surrey, Ashgate Publishers, 2009.
16. Dupré C. *Importing the Law in Post-Communist Transition*. Oxford-Portland, OR: Hart Publishing, 2003.
17. *Prospects for Constitutionalism in Post-Communist Countries*, L. Gnenç (ed.). The Hague: MartinusNijhoff Publishers, 2002.
18. *Russia, Europe, and the Rule of Law*, F. Feldbrugge (ed.). Leiden, MartinusNijhoff Publishers, 2007.
19. Shils E. *Tradition*. Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1983.
20. *Spreading Democracy and the Rule of Law? The Impact of EU Enlargement on the Rule of Law, Democracy and Constitutionalism in Post-Communist Legal Orders*, W. Sadurski, A. Czarnota, M. Krygier (eds.). Dordrecht, Springer, 2006.

УДК 391
ББК 63.5

Л. А. Иткулова

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО, ДУШЕВНОГО И ДУХОВНОГО ОБЩЕНИЯ ДРЕВНИХ БАШКИР

Осмысление метафизических оснований общения требует изучения самого субъекта социального, душевного и духовного общения, т. е. древних башкир. Гармония их взглядов на природу обусловлена определённой «заданностью» смысловых и символических тем. Метафизический смысл башкирского этноса и сами законы-тенденции становления душевного и духовного мира общения древних башкир оппозиционен современному индустриальному обществу, в котором господствует узкопрагматический потребительский дух. Мы призваны поэтому возвыситься над обществом социально-групповых ориентаций, подняться к миру «неиндивидуалистической», точнее, надындивидуальной культуры, основанной на идее дополнительности культур.

Ключевые слова: общение; метафизические основания общения; социальное; душевное и духовное общение; мировоззрение древних башкир; поиск бессмертия; Урал-батыр.

Общение представляет собой совершенно особое, уникальное свойство человеческой природы. Условием для общения выступает способность к сотрудничеству, к совместным усилиям для достижения определенных целей. В этом смысле потребность в общении породила культуру, которая является необходимым посредником всех форм общения. Общение может протекать в форме обмена как духовными, так и материальными ценностями; оно может быть личностно-экзистенциальным, непосредственным («здесь и сейчас») или опосредованным. Опосредованное общение происходит между субъектами, разделёнными временем и (или) пространством, причем посредниками при этом выступают идеи, мысли, ценности, средства общения и т. д. Как подчеркивает Л. П. Боева, «общение – не только духовный, но и материальный, социально-реальный процесс, в котором происходит обмен деятельностью, опытом, способностями, умением и навыками, а также результатами такой деятельности, предметно выраженными в материальной и духовной культуре» [1. С. 128]. В данной работе рассматривается проблема осмысления фундаментальных оснований и закономерностей социального, душевного и духовного общения как антропологической потребности башкирского общества. Изучение этой проблемы способствует уяснению метафизического смысла башкир как субъекта социокультурного опыта.

Осмысление любого культурного явления упирается в эмоциональное переживание исследуемого объекта. Таким объектом в анализе общения древних башкир является сама конструктивная роль гуманитария в процессе самоосуществления душевного пласта смысла, его самопрояснения. «Именно смыслы, трансформирующие онтологию до метафизики, формируют мировоззрение, цели, ценности личности и общества, определяют человеческое в самом человеке и отличают его от объективировано регистрирующей внешний мир живой и неживой природы, реагирующей на внешний мир непосредственно. Все человеческое определяется смыслами» [1. С. 43]. Таким образом, осмысление метафизических основ мировоззренческого общения невозможно без обращения к самому субъекту общения, т. е. к человеку. Именно в человеке как в центре мироздания соединяются материальная и духовная стороны бытия, он есть средоточие культурного многообразия мира, условие и возможность диалога с другими.

В самом общем виде можно предположить, что мифологические и религиозные взгляды древних башкир характеризуются разрывом между достоверностью того, что переживается древним человеком, и достоверностью того, что полагает достоверным само общество. Благодаря этому раскрывается внутренний, имманентный смысл мифологических представлений древнего человека,

стремящегося к установлению гармонической связи макро и микрокосмоса.

Думается, что башкирский народ имел и до сих пор не утратил тот глубинный пласт культуры, который сопряжен с неким уровнем душевности, вне которой и сама духовность состояться не может. На наш взгляд, это связано с тем, что в «жизненном мире» (Э. Гуссерль) духовность проявляется в форме душевного общения. Древние башкиры (о чём свидетельствует эпическое сказание «Урал-батыр») сохранили память о «человеке-богоборце», который претендует на бессмертие. Но здесь, в принципе, речь, конечно, идет о проблеме воспроизводства жизни человека, об эластичной структуре самого времени, которое вновь и вновь как бы раздвигает круг культурных событий и память о далёком времени, которое, на наш взгляд, выступает сегодня (особенно в эпоху господства примитивно-прагматического духа) как нечто символически однозначное.

Духовная реконструкция мировоззрения древних башкир не сводится к исторической реконструкции их взглядов, переживаний, идей и, вообще, к строго определенному умонастроению. Гармония их взглядов на природу определяется, на наш взгляд, не данностью их «внутреннего мира», а определённой «заданностью» смысловых и символических тем. Древние башкиры в данном отношении устремлены к душевной гармонии не как к чему-то легко достижимому, а как к бесконечно далёкой цели преодоления сил распада, смерти и добывания «живой воды». Выбор между жизнью и смертью можно определить как фундаментальную этическую альтернативу, выбор между добром и злом [4. С. 61]. Герой башкирского эпоса Урал, занятый поиском «средств» от смерти, как предельного (метафизического) человеческого несчастья, встречает на своём жизненном пути старика, приоткрывающего герою иную тайну, тайну существования бессмысленности «личного бессмертия». Речь, как видим, идёт здесь о так называемом «трагическом мышлении», которое превращает гармонию между душевным и природным началами в гармонию без существующих форм, причём на решающее преодоление земных задач.

«То, что Смертью мы зовём.

Прозвища злые кому даём. –

Вечности нетленный закон.

Мир от гнилья очищает он» [2. С. 124].

Философский смысл данных слов состоит в том, что сама природа есть некая «колыбель» всего живого, жизнеспособного. И именно природа должна оставаться бессмертной. Человек же должен работать над тем, чтобы способствовать бессмертию самой природы, а также человеческого рода. Таков смысл башкирского эпоса «Урал-батыр, где есть такие слова:

«Пусть зеленеют голые чащи.

Пусть цвет бессмертия обретут.

Пусть птицы щебечут звонче и слаще.

Пусть люди весёлые песни поют» [2. С. 125].

Эта мысль актуальна и в современную эпоху, когда человек вместе с природой приблизились к пограничной черте своего бытия. Но мир всё же постепенно движется к своему улучшению; при этом сама вера в смысл исторического и культурного процесса остаётся очень робкой. Нам остаётся поэтому постепенно проникнуть в самую сущность «метафизического смысла», чтобы, уже отталкиваясь от него, обратиться к предельным основаниям социального, душевного и духовного общения древних башкир, к самой «нравственной субстанции» народа.

Метафизика, строго говоря, делает главной темой своего исследования сами условия человеческого бытия (М. Мамардашвили), а также бытие природы, космоса. Она обращается к существующему как таковому, подвергает исследованию значительные и важные сферы действительности, закономерности природного и социального миров. Однако во всей сменяемости явлений «метафизика» стремится отыскать некое фундаментальное постоянство и связь явлений, сами первейшие потребности человека как человека, «субстанцию» человечности. В своей сущности метафизическая идея «человечности», так характерная для мировоззрения древних башкир, направлена на развитие человеческого рода. А само «чувство человечности» представляет собой раз и навсегда себе «равное» чувство, некое культурное и духовное постоянство, которое не угасает во всей системе рода человеческого.

Автор не является при этом сторонником «спекулятивной метафизики», которая устремлена к «дедукции» действительности, исходя из некоего высшего духовного принципа. Он также и не сторонник так называемой «индуктивной метафизики», с помощью которой вырисовывается некая «миро-

вая картина» при помощи общего обозрения частных наук о природе и человеке. Таким образом, осмысление метафизических основ мировоззренческого общения невозможно без обращения к самому субъекту общения, т. е. к человеку. Именно в человеке как в центре мироздания соединяются материальная и духовная стороны бытия, он есть средоточие культурного многообразия мира, условие и возможность диалога с другими.

Нам думается, что коренные «метафизические» вопросы есть вопросы о самом существовании, о свободе и бессмертии. Познание всех этих проблем задаёт сам духовный облик человека и составляет «неистребимую потребность» (И. Кант) людей. Тем самым, и сами метафизические смыслы, а также закономерности социального и духовного общения древних башкир вращаются между «имманентным» и «трансцендентным», душевным и чисто духовным существованием, между «явлением» и «сущностью», между чисто чувственным восприятием и «абсолютным» мышлением, с помощью которого исследователи духовного творчества и общения людей рассчитывают достичь знания о приобщенности древних башкир к единому духовному и социокультурному опыту. Но, как замечает Ф. В. Й. Шеллинг, философы лишь зачастую представляют «себе самих себя» и, стремясь ограничиться познанием, тем не менее, полностью исключают бытие из своего рассмотрения. Они при этом питают надежду, «что с познанием будет легче управиться, чем с бытием, а затем, на основе познания», достичь достаточно лёгкого и простого пути «в бытие» [5. С. 156].

Культура душевного и духовного общения древних башкир раскрывается в положении о том, что далеко не всё то ново, что начинается. Но сам процесс возникновения, рождения культуры «сияет свежестью». Но всё новое устремлено не так далеко. Вместе с тем подлинное начала «чего-либо» призвано соблазнять своей духовной «свежестью». Древние

башкиры, создавшие самобытный фольклор, кардинальным образом отличный от мифа, смогли перенести духовный, метафизический интерес в саму судьбу «героя». Примечательно то, что «героями» башкирского эпоса (в отличие от мифологических героев) становятся далеко не «полубоги-демиурги», а обыкновенные люди [4. С. 109], как бы «задерживающие» на одном месте всю массу времени. Любая историческая эпоха отличается существованием различных личностей. Одни люди более всего подвержены «инстинктам», другие привержены авторитарным идеям, третьи стремятся сбросить иго «тоталитарного» духа, четвёртые устремлены к разуму и научному способу организации общественной жизни и лишь пятые стремятся к тому, чтобы начать созидать свою жизнь по «законам красоты», искусства, устремлённого к духу «коллективизма», социальной и духовной справедливости, к духу «патриотизма» и свободы. В данном отношении башкирский «дух» всегда и изначально был устремлён к так называемым непреходящим ценностям, к ценностям общечеловеческим, что, в принципе, и составляет последнее или предельное основание, сам метафизический смысл башкирского народа, существующего в пределах полиэтнического и поликультурного пространства.

Это начало становления обозначенных нами ценностей и ценностных ориентаций несёт на себе «нежные» и в то же время «огненные» окраски. Душевный мир башкир наполнен метафизическими смыслами общения.

Метафизический смысл башкирского этноса и сами законы-тенденции становления душевного и духовного мира общения древних башкир оппозиционны высокоразвитому индустриальному обществу, в котором господствует узкопрагматический потребительский дух. Мы призваны поэтому возвыситься над обществом социально-групповых ориентаций, подняться к миру «неиндивидуалистической», точнее, надындивидуальной культуры, основанной на идее дополнительности культур.

Список литературы

1. Андреев, А. П. Русская традиция / А. П. Андреев, А. И. Селиванов. – М.: Алгоритм, 2004.
2. Башкирское народное творчество. – Т. 1. Эпос. – Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1987.
3. Буева, Л. П. О некоторых методологических проблемах философского исследования человека / Л. П. Буева // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. – Киев: Наук. думка, 1981.

4. Иткулова, Л. А. Нравственный выбор в башкирской сказке (философско-мировоззренческий анализ) / Л. А. Иткулова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2002.

5. Шеллинг, Ф. В. Й. Система мировых эпох: (Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласа) / Ф. В. Й. Шеллинг. – Томск: Водолей, 1999.

Сведения об авторе

Иткулова Лэйсян Ахметовна – доцент, и.о. зав. кафедрой этики, эстетики и культурологии Башкирского государственного университета.

litkulova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 36–39.

METAPHYSICAL MEANINGS AND PATTERNS OF SOCIAL, EMOTIONAL, AND SPIRITUAL RELATIONS OF THE ANCIENT BASHKIRS

L. A. Itkulova

Bashkirian State University, litkulova@mail.ru

The main result of the issue is the analysis of metaphysical foundations of social, emotional and spiritual communication of ancient Bashkirs. Today Bashkirs have not lost that deep layer of culture that is associated with the “soul”. The harmony of their views on the nature is connected with certain “predetermination” semantic and symbolic themes. Spiritual reconstruction of the worldview of the ancient Bashkirs is not limited to the historical reconstruction of their views, experiences, and ideas and, in general, to a strictly defined state of mind. The harmony of their views on the nature determined by the particular “one” semantic and symbolic the Bashkir culture. Ancient Bashkirs aspiring to harmony as to the infinitely is far objective of overcoming the forces of decay, death and getting “living water”. Hero Bashkir epos Ural, busy search “tools” from death, meets an old man; hero reveals the mystery of existence meaningless “personal immortality”. We are talking here about the fact that nature itself is a kind of “cradle” of all living, viable. People must work in order to contribute to the immortality of nature and human kind. This is the meaning of the Bashkir epos “Ural-Batyr”.

Keywords: communication; metaphysical foundations of communication; social; emotional and spiritual communion; the worldview of the ancient Bashkirs; the search for immortality; Ural-Batyr.

References

1. Andreyev A.P., *Selivanov A.I. Russkaya traditsiya* [Russian tradition]. Moscow, Algoritm Publ., 2004. (In Russ.).

2. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo*. T. 1. Epos [Bashkir folk art, vol. 1. Epic]. Ufa, Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (In Russ.).

3. Buyeva L.P. O nekotorykh metodolo-gicheskikh problemakh filosofskogo issledo-vaniya cheloveka [Some methodological problems of philosophical study of human]. *Mirovozzrencheskoye sodержaniye kategoriy i zakonov materialisticheskoy dialektiki* [Worldview content categories and laws of materialist dialectics]. Kiyev, Naukova dumka Publ., 1981. (In Russ.).

4. Itkulova L.A. *Nravstvennyy vybor v bashkirskoy skazke (filosofsko-mirovoz-zrencheskiy analiz)* [Moral choice in the Bashkir fairy tale (philosophical-ideological analysis)]. Ufa, Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. (In Russ.).

5. Shelling F.-V.-Y. *Sistema mirovykh epokh: (Myunkhenskiye lektzii 1827–1828 gg. v zapisi Ernsta Lasa)* [System world ages (Munich Lectures 1827–1828. In the record of Ernst Lasa)]. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. (In Russ.).

УДК 241.4
ББК 87

В. Л. Гуренко

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА 'ГРЕХ' В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена феномену 'грех', а именно его архетипической укоренённости в современном социуме. На основе анализа концептуальной содержательности концепта автор считает, что на сегодняшний день понятие 'грех' экстраполируется в различные языковые дискурсы, создавая при этом проблему понимания для субъекта. Для этого предлагается разграничить следующие общие дискурсы, где 'грех' инкорпорируется в систему «норм» и «порядка»: 1) юридическая область (грех как правонарушение); 2) медицинская область (грех как причина болезни); 3) область порядка (грех как ошибка); 4) область общественная (грех как позор); 5) область индивидуальная (грех как вина). Автор приходит к выводам, что на сегодняшний день анализ и деконструкция концепта 'грех' является актуальным, поскольку ввиду проблемы его понимания возрастает граница его размытости в языковых практиках.

Ключевые слова: грех; обыденное сознание; закон; наследственная подверженность; преступление; объективизация греха; ошибка; конфликт дискурсов.

Понятие 'грех' довольно часто встречается на сегодняшний день в жизни обывателя. Этим термином оперируют различные структуры в современном обществе, но смыслы вкладываются различные. Вследствие наделения термина различными смыслами появляются его различные интерпретации. В результате экстраполяции термина 'грех' из дискурса религиозного в дискурс обывательский диагностируется следующая проблема, а именно проблема понимания. Данная проблема возникает при т. н. «конфликте дискурсов». Необходимо отметить, что языковой дискурс имеет тонально-жанровые измерения. В этом контексте имеются в виду следующие параметры, такие как, например, серьёзность и несерьёзность, обиходность и ритуальность, сокращение или увеличение дистанции к общению (Н. Каразия) [2]. Каким же образом объяснить обывателю, что такое 'грех'? Сначала необходимо проанализировать христианский религиозный дискурс.

В христианской традиции различают три типа греха, а именно: Первородный (повреждённость человеческой природы, возникшая вследствие греха прародителей), родовой (наследственная подверженность какой-либо страсти) и личный (осознанное деяние против совести и Заповедей Божьих). Существуют различные трактовки греха как в Библии, так и в светской литературе. Например, в Св. Писании грех трактуется как беззаконие: «Грех есть беззаконие» (anomia) – (1 Ин. 3:4).

В толковом словаре В. Даля даётся следующее определение греха: «Грех, как поступок, противный Закону Божьему» (В. Даль) [1]. Но для неверующего человека эта типология и эти определения могут показаться абстрактными.

Для того чтобы внести ясность для обывателя в понимание данного термина, предлагается несколько концептов из различных областей.

В первой, так называемой «юридической», области выделяется такой концепт, как 'преступление', т. е. нарушение закона. Под этим понимается сознательное нарушение или противление Божественным Заповедям (Божественному Закону). С подобным формальным пониманием закона мы сталкиваемся в Ветхом Завете. Известные Десять Заповедей дополнялись в последующих книгах. Например, в книгах «Исход» и «Числа» даются уставы относительно убийства. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12), или «И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти» (Чис. 35:31). Также в книге «Левит» даются дополнения относительно греха «прелюбодеяния» и «богохульства» и др. Однако иеромонах Иов (Гумеров) понимает само «нарушение закона» не только как нарушение юридическое, но нарушение объективных законов бытия. В одном интервью он утверждает следующее: «Также и пренебрежение законами физиче-

ского мира, если они уже изучены и познаны, является грехом» (Д. Соколов-Митрич) [6]. В качестве примеров иеромонах Иов приводит случай аварии на Чернобыльской АЭС и другие экологические катастрофы, которые вредят здоровью человека.

Вторая область – «медицинская». Здесь грех понимается как причина различных болезней и страстей (зависимостей). Поэтому Святые Отцы христианской церкви призывали видеть, признавать и просить прощения за свои грехи. Изначально субъект видит свой грех, т. е. идентифицирует его как болезненный недуг. Далее кающийся «воплощает» свой грех. Каким образом? Через слово. В результате покаяния, когда грех называется или пишется на бумаге, он перестаёт быть частью кающегося, т. е. перестаёт быть с ним имманентным. После этого воплощения грех имеет статус объекта. Так о «грехе-болезни» пишет, например, Григорий Нисский: «Подобно тому, как и болезнь и уродство не присущи нашей природе, но противоестественны, так и деятельность, направленную к злу, нужно признать искажением врождённого нам добра» (Г. Нисский) [5. С. 78].

На сегодняшний день многие современные исследователи проводят научные исследования, где выявляют, как грех отражается на здоровье человека как психически, так и соматически. Одним из очевидных примеров, как грех негативно сказывается на здоровье человека, является чревоугодие. «Очевидный факт, что этот грех является одной из причин ожирения, желудочно-кишечных заболеваний, обменных нарушений в суставах, болезней сердечно-сосудистой системы и т. д.» [3. С. 242]. Значительное негативное воздействие на психическое состояние человека оказывает грех сребролюбия или стяжательства. Немецкий философ Артур Шопенгауэр так писал об этой зависимости: «Богатство подобно соленой воде: чем больше ее пьем, тем сильнее жажда» [8]. Как правило, у таких людей часто развиваются различные нервно-психические расстройства (неврозы, депрессии, психозы). Таким образом, многие болезни имеют среди своих причин ненормальный (греховный) образ жизни. Для обывателя становится ясно, что продолжительные болезни и зависимости есть следствие греха.

И, наконец, третья область – лингвистическая. С греческого языка грех (*amartia*) переводится как непопадание в цель или про-

мах. Исходя из этого, я выделяю следующий концепт греха – 'ошибка'. В русском языке существует синонимичная архаичная форма ошибки – 'огрех'. Слово 'огрех' этимологически происходит от слова 'грех'. Также слово 'огрех' означало плохо обработанное или пропущенное место в поле при пахоте, посеве, уборке и т. д.

Ошибка имеет место там, где существует гласная или негласная нормативная база, т. е. где взят за основу идеал, и любой сознательный отход от этого идеала будет называться ошибкой. В связи с этим выдвигается гипотеза, что ошибка допускается там, где начальная нормативная база (правила игры) известна субъекту. Например, субъект, который не знает, что такое футбол, не совершает ошибку, если вдруг забивает мяч рукой в свои ворота, потому что он не знает правил игры и мяч и ворота видит впервые. В этом контексте даётся следующее операциональное определение греху. Грех – это сознательное противление норме или идеалу.

В результате многовековой аскетической и религиозной практики в современном дискурсе присутствуют два значения понятия 'грех', а именно грех как позор и грех как вина. Позор представляет собой одну из первых религиозных массовых практик, когда большинство вменяет вину другому субъекту, ориентируясь на тот или иной закон. Подобные практики клеймения позором были весьма обыденным делом в древней Иудее. Подобные практики актуальны и до сих пор имеют место на Ближнем Востоке. Позднее идея позора как некоего ритуального жеста и светского жеста была распространена в Европе. Это подтверждает наличие так называемых «позорных столбов». Когда речь идёт о позоре, то это означает, что некая социальная группа наделяет субъекта негативным статусом, и, как правило, делает она это прилюдно. В Евангелие от Иоанна типичным примером позора является момент побития камнями блудницы. Далее в этом месте следует момент, когда Христос обращает грех не вовне, а во внутрь субъекта. «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 7:8). Этот жест говорит о другом модусе восприятия греха, а именно грех как вина. Идея Христа заключалась в интериоризации греха в субъекта. Инструментом позора является стыд, а инструментом греха как

вины является совесть. Интересно, что сам язык проводит различие этих двух концептов. В русском языке, например, существует такая поговорка: «Ни стыда, ни совести». В то же время эта поговорка используется именно с интенцией одновременно, с одной стороны, пристыдить кого-то, а с другой, возбудить у субъекта чувство вины.

Протестантский религиозный философ XX в. Пауль Тиллих трактует концепт греха для обыденного сознания через философский концепт Гегеля ‘отчуждение’. ‘Отчуждение’ лежит в основе самого существования индивида, прослеживая тем самым диалектику этого концепта с идеей сближения или союза к самому этому объекту отчуждения.

«Глубина термина “отчуждение” объясняется той его импликацией, согласно которой человек сущностно принадлежит тому, от чего он отчужден» [7. С. 502]. Таким образом, человек оказывается отчуждён своему истинному бытию, он бросает ему вызов. Пауль Тиллих прослеживает идею «отчуждения» в Священном писании, начиная с Книги Бытия, когда «отчуждение» Адама и Евы послужило причиной изменения всей человеческой сущности (П. Тиллих). С этой позиции бремя этого «отчуждения» человечество носит и по сей день. В Библии есть и другой пример того, когда вопреки Божественному проведению человек был подвергнут «наказанию». Таким примером является жена Лота, обернувшаяся на гибель Содомы и Гоморры и обратившаяся потом в соляной столб.

Относительно самого термина ‘грех’ Тиллих замечает, что ‘отчуждение’ является не совсем точным словом в его нравственном и этическом смысле. Концепт ‘отчуждение’ является более нейтральным, нежели ‘грех’. Тиллих разделяет концепт ‘отчуждения’ на три уровня. Первый уровень – это ‘безверие’, как то, что в самом начале порывает онтологическую связь между человеком и Богом (П. Тиллих). Второй уровень – ‘вождеделение’ как следствие греховной одержимости тем, что отдаляет от Бога. И третий уровень отчуждения – это *habis* (‘превозношение’), когда человек превозносит себя равным Богу или же выше его. Эти три стадии иллюстрируют специфику человеческого «отчуждения».

Помимо индивидуального, Тиллих также пишет о коллективном ‘отчуждении’. Примером этого ‘отчуждения’ являются различные народы или нации, которые действовали

вопреки божественным заповедям. Тиллих замечает по этому поводу: «Социальная группа – это силовая структура, а в каждой силовой структуре определенные индивиды детерминируют действия всех тех индивидов, из которых составляется группа». Относительно самого слова ‘грех’ Тиллих считает, что ‘отчуждение’ не должно заменять его, поскольку это слово более знакомо обывателю, который встречает его в искусстве, литургике и в других сферах жизни человека. «Слово “грех” может и должно быть спасено не только потому, что оно постоянно употребляется в классической литературе и литургике, но еще и, в частности, потому, что оно обладает такой четкостью, что обвинительно указывает на элемент личностной ответственности в отчуждении того или иного человека» [7. С. 503].

Существует на сегодняшний день другое понимание греха в обыденном сознании, которое обусловлено современными постмодернистскими исследованиями. Юлия Кристева в своей монографии «Силы Ужаса» излагает идею, что наличие греха в мире есть великая благодать Бога. Она пишет следующее: «устанавливая познание и угрызения совести, оно (грехопадение), открывает путь к духовности» [4. С. 162]. В этом диалектическом понимании греха грех является необходимым этапом на пути к святости субъекта. В этом отношении грех является стимулом или даже основой для того, чтоб тот или иной субъект встал на путь очищения.

Также Юлия Кристева пишет о различных трактовках понимания концепта ‘грех’. В частности грех как «нехватка» (*Pléorpenia*), т. е. имеется ввиду патологическая нехватка чего-либо. К этой интерпретации можно отнести такие понятия, как ‘алчность’, ‘накопительство’, ‘скудость’ и ‘вождеделение’. Наличие «нехватки» приводит субъекта в состояние крайней депривации, т. е. в состояние постоянного лишения и неудовлетворённости. В результате этого состояния субъект находится в состоянии, приближённом к агрессивному. Особенности греха как «нехватки» заключаются в том, что субъект теряет чувство меры. Как это связано с нарушением закона? Дело в том, что любой закон предполагает границу или же некий норматив. В данном случае здесь ключевым понятием служит ‘норма’. Алчность или накопительство не знают границ. Юлия Кристева отмечает, что причиной греховности человека служит его

плоть: «В любом случае различные обозначения греха относятся к плоти или, точнее, к тому, что можно было назвать импульсом, бьющим через край, не сдерживаемым символическим» [4. С. 159].

На сегодняшний день понятие 'грех' существует в пространстве социума. Термин, так или иначе, фигурирует в речи обывателя, но не всегда анализируется им. В этой статье осуществлена попытка разрешить возможную проблему непонимания в сознании обывателя, используя те дискурсы, которые

близки обыденному сознанию. Обывателю известно, что за «социальные грехи», преступления следуют юридические санкции, также известно, что многие болезни человека это есть следствие ухода от нормы. Но с другой стороны, можно рассматривать грех и диалектически, ибо если бы не было греха, то и не было бы идеала, к которому нужно стремиться. В этом аспекте считаем, что грех является не только важной, но и необходимой точкой роста для дальнейшего совершенствования субъекта.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – URL: <http://slovardalya.ru>.
2. Каразия, Н. А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса / Н. А. Каразия // Вестн. КРАУНЦ. – Гуманитар. науки. – 2006. – № 2. – С. 72–88.
3. Корытько, Е. С. Взаимосвязь греха и болезни... / Е. С. Корытько // Медицина и христианство: материалы Респ. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых / под общ. ред. С. Д. Денисова. – Минск: БГМУ, 2007.
4. Кристева, Ю. Силы ужаса / Ю. Кристева. – СПб.: Алетейя, 2013.
5. Нисский, Григорий. Творения: пер. Моск. духов. акад. / Григорий Нисский. – Ч. 1. – М., 1861.
6. Соколов-Митрич, Д. Идеальные православные / Д. Соколов-Митрич. – URL: http://como.prihod.ru/nachinajushhemu_khristianinu/view/id/1123701.
7. Тиллих, П. Систематическая теология / П. Тиллих. – Т. 1–2. – М.; СПб.: Университет. кн., 2000.
8. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt>.

Сведения об авторе

Гуренко Владислав Леонидович – аспирант кафедры философии Волгоградского государственного университета.

vladek1905@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 40–44.*

THE CONCEPTUALIZATION OF 'SIN' IN RELIGIOUS PHILOSOPHY AND EVERYDAY CONSCIOUSNESS

V. L. Gurenko

Volgograd State University, vladek1905@rambler.ru

The paper deals with the phenomenon of 'sin', namely of its archetypal deep-rootedness in contemporary society. Basing on the analysis of conceptual pithiness of the notion, the author holds that at present the notion 'sin' is extrapolated into different linguistic discourses, causing herewith the comprehension problem for an average man. This serves to distinguish the following General discourse, where 'sin' is being incorporated into the system of 'rules' and 'order': 1) Juristic field (sin as "breaking the law"); 2) Medical field (sin as the reason of illness); 3) Field of order (sin as a mistake); 4) Social field (sin as a disgrace); 5) Individual field (sin as 'fault' or 'guilt'). The author comes to the conclusion that analysis and deconstruction of concept of 'sin' are urgent matters, since in view of

the problem of its comprehension the boundary of its erodedness in linguistic practices is increasing.

Keywords: sin; ordinary consciousness; law; hereditary liability; crime; objectivization of sin; mistake; conflict of discourses.

References

1. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Available at: <http://slovardalya.ru>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
2. Karaziya N.A. *Lingvopragmaticheskoye issledovaniye konfliktnogo diskursa* [Lingvopragmaticheskoye study conflict discourse]. Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of KRAUNTS. Humanities], 2006, no. 2. (In Russ.).
3. Koryt'ko Ye.S. *Vzaimosvyaz' grekha i bolezni...* [The relationship of sin and sickness...]. *Meditsina i khristianstvo: materialy Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Medicine and Christianity: Materials of the Republican scientific-practical conference of students and young scientists], S.D. Denisov (ed.). Minsk, BGMU Publ., 2007. (In Russ.).
4. Kristeva Yu. *Sily uzhasa* [Powers of Horror]. Sankt-Petersburg, Aleteyya Publ., 2013. (In Russ.).
5. Nisskiy Grigoriy. *Tvoreniya* [Creations], vol. 1. Moscow, 1861. (In Russ.).
6. Sokolov-Mitrich D. *Ideal'nyye pravoslavnyye* [Ideal orthodox]. Available at: http://como.prihod.ru/nachinajushhemu_khristianinu/view/id/1123701, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
7. Tillikh P. *Sistematicheskaya teologiya* [Systematic Theology], vol. 1–2. Moscow; Sankt-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. (In Russ.).
8. Shopengauer A. *Aforizmy zHITEYSKOY mudrosti* [Aphorisms worldly wisdom]. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).

УДК 123.2
ББК 87.4

М. Н. Лященко

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ФАТАЛИЗМЕ: ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СМЕРТИ

Статья посвящена анализу метафизических оснований смертной казни в фаталистической концепции мира. Обращаясь к философской сущности фатализма, автор приходит к выводу, что смерть – не кара (наказание) за грех, как в христианском сознании, это естественный закон, и умереть предстоит всем. Индивидуальная смерть запрограммирована и предопределена Судьбой, поэтому смертная казнь считается одним из проявлений Судьбы наряду с другими подобными проявлениями (убийство, суицид и т. д.).

Ключевые слова: Судьба; Фортуна; Рок; Природа; Логос; микропричина.

Смертная казнь – всегда, пожалуй, остается самой острой и обсуждаемой темой не только на страницах научно-философских изданий, но и в средствах массовой информации. Ежегодно появляются десятки работ, затрагивающих проблему смертной казни, которая чаще всего рассматривается с юридической стороны, либо с этической, но никак не с конкретно метафизических оснований. Поэтому данная статья направлена на выявление метафизических оснований смертной казни в фатализме, являющейся до сих пор сильной философско-мировоззренческой позицией, с целью обоснования взгляда на смертную казнь как одного из системных механизмов удаления элементов.

Стоический фатализм, в отличие от эпикуризма, который презентовал природу живой самоорганизацией, активно и спонтанно пульсирующей, процессы в которой совершенно непредсказуемы, представлял природу единым и строго закономерным бытием. Природа, еще начиная с натурфилософии, была в центре философской рефлексии. В самом названии «естественная философия» Сенека недвусмысленно дает понять, что главным предметом его размышлений является природа. По своей структуре «естественная философия» делится на два крупных, но взаимосвязанных блока: «на учение о телесных и о бестелесных вещах. Учение о телах – таким образом: во-первых, о тех, что производят нечто, и о тех, что из них рождаются, – а рождаются первоначальные вещества. Учение о них, по мнению некоторых, неделимо, по мнению других – делится на учение о материи, о движущей все причине и о самих первоначальных» [3. С. 234]. «Естественная

философия», таким образом, традиционно у Сенеки разбивается на изучение двух аспектов реальности: физического, изучающего материю и первовещества, и метафизического, в котором речь идет «о начале всех вещей, [о – М. Л.] вечном разуме и силе, развивающей семена сущего, каждое на особый лад» [3. С. 244]. Таким образом, метафизический блок «естественной философии» направляет мысль на поиск причины всех причин, самой первой и главной причины.

На такой особый онтологический статус – статус первопричины – могут претендовать два начала: это либо материя, либо форма. Все «в природе возникает из двух начал – причины и материи» [3. С. 143–144]. Но в стоическом фатализме, как в принципе, и во всем античном сознании, материя представляется пассивным началом. «Материя коснеет в неподвижности, она ко всему готова, но остается праздною, если никто не приведет ее в движение. Причина, или же разум, ворочает материю как хочет и, придавая ей форму, лепит всяческие предметы. Ведь в каждой вещи непременно должно быть то, из чего она делается, и то, чем она делается; второе есть причина, первое – материя» [3. С. 144]. Активным началом признается форма, но в фатализме это не просто форма, она главная и первоначальная причина всего. Можно ее назвать формой форм или причиной причин. Другими словами, это Судьба.

Сам мир – это продукт одного начала или одной причины (Судьбы), которая «разветвляется» на множество производных и второстепенных причин. «А она должна быть простой, потому что проста материя. Что это за причина? Конечно, деятельный разум, то есть

бог, а все перечисленные [причины. – М. Л.] вами – это не отдельные причины, они все зависят от одной, той, которая и действует» [3. С. 146]. В фатализме Судьба (суперпрограмма) – это причина причин и главная точка отсчета складывания причинно-следственных рядов, определяющих все события и процессы в мире. Иными словами, Судьба – это начало, основание и источник выстраивания всех актуально имеющих и потенциально возможных причинно-следственных рядов, замыкающихся в причинно-следственный строй (порядок). Таким образом, образуется единство причинно-следственных рядов в их неразрывной онтологической взаимосвязи. «Все перемешала долгая череда перемен и перевернула вверх дном фортуна. От начала мира до наших дней вела нас череда перемен, то блистательных, то убогих» [3. С. 106]. Получается, что мир – это единый и самопорождающийся порядок выстраивания и чередования причинно-следственных рядов.

И ничто в мире не может изменить определяющей силы Судьбы. Сам «творец и правитель вселенной, написавший законы судьбы, следует им; однажды издав приказ, он сам вечно повинуется» [4. С. 99]. Развивая пантеистическую традицию до логического конца – фатализма – Сенека полностью отождествляет понятия ‘Судьба’ и ‘Бог’. «Угодно тебе назвать его [Бога. – М. Л.] судьбой? Ты не ошибаешься. Он тот, от которого все зависит; в нем причина всех причин» [7. С. 297]. В таком фаталистическом видении человек предстает всего лишь как мелкая причина, которую «ответвляет» от себя главная причина (Судьба). «Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доле ты участвуешь в ней; о судьбе: какой незначительной частицей ее ты являешься» [2. С. 100]. Мир, есть «развертывание» или дробление на сотни тысяч мелких причин первопричины, которая охватывает все и детерминирует все события и процессы. Поэтому мир и представляется как большая и совершенная причина, в которой нам отводится маленькая доля, по сути, человек, предстает микропричиной в ряду таких же микропричин. Таким образом, человек не может выступать в роли самодетерминации, причины самой себя. «Все исходит от одного общего руководящего начала непосредственно или же в силу необходимой связи. И пасть льва, яды, и все вредоносное, как шипы или тина, есть сопринадлежность совершенного и прекрас-

ного» [2. С. 114]. Все является проявлением одной единственной причины (Судьбы).

Кроме того, Судьба не только является началом всех вещей, но и одновременно их концом. Главная причина (Судьба) «ветвится» именно к своему концу, замыкая все причинно-следственные ряды на себя. Судьба как «разворачивает» все причины, так и их «сворачивает». Потому было бы правильно Судьбой именовать не просто начало и конец всех причинно-следственных рядов, а всю непрерывную череду «развертывания» (выстраивания) и «свертывания» причинно-следственных рядов от начала и до конца, образующую круговорот мироздания. «Неизменен круговорот мира в своем движении вверх и вниз, из вечности в вечность» [2. С. 160]. Таким образом, Судьба образует замыкающийся на себе единый строй (порядок) причин.

Если Судьба – это начало и конец всех событий и явлений в мире, если все считается производным от нее, и даже больше, все явления и события и есть, по сути дела, сама эта первопричина только в своем разветвленно-развернутом виде, то все в мире запрограммировано и детерминировано одной причиной, одним началом. Все определяется главной причиной (Судьбой), так как все и есть она сама, поэтому все онтологические основания вещей, включая и человека, находятся в едином порядке выстраивания причинно-следственных рядов. Неслучайно эту мысль и выразил Сенека: «Каждого из нас ведет судьба, и с первой минуты рождения определено, сколько кому осталось жить. Одна причина ведет за собой другую, длинная цепь событий определяет всякое происшествие и частной и общественной жизни» [4. С. 99]. Справедливо указывал А. Н. Чанышев, что «мировоззренческий, в том числе и философский, тоталитаризм также не истребим. Он коренится <...> в единоначалии, когда все сущее сводится к единому началу, к единому субстрату, к единой субстанции» [7. С. 142]. Таким образом, фатализм как философско-мировоззренческая позиция приходит к тотальной и всеохватывающей запрограммированности всего бытия. Уже изначально все явления и события в мире до мелочей запрограммированы и предопределены суперпрограммой (Судьбой).

А так как понятия ‘Судьбы’ и ‘Бога’ тождественны, а бог – «все, что видишь, и все, чего не видишь» [4. С. 184], то мир и события в нем имеют строго закономерный и необ-

ходимый характер. Еще Хриссип уподоблял бога фатальной необходимости: «бог – это фатальная сила и необходимость будущих событий» [6. С. 74]. Таким образом, в фатализме оправдывается любое событие и любое явление как необходимое и предустановленное имеющимся порядком причинно-следственных рядов. Все определяется этим порядком и конституируется им же, в том числе и судьба отдельно взятого человека.

Специфика фатализма заключается в том, что все бытие программируется не извне, а изнутри, т. е. причинно-следственные связи не извне не задают модели поведения человеку, а охватывают его изнутри, так как он сам является производным следствием «разветвляющейся» причины причин (Судьбы). Поэтому Бог (Судьба) имманентен всему сущему. Иными словами, фаталисты приходили к выводу, что все сущее, включая и человека, детерминируется не столько внешними обстоятельствами, структурно располагающими их в определенный порядок, сколько внутренне охватывающим их принципом или законом (Логосом). Здесь уже отождествляется Судьба (Бог) с Логосом, который имманентен внутреннему строю вещей. В целом Судьба (Логос и Бог) выступает как внутренне-активный принцип мироздания и активно-имманентная вещам сущность (сила, принцип), которая одновременно предопределяет природу вещей.

По этому же принципу имманентности Судьбы вещам выстраивается и восприятие души человека. «То же место, что в этом мире бог, занимает в человеке душа; что в мире материя, то в нас тело» [3. С. 148]. Душа сравнивается с частичкой бога в нас, т. е. «программой», упорядочивающей всю нашу «материю», т. е. поведение. «Наша беда не приходит извне: она в нас, в самой нашей утробе» [3. С. 115]. Такая логика построения мысли приводит к полному и абсолютному контролю и обусловленности человека со стороны наличного порядка причинно-следственных рядов (Судьбы).

Этот порядок причинно-следственных рядов в фатализме предустановлен, является ненарушимым и строгим в силу запрограммированности и предопределенности Судьбой (Фортуной). «И не надейся мольбой изменить решенья всевышних» [3. С. 176]. «Они тверды и неизменны, и направляет их великая и вечная необходимость. Ты пойдешь туда же,

куда идет все» [3. С. 177]. Здесь Судьба выступает как роковая необходимость, которая непреодолима и неодолима, которую невозможно избежать или обойти. Все «возникает в силу необходимой связи...» [2. С. 161]. Экзистенциальные установки не имеют под собой никаких оснований, в стоическом фатализме только Судьба (Рок) является единственной силой проявления бытия человека. Об экзистировании (о переносах бытия человека) невозможно говорить вне контекста Судьбы. Судьба – это то, что включает в себя человека и определяет его место в порядке причинно-следственных рядов.

Тотальная запрограммированность и предопределенность бытия не приемлет и отказывает личностно-экзистенциальной целостности (личностно-персонального удержание своих границ, отделения их от общего порядка бытия). Таким образом, в фаталистической концепции мира человек представляется не как нечто отдельное, самостоятельное, вне границ порядка причинно-следственных рядов (Судьбы), а, напротив, как то, что только существует и может безальтернативно существовать в границах последнего. Фатализм вообще лишает человека личностно-экзистенциальной напряженности. И как следствие, человек оказывается всего лишь «инструментом» или «орудием» Судьбы, необходимым для ее проявления. «Но если он [мудрец. – М. Л.] не теряет самообладание, когда его обижает фортуна, то насколько спокойнее он относится к обидам людей, хотя бы и самых могущественных; ведь он знает, что они – всего лишь орудия фортуны» [4. С. 74]. Поэтому человек в фатализме предстает безвольным, экзистенциально слабым и пассивным существом. «Мы рождены под царской властью: повиноваться богу – наша свобода» [4. С. 25–26]. Мудрец как раз и является идеальным «орудием» Судьбы, демонстрирующим полное подчинение и смирение перед Судьбой.

Если человек в фатализме выступает в статусе всего лишь «орудия» Судьбы, то вести речь о свободе воли человека безосновательно. Жан Мари Гюйо справедливо замечал, что «под свободой они [стоики. – М. Л.] разумеют скорее разум и понимание, чем активную волю» [1. С. 36]. А воля «создана для того, чтобы понимать и воздерживаться, а не действовать; для того, чтобы созерцать внешний мир, а не изменять его <...> чтобы

умереть и исчезнуть, как умирает и исчезает вокруг нее все то, что не имеет своей воли и жизни...» [1. С. 41]. С точки зрения фатализма, своей воли у человека как таковой нет и быть не может, все «частные» воли есть проявление «Воли всех волений» (Рока или Судьбы). Но самое интересное, что, в конечном счете «Воля всех волений» (Рок или Судьба) ведет мир к полной и неизбежной гибели. Как точно заметил Ж. М. Гюйо, «идеи бесконечности была чужда древним; но в особенности чужда им идея бесконечной воли, в самой себе непрерывно черпающей новые силы и таким образом самовозрастающей, сознающей свою бесконечность...» [1. С. 38]. Таким образом, процессы жизни и смерти целого и частей синхронизированы, с непременным концом мира пройдет конец и частям. Судьба вообще предстает как смертельно замкнутый круг, в котором вещи изначально обречены на гибель.

Поэтому автономия субъекта не спасена в фатализме, как считает И. Н. Титаренко [5. С. 196]. Напротив, сама логика фатализма и его онтологические основания отказывают в подобном выводе. Вопрос об автономии субъекта и о его поступающей возможности априорно не мог ставиться в фатализме. Его действия и мысли запрограммированы Судьбой (Роком) и реализуются строго по запрограммированному плану (суперпрограмме). Если мир есть порядок (единый строй) причинно-следственных рядов в их неразрывной онтологической взаимосвязанности и взаимозависимости, то человек в нем предстает не субъектом действия, а микропричиной (результатом выстраивания причинно-следственных рядов). Потому-то и Судьба является фундаментом взаимопереплетения и взаимопереходов причинно-следственных рядов. Человек, в таком видении, предстает как объект чужого становления, которому «прописывается» его будущее. Судьба, в фатализме, фигурирует как предельно активный «Супер-Объект». Таким образом, фатализм окончательно и бесповоротно ликвидирует личностно-экзистенциальную инициативу субъекта, его поступающую силу и надежду что-либо изменить в выпадающей ему участи.

Мир, который является совершенным строем причинно-следственных рядов и в котором все строго закономерно, а события неизбежны, должен оцениваться вне понятий 'добра' и 'зла'. Зло и добро не относительны, а «вынесены» за границы роковой необходимости, а

значит и за границы космоса и всего того, что в нем происходит. «Пусть твоя способность составлять убеждение о добре и зле пребывает в покое даже тогда, когда наиболее ей близкое, ее тело, режут, жгут, когда оно гноится и гниет, т. е. пусть она рассудит, что нет ни добра, ни зла в том, что равно может случиться как с дурным, так и с хорошим человеком» [2. С. 86]. Такая стоическая установка предполагает, что и смерть не есть зло. «Я полагаю, – пишет Сенека, – больше веры у тебя заслужил бы тот, кто ожил и, зная на опыте, рассказал бы, что в смерти не никакого зла» [3. С. 85]. «Но, как я сказал вначале, ты видишь, что сама смерть – не добро и не зло» [3. С. 192]. Смерть не личный экзистенциал в стоическом фатализме; эта не та сила или форма, через которое проявляется бытие человека, напротив, человек включен в «водоворот» жизни-смерти. «Смерть, уносящая нас, – лишь последняя смерть среди многих» [3. С. 73]. Все, включая и человека, подчиняется всеобщему закону чередования вещей в бытии, т. е. одни вещи сменяются другими в гармонично устроенном мире. А это и есть, как мы заметили выше, Судьба. Смерть не-лична, смерть не зависит от человека, она внелична. «Ибо конец возвещается тем, кто был некогда виновником возникновения жизни, а теперь является виновником ее прекращения. Ты же ни при чем как в том, так и в другом» [2. С. 206]. Его смерть предопределена порядком бытия, но не порядком бытия самого человека. Смерть, таким образом, запрограммирована порядком выстраивания причинно-следственных рядов (Судьбой). «Нас тоже и зажигают, и гасят: в промежутке мы многое чувствуем, а до и после – глубокая безмятежность. Если я не ошибаюсь, Луцилий, то вот в чем наше заблуждение: мы думаем, будто смерть впереди, а она и будет и была. То, что было до нас, – та же смерть. Не все ли равно, что прекратиться, что не начаться? Ведь тут и там – итог один: небытие» [3. С. 124].

Уже изначально твоя смерть запрограммирована и в любой момент может тебя настичь. «Фортуна сама находит нас не реже, чем мы ее. Стыдно не идти, а нестись по течению и в водовороте дел спрашивать, опешивши: “Как же я сюда попал?”» [3. С. 98]. Поэтому основной психологической установкой в фатализме считается установка на то, чтобы в любой миг быть готовым умереть. «Если хочешь меня послушаться, думай об одном, готовься к одному: встретить смерть, а если

подскажут обстоятельства, и приблизить ее. Ведь нет никакой разницы, она ли к нам придет, мы ли к ней» [3. С. 153]. Для Сенеки нет никакой разницы в том, что убьют ли тебя, распнут, казнят или убьешь ты сам себя. Все эти акты и действия человека и с человеком полностью запрограммированы и детерминированы одной главной причиной, одним началом, т. е. самым причинно-следственным порядком бытия (Судьбой). «Их ведет по непреложным путям извечный порядок судеб, они движутся по установленной чередности смен и либо управляют всеми событиями, либо предвещают их исход» [3. С. 223].

Итак, одна чередность причин сменяется другой по вечному закону бытия (Судьбе). «Внуши себе, что лжет общий голос невежд, утверждающих, будто “самое лучшее – умереть своей смертью”». «Чужой смертью никто не умирает» [3. С. 153]. Смерть одна на всех, как и один порядок на всех, как и одна судьба на всех. В таком порядке чередования причин отсутствуют какие-либо демаркационные границы между «здесь-мое-бытие», а «здесь-не-мое-бытие». В фатализме отсутствует какая-либо интимно-личностная вариативность судьбинности. Все предопределено, и все умирают, как это им положено, так как их смерть запрограммирована. «И подумай еще вот о чем: никто не умирает не в свой срок» [3. С. 157]. Все, что положено Судьбой (Фортуной), то законно, и вынесенный тебе смертный приговор всегда справедлив, и в частности приговор о смертной казни. «Все

совершающееся совершается согласно определенному порядку, но и согласно справедливости» [3. С. 78]. «Но никогда мудрец и в близости смерти, и зная о назначенной казни, не приложит к ней рук» [3. С. 155]. Здесь не срабатывают хайдеггеровские установки на возможность экзистенции «отклоняться» от смерти. «На его [мудреца. – М. Л.] взгляд, нет разницы, положить ли конец или дожидаться его, раньше он придет или позже: в этом мудрец не видит большого урона и не боится» [3. С. 154]. В стоицизме смерть не кара (наказание) за грех как в христианском сознании, это естественный закон и умереть предстоит всем. Таким образом, в фатализме ставится знак равенства между жизнью и смертью, а их чередование и есть Судьба (порядок мироздания). Жизнь без смерти не может существовать. Не будет одного, не будет и другого. «Смерть есть такая же часть природы, как и рождение» [2. С. 77]. Эти два компонента диалектически взаимосвязаны и равноценны в бытие вещей.

Итак, смертная казнь в фаталистической концепции мира предстает одним из проявлений Судьбы, одним из следствий чередования причинно-следственных рядов. Быть человеку казненным запрограммировано и предопределено Судьбой, так же, как другому быть убитым, а, например, третьему совершить самоубийство. Для каждого человека, таким образом, «вынашивается» свой смертный приговор, который оказывается непреодолимым и непереступаемым пределом его жизненного пути.

Список литературы

1. Гюйо, Жан Мари. Стоицизм и христианство: Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль: пер. с фр. / Жан Мари Гюйо. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2007.
2. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий; пер. с греч. С. Роговина. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012.
3. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Сенека Луций Анней; пер. с лат., вступит. ст., коммент. С. Ошерова. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013.
4. Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Сенека Луций Анней; пер. с лат., вступит. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя, 2001.
5. Титаренко, И. Н. Философия Луция Аннея Сенеки и ее связь с учением Ранней Стои / И. Н. Титаренко. – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2002.
6. Цицерон, М. Т. О природе богов / М. Т. Цицерон // Философские трактаты: (Памятники философской мысли) / пер. с лат. М. И. Рижского. – М.: Наука, 1985.
7. Чанышев, А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии / А. Н. Чанышев. – М.: Высш. шк., 1991.

Сведения об авторе

Лященко Максим Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и социологии Оренбургского государственного университета.
megamax82@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 45–50.*

**THE DEATH PENALTY IN FATALISM:
THE PROGRAMMING OF THE INDIVIDUAL'S DEATH**

M. N. Lyashenco

Orenburg State University, megamax82@rambler.ru

The Death Penalty in fatalism is the programming of the individual's death. This article analyzes the metaphysical foundations of the death penalty in fatalism. Turning to the philosophical essence of fatalism, the author concludes that the death penalty (punishment) for sin in the Christian consciousness, it is a natural law, and all will die. Individual programmed death of Fate is one of the mechanisms of death triggered by fate (the perfect reason).

Keywords: Fate; Fortune; Rock; Nature; Logos; microcausality.

References

1. Gyuyo J.M. *Stoitsizm i khristianstvo: Epiktet, Mark Avreliy i Paskal'* [Stoicism and Christianity: Epictetus, Marcus Aurelius, and Pascal], Moscow, LKI Publ., 2007. (In Russ.).
2. Mark Avreliy. *Nayedine s soboy. Razmyshleniya* [Alone. Reflections], S. Rogovin (tr.). Sankt-Petersburg, Azbuka: Azbuka-Attikus Publ., 2012. (In Russ.).
3. Seneka Lutsiy Anney. *Nravstvennyye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lutsiliyu], S. Oshero (tr., ed.). Sankt-Petersburg, Azbuka: Azbuka-Attikus Publ., 2013. (In Russ.).
4. Seneka Lutsiy Aney. *Filosofskiye traktaty* [Philosophical treatises], T. Yu. Boroday (tr., ed.). – Sankt-Petersburg, Aleteya Publ., 2001. (In Russ.).
5. Titarenko I.N. *Filosofiya Lutsiya Anneya Seneki i yeye svyaz' s ucheniyem Ranney Stoi* [Philosophy, Lucius Annaeus Seneca and its connection with the teachings of the early Stoa]. Rostov-na-Donu, SKNTS VSH Publ., 2002. (In Russ.).
6. Cicero M.T. O prirode bogov [On the nature of the gods]. *Filosofskiye traktaty (Pamyatniki filosofskoy mysli)* [Philosophical treatises: (Memoirs of philosophy)], M. I. Rizhskiy (tr.). Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russ.).
7. Chanyshev A.N. *Kurs lektsiy po drevney i srednevekovoy filosofii* [Lectures on ancient and medieval philosophy], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. (In Russ.).

УДК 316.356
ББК 60.5

Л. Б. Осипова

РЕПРОДУКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Глобальный процесс модернизации, динамизм современных социальных изменений, необходимость оптимизации рационального управления структурными изменениями в обществе в целях обеспечения гарантий устойчивого социального развития определяют актуальность переосмысления значения семьи как одного из основных социальных институтов, как формы социального общежития, обеспечивающей воспроизводство общественной жизни.

Ключевые слова: семья; социальный институт; кризис семьи; репродуктивное поведение; рождаемость.

Семья является уникальным социальным институтом, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. Новые экономические и социальные условия потребовали перестройки семейных отношений, супружеского ролевого взаимодействия, отношения к браку и разводу. В связи с этим изменился характер функций семьи.

Развернутую характеристику семьи как социального института дает С. В. Дармодехин: «Семья – это общность людей, связанная отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства; как основная ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции, играет особую роль в жизни человека, формировании личности, удовлетворенности духовных потребностей, обеспечении первичной социализации» [3. С. 36].

Семья есть важнейший социальный институт воспроизводства социума. Это подтверждается и высказыванием крупнейшего польского социолога Я. Щепаньского: «...из всех социальных институтов именно семья является единственным социальным организмом, “разрастающимся изнутри”» [7. С. 95]. В свою очередь А. Г. Волков отмечает: «...через семью осуществляется смена поколений людей, производство самого человека, продолжение рода...» [2. С. 11]. Следовательно, режим воспроизводства населения обеспечивает не только эффективное функционирование региональной социально-экономической системы, но и способствует общественному развитию во всем его многообразии.

В условиях трансформации семьи наблюдается тенденция к снижению рождаемости. Потребность личности в детях является духовной потребностью и выходит за рам-

ки изучения ее в связи с рождаемостью. По определению В. А. Беловой, репродуктивная установка – это «склонность индивида поступать тем или иным образом во всех вопросах, связанных с рождением ребенка» [1].

Для исследования мотивов репродуктивного поведения населения автором выбран Уральский Федеральный округ, в состав которого входит четыре области: Тюменская область (с автономными округами), Свердловская, Челябинская и Курганская область.

Социологическое исследование проводилось с января по декабрь 2012 г. по структурированной выборке из числа совершеннолетних жителей указанных областей. Всего в опросе участвовало 5330 чел. Выборка носила случайный пропорциональный характер.

Первоначально автором выявлено отношение респондентов к браку и формам организации семьи (табл. 1).

По данным, представленным в табл. 1, видно, что почти одна треть респондентов состоит в официальном браке (всего 35,4 %). Еще треть планирует вступить в официальный брак (33,7 %). Анализ семейного положения респондентов показал, что большинство не состоящих в браке все-таки имели опыт семейной жизни: 73,2 % из всех не состоящих в браке пребывают в разводе, 9,4 % потеряли своего супруга (вдовцы, вдовы). Подавляющее большинство респондентов (66,9 %) считают, что официальный брак является более прочным, чем брак незарегистрированный (так называемый «гражданский»). Исследуя гендерные отличия в ответах респондентов, можно отметить, что у женщин доверие к надежности официального брака выражено в большей степени. Считают эту форму семьи

Таблица 1

Показатель	Всего		Мужчин		Женщин	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1. Состоите ли Вы либо планируете ли Вы состоять в официальном браке?						
- да, я состою в браке	1885	35,4	814	33,3	1071	37,1
- еще не состою в браке, но планирую	1794	33,7	677	27,7	1117	38,7
- нет, я против официального брака	1007	18,9	530	21,7	476	16,5
- затрудняюсь ответить	645	12,1	423	17,3	222	7,7
2. Какую форму брака Вы считаете более предпочтительной?						
- регистрация в ЗАГСе	1930	36,2	802	32,8	1128	39,1
- венчание	1155	21,7	442	18,1	713	24,7
- незарегистрированный брак (сожительство)	1074	20,2	604	24,7	470	16,3
- все равно	833	15,6	423	17,3	410	14,2
- затрудняюсь ответить	338	6,3	174	7,1	165	5,7
3. Считаете ли Вы, что официальный брак более прочен, чем «гражданский» (незарегистрированный)?						
-да, безусловно	1739	32,6	631	25,8	1108	38,4
- чаще да	1826	34,3	836	34,2	990	34,3
- нет, это не так	1227	23,0	667	27,3	560	19,4
- затрудняюсь ответить	538	10,1	310	12,7	228	7,9
Всего	5330	100	2444	100	2886	100

более прочной 72,7 % женщин и только 60 % опрошенных мужчин. Как видим, различие довольно существенное – более 10 %. Что касается предпочтительных форм организации семьи, то большинство респондентов предпочитают узаконить свои отношения [4]. Влияние официального брака на репродуктивное поведение респондентов не вызывает сомнений. Бездетный брак считают неполноценным 34,7 % опрошенных, из них 28,9 % мужчин и 39,7 % женщин. Еще столько же респондентов полагают, что женитьба (замужество) скорее влияет на желание иметь детей, чем нет (37,1 % опрошенных, из них 39,4 % мужчин и 35,2 % женщин). Совершенно не связывают женитьбу (замужество) с рождением детей лишь 19,8 % респондентов (21,4 % мужчин и 18,5 % женщин), что находит отражение в динамике доли детей, рожденных вне брака.

Семья как основополагающий институт общественной системы обладает высокой приспособляемостью к новым жизненным условиям. С целью выявления уровня материального положения респондентам было предложено конкретизировать, как экономические условия повлияли на жизнедеятельность семьи (рис. 1).

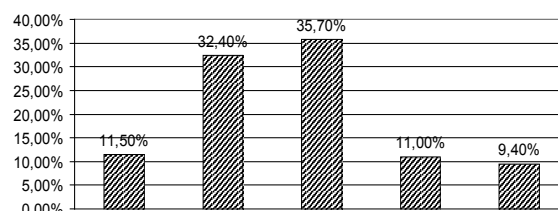

Рис. 1. Материальное положение семьи, в %

Ответы на вопрос: «Какие проблемы повседневной жизни больше всего беспокоят Вас и Вашу семью?», свидетельствуют о том, что стабильными причинами тревог россиян остаются: высокие цены на продукты, товары, услуги; низкие заработки, неблагоприятное материальное положение семьи; постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги. На первый план выступает проблема выживания семьи в условиях экономической нестабильности [5]. Несмотря на финансово-экономический кризис, оказавший влияние на материальное благосостояние семьи, у каждого человека есть определенные ценности, которые не зависят от катаклизмов общественной жизни. В ходе исследования было предложено проранжировать в порядке убывания набор ценностных ориентаций личности. Анализ ответов респондентов позволил установить, что рождение одного ребенка как

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос
о приоритете ценностных ориентаций личности по Тюменской области

Ценностные ориентации	Ранг	Доминантная группа	В том числе	
			Женщины	Мужчины
1	2	3	(доля упоминаний на данной позиции, %)	
4	5	6	7	8
Карьерный рост	1	Ж 25–35	69,0	60,8
Материальное благополучие	2	М 15–24	57,3	66,3
Решение жилищного вопроса	3	Ж 25–35	49,5	48,6
Профессиональная самореализация	4	М 15–24	34,9	56,7
Один ребенок	5	Ж 15–24	40,3	38,8
Крепкий брак	6	Ж 15–24	51,2	24,1
Занятие любимым делом	7	М 25–35	15,1	50,2
Личная свобода	8	М 15–24	19,1	40,7
Хорошее здоровье	9	МЖ 25–35	29,7	33,4
Два ребенка	10	Ж 25–35	32,1	12,3
Общественное признание и уважение	11	М 25–35	9,5	30,0
Три ребенка и более	12	МЖ 25–35	4,4	6,1
Процент к выборке			54,4	45,6

ценность отнесено жителями Тюменской области на пятое место (табл. 2).

Очевидно, что как женщины, так и мужчины ставят вопросы деторождения в конец списка. При этом сама идея «простого воспроизводства» – «два родителя – два ребенка» – отодвинута на 7 место женщинами и на 11 место мужчинами. К сожалению, в наименьшей степени опрошенные жители Тюменской области заинтересованы в рождении трех детей и более: по данному вопросу мужчины и женщины проявляют исключительное единогласие. Опрос жителей остальных областей УрФО (Свердловской, Челябинской, Курганской) дал схожее распределение ценностных приоритетов. Респонденты также единогласно относят в конец списка ценностей решение о рождении третьего и более детей. Падение уровня жизни населения в стране повлекло развитие негативных тенденций, наблюдаемых в сфере брачно-семейных отношений, в частности снижение рождаемости. В вопросах анкеты для представителей УрФО было перечислено 9 мотивов, 3 из которых носят экономическую направленность, 3 – психологическую, и 3 – социальную. Респондентам предлагалось выделить 3 ведущих мотива.

Респонденты, не имеющие детей, часто принимают решение завести ребенка, мотивируя это желанием занять в глазах окружающих новое для себя положение (44,0 %), либо

рассматривают его в качестве обязательной составляющей семейно-брачных отношений (23,8 %). При этом мнение, что первый ребенок поможет укрепить семью, разделяют только 16,5 % респондентов. Можно отметить, что рождение первенца накладывает на родителей определенные экономические и бытовые ограничения и, как следствие, отражается в низкой эффективности экономической мотивации. При этом в регионах с относительно высоким уровнем жизни населения (Тюменская область) экономические мотивы выражены наименьшим образом [6].

Иная картина наблюдается при исследовании мотивов респондентов к рождению второго ребенка (табл. 3). Опрос респондентов по поводу определяющих мотивов, побудивших их завести второго ребенка, показывает явное усиление экономической мотивации. Отметим, что это явление не случайно и является результатом направленной политики государства. В частности, эту тенденцию можно рассматривать как ответную реакцию населения на введение «материнского капитала», в соответствии с которым семьям выделяются крупные выплаты на рождение второго ребенка для участия в ипотеке, оплаты образования, прибавки к пенсионным накоплениям и др.

Помимо экономических мотивов, важную роль играют и социальные мотивы. Респонденты, имеющие одного ребенка, во втором

Таблица 3

Исследование мотивов к рождению второго ребенка у респондентов, имеющих одного ребенка, %

Регион		Социальная мотивация	Экономическая мотивация	Психологическая мотивация
Тюменская область	ВСЕГО	47,3	20,9	31,8
	Мужчин	25,1	8,8	13,7
	Женщин	22,2	12,1	18,1
Свердловская область	ВСЕГО	42,3	22,1	35,6
	Мужчин	24,1	8,2	17,1
	Женщин	18,2	13,9	18,5
Челябинская область	ВСЕГО	49,4	18,3	32,3
	Мужчин	29,1	7,1	14,2
	Женщин	20,3	11,2	18,1
Курганская область	ВСЕГО	44	25,1	30,9
	Мужчин	24,2	11,3	12,7
	Женщин	19,8	13,8	18,2
ВСЕГО по УФО	ВСЕГО	45,8	21,6	32,7
	Мужчин	25,6	8,8	14,4
	Женщин	20,1	12,8	18,3

ребенке видят возможность реализовать себя как «полноценные» родители и повысить уважение со стороны окружающих (34,7 %), родить ребенка другого пола (45,2 %) или возможность укрепить семью (29,0 %). При этом 23,8 % респондентов считают, что ребенок может позволить улучшить жилищные условия. Респонденты отмечают важную роль второго ребенка в семье, что позволяет лучше и правильнее воспитывать детей [6].

Одновременно результаты опроса показали, что в решении завести третьего ребенка психологические мотивы преобладают над остальными во всех регионах, кроме Курганской области. Недостаточная поддержка социальных стимулов к рождению третьего и более детей, отсутствие дополнительных льгот или преимуществ социально-психологического свойства определяет существование «невыгодности» многодетности.

Основными сдерживающими факторами называют отсутствие социальной инфраструктуры, высокую стоимость медицинских и образовательных услуг. Так, 62,3 % респондентов указали на необходимость увеличения доступности дошкольных учреждений, 76,5 % опрошенных считают, что финансовые гарантии здоровья, образования и трудоустройства также будут способствовать расширенному воспроизводству населения. Таким образом, семья повсеместно стала нуждаться в экономической и социальной поддержке государства. Иными словами, государственная политика должна быть направлена на создание условий, в которых семья и их члены могли бы сами и притом эффективно извлекать доходы из своей экономической деятельности и использовать их для поддержания приемлемого для их семьи образа жизни.

Список литературы

1. Белова, В. А. Число детей в семье / В. А. Белова. – М.: Знание, 1975. – 188 с.
2. Волков, А. Г. Семья – как объект демографии / А. Г. Волков. – М., 1986.
3. Дармодехин, С. В. Семья и государство / С. В. Дармодехин // Мониторинг социал.-экон. потенциала семей. – 2000. – № 3.
4. Осипова, Л. Б. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения / Л. Б. Осипова, О. В. Устинова. – Тюмень: ТюмГАСУ, 2014. – 110 с.
5. Осипова, Л. Б. Семья в современном российском обществе: проблемы и тенденции развития / Л. Б. Осипова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 108 с.

6. Устинова, О. В. Репродуктивный потенциал современной семьи: состояние и тенденции развития / О. В. Устинова, Л. Б. Осипова // Омск. науч. вестн. – 2014. – № 1 (125). – С. 40–44.
7. Щепанский, Л. Элементарные понятия социологии / Л. Щепанский. – М., 1969.

Сведения об авторе

Осипова Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.

lev1026@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 51–55.

FAMILY'S REPRODUCTIVE FUNCTION AS A FACTOR POPULATION REPRODUCTION

L. B. Osipova

Tyumen State Oil University, lev1026@yandex.ru

Global process of modernization, the dynamism of modern social change, the need to optimize the sound management of structural changes in society in order to guarantee sustainable social development determine the urgency of rethinking the value of the family as a basic social institutions as a form of social coexistence, ensuring the reproduction of social life.

Keywords: family; social institutions; family crisis; reproductive behavior; fertility.

References

1. Belova V.A. *Chislo detey v sem'ye* [The number of children in the family]. Moscow, Znaniye Publ., 1975. 188 p. (In Russ.).
2. Volkov A.G. *Sem'ya – kak ob'yekt demografii* [Family as the object of demography]. Moscow, 1986. (In Russ.).
3. Darmodekhin C.V. *Sem'ya i gosudarstvo* [Family and state]. *Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala semey* [Monitoring the socio-economic potential of the families], 2000, № 3. (In Russ.).
4. Osipova L.B., Ustinova O.V. *Reproduktivnaya funktsiya sem'i kak faktor vosпроизводства naseleniya* [Reproductive function of the family as a factor in human reproduction]. Tyumen', TyumGASU Publ., 2014. 110 p. (In Russ.).
5. Osipova L.B. *Sem'ya v sovremennom rossiyskom obshchestve: problemy i tendentsii razvitiya* [Family in modern Russian society: problems and trends]. Tyumen', TyumGNGU Publ., 2013. 108 p. (In Russ.).
6. Ustinova O.V., Osipova L.B. *Reproduktivnyy potentsial sovremennoy sem'i: sostoyaniye i tendentsii razvitiya* [Reproductive potential of the modern family: state and development trends]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Scientific Bulletin of Omsk], 2014, no. 1 (125), pp. 40–44. (In Russ.).
7. Shchepan'skiy L. *Elementarnyye ponyatiya sotsiologii* [Elementary Concepts of Sociology], Moscow, 1969. (In Russ.).

УДК348.46

ББК 65.49

С. В. Толмачева

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА МОЛОДЕЖНУЮ АУДИТОРИЮ

Предлагаются результаты авторского исследования восприятия современной российской рекламы в молодежной среде с позиции влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций. Социологическое исследование проходило в несколько этапов в период с 2005 по 2014 г. В исследовании принимали участие молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Исследование показало, что в современном российском обществе реклама оказывает влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи, при этом формируя преимущественно только потребительские, а не общечеловеческие ценности.

Ключевые слова: реклама; молодежь; формирование ценностных ориентаций.

Проблема формирования ценностных ориентаций всегда остается актуальной для социологического познания. Ценности являются стабилизирующим элементом общественного сознания, социального взаимодействия и образцами поведения индивида в обществе [1; 2; 4; 9; 10]. На современном этапе развития общества формирование ценностных ориентаций личности и социальных групп происходит не столько под воздействием семьи, системы образования, конфессиональных учреждений и учреждений культуры, сколько в результате влияния средств массовой коммуникации и рекламы [3]. Данное положение подтверждается авторскими исследованиями ценностных ориентаций молодежи как особой части общества, находящейся в социальном и возрастном становлении.

Автором было проведено первое разведывательное социологическое исследование формирования ценностей, предлагаемых современной российской рекламой в студенческих группах Тюменского государственного нефтегазового университета (140 человек) в 2005 г. Респонденты должны были написать эссе на тему «Как на меня влияет реклама». По результатам исследования только около 5 % респондентов отметили, что реклама их учит добиваться поставленных целей, трудиться, чтобы получить какой-либо результат. Более трети опрошенных отметили в рекламе ориентацию на ценность потребления, 27,1 % респондентов считают, что реклама показывает стремление к престижу, почету. А более 25 % отметили, что в рекламе показывается стремление к отдыху, расслаблению, играм. Отрицали влияние рекламы 5 % респондентов. Исследование 2005 г. показало,

что в российском обществе реклама оказывает непосредственное влияние на формирование ценностных ориентаций молодых людей.

В 2006–2012 гг. с целью выявления основных аспектов влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций молодежи автором было проведено более масштабное исследование, в котором приняли участие молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Исследование проводилось в Тюмени в два этапа. В марте 2006 г. на первом этапе методом анкетного опроса было опрошено 1000 респондентов [7]. Повторное анкетирование было проведено в 2012 г. с использованием той же методики. Опрошено 289 респондентов. Генеральная совокупность составила 166,1 тыс. чел. Выборочная совокупность респондентов – 1000 человек (при этом ошибка выборки составит не более 4 %) [5]. Произведена квотная многоступенчатая выборка от генеральной совокупности. Стратегией отбора на каждой ступени являлась бесповторная выборка методом типичных представителей.

Проведенное социологическое исследование в 2006 и 2012 гг. показало, что среди источников формирования ценностных ориентаций молодежи можно выделить приоритетные: семья, средства массовой информации (особое место занимают электронные) и реклама [6; 8]. Вместе с тем, учреждения культуры и религии не могут считаться таковыми в формировании ценностных ориентаций более чем половины респондентов. В 2006 г. более 60 % респондентов убеждены в необходимости рекламы, и около 60 % молодежи считают, что реклама преподносится более ярко, чем любые культурные или развивающие передачи. Спустя шесть лет ран-

жирование источников формирования ценностных ориентаций респондентов осталось практически неизменным. Поэтому можно утверждать значимость такого фактора формирования ценностных ориентаций молодежи, как реклама.

Рекламную информацию молодежь Тюмени в 2006 г. воспринимала достаточно критично: 46,9 % респондентов считают, что реклама не удовлетворяет эстетические потребности, 41,2 % респондентов не находят в рекламе ценностных стандартов, 32,1 % отвергают развивающую функцию рекламы в формировании мировоззрения индивида. За шесть лет критичность восприятия рекламы среди молодежи постепенно снижается. Вместе с тем, только треть респондентов считают, что реклама разрушает традиционные нормы и ценности, сложившиеся в обществе, при этом более 60 % согласны с утверждением, что реклама обманывает людей. Почти половина респондентов считают, что реклама лишает человека индивидуальности. В социологическом исследовании 2012 г. проявляется тенденция постепенного нивелирования негативизма восприятия рекламы: уже только 54,3 % респондентов обвиняют рекламу в обмане. Но несмотря на то, что молодежь понимает, что реклама заставляет приобретать ненужные товары, тем не менее, она воспринимается положительно и определяет стереотипы поведения. Около 77 % молодых людей, принимавших участие в исследовании, реклама помогает узнавать о новых товарах (в 2012 г. этот показатель даже возрос до 87,9 %). Но не все положительно воспринимают рекламу: половина респондентов отмечают, что реклама оторвана от реальной жизни. Более трети респондентов раздражает реклама, причем раздражение рекламой спустя шесть лет только усиливается. Они считают, что реклама глупа, угнетает. Однако более половины молодых людей, принимавших участие в исследовании, считают рекламу эффективной и нужной, что говорит о положительном восприятии рекламной коммуникации. Молодые люди Тюмени считают, что реклама позволяет получить информацию о поведении в определенных ситуациях, об образе и стиле жизни, то есть можно сказать, что реклама определяет обыденное

мировоззрение молодежи. В результате более масштабного исследования 2006 и 2012 гг. можно сделать вывод, что реклама является одним из приоритетных источников формирования ценностных ориентаций молодежи. Она выполняет не только информационную, коммерческую функции, но и функции эстетические, развивающие.

В 2014 г. проведено повторное социологическое исследование по методике разведывательного аналогичного исследования 2005 г. по выявлению формирования ценностей, предлагаемых современной российской рекламой. Эссе писали обучающиеся в Тюменском государственном нефтегазовом университете по программам экономического и гуманитарного направления в количестве 70 человек. Анализируя результаты исследования в динамике, можно сделать вывод, что реклама акцентирует внимание в первую очередь на ценности потребления товаров и услуг: в ответах респондентов она возросла (37,8 % в 2005 г. и до 42,9 % в 2014 г.). Увеличилось и число молодых людей, которые отметили, что реклама их учит добиваться поставленных целей, трудиться, чтобы получить какой-либо результат (5 % в 2005 г. и 17,1 % в 2014 г.). Ценность «нетрудовых» идеалов постепенно все меньше воспринимается молодежью в рекламных обращениях (25 % в 2005 г. и 15,7 % в 2014 г.). Возросло понимание того, что реклама оказывает влияние на поведение, ценности, идеалы респондентов (отрицали влияние в 2005 г. 5 % респондентов и в 2014 г. – 1,4 %).

Анализ результатов социологического исследования влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций молодежи выявил, что значимость рекламы при формировании ценностных ориентаций современной молодежи постоянно увеличивается. При этом реклама формирует, преимущественно, только потребительские ценности, а не общечеловеческие. Соответственно прогноз развития российского общества при сохранении существующей позиции рекламы не может являться позитивным. К сожалению, осознание возросшей роли рекламы в формировании ценностных ориентаций не нашло должного отражения в регулировании рекламной деятельности в российском обществе.

Список литературы

1. Невелев, А. Б. Проблема предельного знака культуры / А. Б. Невелев // Традицион. национал.-культур. и духов. ценности как фундамент инновацион. развития России. – 2010. – № 3 (3). – С. 213–215.
2. Невелев, А. Б. Ценностное бытие человека / А. Б. Невелев, В. Н. Потехин, Н. Л. Худякова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 135 с.
3. Савельева, О. О. Социокультурный дискурс рекламы и рекламная ретроспекция / О. О. Савельева // Альм. теоретич. и прикл. исслед. рекламы. – 2012. – № 2 (4). – С. 69–86.
4. Смирнов, М. Г. Тенденции трансформации национального социокультурного пространства в условиях глобализации / М. Г. Смирнов // Судьбы национальных культур в условиях глобализации. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – С. 129–134.
5. Толмачева, С. В. Влияние рекламы на формирование ценностных ориентаций молодежи г. Тюмени / С. В. Толмачева // Изв. вузов. – Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 3. – С. 73–78.
6. Толмачева, С. В. Динамика формирования ценностных ориентаций молодежи г. Тюмени / С. В. Толмачева, Л. Б. Осипова // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2 (29). – С. 174–179.
7. Толмачева, С. В. Реклама глазами молодежи / С. В. Толмачева, Л. Генин // Социол. исслед. – 2007. – № 4. – С. 56–61.
8. Толмачева, С. В. Социальная реклама и формирование правовой культуры личности / С. В. Толмачева // European Social Science Journal. – 2014. – № 5, т. 1. – С. 415–419.
9. Худякова, Н. Л. Ценностные основы социальных отношений / Н. Л. Худякова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 7–10.
10. Ustinova O. V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia / O. V. Ustinova // Life Science Journal. – 2014. – 11 (8s). – P. 465–468.

Сведения об авторе

Толмачева Светлана Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.

svtolm@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 56–59.*

INFLUENCE OF ADVERTISING ON YOUNG AUDIENCE

S. V. Tolmacheva

Tyumen State Oil University, svtolm@gmail.com

The article presents the results of the author's research on perception of modern Russian advertising among young people from a position of influence of advertising on the formation of values. Sociological research took place in several stages between 2005 and 2014. The study involved young people aged 14 to 30 years. The study showed that in modern Russian society advertising has an impact on the formation of value orientations of young people, thereby generating mostly only consumer rather than universal values.

Keywords: advertising; value orientations; young people.

References

1. Nevelev A.B. Problema predel'nogo znaka kul'tury [Issue of limit sign in a culture]. *Traditsionnyye natsional'no-kul'turnyye i dukhovnyye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya*

Rossii [Traditional national cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia], 2010, no. 3 (3), pp. 213–215. (In Russ.).

2. Nevelev A.B., Potekhin V.N., Khudyakova N.L. *Tsenostnoye bytiye cheloveka* [Valuable human being]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. 135 p. (In Russ.).

3. Savel'yeva O.O. Sotsiokul'turnyy diskurs reklamy i reklamnaya retrospektsiya [Socio-cultural discourse of advertising and advertising retrospection]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* [Almanac theoretical and applied research of advertising], 2012, no. 2 (4), pp. 69–86. (In Russ.).

4. Smirnov M.G. Tendentsii transformatsii natsional'nogo sotsiokul'turnogo prostranstva v usloviyakh globalizatsii [Trends of transformation of the national socio-cultural space in the context of globalization]. *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii* [Destiny of national cultures in the context of globalization], Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2010, pp. 129–134. (In Russ.).

5. Tolmacheva S.V. Vliyaniye reklamy na formirovaniye tsennostnykh oriyentatsiy molodezhi g. Tyumeni [Influence of advertising on the formation of valuable orientations of youth in Tyumen]. *Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of the universities. Sociology. The Economy. Politics], 2012, no. 3, pp. 73–78. (In Russ.).

6. Tolmacheva S.V., Osipova L.B. Dinamika formirovaniya tsennostnykh oriyentatsiy molodezhi g. Tyumeni [Dynamics of formation of valuable orientations of youth in Tyumen]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 2 (29), pp. 174–179. (In Russ.).

7. Tolmacheva S.V., Genin L. Reklama glazami molodezhi [Advertising by eyes of youth]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological researches], 2007, no. 4, pp. 56–61. (In Russ.).

8. Tolmacheva S.V. *Sotsial'naya reklama i formirovaniye pravovoy kul'tury lichnosti* [Social advertising and the formation of the legal culture of personality]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 5, vol. 1, pp. 415–419. (In Russ.).

9. Khudyakova N.L. Tsennostnyye osnovy sotsial'nykh otnosheniy [Valuable bases of social relations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 4, pp. 7–10. (In Russ.).

10. Ustinova O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. *Life Science Journal*, 2014, no. 11 (8s), pp. 465–468.

УДК 37.01
ББК 74.0

Н. Л. Худякова

СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ИНВАРИАНТНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Предпринята попытка выявить инвариантную структуру общества, отражающую его субстанциональные качества. В качестве таковой предлагается рассматривать сферы общественных отношений как сферы общественного производства и функциональные взаимосвязи между ними. Обосновывается, что наряду с базисными сферами общественного производства (социальной, материальной, духовной и организационной) в современном обществе в качестве его системообразующих оснований начинают выделяться такие сферы общественного производства, как политическая, сфера рынка и финансовая сфера. Показано, что коэволюционный тип связи между сферами общественного производства обуславливает закономерности развития общества в целом.

Ключевые слова: структурно-функциональный подход; общество как функциональная система; производство; культурно-опосредованное отношение; сферы общественных отношений; сферы общественного производства; инвариантная структура общества; коэволюционный тип связи.

Предметом социально-философского познания, прежде всего, выступают всеобщие качества общества. Как философская категория понятие 'качество' является выражением существенной определенности объекта, не отделимой от его бытия, благодаря которой, он является именно этим, а не иным объектом. В то же время качество отражает устойчивое внутреннее и внешнее взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от других, существующих в естественном для них пространстве. Исходя из этих положений, можно утверждать, что всеобщие качества общества определяют его инвариантную структуру, которая образует то единое, которое стоит за многообразием общественных отношений, порождает его.

Выявление инвариантной структуры общества осуществляется на основе применения субстанционального и системного, а точнее структурно-функционального подхода, который позволяет исследователю осуществить теоретическое осмысление познаваемого объекта как «целого».

Общество как сложная система складывается из отношений между людьми. Структурно-функциональный подход обращает наше внимание на то, что связи, отношения между элементами системы устанавливаются в результате воспроизводства качеств этих

элементов, т. е. в результате их функционирования. Поэтому бытие общества часто рассматривают лишь как производное от существования составляющих его индивидов.

Отрицание возможности существования инвариантных структур общества исходит из понимания отношений между людьми как продукта их творческой самореализации, творческой свободы. Такие отношения могут быть какими угодно. К другому выводу можно прийти, если выявление структуры общества начинать с решения проблемы возникновения способности человека к творческой самореализации. Формой осуществления её является целесообразная деятельность людей, имеющая своим содержанием преобразование, освоение природных и социальных сил для удовлетворения исторически сложившихся потребностей человека и общества.

Способность человека к целесообразной деятельности, направленной на преобразование всего существующего, возникает только в результате включения человека в отношения производства. Опираясь на это положение, нами было обосновано, что именно производство выступает в качестве субстанции социального, так как отличается всеми свойствами субстанциональных систем: самопорождением, самопричинностью, наличием особых механизмов самосохранения и саморазвития системной целостности, качественной самодостаточностью [12].

Субстанция социального определяется К. Х. Момджяном как «способ существования социальной действительности, который выделяет ее во внешнем мире и служит основанием ее внутренней системной целостности» [7. С. 141]. Это значит, что именно производство как специфическая форма отношений, обеспечивающая воспроизводство жизни человека, является «клеточкой» общества, базисной инвариантной структурой общественных отношений, изучение которой должно быть логическим началом исследования общества.

Термин 'производство' мы, вслед за К. Марксом, используем как абстракцию, позволяющую отразить то общее, что характеризует не только процесс целенаправленной деятельности, но и процесс её воспроизводства через включение продукта одной деятельности в другую [5. С. 29].

Производство – это живая деятельность, взятая в отношении к своему продукту – овеществленной деятельности, который встраивается в новый акт живой деятельности либо в виде субъекта (цели), либо в виде средства, либо в виде предмета. Таким образом, производство всегда складывается как комплекс деятельностей, взаимосвязанных через продукт, и обеспечивает воспроизводство всех элементов деятельности.

Как писал К. Маркс, «не существует производства вообще <...> Производство всегда есть та или иная особая отрасль производства, например, земледелие, животноводство, обрабатывающая промышленность и т. д., или оно есть их совокупность...» [5. С. 29]. Поддержание жизни человека, его развитие может быть осуществлено при наличии определенного комплекса производств, в своей целостности обеспечивающего и удовлетворение всех базовых потребностей индивидов, и самовоспроизводство. Этот комплекс должен обеспечивать производство базовых групп продуктов, к которым мы относим те, что необходимо для поддержания субстанциональных свойств производства. Комплекс производств с названными качествами и есть общественное производство, которое складывается из подсистем общественных отношений, ориентированных на производство базовых групп продуктов и образующих инвариантную структуру общества, рассматриваемого как функциональная система.

Познание общества через изучение функционирования его элементов (индиви-

дов, социальных общностей разных типов) (функциональный подход) следует отличать от его познания как функциональной системы (структурно-функциональный подход). Функциональная система, по определению А. Н. Аверьянова, – это характеристика упорядоченности объекта по отношению к одной из его внешних функций [1. С. 24]. Упорядоченность следует понимать как тождественность каждого элемента своей «малой функции», подчиненной «большой, продуктивной функции системы. Закономерности внутреннего функционирования системы передаются через её структуру, в которой выделяются компоненты системы и связи между ними» [1. С. 28]. Эти закономерности существования функциональных систем определяют такие их качества, как замкнутость, автономность, целостность.

Применение структурно-функционального подхода по отношению к обществу затруднено тем, что не удается найти однозначного ответа на вопросы: частью какой мегасистемы можно считать общество и частью какой мегасистемы можно считать индивидов? Мы исходим из того, что как индивид является элементом общества, так и общество – элементом бытия индивидов. С этой точки зрения продуктивной функцией общества является создание условий, обеспечивающих воспроизводство индивидов как существ, способных быть субъектами общественных отношений, субъектами отношения производства.

В отечественной социальной философии методология изучения общества как функциональной системы стала складываться в рамках сферного подхода с 80-х гг. XX в. В большинстве исследований только часть сфер общественной жизни были представлены как общественные отношения, направленные на производство определенного продукта. Сначала в качестве сфер общественной жизни сначала рассматривались однопорядковые социальные процессы и явления, связанные между собой системой общих законов и принципов (В. С. Барулин) [2]. Такой подход позволяет в качестве сфер общества рассматривать подсистемы с различными структурами (В. С. Барулин, В. П. Алексеев, И. А. Гобозов и др.). Тем не менее, четко выделялась сфера материально-производственная, а духовная сфера была представлена всеми группами продуктов духовного производства. Что касается социальной сферы, то она,

как правило, была представлена и социально-демографической структурой общества, и различными социальными институтами, обеспечивающими воспроизводство человека. Однако последнее не рассматривалось как основание упорядочивания функционирования этой подсистемы общества. Также функционально неупорядоченно была представлена и политическая сфера, включающая в себя различные властные структуры.

Виды производства, соотнесенные с определенными группами продуктов, были взяты как основание выделения сфер общественной жизни в исследованиях Л. М. Семашко [11] и К. Х. Момджяна [7]. Первый называет в качестве базовых продуктов людей, информацию, организацию и вещи в качестве компонентов-ресурсов, которые как предметы общественного потребления воспроизводятся обществом как продукты. К. Х. Момджян в качестве инвариантной структуры общества выделяет не сферы общества, а виды производства: людей, вещей, символов или знаков и сложную совокупность организационных связей и отношений. Каждому виду производства соответствуют тип совместной деятельности: материальное производство, организационный тип деятельности, духовная деятельность (производство), социальная деятельность. К. Х. Момджян обосновывает, что осуществление названных четырех типов деятельности обеспечивает выживание самодостаточных человеческих коллективов. Мы разделяем эту позицию и считаем возможным продолжить изучение общества как функциональной системы в рамках сферного подхода. В качестве сфер общественных отношений выступают устойчиво существующие подсистемы общественных отношений, обеспечивающие производство базовых групп продуктов. Что же мы можем отнести к таковым? Для выяснения этого рассмотрим структуру той формы отношений, которая может образовывать производство.

Производство возникает и может существовать только как культурно-опосредованное отношение. Это не инстинктивное, т. е. не природное, а, значит, искусственное отношение – отношение, которое может построить только человек, обладающий свойствами субъекта. Согласно исследованиям А. Б. Невелева, основными моментами деятельного культурно-опосредованного отношения являются:

- *объект отношения* – мир, существующий сам по себе, независимо от человека, по своим закономерностям;

- *субъект отношения* – активная, творческая, свободная сторона отношения, сам человек (индивид, группа, народ, человечество);

- *средство отношения* – культурная форма, то, что человек помещает между собой и миром в качестве проводника воздействия на мир и проводника обратного действия мира на человека. Таким образом, через средство (культуру) человек осуществляет *взаимодействие* с миром;

- *предмет отношения* – объект, взятый в отношении к субъекту через средство (культуру). Культура предстает «призмой», через которую мир для человека становится предметным» [8. С. 142].

Процесс и результат установления культурно-опосредованного отношения есть деятельность. В качестве необходимых для воспроизводства любой деятельности выступают сами люди как субъекты деятельности и средства деятельности (культурные средства). Их мы и можем отнести к базовым группам продуктов общественного производства, обеспечивающим качественную самодостаточность сферы социального бытия как бытия человека, самосохранения и саморазвития её системной целостности.

Итак, первой сферой общественного производства (общественных отношений) выступает *социальная сфера общества*, продуктивной функцией которой является производство людей как субъектов деятельности.

Взаимосвязь между сферами общественного производства осуществляется через производственные отношения, которые складываются как производство, распределение, обмен и потребление живой и овеществленной деятельности. Для поддержания производственных отношений необходима подготовка людей как субъектов деятельности, направленной на производство определенных продуктов, субъектов деятельности по их распределению, субъектов деятельности по обмену продуктов потребления и субъектов деятельности, направленной на их потребление. Причем в качестве последнего человек может выступать не только как субъект потребления, обеспечивающего удовлетворение его базовых потребностей, его самоактуализацию, но и как субъект, отбирающий необходимое для

какого-либо производства, организующий его.

Анализ структуры культурно-опосредованного отношения позволяет также установить, что воспроизводство человека может быть ориентировано на его существование в качестве предмета какой-либо деятельности и на его превращение в средство деятельности. Первое происходит, например, в процессе образования человека: каждая ступень образования должна обеспечить возникновение у обучающихся таких качеств, которые необходимы для продолжения образования на следующей его ступени. Производство человека как средства деятельности становится востребованным тогда, когда становятся не актуальными его творческие способности.

Устойчивое функционирование сфер общественного производства как подсистем общества обеспечивается теми социальными институтами, за счет согласованного функционирования которых реализуются основные продуктивные функции этих сфер. Дюркгейм образно называл социальные институты «фабриками воспроизводства общественных отношений». Социальные, или, как писал К. Маркс, «общественные институты являются продуктами исторического развития» [4. С. 406]. Социальные институты складываются и существуют как исторически сложившаяся устойчивая форма социальных отношений, рационально упорядочивающая жизнедеятельность составляющих общество индивидов по отношению к определенным социальным функциям; как механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводящихся социальных отношений и социальных практик людей. Так, *социальная сфера*, ориентированная на производство человека, представлена институтами, обеспечивающими его рождение и существование как живого существа, его развитие как личности (социокультурное развитие), как субъекта деятельности. К таким институтам относятся: институты семьи, брака, здравоохранения, образования, институты культуры. А также институты социальной помощи и поддержки населения. В различных обществах и в разные исторические периоды названные институты ориентированы на производство людей с различными качествами и функционируют по-разному. Все они для осуществления производства людей используют продукты деятельности других базисных сфер общественного производства.

К таковым, как мы уже писали, относятся те, которые обеспечивают производство средств деятельности. В качестве таковых мы рассматриваем не только культурные средства, используемые при производстве предметов потребления, но и сами предметы потребления. Человек потребляет что-либо не только для поддержания своей жизни как живого существа. Потребляя, человек создает сам себя как культурное, как искусственное существо, желаемый образ которого есть также результат деятельности его сознания.

В исследованиях В. И. Плотникова убедительно обосновано, что любое культурное средство представлено явно или не явно орудиями (материальными средствами), языком и нормами отношений между людьми [9]. С ведущей ролью в жизни людей одного из названных средств он связывает развитие культуры. А. Б. Невелев пишет, что «культура как средство отношения человека к миру объективно делится на четыре группы средств, которые условно можно назвать “орудия”, “символы”, “знаки”, “предельные знаки (категории, универсалии)”» [8. С. 141]. Названные исследования позволяют нам утверждать, что производство средств деятельности (культурных средств) представлено производством материального и идеального (символического и знакового).

В соответствии с названными группами основных культурных средств выделяются еще три сферы общественного производства:

- *материальная сфера* – производство материальной жизни, материальных вещей (как орудий – материальных средств производства, так и предметов непосредственного потребления человеком);

- *духовная сфера* – производство продуктов духовной деятельности человека – идеального (знаний, ценностей, информации, норм отношений между людьми, технологий).

- *организационная сфера* – производство организационной структуры как системы связей между подсистемами общества, основанной на закреплении сфер ответственности и полномочий субъектов деятельности и контроле над ними.

Сфера *материального общественного производства* представлена институтом собственности, сельского хозяйства, промышленности, сферы услуг и т. п. Она может успешно функционировать лишь тогда, когда от социальной сферы получит подготовлен-

ных субъектов деятельности по производству материальных благ, от духовной сферы – научно-обоснованные технологии производства, от организационной сферы – организационную структуру производства.

Духовную сферу общественного производства образуют такие социальные институты, как институт религии, науки, искусства, философии и сложившийся в современном обществе институт массовой информации. В рамках религии вырабатываются общезначимые системы ценностей. Наука как социальный институт обеспечивает выработку системы научных знаний о действительности и создание различных технологий (технологии производства материальных благ, социальные технологии, технологии научного познания и т. п.). Искусство обеспечивает художественное самовыражение индивидов – творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах, фиксирующих ценностные ориентации творцов, переживаемые ими состояния, осознанные ими проблемы собственной жизни и жизни других людей. Философия – синтез различных форм знаний на основе понимания внутренней взаимосвязи и единства всего существующего во всей его полноте и целостности. Институт массовой информации обеспечивает производство информации как системы специально отобранных и упорядоченных знаний, используемых в качестве средства реализации определенных целей.

Духовная сфера производства является сферой реализации творческой свободы человека, которая не должна ничем ограничиваться в рамках самого процесса духовного производства. Но в то же время продукты духовной деятельности используются в качестве наиболее значимых средств деятельности в других сферах производства. Иногда использование этих продуктов приводит к системному качественному изменению общества. Примерами такого изменения может служить технологический прогресс или изменение общественного уклада, связанное с распространением новых религиозных идей. Но вызванные изменения могут иметь как позитивный, так и негативный характер, поэтому следует отделить само производство продуктов духовной деятельности от их потребления. Потребление продуктов духовной деятельности осуществляется посредством их использования в других сферах производства в качестве

средств, от выбора которых зависит результативность и эффективность любой деятельности. Поэтому, не имея никаких претензий к продуктам духовной деятельности самим по себе, мы можем усомниться в необходимости или даже в допустимости использования некоторых идей, теорий, произведений художественно-эстетической деятельности и др. в области экономики, образования, в учреждениях культуры, их тиражирования средствами массовой информации.

Организационная сфера общественного производства складывается на основе функционирования института права, института политической власти, представленного институтами административного и государственного управления, института общественных организаций, армии и др. Все названные институты обеспечивают закрепление сфер ответственности и полномочий субъектов деятельности и контроль над ними посредством руководства и управления. Особенно важным является то, что эти функции реализуются «за счет системы вертикальных отношений “руководства-подчинения”, власти как совокупности полномочий, делегированных обществом или социальной группой, позволяющих субъекту “присваивать волю” других людей, принуждать их теми или иными средствами к исполнению своих решений)» [7. С. 208].

Описание механизма функционирования организационной сферы показывает, что одним из её главных элементов является институт политической власти. Это стало основанием выделения в исследованиях В. С. Барулина, П. В. Алексеева, И. А. Гобозова и др. политической сферы качестве четвертой сферы общества. В исследованиях К. Х. Момджяна политическая деятельность включена в организационную как высшая форма социального управления. С нашей точки зрения, политическая деятельность представляет собой самостоятельную подсистему общественных отношений, обеспечивающую возникновение возможности политической власти для определенной социальной группы. *Политическая сфера общественного производства* представляет собой подсистему общественных отношений, обеспечивающих производство политической власти, которое заключается в специально организованных действиях, направленных на её достижение и удержание. Там, где политическая власть была получена в результате осуществления правовых норм

(например, норм наследования), не предусматривающего участие народа, или каких-либо отдельных социальных групп в её выборе, она может рассматриваться как элемент организационной сферы общественных отношений, как результат функционирования института права.

В современном обществе политическая власть как способность определённой социальной группы осуществлять свою волю, оказывать воздействие на деятельность других социальных групп или классов далеко не всегда начинает использоваться для выполнения в обществе организационно-управленческой функции, направленной на поддержание его функционирования как качественно самодостаточной, способной самосохранению и саморазвитию, автономной социальной подсистемы. Мы видим использование власти даже государственного уровня в личных целях, использование власти как средства влияния на основные сферы производства, выражающего частные интересы, и т. п.

Политическая сфера общественных отношений (общественного производства) складывается как результат функционирования таких институтов, как политические партии, гражданское общество, институт выборов и т. п.

Анализ исторически существовавших систем общественных отношений позволяет утверждать, что только четыре сферы и взаимодействие между ними образуют их базисную структуру – структуру общественных отношений, обеспечивающую функционирование и развитие общества любого типа: сфера материального общественного производства, сфера духовного общественного производства, сфера социального общественного производства и сфера организационного общественного производства. Взаимосвязь между ними может осуществляться, прежде всего, как производственное отношение, представленное производством продуктов потребления, их распределением, обменом и потреблением. Производственное отношение – это отношение собственности в экономическом, а не в правовом или юридическом смысле. Сказать «производственные отношения» и сказать «собственность» – одно и то же: когда человек что-либо производит – он присваивает, распределение и обмен – это перераспределение собственности, потребление – это окончательное утверждение собственности над вещью.

В доклассовом первобытном обществе – по К. Марксу, первичной общественной формации – все базисные сферы общественных отношений существовали в органическом единстве. Это значит, что все члены родовой общины выступали субъектами всех видов производства и всех видов потребления. Первичная форма собственности – обобществленная собственность – не предполагала никакого обмена, кроме обмена живой деятельностью. К. Маркс называет эту форму общества обществом личной зависимости. Личная зависимость от рода обеспечивала защищенность индивидов от природы. Тем не менее, для общества этой формации производство человека было главной целью: все материальные блага, продукты духовной деятельности и организационная структура рода обеспечивали воспроизводство людей, способных поддерживать жизнь рода, а значит, и свою жизнь. Невозможность в силу каких-либо причин реализовать эту главную цель влекла за собой опасность уничтожения рода. Органическое единство базисных сфер общественного производства обеспечивало возможность автономного существования рода, его самовоспроизводство. В современном обществе такая целостность базисных сфер общественного производства может складываться только на уровне семьи, причем такой, которая ориентирована, в первую очередь, на производство и воспроизводство человека.

Изменение характера отношений между базисными сферами общественного производства начинают происходить тогда, когда в результате роста производительности труда возникает разделение собственности, обмен продуктами производства (товаром) и деньгами как эквивалентом стоимости производимых продуктов, – их меновой стоимости. Постепенно начинает формироваться *сфера рыночных отношений*. Как пишет К. Маркс: «Обособление меновой стоимости в виде денег, т. е. в форме, оторванной от продуктов, соответствует обособлению обмена (торговли) в качестве функции, оторванной от обменивающихся сторон» [6. С. 91], т. е. как от производителя продуктов, так и от потребителей.

Первоначально рыночные отношения, представленные институтом торговли, были включены в организационную структуру, посредством которой осуществлялась связь между сферами материального, духовного и социального производства. Организационная

сфера общественного производства не имеет собственных интересов – она ориентирована лишь на создание организационной структуры, обеспечивающей взаимосогласованность остальных сфер общественного производства. Так как эти сферы выступают и как сферы производства, и как сферы потребления, то связь от производителя к потребителю осуществляется через деятельность по распределению и обмену продуктов производства. Обратную связь от потребителя к производителю образуют знания о том, что необходимо потребителю.

В самостоятельную подсистему сфера рыночных отношений выделилась тогда, когда стала складываться как система отношений, преследующая собственные интересы. Она стала производить формы социальных отношений, обеспечивающих не только обмен продуктов производства, но и увеличение интенсивности этого обмена за счет рекламы, которая сама начинает определять запросы потребителя и навязывать определенные стандарты продуктов потребления производителю. В результате возникает крайняя степень обособления обмена («всеобщая продажность» К. Маркс) от производства и от потребления. Рынок начинает диктовать свои условия производителям и формировать потребности потребителей. В современном мире в сферу рыночных отношений попадает все, что производится людьми. На рынке можно купить все: детей, мужа, жену, информацию, способствующую реализации самых различных целей, и т. п. Даже государственная власть, порой, становится предлагаемым на рынке продуктом (товаром). Именно так можно расценивать действия властей современной Украины, предложившей себя, продающей себя в качестве силы, подстрекающей Россию к военному противостоянию и готовой воевать с ней за интересы совсем другого государства. Похоже на то, что политическая сфера общественных отношений выделилась в самостоятельную сферу производства власти именно тогда, когда власть стала предметом продажи.

В современном обществе *сфера рыночных отношений* представлена институтом торговли, институтом рекламы и институтом логистических систем, складывающимся как совокупность действий участников логистической цепи (предприятий-производителей, транспортных, торговых организаций, магазинов, и

пр.), построенных таким образом, чтобы выполнялись основные задачи логистики.

Развитие сферы рыночных отношений приводит к возникновению производства особенного продукта – денег, которое в современном обществе также выделилось в самостоятельную сферу общественного производства – финансовую. Финансовая сфера представлена финансовыми институтами: банками, сберегательными институтами (кассами взаимопомощи и др.), страховыми и инвестиционными компаниями, брокерскими и биржевыми фирмами, инвестиционными фондами и т. п. На первый план выходит особенный продукт общественного производства – деньги. Владельцы денег начинают определять правила деятельности не только в сфере рынка, но в политической и организационной сферах, а через них и во всех других. Усилия институтов финансовой и рыночных сфер общественного производства направлены на создание системы безгранично расширяющегося потребления людьми продуктов материальной и частично духовной сфер общества. При этом даже в качестве потребителя человек не нужен как субъект деятельности потребления, максимально осознанно определяющий, что, зачем и почему ему необходимо. Поэтому далеко не все продукты духовной сферы общественного производства становятся востребованы. Человек становится тем, кто потребляет: скорее, не целью, а средством. Так расцветает общество вещной зависимости, в котором потребительная стоимость поглощается стоимостью.

Это приводит к снижению требований к качествам человека как продукта социальной сферы, которая уже не ориентируется на социокультурное развитие человека, обеспечивающее развертывание всех его потенциальных возможностей. Человек, который преимущественно потребитель, все меньше и меньше видит себя в качестве производителя и не связывает свое развитие с развитием соответствующих способностей. Начинают страдать все сферы производства и в первую очередь наиболее сложные – это производство организационной структуры общества, обеспечивающей его самовоспроизводство и саморазвитие.

В связи с формированием сферы рыночных отношений и финансовой сферы как детерминирующих элементов инвариантной структуры современного общества меняется

функционирование организационной сферы общественных отношений. Из неё исключается обмен. Остается только два вида связи между сферами общественных отношений: распределение и получение информации о потребностях индивидов и социальных общностей, которые в силу каких-либо причин не желают удовлетворять рынок и финансовые структуры. Так как через рынок связано практически все, то у некоторых политически позиционирующих себя субъектов (например, у неолибералов) вообще возникает сомнение в необходимости существования других способов установления взаимосвязи между производителями и потребителями, т. е. в организационной сфере общественного производства. В результате отрицается необходимость государства – основного института организационной сферы общественного производства, который может обеспечить создание особых механизмов самосохранения и саморазвития системной целостности больших социальных общностей (стран).

Какие перспективы развития общества, связанные с изменением функционирования общества как системы, складывающейся из базовых и основных сфер общественного производства, можно прогнозировать? К. Маркс писал, что общество вещной зависимости создает условия для возникновения третичной формации – общества свободной человеческой индивидуальности: «Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние – такова третья ступень» [6. С. 101]. Возникновение общества свободной человеческой индивидуальности возможно лишь тогда, когда производство людей, актуализирующих все свои потенциальные возможности, станет главной продуктивной функцией общества. Но как это произойдет, и может ли произойти?

С нашей точки зрения, основанием механизма изменения продуктивной функции общества с производства вещей на производство людей является коэволюционный тип связи между сферами общественного производства.

В исследованиях В. П. Кохановского понятием ‘коэволюция’ обозначается корреляция эволюционных изменений развивающихся систем, предполагающая их взаимоадаптированность и взаимосвязанность в единую мегасистему [3. С. 353]. Анализ различных

определений понятия ‘коэволюция’ позволяет его трактовать как сопряженное взаимообусловленное изменение систем или частей внутри целого. Следует при этом отметить, что коэволюционировать могут не всякие наугад (случайно, хаотично) избранные две (возможно, и более) системы. Необходима некая (относительная) симметрия, равнозначность «равноположенность» коэволюционирующих систем. Коэволюционную форму связи В. И. Плотников трактует как структурированную совместность Природы и Культуры [9. С. 261]. Она определяет характер взаимодействия и между целостными подсистемами развивающегося общества.

Коэволюционный характер связи между сферами общественного производства обусловлен тем, что все без исключения сферы связаны через продукт и как производители, и как потребители – это приводит к взаимообусловленности изменения их качеств. Структурированная сопряженность процессов изменения сфер общественного производства проявляется как смена основной детерминанты развития общества в целом, в качестве которой выступает одна из этих сфер. В качестве таковой она начинает определять основные параметры производства и потребления всех остальных сфер общественного производства до тех пор, пока не происходит принципиальное изменение качества процессов производства и продукта какой-либо другой сферы, позволяющее ей стать новой детерминантой общественного развития. Так, детерминирующая роль сферы материального производства приводит к развитию, например, науки и технологий, т. е. духовной сферы производства. На некоторое время духовная сфера становится детерминантой общественного развития – до тех пор, пока в результате её воздействия не произойдет такое качественное изменение, например, социальной сферы. Социальная сфера общественного производства, обеспечивающая наиболее полное усвоение индивидами научных и технологических достижений, начинает какое-то время оказывать более сильное воздействие на все остальные сферы общественных отношений.

Согласованное взаимодействие, взаимообусловленность развития сфер общественного производства возникает только в автономно существующих социальных общностях. Таковыми в современном обществе могут быть только семья и суверенные государства.

Но если на уровне семьи, ориентированной на воспроизводство людей как личностей, как субъектов деятельности, любой её член выступает субъектом всех видов базисных производства и потребления, то на уровне стран взаимосогласованность этих сфер удерживается институтом государства.

Возникновение надгосударственных структур в настоящее время приводит к дисгармонии сфер общественного производства на уровне отдельных стран. Наиболее влиятельными сферами общественного производства надгосударственного уровня в современном обществе являются сферы финансов и рынка. Общемировая система разделения труда, навязываемая странам этими подсистемами общественных отношений через внешнее влияние на них, приводит к тому, что некоторые базисные сферы общественного производства исчезают из структуры системы общественных отношений отдельных стран. Тем самым разрушается их способность к самовоспроизводству и саморазвитию, не компенсируемая возникновением такой способности у структур общественного производства надгосударственного уровня. Одновременно предпринимаются попытки разрушения семьи, обеспечивающей самовоспроизводство и саморазвитие некоторых форм социального бытия человека. Это недопустимо, – только являясь субъектом семейных отношений, человек с детства приобретает опыт согласования разных типов общественного производства, который впоследствии может реализовать и на государственном, и на надгосударственном уровнях.

Если в современном обществе просматривается детерминирующая роль банковской и рыночной сфер общественного производства, то их воздействие, определяющее характер функционирования всех остальных сфер общества, неминуемо приведет к такому качественному изменению одной из этих сфер, вследствие которого произойдет смена ведущей детерминанты общественного развития.

В качестве новой детерминанты развития общества могут выступать только те сфе-

ры общественного производства, в рамках которых возникает нечто, противостоящее существующему. Власть финансовой системы и сферы рынка входит в противоречие с политической властью и организационной сферой общества. Демократизация процесса производства политической власти образует тенденцию его развития как подсистемы, обеспечивающей согласование интересов разных социальных групп, составляющих общество. То, что обещают политики населению во время выборов, становится эталоном оценивания условий жизнедеятельности людей. В той или иной степени свои обещания они выполняют при осуществлении власти в рамках организационной сферы общественного производства. Так формируется «потребительская корзина» – эталон оценивания качества жизни людей – потребительная стоимость. Сейчас в «потребительскую корзину» фактически входят не только определенный набор материальных благ, но и условия, обеспечивающие физическое, душевное и духовное здоровье людей. К ним относятся и условия для занятий спортом, наличие свободного времени, права на самоопределения и т. п. Таким образом, политическая и организационная сферы общественного производства начинают противостоять финансовой и рыночной сферам. Стоимости начинают противостоять потребительная стоимость, которая развивается по логике «обратного поглощения» стоимости. Производство людей, самого человека как целостной личности, в конечном счете, будет определять производство вещей.

Изучение механизма коэволюционного взаимодействия сфер общественного производства требует дальнейших исследований, но уже сейчас ясно, что его признание позволяет констатировать существование всеобщей инвариантной структуры общества, отражающей закономерности существования системы общественного производства, которая воспроизводит самоё себя, и человека как субъекта деятельности – как активное начало общественного производства.

Список литературы

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира / А. Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985.
2. Барулин, В. С. Диалектика сфер общественной жизни / В. С. Барулин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 230 с.
3. Кохановский, В. П. Философия и методология науки: учеб. для высш. учеб. заведений / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д: Феникс, 1999.

4. Маркс, К. П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд-е 2-е. – Т. 27.
5. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46, ч. 1.
6. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Глава о деньгах / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46, ч. 1.
7. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие / К. Х. Момджян. – М.: Высш. шк.: Университет, 1997.
8. Невелев, А. Б. Становление человека как субъекта социально-хозяйственной деятельности: ценностный аспект / А. Б. Невелев // Рус. экон. вестн.: науч.-публицист. журн. – Спец. вып. № 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та бизнеса им. И. А. Ильина, 2007.
9. Плотников, В. И. Феномен жанра в целостном контексте духовной культуры / В. И. Плотников // Многообразие жанров философского дискурса: коллектив. моногр. – Екатеринбург: Банк культур. информации, 2001.
10. Плотников, В. И. Ценностный мир человека и его судьба / В. И. Плотников // Двенадцать лекций по философии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1996. – С. 193–225.
11. Семашко, Л. М. Сферный подход: философия, демократия, рынок, человек / Л. М. Семашко. – СПб., 1992.
12. Худякова, Н. Л. Производство как субстанция общества / Н. Л. Худякова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Философия, социология, культурология. – 2013. – № 38 (329), вып. 31. – С. 24–29.

Сведения об авторе

Худякова Наталья Леонидовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета
hudyakovanl@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 60–70.*

SPHERES OF SOCIAL PRODUCTION AS AN INVARIANT STRUCTURE OF SOCIETY

N. L. Khudiakova

Chelyabinsk State University, hudyakovanl@gmail.com

The article attempts to identify the invariant structure of society, reflecting its substantial quality. It is proposed to consider the scope of public relations, considered as a sphere of social production, and functional relationships between them. It is proved that, along with the basic spheres of social production (social, physical, spiritual and organizational) in modern society as its backbone bases become prominent areas such as the production of public policy, the scope of the market and the financial sector. It is shown that co-evolutionary type of connection between the spheres of social production causes the patterns of development of society as a whole.

Keywords: structural-functional approach; society as a functional system; production; cultural and indirect relevance; scope of public relations; the sphere of social production; the invariant structure of society; co-evolutionary type of communication.

References

1. Aver'yanov A.N. *Sistemnoye poznanie mira* [System knowledge of the world]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. (In Russ.).
2. Barulin V.S. *Dialektika sfer obshchestvennoy zhizni* [Dialectics spheres of public life]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1982, 230 p. (In Russ.).

3. Kokhanovskiy V.P. *Filosofiya i metodologiya nauki: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Philosophy and methodology of science: the textbook for higher educational institutions]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1999. (In Russ.).
4. Marx K. P. V. Annenkovu, 28 dekabrya 1846 g. [To P. V. Annenkov, 28.12.1846]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2nd ed., vol. 27. (In Russ.).
5. Marx K. Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov. Vvedeniye [Economic Manuscripts of 1857–1859. Introduction]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2nd ed., vol. 46, part 1. (In Russ.).
6. Marx K. Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov. Glava o den'gakh [Economic Manuscripts of 1857–1859. The chapter about money]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], 2nd ed., vol. 46, part 1. (In Russ.).
7. Momdzhyan, K. Kh. *Vvedeniye v sotsial'nyu filosofiyu: uchebnoye posobiye* [Introduction to Social Philosophy: Textbook], Moscow, Vysshaya shkola: Universitet Publ., 1997. (In Russ.).
8. Nevelev, A. B. Stanovleniye cheloveka kak sub'yekta sotsial'no-khozyaystvennoy deyatelnosti: tsennostnyy aspekt [Human evolution as a subject of socio-economic activity: the value aspect]. *Russkiy ekonomicheskiy vestnik: nauchno-publitsisticheskiy zhurnal* [Russian Economic Bulletin: scientific and journalistic magazine], 2007, special issue no. 6. (In Russ.).
9. Plotnikov V.I. Fenomen zhanra v tselostnom kontekste dukhovnoy kul'tury [The phenomenon of the genre in the whole context of spiritual culture]. *Mnogoobraziye zhanrov filosofskogo diskursa: kollektivnaya monografiya: uchebnoye posobiye* [The variety of genres of philosophical discourse: the collective monograph: a tutorial]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2001. (In Russ.).
10. Plotnikov V.I. Tsennostnyy mir cheloveka i yego sud'ba [Valuable world of man and his destiny]. *Dvenadtsat' lektsiy po filosofii* [Twelve lectures on philosophy]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii Publ., 1996, pp. 193–225. (In Russ.).
11. Semashko L.M. *Sfernyy podkhod: filosofiya, demokratiya, rynek, chelovek* [Sphere Approach: Philosophy, Democracy, Market, People]. Sankt-Peterburg, 1992. (In Russ.).
12. Khudyakova N.L. Proizvodstvo kak substantsiya obshchestva [Production company as a substance of society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy, sociology, cultural studies], 2013, vyp. 31, no. 38 (329), pp. 24–29. (In Russ.).

УДК 344
ББК 60.5

А. Н. Круталевич

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена изучению представлений о мобильности в социологических и культурологических теориях XX в. В результате анализа теории социальной мобильности П. Сорокина, концепции «текущей современности» З. Баумана, идей «мобильной социологии» Дж. Урри и «номадологии» Ж. Делеза и Ф. Гваттари делается вывод о том, что мобильность является не только характеристикой глобального общества, но и одной из основных ценностей современной культуры.

Ключевые слова: З. Бауман; Ф. Гваттари; глобальное общество; Ж. Делез; мобильность; номадизм; П. Сорокин; социальное пространство; Дж. Урри; ценность.

Мобильность – одна из основных характеристик культуры Новейшего времени. Мобильность классовая и профессиональная, должностная и территориальная, экономическая и политическая; семейно-бытовая, духовная и информационная – все это неотъемлемые части жизни современного общества. Мобильность как подвижность, способность к быстрому переходу из одного состояния в другое становится к концу XX в. идеологией. Мобильность ассоциируется с успешностью и свободой. Мобильность претендует на роль нового стратификационного критерия. Как провозглашает британский социолог Зигмунт Бауман, «на первое место среди возделенных ценностей выдвигается мобильность, то есть свобода передвижения, этот вечно дефицитный и неравномерно распределяемый товар быстро превращается в главный фактор расслоения нашей позднесовременной или постсовременной эпохи» [2. С. 11].

Несмотря на значительную степень исследованности мобильности в качестве атрибута нынешних обществ и культуры, до сих пор остается актуальным рассмотрение мобильности как ценности, как социально одобряемого явления и свойства объектов, в виду отсутствия работ непосредственно на эту тему. Однако анализ социологических и культурологических теорий П. Сорокина, З. Баумана, Дж. Урри, Ж. Делеза и Ф. Гваттари позволяет акцентировать внимание именно на такой ее роли.

Предпосылки этой идеи содержатся в теории социальной мобильности русско-американского социолога и культуролога Питирима Сорокина, выделившего подвижные и неподвижные типы обществ (на определенном этапе

их развития) в зависимости от возможности или невозможности, а точнее, от легкости или затрудненности перемещения в них человека из одного социального слоя в другой. Ученый определил горизонтальный и вертикальный типы мобильности в социальном пространстве. Горизонтальное движение в его теории предполагает перемещение объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. А под вертикальной мобильностью понимается социальный подъем или спуск, соответственно, восходящая и нисходящая мобильности. Мобильность в обществе институционализована, и основными каналами социального перемещения являются армия, церковь, школа, семья, профессиональные, политические и экономические организации.

П. Сорокин сравнивает общество с живым организмом, мобильность внутри него – с циркуляцией крови, необходимой для здоровья. В рамках этого сравнения ученый допускает, что «социальный организм, старея, становится все более и более неподвижным, а перемещение индивидов – менее интенсивным» [5. С. 391]. Подобная метафора справедлива и для культуры, ведь в «мысли о том, что культура – это нечто <...> ставшее и определившееся, скрыто содержится сообщение, что она уже не на многое способна» [1. С. 124].

П. Сорокин выделял три основных типа мобильности по направлению: экономическую, политическую и профессиональную. Исследуя методологическую значимость ценности для социальных наук, П. Сорокин не рассматривал мобильность как таковую, в его работах она предстает скорее средством для достижения различных целей.

В представлениях о «текучей современности» З. Баумана теоретизируются не только представления о социальной мобильности, но и о территориальной, и осуществляется взаимосвязь мобильности со свободой.

Его теория описывает переход от «тяжелой современности» (*hand wake*) к «легкой». «Тяжелой современностью» ученый обозначил время, когда приобретение, завоевание и активное использование территорий являлись основной целью, обусловленной тем, что капитал был привязан к пространству, в котором находились гигантские постройки, громоздкие машины, проживали многочисленные работники. Таким образом, место, где «материализовались» богатство и могущество, становилось одновременно «крепостью и тюрьмой» [3. С. 125]. Для «легкой современности» характерно отсутствие территориальных ограничений для людей, идей и, в первую очередь, капитала, так как денежные средства и современные транспортные системы позволяют осуществлять перемещения весьма оперативно, а системы связи и Internet – управлять удаленно. Описанная ситуация позволяет власти «убегать» от ответственности перед населением определенных территорий, налогов, делает ее обезличенной и недостижимой.

Согласно этой теории, возникает замкнутый круг: для мобильности нужен капитал, а для обретения капитала – мобильность, и мобильность, предлагаемая всем, оказывается доступной далеко не каждому. «Беспрецедентная свобода, которую наше общество предлагает своим членам, пришла, как давным-давно предупреждал Лео [Штраус], пришла вместе с беспрецедентным бессилием» [3. С. 30]. В теории З. Баумана мобильность является ценностью по нескольким причинам: способность к свободному перемещению способствует реализации сущностных сил человека, актуализации его потенциальных возможностей; мобильность профессионалов приносит выгоду; и мобильность имеет цену.

Работы британского социолога Джона Урри также посвящены взаимообусловленности мобильности и глобализации. Он объявляет своей целью изучение «совокупной» мобильности и утверждает существование взаимоотношений между элементами физического движения и социальной мобильностью.

Дж. Урри говорит о «мобильном повороте» в исследованиях культуры и общества, согласно которому они должны сопоставлять «раз-

личные виды путешествий, транспортировки и коммуникаций с тем, как во времени и в различных пространствах организуется экономическая и социальная жизнь» [6. С. 72]. Необходимость такого «поворота» объясняется процессуальностью культуры, что наводит на мысль о неполноценности исследований ее составляющих в статичном состоянии.

Стрежнем парадигмы «мобильного поворота» является концепция капитала подвижности или « сетевого капитала» (*network capital*), которая описывает «способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или практические выгоды» [6. С. 362]. Порождению « сетевого капитала» служат такие мобильности, организующие жизнь на расстоянии, как: телесные перемещения людей, физические перемещения объектов, воображаемые перемещения, виртуальные путешествия и коммуникационная мобильность (смс, письма) [6. С. 135].

В гуманитарной области знаний исследованием мобильности занимаются преимущественно социология и культурология, соответственно, концентрируясь на ее культурных аспектах и вопросах социального неравенства. Однако мобильность становится настолько многолика и неоднозначна, что необходим постдисциплинарный подход, который Дж. Урри и пропагандирует.

Примером сложной мобильности может служить распространяющийся в конце XX в. феномен дауншифтинга (*downshifting*). Как идеология дауншифтинг представляет жизненную философию, состоящую в отказе от ценностей, навязанных обществом потребления, и в стремлении находить и реализовывать собственные цели. Как процедура дауншифтинг, как правило, состоит в осуществлении добровольной нисходящей социальной мобильности и, зачастую, переезде с целью сменить социальное пространство на более комфортное. С одной стороны, карьерный рост, стремление иметь высокий и стабильный заработок, профессиональная мобильность заложены в идею успешности культуры развитых обществ, поэтому сочетание определений добровольная и нисходящая вертикальная мобильность кажется парадоксальным. С другой стороны, «степень, в которой свобода, основанная на потреби-

тельском выборе, особенно свобода самоидентификации потребителя путем использования массово производимых и продаваемых товаров, истинна или мнима, всегда спорный вопрос» [3. С. 93]. Дауншифтинг является одновременно физической (территориальной) и социальной (профессиональной) мобильностью, горизонтальной и вертикальной. Дауншифтинг иллюстрирует вездесущность мобильности: проблемы, возникающие при навязанной, условно вынужденной профессиональной мобильности, решаются с помощью добровольной территориальной.

Помимо очевидной ценности мобильности как способа избежать социально-пространственного неравенства и отчуждения, Дж. Урри рассматривает самоценность мобильности. Он развивает идею «чистой интеракции», общения ради общения в путешествии и идею приносящего удовлетворение «соприсутствия» немецкого философа Георга Зиммеля.

Стремясь всесторонне рассмотреть путешествия и территориальную мобильность, Дж. Урри выделил ее двенадцать видов: передвижение с целью обрести политическое убежище или место жительства; деловые и профессиональные путешествия; медицинские поездки; военную мобильность; пенсионный туризм; «буксирные путешествия» детей, родственников и слуг; миграцию определенной диаспоры по фиксированному маршруту; движение работников сферы обслуживания; познавательный-экскурсионный туризм; посещение друзей и родственников и перемещение, связанные с работой [6. С. 79–80].

Если концепция З. Баумана дает представление о доступности и недоступности мобильности и в связи с этим о ее ценности, то классификация Дж. Урри заставляет задуматься о добровольности и вынужденности мобильности. Вынужденная мобильность (поиск политического убежища, «буксирные

путешествия»), скорее, является антиценностью, так как не имеет отношения к свободе.

Еще одна теория о мобильности – «номадология» французских философов Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Эти авторы указывают в качестве основных характеристик современной жизни ее хаотичность, кризисность, изменчивость, креативность и предлагают свою модель глобального общества. В качестве иллюстрации они используют образ «ризомы» (rhizoma). Ризома – корневище, расползающееся в разные стороны, не имеющее центра, сродни грибнице, а потому неуничтожимое. В созданной ими модели и человек, и общество, и культура всегда изменчивы, находятся в полураспавшемся-полуоформившемся состоянии, в процессе становления, человеку предоставляется свобода выбора социальных ролей и в то же время он обременяется ответственностью за свой выбор. Мобильность индивида зиждется на принципе включенного движения: «мы не стоим на берегу, наблюдая за течением реки, однонаправленном и разделенном на струи, а сами несемся в клубящемся потоке, сами вовлечены в процесс вариации» [4. С. 186]. Согласно этой теории, мобильность в современном глобальном обществе не прихоть, выживает мобильный, и мобильность имеет ценность сродни критерию естественного отбора.

При анализе теорий глобального общества поражает разнообразие классификаций перемещений, которое позволяет сделать вывод о существовании мобильности во всех сферах деятельности общества и о мобильности как характеристике современной культуры. При этом мобильность является ценностью как условие развития и жизнеспособности общества, как стратификационный критерий, как реализация свободы человека и фактор, способствующий формированию, совершенствованию и адаптации личности в современном обществе.

Список литературы

1. Алексеев-Апраксин, А. М. Культурная реальность в свете исследования межкультурных взаимодействий / А. М. Алексеев-Апраксин // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2010. – Т. 2, № 4.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества: пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004.
3. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В. Ю. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.
4. Делез, Ж. Машина войны. Трактат о номадологии: пер. с фр. / Ж. Делез, Ф. Гваттари // НК. – 2005. – № 2–92.

5. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992.

6. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри; пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. – М.: Праксис, 2012.

Сведения об авторе

Круталевич Анна Николаевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры телевидения Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения.

krutalevich88@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 71–74.

MOBILITY AS A VALUE CHARACTERISTIC OF THE CULTURE OF MODERN TIMES

A. N. Krutalevich

Sankt-Petersburg State Institute of Cinema and TV, krutalevich88@mail.ru

The article focuses on the research of concepts of mobility in sociological and cultural theories of the twentieth century. Mobility is one of the core values of contemporary culture, not just a characteristic of a global society. This conclusion based on analysis of the P. Sorokin's theory of social mobility, the Z. Bauman's concept of "liquid modernity", the J. Urry's ideas of "mobile sociology" and "nomadology" of G. Deleuze and F. Guattari.

Keywords: Z. Bauman; F. Guattari; global society; G. Deleuze; mobility; nomadism; P. Sorokin; social space; J. Urry; value.

References

1. Alekseyev-Apraksin A.M. Kul'turnaya real'nost' v svete issledovaniya mezhkul'turnykh vzaimodeystviy [The cultural reality in the light of the study of cross-cultural interactions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named by Pushkin], 2010, vol. 2, no. 4. (In Russ.).

2. Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. The consequences for the individual and society]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. (In Russ.).

3. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [The fluid present], V. Yu. Asochakov (tr.). Sankt-Petersburg, Piter Publ., 2008. (In Russ.).

4. Deleuze G., Gvattari F. *Mashina voyny. Traktat o nomadologii* [War Machine. Treatise on Nomadology]. NC, 2005, no. 2–92. (In Russ.).

5. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], A. Yu. Soyumonova (ed.); S. A. Sidorenko (tr.). Moscow, Politizdat Publ., 1992. (In Russ.).

6. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility], A. V. Lazarev (tr.), N. A. Kharlamov (introduction). Moscow, Praksis Publ., 2012. (In Russ.).

УДК 316.454
ББК 88.54

О. В. Устинова

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Корпоративная культура оказывает влияние на эффективность работы предприятия, повышая сплоченность сотрудников, увеличивая производительность, способствуя развитию трудовой дисциплины, мотивации и взаимодействию сотрудников. В статье анализируются научные подходы к управлению корпоративной культурой, способствующей формированию корпоративной идентичности персонала. Приводятся результаты исследования корпоративной культуры крупного предприятия розничной торговли.

Ключевые слова: корпоративная культура; формирование корпоративной культуры; управление корпоративной культурой.

Большинство учёных, занимающихся организационными проблемами, подчеркивают большое влияние корпоративной культуры на производственные показатели деятельности предприятий [1; 3; 4; 9; 10; 12; 13; 14]. Эффективную корпоративную культуру отличают такие характеристики, как слаженность, взаимодействие; удовлетворение работой и гордость за её результаты; преданность организации и готовность соответствовать её высоким стандартам; требовательность к качеству труда; готовность к переменам, вызванным прогрессом и конкурентной борьбой, невзирая на трудности и бюрократические препоны [2].

О. В. Троицкая выделяет наиболее действенные способы управления корпоративной культурой: пропаганда корпоративных ценностей через внутриорганизационные и внешние средства коммуникации (газеты, журналы, компьютерные сети); воплощение декларируемых ценностей в поведении организационных лидеров (как формального, так и неформального, как в повседневных, так и в кризисных ситуациях); формирование соответствующей системы распределения вознаграждений, должностей и статусов; подбор и социализация новых работников [8].

М. Магура выделяет методы поддержания и укрепления корпоративной культуры: поведение руководителя; реакция руководства на поведение работников в критических ситуациях; обучение персонала; система стимулирования; критерии отбора в организацию; организационные традиции и порядки; широкое внедрение корпоративной символики и другие [5].

А. Л. Слободской и О. Л. Касьяненко считают, что целенаправленное формирование

корпоративной культуры позволяет эффективно использовать человеческие ресурсы компании для реализации её стратегии, повысить уровень управляемости компанией, усилить сплочённость и трудовую мотивацию команды [7].

Согласно Э. Шейну, на каждом этапе формирования культуры должны применяться различные механизмы и технологии её изменения. Например, при создании предприятия и формировании новой культуры механизмы могут быть: внимание, контроль и вознаграждение со стороны лидера, поведение лидеров, достойное подражанию, и т. д. [11]

Н. Смирнова отмечает, что политика предприятия в отношении корпоративной культуры выражается не только в формулировании официальных ценностей, но и в конкретных мероприятиях, проводимых фирмой, направленных на формирование у сотрудников идентичности с предприятием [6].

Автор делает вывод, что целенаправленное развитие корпоративной культуры, способствующей формированию корпоративной идентичности сотрудников, позволит эффективно использовать человеческие ресурсы компании для реализации её стратегии, повысить уровень управляемости компанией, усилить сплочённость команды, использовать корпоративные ценности как стратегический мотивирующий фактор, направляющий сотрудников на достижение общеорганизационных целей.

С целью исследования особенностей формирования корпоративной культуры авторами статьи был проведен опрос сотрудников крупного предприятия розничной торговли (далее предприятия). Выборочная совокуп-

ность совпала с генеральной и составила 252 сотрудника. Большая доля сотрудников младше 30 лет (73 %) и со стажем работы на предприятии менее года (60 %). Остановимся на результатах исследования подробнее.

1. Морально-психологический климат в коллективе. Взаимоотношения в команде. Относительно взаимоотношений в коллективе наиболее позитивно сотрудники предприятия воспринимают адаптацию новичков, сплоченность команды и поощрение инициативы. Наиболее критично – профессионализм и ответственность сотрудников и распределение рабочей нагрузки между ними (рис. 1).

Оценка персоналом предприятия отношений между сотрудниками в команде достаточно позитивная. Взаимоотношения оценивают как хорошие 63 % сотрудников. Атмосферой в коллективе не удовлетворены только 3 %.

Лидерами среди факторов повышения эффективности работы, по мнению сотрудников, являются: количество персонала (57 %), обучение (44 %) и стабильность команд (42 %). Также сотрудники отмечают необходимость улучшения условий труда и организации работы (37 %), что повлияет на уровень удовлетворенности и комфорта в работе. Менее всего сотрудников волнуют проблемы взаимоотношений с другими командами (14 %) и состояние оборудования (16 %).

2. Оценка непосредственного руководителя. Работа менеджеров оценивается сотрудниками как недостаточно эффективная. Доля крайне недовольных сотрудников своим непосредственным руководителем не превышает 5 %. Наиболее высокую оценку получили такие параметры, как доступность менеджеров, их доверие своей команде и взаимодействие с коллективом. В наименьшей степени сотрудники довольны участием менеджеров в работе команды и тем, что работа непосредственных руководителей не всегда является примером для подражания (рис. 2).

Практически все сотрудники предприятия (92 %) оценивают отношения с непосредственным руководителем как нормальные или хорошие.

3. Восприятие ценностей и культуры предприятия сотрудниками. Большинство сотрудников (88 %) считают важными для себя ценности предприятия. Удивительным

представляется тот факт, что корпоративные ценности в меньшей степени разделяются руководством, нежели сотрудниками (рис. 3).

По мнению респондентов, к качествам, характеризующим внутреннюю культуру предприятия, относятся: простота в общении, доверие, уважение, ответственность. Менее всего внутренней культуре предприятия свойственны такие понятия, как этичность, энтузиазм и динамизм – менее 15 % опрошенных (рис. 4).

4. Оценка сотрудниками дополнительных средств стимулирования. Три четверти сотрудников (76 %) понимают, как оценивается их работа. В то же время они недовольны степенью объективности применяемых критериев начисления премии. Так, почти треть сотрудников (28 %) не знают о правилах и критериях премии заранее (рис. 5).

Чувство гордости от работы испытывают 80 % персонала, поэтому достаточно высока доля респондентов, готовых рекомендовать кому-либо предприятие по программе «Перспективный специалист» (76 %).

Оценка профессиональной деятельности сотрудниками находится на среднем уровне. Критичнее всего оценивается профессиональная деятельность, как хороший выбор для сотрудника. В меньшей степени сотрудники предприятия считают, что их профессиональная деятельность им подходит (рис. 6).

Результаты авторского исследования показали наличие на предприятии проблем, негативно влияющих на формирование корпоративной культуры персонала. Во-первых, это низкая оценка сотрудниками своего непосредственного руководителя, которая проявляется в нехватке знаний, необходимых для руководства командой, низком качестве индивидуальных встреч с руководителем, неэффективности взаимодействия его с командой, нежелании менеджеров участвовать в работе торгового зала, неумении вовлекать сотрудников в достижение общего успеха команды.

Во-вторых, на предприятии неэффективна система обучения и развития сотрудников, что выражается в неудовлетворенности последними возможностями профессионального развития и карьерного роста. Необходимо отметить, что обозначенные проблемы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

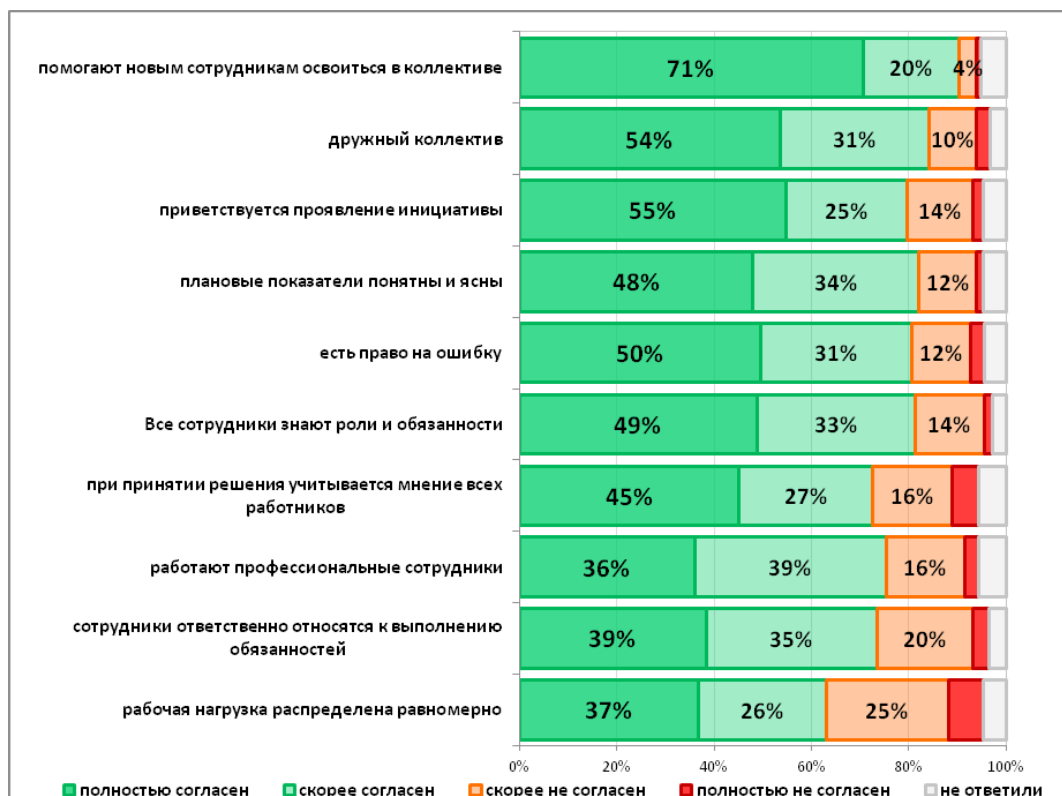

Рис. 1. Оценка сотрудниками работы команды / отдела, %

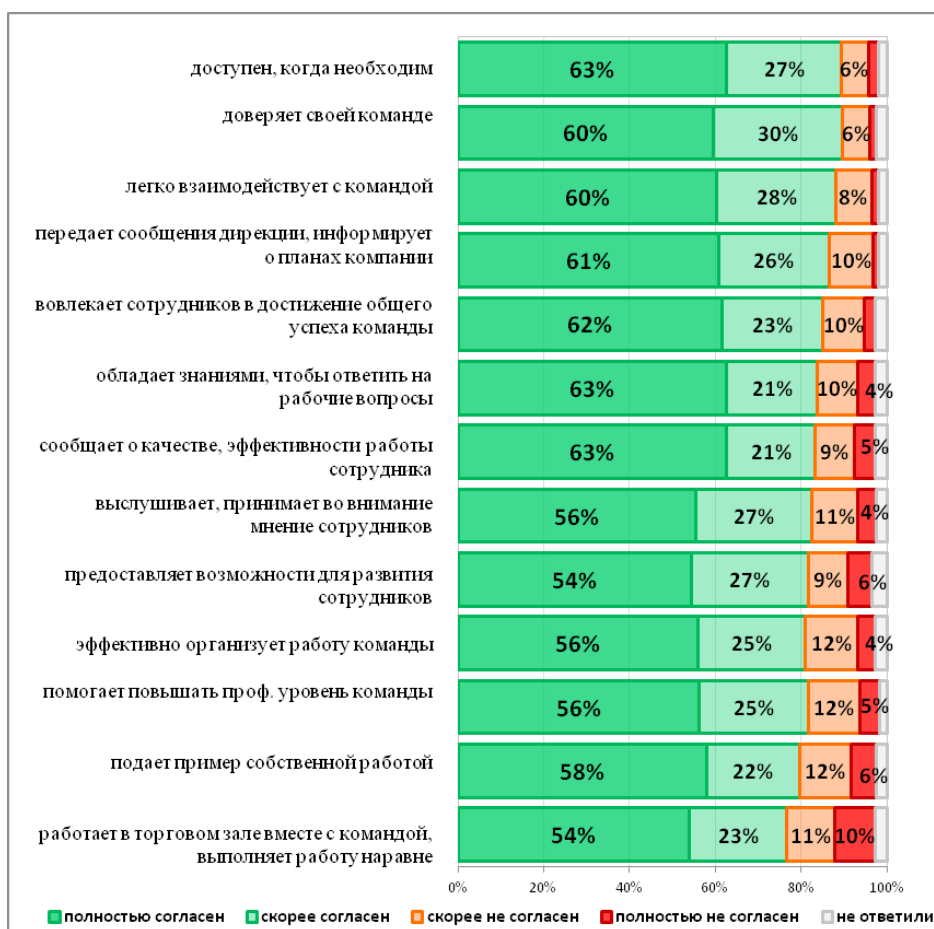

Рис. 2. Оценка сотрудниками своего непосредственного руководителя / менеджера, %

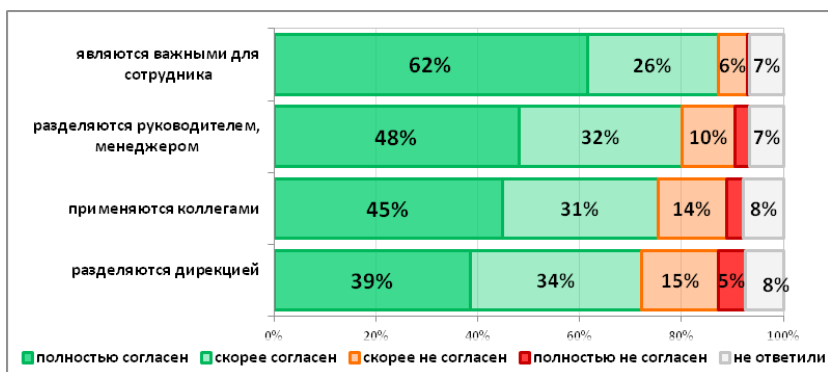

Рис. 3. Восприятие сотрудниками ценностей предприятия, %

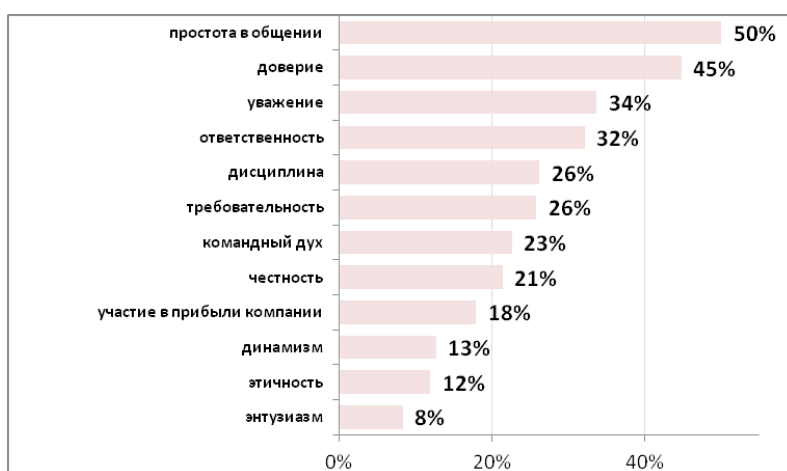

Рис. 4. Основные качества внутренней культуры предприятия, %

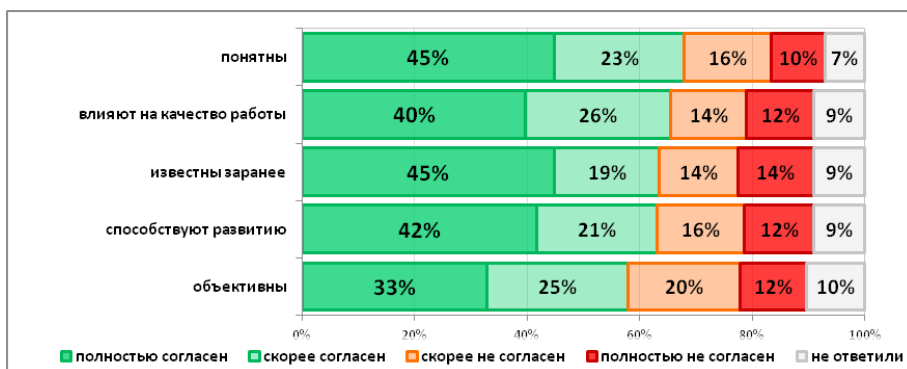

Рис. 5. Оценка сотрудниками критериев начисления премии, %

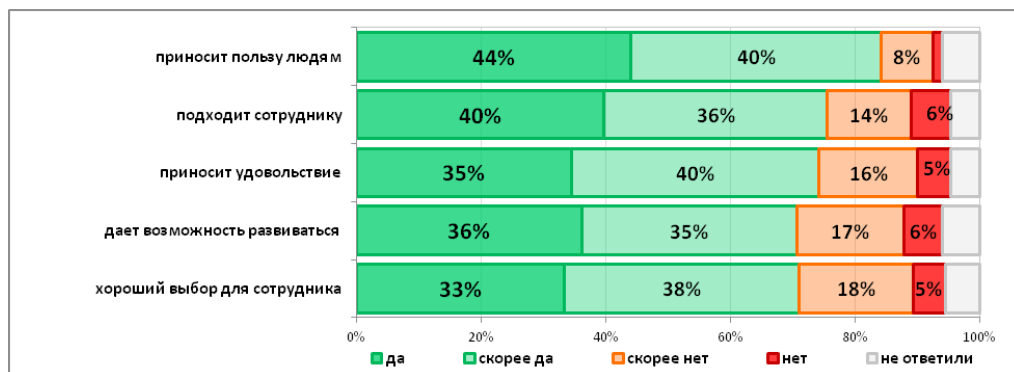

Рис. 6. Оценка сотрудниками профессиональной деятельности на предприятии, %

Список литературы

1. Гарабажий, В. А. Организационная культура вуза как фактор влияния на развитие творческой активности студентов / В. А. Гарабажий, О. В. Устинова // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: материалы Междунар. науч. семинара (17 дек. 2012 г.) / Мин-во образования и науки РФ; Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т. – Тюмень, 2013. – С. 10–15.
2. Корпоративная культура: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Т. А. Лапина. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 96 с.
3. Куприянов, С. А. Корпоративная идентичность сотрудников бизнес-организаций в России: автореф. дис. ... канд. социол. наук / С. А. Куприянов. – М., 2012. – 21 с.
4. Липатов, С. А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики / С. А. Липатов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2012. – № 5. – С. 55–65.
5. Магура, М. Организационная культура как средство успешной реализации организационных изменений / М. Магура // Управление персоналом. – 2002. – № 1. – С. 24–29.
6. Смирнова, Н. Организационная культура промышленных предприятий: исследование немецкого строительного концерна / Н. Смирнова // Экон. социология. – 2013. – Т. 6, № 3. – С. 70–88.
7. Солободской, А. Л. Организационная культура: учеб. пособие / А. Л. Солободской, О. А. Касьяненко. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – 192 с.
8. Троицкая, О. В. Процесс подбора кадров как методы управления организационной культурой / О. В. Троицкая // Ломоносовские чтения. Аспиранты. – 2002. – Т. 2. – С. 14–19.
9. Устинова, О. В. Концептуальные основы управления карьерным ростом менеджера / О. В. Устинова, Р. С. Утешев // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 219–222.
10. Хайруллина, Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли: учеб. пособие для студентов / Н. Г. Хайруллина; Мин-во образования и науки РФ; Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т. – Тюмень, 2012.
11. Шейн, Э. Г. Организационная культура и лидерство / Э. Г. Шейн. – СПб.: Питер, 2011. – 336 с.
12. Mael, F. A. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification / F. A. Mael, B. E. Ashforth // Journal of Organizational Behavior. – 1992. – № 13. – P. 7–10.
13. Lipponen, J. Organizational identifications: Antecedents and Consequences of Identifications in a Shipyard Context / J. Lipponen. – Helsinki, 2001.
14. Ricketia, M. Organizational Identification: A Meta-Analysis / M. Ricketia // Journal of Vocational Behavior. – 2005. – Vol. 66 (2).

Сведения об авторе

Устинова Оксана Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

sema_79@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 75–80.

THE ROLE OF CORPORATE CULTURE IN THE ORGANIZATION

O. V. Ustinova

Tyumen State Architecture-Constructing University, sema_79@bk.ru

Corporate culture influences the efficiency of the enterprise, increasing the cohesion of employees, increasing productivity, promoting the development of labour discipline, motivation and team-

work of employees. The article analyzes scientific approaches to the management of corporate culture, contributing to the formation of corporate identity of the staff. There are although the results of the study of corporate culture of large retailers.

Keywords: corporate culture; formation of corporate culture; management of corporate culture.

References

1. Garabazhiy V.A., Ustinova O.V. Organizatsionnaya kul'tura vuza kak faktor vliyaniya na razvitiye tvorcheskoy aktivnosti studentov [The organizational culture of the university as a factor influencing the development of creative activity of students]. *Vuzovskaya nauka: teoretiko-metodologicheskiye problemy podgotovki spetsialistov v oblasti ekonomiki, menedzhmenta i prava: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (17 dekabrya 2012 goda) Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii. FGBOU VPO «Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet»* [University science: theoretical and methodological problems of training specialists in the field of economics, management and law: Materials of the International Scientific Seminar (17 December 2012). The Ministry of Education and Science of the Russian Federation. VPO "Tyumen State Oil and Gas University."]. Tyumen', 2013, pp. 10–15. (In Russ.).
2. *Korporativnaya kul'tura: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Corporate culture: a teaching book], T.A. Lapina (ed.). Omsk, Izdatel'stvo OmGU Publ., 2005. 96 p. (In Russ.).
3. Kupriyanov S.A. *Korporativnaya identichnost' sotrudnikov biznes-organizatsiy v Rossii: avtoreferat dissertatsii kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Corporate identity of employees of business organizations in Russia: Abstract of the thesis]. Moscow, 2012, 21 p. (In Russ.).
4. Lipatov S.A. Organizatsionnaya kul'tura: kontseptual'nyye modeli i metody diagnostiki [Organizational Culture: conceptual models and methods of diagnosis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology], 2012, no. 5, pp. 55–65. (In Russ.).
5. Magura M. *Organizatsionnaya kul'tura kak sredstvo uspeshnoy realizatsii organizatsionnykh izmeneniy* [Organizational culture as a means to the successful implementation of organizational change]. *Upravleniye personalom* [Personnel Management], 2002, no. 1, pp. 24–29. (In Russ.).
6. Smirnova N. Organizatsionnaya kul'tura promyshlennykh predpriyatiy: issledovaniye nemetskogo stroitel'nogo kontserna [Organizational culture industry: a study of the German construction group]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2013, vol. 6, no. 3, pp. 70–88. (In Russ.).
7. Solobodskoy A.L., Kas'yanenko O.A. *Organizatsionnaya kul'tura: uchebnoye posobiye* [Organizational Culture: Textbook]. Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGUEF Publ., 2003. 192 p. (In Russ.).
8. Troitskaya O.V. Protsess podbora kadrov kak metody upravleniya organizatsionnoy kul'turoy [Recruitment process as the management practices of the organizational culture]. *Lomonosovskiyeh chteniya. Aspiranty* [Lomonosov readings. Postgraduates], 2002, vol. 2, pp. 14–19. (In Russ.).
9. Ustinova O.V. Uteshev R.S. Kontseptual'nyye osnovy upravleniya kar'yernym rostom menedzhera [Conceptual bases of career management manager]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 2, pp. 219–222. (In Russ.).
10. Khayrullina N.G. *Upravleniye personalom na predpriyatiyakh trgovli* [Personnel Management on seller entertainments], Tyumen', 2012. (In Russ.).
11. Sheyn E.G. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational Culture and Leadership]. Sankt-Petersburg, Piter, 2011. 336 p. (In Russ.).
12. Mael F.A., Ashforth B.E. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification. *Journal of Organizational Behavior*, 1992, no. 13, pp. 7–10.
13. Lipponen J. *Organizational identifications: Antecedents and Consequences of Identifications in a Shipyard Context*. Helsinki, 2001.
14. Riketia M. Organizational Identification: A Meta-Analysis. *Journal of Vocational Behavior*. 2005, vol. 66 (2).

УДК 34
ББК 67.40

А. В. Медведев

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО КОРПУСА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Автор акцентирует внимание на том, что эффективность муниципального управления определяется профессионализмом и деловыми качествами муниципальных служащих. В связи с этим в современных условиях с особой остротой стоят вопросы развития профессионально-личностных способностей человека и компетентности кадров.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная служба; муниципальное управление; муниципальный служащий; личностный потенциал; компетентность кадров.

Сложный этап становления государственности и правовой системы Российской Федерации оказывает серьезное влияние на систему и содержание местного самоуправления. Развитие системы местного самоуправления в России формирует муниципальное управление как новую специфическую сферу управленческой деятельности и новую профессиональную квалификацию. Справедливо замечено профессором Т. П. Фокиной, «муниципальное управление имеет дело с непростыми задачами. Ему необходимо связать воедино разные сферы жизни вместе в едином решении, а кроме того, выявить, высказать уникальность места, его метафизику...» [7]. От стабильности и эффективности деятельности муниципальных органов власти зависит устойчивость общественных отношений.

Институт муниципальной службы является правовым институтом, опосредующим в праве реализации местных вопросов. Впервые определение 'муниципальная служба' закрепляется в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6]. Разделение государственной и муниципальной службы закреплено юридически, в соответствии с Конституцией РФ (ст. 12) [2], органы местного самоуправления не могут рассматриваться в качестве органов государственной власти. В связи с этим муниципальные образования вправе самостоятельно определять свою административную структуру, адекватную необходимости эффективной реализации вопросов местного значения.

По мнению М. Д. Баглай, «муниципальная служба определяется как вид трудовой деятельности, осуществляемой на профессиональной основе работниками муниципальных

органов в целях выполнения задач и функций соответствующего муниципального образования» [1]. В дополнение А. А. Немчинов и А. М. Володин рассматривают муниципальную службу как «обеспечение реализации полномочий органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления» [4].

Новый толчок преобразованию муниципальной службы был дан стартом проводимой с начала XXI в. административной реформы, в рамках которой существенным изменениям подверглась как государственная служба, так и система местного самоуправления. Необходимость инновационных подходов к организации профессионального развития муниципальных служащих обусловлена целым рядом факторов. В сложившихся условиях объективными требованиями к профессиональной деятельности муниципальных служащих стали необходимость изменения сущности и качества управления, отказ от директивных методов, переход к стратегическому планированию, основанному на социальном партнерстве, взаимодействии органов власти и управления с различными хозяйствующими субъектами и населением.

В современном обществе муниципальный служащий становится основным звеном всей системы муниципальной службы. К нему предъявляются новые социальные требования: инициативность и творчество, способность идти на оправданный риск, решение вопросов в условиях неопределенности, а не просто слепое следование должностной инструкции. Они обязаны осознавать необходимость получения дополнительных теоретических знаний и практических навыков. Наблюдаются тенденции к смене стереотипа

муниципального руководителя с хозяйственника на управленца. Однако продолжает существовать разрыв между требованиями, предъявляемыми к профессиональной деятельности муниципальных служащих, и уровнем их квалификации [3]. Безусловно, профессионализм и организационные способности – абсолютно необходимые качества, без которых всякое стремление к совершенствованию деятельности останется лишь благим пожеланием [5].

В 2014 г. был проведен социологический опрос среди муниципальных служащих Администрации г. Тюмени. В опросе участвовало 157 человек.

Ключевым звеном в процессе подбора персонала является определение адекватных требований к кандидатам и отбор наиболее подходящих кандидатов для повышения мобильности управленческих кадров. Прием на муниципальную службу осуществляется в порядке назначения или конкурса при наличии соответствующего образования, опыта работы, квалификации с обязательным заключением в последнем случае контракта на неопределенное время или на ограниченный срок.

На вопрос об основных критериях отбора муниципальных служащих в подавляющем большинстве ответов респондентов доминируют три позиции: профессионализм (27,5 %), организаторские способности (12,4 %) и уровень образования (21,6 %). К тому же 11,4 % опрошенных назвали в качестве определяющего признака способность проявлять уважение к личности и достоинствам граждан. Вместе с тем 39,2 % указали на большую долю вероятности назначения на ту или иную должность некомпетентного человека.

Идеальным вариантом для коллектива, решающего сложные задачи, является одинаковое соотношение представителей разного пола. Рассмотрим половозрастную структуру опрошенных работников (см. таблицу).

Возраст	Муниципальные служащие, %		
	Всего	Мужчины	Женщины
18–24	18,8	5,4	13,4
25–35	33,0	9,8	23,2
36–49	30,4	8,9	21,4
50 и старше	17,9	5,4	12,5
Всего	100	29,5	70,5

Проведенный анализ выявил такую особенность: женщины составляют большую часть муниципальных служащих. Причем

сменяемость состава муниципальных служащих идет в сторону увеличения числа женщин. Преобладание женщин в администрации города можно объяснить несколькими причинами: во-первых, составом должностей: управляющий делами, бухгалтер, экономист, специалист по воинскому учету, специалисты по работе с молодежью и т. д. Вторая причина – характер выполняемой работы. В основном это работа по составлению отчетов, выдаче справок, проведении финансовой отчетности, регистрации и т. п. По сложившему стереотипу эта работа лучше выполняется женщинами.

Анализ образовательного уровня работников показал, что более двух третей работников имеют высшее профессиональное образование. Однако значительная часть работников не имеет достаточного уровня знаний в области управления, экономики, права. Так, юридическое образование имеют только 5,4 %, экономическое – 12,5 %, и управленческое – 17,1 %. Это свидетельствует о неспособности некоторых работников эффективно, грамотно осуществлять свою управленческую деятельность в силу отсутствия профильного образования.

При этом следует заметить, что многие муниципальные служащие считают свой образовательный уровень и наличие профессиональных знаний достаточным для выполнения должностных обязанностей. Это подтверждается ответами респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы свою профессиональную подготовку достаточной для того, чтобы занять более высокую должность?». Каждый второй опрошенный (54,5 %) считает себя профессионально подготовленным к занятию более высокой должности без специальной подготовки. Следует отметить, что готовность к работе на вышестоящей должности чаще выражают младшие (60,9 %) и старшие (71,4 %) муниципальные служащие. Доля ведущих специалистов, готовых к выполнению задач, не входящих в их компетенцию, составляет 51,7 %, среди главных специалистов – 58,6 %. Практически нет таких муниципальных служащих, которые оценили свою квалификацию ниже, чем требуется для исполнения профессиональных функций. Однако это вовсе не означает, что в этом плане у муниципальных служащих нет проблем.

В последнее время важным требованием, предъявляемым к муниципальным слу-

жащим, является владение иностранными языками. Результаты опроса показали, что лишь четверть сотрудников (23,2 %) владеет иностранным языком в степени, достаточной для чтения и перевода специализированной литературы с использованием словаря; только 1,2 % владеют иностранным языком в совершенстве, тогда как остальные испытывают существенные затруднения при чтении и переводе с использованием словаря либо вовсе не владеют иностранными языками. В основном в достаточной степени владеют иностранным языком специалисты в возрасте до 30 лет.

Обеспечить систему оценки результатов деятельности работников призвана аттестация муниципальных служащих. В администрации города по итогам прошлого года фактически прошли аттестацию 82 % муниципальных служащих, из них 2/3 признаны соответствующими занимаемой должности. Результаты аттестации анализируются и систематизируются в банке кадровой информации, что становится основой для создания кадрового резерва.

Необходимо отметить, что муниципальные служащие с целью повышения своего профессионального мастерства предпочитают повышать квалификацию в учебных заведениях (41,9 %). Из областей знания наибольший интерес для муниципальных служащих представляют знания в области права (31,3 %) и теории управления (16,4 %). Кроме того, работники администрации предпочитают занятия по информационным технологиям (12,0 %) и экономики (10,3 %). Кроме того, респонденты дополнили список учебных предметов, в частности финансы и аудит, делопроизводство, основы муниципальной службы, стратегический анализ, иностранный язык. Данная форма профессионального развития служащих представляет собой обновление и пополнение знаний, необходимых для успешного исполнения своих функций в органах муниципального управления.

В настоящее время базовая подготовка кадров по специальности «Государственное и муниципальное управление» ведется в 137 вузах страны, в том числе в 85 государственных и 52 негосударственных. В Тюменской области основную работу по подготовке кадров органов местного самоуправления проводят Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюменский государственный

архитектурно-строительный университет, Сургутский государственный университет.

Ответы на вопрос: «Что может повлиять на повышение качества работы сотрудников?», выявили, что 62,0 % респондентов считают необходимым условием увеличение заработной платы; 50,0 % – обучение персонала; 32,0 % – совершенствование законодательной базы; 30 % указывают на улучшение условий труда, 17,0 % – самостоятельности в принятии решений, 13,0 % – формировании кадрового резерва, 5,0 % – усилении мер в борьбе с коррупцией. К тому же результаты исследования свидетельствуют о том, что кадровый потенциал данного муниципального органа управления не всегда используется рационально, многие служащие не имеют возможности в полной мере реализовать профессиональную компетентность.

Перспективы служебного роста ставятся муниципальными служащими в зависимости от профессиональной компетентности (67,6 %); на втором месте – качественное выполнение поручений руководства (60,9 %); на третьем – результаты аттестации (38,1 %). Далее следуют по убывающей: стаж работы (31,2 %); содействие друзей и родственников (18,8 %); мнение коллектива (17,7 %); окончание курсов переподготовки и повышения квалификации (12,5 %); сдача квалификационных экзаменов (11,5 %). Следовательно, можно отметить положительную тенденцию в работе с кадрами муниципальной службы.

Результаты соцопроса выявили те качества, которыми должен обладать современный муниципальный служащий: честность (62,5 %), коммуникабельность (60,4 %), уравновешенность (51,9 %). При анализе личностных качеств муниципальных служащих предпочтение отдано таким качествам, как порядочность (63,6 %), обязательность и надежность (44,5 %) и дипломатичность (43,5 %). Очень важны ценностные ориентиры работников, в частности здоровье (54,6 %), семья (52 %), материальная обеспеченность (42,8 %), интересная работа (39,8 %).

Итак, современный муниципальный служащий должен обладать компетентностью, профессионализмом, организаторскими качествами, коммуникабельностью, положительной репутацией, предприимчивостью, стремлением к саморазвитию. К сожалению, не все муниципальные служащие готовы принять такую модель и тем более ей соответствовать.

Список литературы

1. Баглай, М. Д. Конституционное право Российской Федерации / М. Д. Баглай. – М., 1998. – 236 с.
2. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 21 июля 2014 г.). – URL: garant.ru.
3. Местное самоуправление глазами муниципальных управляющих: материалы социол. исслед. – М., 2000.
4. Немчинов, А. А. Муниципальная служба: справоч. пособие / А. А. Немчинов, А. М. Володин. – М.: Дело и Сервис, 2002. – 284 с.
5. Осипова, Л. Б. Модель современного муниципального служащего / Л. Б. Осипова // Теория и практика государственного и муниципального управления: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Тюмень: ТюмГАСУ, 2014. – С. 123–127.
6. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: Consultant.ru.
7. Школа муниципального служащего: метод. материалы. – Обнинск. 2008.

Сведения об авторе

Медведев Андрей Витальевич – кандидат технических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета.
medvedev_av@tsogu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
 Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 81–84.*

PROFESSIONAL DEVELOPMENT HUMAN BODY OF MUNICIPAL SERVICES

A. V. Medvedev

Tyumen state oil University, medvedev_av@tsogu.ru

The author focuses on the fact that the effectiveness of municipal government is determined professionalism and business qualities of municipal employees. Therefore, in the present conditions are particularly acute issues of professional and personal abilities and competence of personnel.

Keywords: local government; community service; municipal administration; municipal employee; personal potential; competence of personnel.

References

1. Baglay M.D. *Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, 1998. 236 p. (In Russ.).
2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s izmeneniyami na 21 iyulya 2014 g.)* [The Constitution of the Russian Federation (as amended July 21, 2014)]. Available at: www.garant.ru, accessed 12.05.2015 (In Russ.).
3. *Mestnoye samoupravleniye glazami munitsipal'nykh upravlyayushchikh: materialy sotsiologicheskogo issledovaniya* [Local self-government through the eyes of municipal managers: materials of sociological research]. Moscow, 2000. (In Russ.).
4. Nemchinov A.A., Volodin A.M. *Muni-tsipal'naya sluzhba: spravochnoye posobiye* [Municipal service: handbook], Moscow, Delo i Servis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.).
5. Osipova L.B. Model' sovremennogo munitsipal'nogo sluzhashchego [Model modern municipal employee]. *Teoriya i praktika gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: sbornik nauchnykh trudov* [Theory and practice of state and municipal management: collection of scientific papers], Tyumen', TyumGASU Publ., 2014, vol. 8, pp. 123–127. (In Russ.).
6. *Federal'nyy Zakon «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation»]. Available at: www.consultant.ru, accessed 12.05.2015 (In Russ.).
7. *Shkola munitsipal'nogo sluzhashchego: metodicheskiye materialy* [The school municipal employee: training materials]. Obninsk, 2008. (In Russ.).

УДК 34
ББК 67.5

А. Н. Шейкина, А. Г. Дурцева

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ – ОСНОВА КОМПЕТЕНТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Муниципальные образования нуждаются в управленческих кадрах нового стиля мышления, обладающих компетентностью, необходимой для разработки стратегии развития территории. В статье авторами предпринята попытка дать анализ процесса профессионального ресурсного потенциала муниципальных служащих и намечены пути совершенствования данного направления.

Ключевые слова: муниципальная система управления; муниципальная служба; муниципальный служащий; личностный потенциал; профессиональная деятельность.

Проблемы формирования профессионализма муниципальных служащих тесно связаны с изучением ресурсного потенциала человека. По этому поводу Б. Г. Ананьев утверждал, «для социального прогнозирования необходимы научные знания о ресурсах человеческого развития, истинных его потенциалах, крайне недостаточно используемых обществом» [1]. Сегодня данное положение не утратило своей актуальности.

Для успешного выполнения профессиональной деятельности работник вынужден мобилизовать свои внутренние ресурсы для получения положительного результата. По мнению А. К. Марковой, в качестве внутренних условий достижения человеком профессионализма выступают системные качества профессионального роста и развития, а также индивидуальная ресурсность человека [2].

Природа личностных ресурсов различна. Одни (административные) ресурсы передаются в тот момент, когда работник занимает определенную ступень в иерархии муниципальных служащих, над формированием других приходится осознанно работать всю жизнь, а третьи в значительной степени заложены от рождения. Однако вместе личностные ресурсы управленческого работника создают единую систему, которая обеспечивает все запросы и потребности руководителя, формируя стиль его поведения, наделяя необходимыми правами, навыками, знаниями.

Известно, что систему личностных ресурсов управленческого работника образуют:

- а) *административные ресурсы* – муниципальное образование и его руководители;
- б) *профессиональные ресурсы* управленческого работника включают его опыт и зна-

ния, формирование которых происходит на протяжении всей карьеры управленческого работника;

- в) *психологические ресурсы*, представляющие совокупность тех личностных характеристик работника, которые особенно значимы для исполнения им обязанностей руководителя.

Для каждого вида ресурсов характерна определенная способность к сохранению и накоплению, способность его быстрой адаптации к изменяющимся условиям, способности ресурсов к взаимному влиянию друг на друга. Следует отметить, что понятие ‘личностный потенциал’ работника характеризует внутреннюю физическую и духовную энергию человека, его деятельную позицию, направленность на творческое выражение и самореализацию [3].

Ресурсный потенциал профессионала-управленца – это интегральная способность человека, позволяющая не только адаптироваться к разнообразным условиям профессиональной среды, но и активно противостоять негативным воздействиям различных видов нагрузки, обеспечивая стабильно высокую эффективность деятельности. В содержание ресурсного потенциала муниципального служащего включен и интеллект, который обуславливает адаптацию человека к новым условиям и успешность для выполнения профессиональной деятельности.

В качестве составляющих профессионального ресурсного потенциала можно назвать следующие ресурсы:

- образовательный;
- профессионально-квалификационный;
- информационно-культурный;
- социальных связей.

Образовательный ресурс определяет уровень профессиональной подготовки служащего. Часто его использование затруднено тем, что профиль полученного образования не всегда соответствует требованиям современного рынка труда. Однако наличие образовательного капитала расширяет возможности приспособления к конкурентным требованиям и позволяет адаптироваться к изменениям внешней среды.

Состояние образовательного ресурса муниципальных служащих, организация системы подготовки и повышения квалификации муниципальных кадров в настоящее время становятся важнейшими проблемами, связанных с развитием местного самоуправления. На региональном уровне дополнительное образование получили 40,5 тыс. федеральных государственных служащих: 2,3 тыс. чел. прошли профессиональную переподготовку, 37,9 тыс. чел. прошли курсовую переподготовку, 187 чел. стажировались за границей [4].

Уровень развития *профессионально-квалификационного капитала* подтверждает степень развития профессиональных умений и навыков. Чем выше этот показатель, тем легче человеку быть конкурентоспособным на рынке труда. Качества личности муниципального служащего представляют собой результат реализации его способностей в процессе управленческой деятельности.

Значение *информационно-культурного капитала* увеличивается с ростом требований рыночной среды к качеству человеческих ресурсов. Кроме соответствия профессиональных качеств работника желаемому уровню, работодателя интересуют и личные качества работника. Повышение информационно-культурных возможностей муниципального служащего позволяет ему использовать большее число каналов получения значимой информации и увеличивает вариантность поиска успешных и наименее затратных способов решения вопросов профессиональной деятельности [3].

Еще одной составляющей профессионального ресурсного потенциала является *наличие социального опыта*, связанного с востребованностью организаторских качеств [5].

Модернизация современной системы муниципального управления актуализирует проблему кадрового обеспечения происходящих процессов, овладения новыми знаниями и навыками муниципальными чиновниками. Авторами статьи в качестве метода

изучения состояния кадрового потенциала муниципальных работников избран социологический опрос, в котором приняли участие 69 человек. Известно, что образование является основой для формирования и развития ресурсного потенциала работника.

В ходе исследования выявлено, что 1 % респондентов имеет ученую степень, 74 % – высшее образование, 12 % – специальное; 13 % – среднее образование. Вместе с тем, увеличилось число специалистов с профильным образованием по специальности «Государственное и муниципальное управление» (21 %). Треть муниципальных служащих считают свой образовательный уровень и наличие профессиональных знаний и навыков достаточными для выполнения должностных обязанностей.

Необходимо отметить, что результаты авторского опроса показали, что с целью повышения уровня профессионализма и формирования компетентности служащие предпочитают проходить обучение в высших учебных заведениях (31,3 %). Из областей знания наибольший интерес для муниципальных служащих представляют знания в области права (27,3 %) и теории управления (26,4 %). Кроме того, работники администрации предпочитают проходить курсовую подготовку по вопросам психологии (14,2 %), информационным технологиям (18,0 %) и экономики (12,3 %). Кроме того, респонденты дополнили список учебных предметов такими дисциплинами, как финансы и госаудит, основы делопроизводства, муниципальный менеджмент, стратегический менеджмент, иностранный язык.

В настоящее время в сфере муниципального управления повышение квалификации служащих является условием не только профессионального развития, но и стабилизации, повышения устойчивости работы соответствующих органов. На вопрос: «Считаете ли Вы свою профессиональную подготовку достаточной для того, чтобы занять более высокую должность?», каждый второй опрошенный (54,5 %) ответил, что считает себя профессионально подготовленным к занятию управленческой должности. Следует отметить, что готовность к работе на вышестоящей должности чаще выражают младшие (60,9 %) и старшие (71,4 %) муниципальные служащие. Главные специалисты выразили мнение о замещении вышестоящей должности только при наличии специальной подготовки. Доля ведущих специалистов, готовых

к выполнению задач, не входящих в их компетенцию, составляет 51,7 %, среди главных специалистов – 58,6 %. Однако это вовсе не означает, что в этом плане у муниципальных служащих нет проблем.

На вопрос: «Способствует ли переподготовка и повышение квалификации должностному росту служащих в организации?», мнения респондентов распределились следующим образом: способствует – 9,2 %, скорее да – 45,3 %, скорее не способствует – 32,6 %, не способствует – 12,9 %.

Основу творческого потенциала чиновника составляют креативные способности, способствующие генерированию неординарных идей и решений, оперативному решению проблемных ситуаций. Наличие творческого потенциала позволяет преобразовать имеющийся управленческий опыт, обогатить его личным творческим вкладом, способствует поиску инновационных приемов в профессиональной деятельности. О реализации своего творческого потенциала отвечали следую-

щим образом: подтвердили 27,8 % опрошенных, частично используют – 43,2 % респондентов, в меньшей степени реализуют – 24 %, затруднились с ответом – 5 %.

При характеристике личностных качествах муниципальных служащих при кадровом отборе доминируют три позиции: профессионализм (27,5 %), организаторские способности (12,4 %) и уровень образования (21,6 %). К тому же 11,4 % респондентов назвали в качестве определяющего признака способность проявлять уважение к личности и достоинствам граждан.

Таким образом, при рассмотрении профессионального ресурсного потенциала управленческого работника определены наиболее важные ресурсы: образовательный, профессионально-квалификационный, информационно-культурный; социальный опыт. Выявлено, что не все муниципальные служащие обладают знаниями в области управления, что негативно сказывается на выполнении должностных обязанностей.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Козлов, О. Л. Информационная культура специалиста и методика изучения информационных технологий в высшем образовании / О. Л. Козлов // Информ-ревю: альманах. – 1998. – № 9 (39). – С. 12–13.
3. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. – 312 с.
4. Осипова, Л. Б. Модель современного муниципального служащего / Т. Н. Попова, Л. Б. Осипова // Теория и практика государственного и муниципального управления: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Тюмень: ТюмГАСУ, 2014. – С. 123–127.
5. Осипова, Л. Б. К проблеме профессионального развития муниципальных служащих / Л. Б. Осипова, А. М. Комаров // Теория и практика государственного и муниципального управления: сб. науч. тр. – Вып. 6. – Тюмень: ТюмГАСУ, 2012. – С. 122–126.

Сведения об авторах

Шейкина Анна Николаевна – главный менеджер ООО «Учебный комбинат» (г. Тюмень). lev1025@yandex.ru

Дурцева Ангелина Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.

lev1025@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 85–88.*

PROFESSIONAL RESOURCE POTENTIAL AS A BASE OF COMPETENCY OF MUNICIPAL EMPLOYEES

A. N. Sheykina

Education Centre, lev1025@yandex.ru

A. G. Durtseva

Tyumen State Oil University, lev1025@yandex.ru

Municipalities need the managerial staff of the new style of thinking, has the competence needed to develop a strategy for development of the area. The author attempts to give an analysis of the process of professional resource potential of municipal employees and ways of improving this area.

Keywords: municipal management system; community service; a municipal employee; personal potential; professional activity.

References

1. Anan'yev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Sankt-Petersburg, Piter Publ., 2001, 288 p. (In Russ.).
2. Kozlov O.L. *Informatsionnaya kul'tura spetsialista i metodika izucheniya informatsionnykh tekhnologiy v vysshem obrazovanii* [Information culture specialist and a technique of studying information technology in higher education]. *Inform-revyu: al'manakh* [Inform-Review: Almanac], 1998, no. 9 (39), pp. 12–13. (In Russ.).
3. Markova A.K. *Psikhologiya profes-sionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, Mezhdunarodnyy gumanitarnyy fond «Znaniye» Publ., 1996, 312 p. (In Russ.).
4. Osipova L.B., Popova T.N. Model' sovremennogo munitsipal'nogo sluzhashchego [Model of modern municipal employee]. *Teoriya i praktika gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: sbornik nauchnykh trudov* [Theory and practice of state and municipal management: collection of scientific papers]. Tyumen', TyumGASU, 2014, vol. 8, pp. 123–127. (In Russ.).
5. Osipova L.B., Komarov A.M. K probleme professional'nogo razvitiya munitsipal'nykh sluzhashchikh [On the problem of professional development of municipal employees]. *Teoriya i praktika gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: sbornik nauchnykh trudov* [Theory and practice of state and municipal management: collection of scientific papers]. Tyumen', TyumGASU, 2012, vol. 6, pp. 122–126. (In Russ.).

УДК 356.7

ББК 81:9

Т. И. Синельникова

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Рассматривается специфика управленческого решения и дилемма оптимальности, возникающая в процессе выработки управленческого решения. Делается попытка исторического обзора проблем принятия управленческих решений. Поднимаются философские проблемы, возникающие в процессе принятия управленческого решения. Затрагивается тема социального значения принятых решений. Рассматривается теория принятия решений как научное направление.

Ключевые слова: оптимальные управленческие решения; философские аспекты принятия управленческих решений; теория принятия решений.

Нам постоянно приходится принимать те или иные решения. Необходимость принятия решений сопряжена практически со всеми сферами жизни человека, будь то выбор места работы или отдыха, покупка товаров и многое другое. В том числе термин 'принятие решений' фигурирует во многих научных сферах, таким образом, проблема принятия решений имеет междисциплинарный характер. Помимо индивидуальных решений, которые оказывают влияние только на отдельного человека, принявшего это решение, исходя из своих собственных потребностей, или на его близкое окружение, существуют решения управленческие, которые могут оказывать влияние в различных масштабах на жизнь многих людей, на экономическую обстановку и на другие аспекты.

Так что же такое решение и процесс его принятия?

В психологии «решение – формирование мыслительных операций, снижающих исходную неопределённость проблемной ситуации. В процессе решения выделяют стадии поиска, принятия и реализации решения. Типичная структура поведения человека в ходе решения – разделение исходной проблемы на множество более простых промежуточных задач соответственно плану решения» [11].

В теории принятия решений решением является процедура выбора наиболее подходящего варианта по выделенным параметрам из множества альтернатив [15].

Рассмотрим, что представляет собой процесс принятия решений.

«Процесс принятия решений в профессиональном отношении представляет собой особый вид человеческой деятельности, который

состоит в обоснованном выборе наилучшего в некотором смысле варианта или нескольких предпочтительных вариантов из имеющихся возможных» [12]. Результатом такой деятельности является ликвидация проблемной ситуации. В управленческой же деятельности принятие решений является основной функцией и ключевым направлением, которое проходит через все ее компоненты и этапы. В теории управления это утверждение стало постулатом.

Однако на практике акт выработки и принятия решений не всегда согласуется с научно-теоретическими моделями, что проявляется в преждевременном отбрасывании альтернатив, пренебрежении к возможным исходам, неадекватной оценке критериев проблемной ситуации. На сегодняшний день принятие необдуманных и несогласованных решений в области управления может иметь негативные последствия для регионов страны, областей промышленности и на межгосударственном уровне, таким образом, из всего разнообразия принимаемых решений наибольший интерес представляют именно управленческие, в том числе, и с философской точки зрения.

Управленческое решение и дилемма оптимальности.

Значений термина 'управленческое решение' множество. Приведем ряд распространенных определений.

1. Управленческое решение – директивный выбор целенаправленного воздействия на объект управления, который базируется на анализе ситуации и содержит программу достижения цели [1].

2. Управленческое решение – это творческое и волевое воздействие субъекта управ-

ления, основанное на знании объективных законов функционирования управляемой системы и анализе управленческой информации о системе, направленное на достижение поставленных целей [10; 13; 14].

3. Управленческое решение – это результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента [8; 9; 16].

4. Управленческое решение – это выбор, который должен сделать руководитель, чтобы выполнить обязанности, обусловленные занимаемой им должностью (выбор альтернативы, осуществлённый руководителем в рамках его должностных полномочий и компетенции и направленный на достижение целей организации) [2; 6].

5. С позиций общей теории принятия решений управленческие решения – это выбор из множества наиболее предпочтительного варианта действий (альтернативы) [15].

Из этих определений можно сделать вывод, что процесс выработки управленческого решения – это не только последовательность выборочных процедур, это и творческий процесс, производимый субъектом управленческой деятельности, в основании которого лежат знания объективных законов динамики развития исследуемой системы и оценка информации о ее жизнедеятельности. Творческая составляющая содержит способность к созданию новых путей решения проблемы, включает интуицию и воображение, и сопряжена с пониманием социальных последствий (социальная ответственность как ценностный компонент такой творческой деятельности). А необходимость выбора предполагает ответ на вопрос, что является наилучшим в контексте данного выбора. Если на донаучном уровне этот вопрос решался эмпирическим путем – методом стихийного отбора определенных форм поведения (стихийно-эмпирический уровень), то, в связи с возрастающей потребностью научного обоснования выбора, проблема оптимальности перешла в разряд научных проблем.

Понятие оптимального решения в теории управления встречается при классификации управленческих решений по эффективности [9] (степени достижения цели [14]), которая делит их на три категории:

1) оптимальные решения (наилучшие) – решения, обеспечивающие максимальную степень достижения целей управления;

2) удовлетворительные (приемлемые) решения – решения, приводящие к достижению цели управления, но не обязательно в максимальной степени;

3) неудовлетворительные решения – неразумные решения, не приводящие к достижению целей управления.

Сам термин ‘оптимальность’ происходит от латинского слова ‘optimus’ – наилучший. Постановке проблемы наилучшего уделяли большое внимание философы античного периода. Сократом были подняты вопросы высшего блага, возможности познания, вопросы о предмете общих понятий, об их достоверности и о целях практической деятельности, ведущих к благу. Платон рассматривал вопрос о наилучшем, но уже онтологически, затрагивая при этом сферу духовного. Аристотель, помимо этих вопросов, рассматривал проблему субъективного выбора (формулирует принцип целесообразного выбора). Средневековая философия синтезировала христианские догмы и античную философию, труды античных философов легли в основу европейских философских научных школ. Представитель философии средних веков Уильям Оккам распространил идеи целесообразности в сферу методологии познания и сформулировал так называемый закон экономики («Бритва Оккама»). Оккам стал своего рода родоначальником оптимизационных исследований. Отметим исследование идей оптимальности Лейбницем, представителем философии нового времени. Им был сформулирован принцип минимакса («минимум средств – максимум результата»), который лежит в основе любой целенаправленной деятельности. Также им была предпринята попытка математической формулировки экстремумов.

В современной теории управления оптимальное решение рассматривается с точки зрения выбора субъектом управления соответствующих критериев оптимальности и достижения выбранных критериев оптимальности минимума либо максимума, например, минимума потребления тех или иных ресурсов либо максимума прибыли [7]. Конечно, есть множество управленческих задач, решение которых сводимо к математическим методам. Однако надо понимать, что полноценная математическая постановка оптимизационной задачи возможна лишь в искусственных ситуациях, так как содержательная интерпре-

тация критериев оптимальности, их приоритет (важность, обоснованность), определяется интересами лица, принимающего решения, и опирается, в том числе, на его субъективные предпочтения. Иногда критерии оптимальности находятся в противоречии друг с другом. Возникает дилемма оптимальности, перед лицом, принимающим решение, встает вопрос, какой критерий выбрать? В последние десятилетия остро обозначилась ограниченность имеющихся методов, предназначенных помочь нахождению оптимального управленческого решения, которые связаны, прежде всего, с их ориентацией на достижение экстремальных значений экономических показателей вне гуманитарного аспекта, зачастую без учёта влияния принятых решений на людей, общество в целом. Следствием игнорирования социальной и гуманитарной сторон в процессе выработки решения, недостаточного анализа возможностей их дальнейшей реализации явились участвовавшие крупномасштабные экологические, техногенные и гуманитарные катастрофы.

Возрастающие требования к качеству принимаемых управленческих решений диктуют необходимость выполнения специальной аналитической работы, доработки теоретических, научно-прикладных вопросов оптимального управленческого решения. Должен быть выработан компромисс между «золотой серединой» (Аристотеля) и экстремумом критериев принимаемого решения (Лейбница), а также разработан прикладной механизм сопоставления разнородных критериев оптимальности. Однако выбор и комбинирование критериев оптимальности, на основании которых и будет производиться сравнительная оценка возможных решений и выбор наилучшего, стоит производить с учетом высшей цели – наиболее полному удовлетворению потребностей общества.

Проблемы принятия управленческих решений в разрезе исторической ретроспективы.

Проблема принятия оптимального управленческого решения с давних пор стояла перед людьми, осуществляющими это процесс. Без грамотно организованного управления было невозможно становление великих империй, мощных государств, строительство монументальных сооружений и многие другие достижения.

В начале XX в. произошёл переход к новому типу научных проблем, ведущую роль в которых стали занимать вопросы организа-

ции, синтеза и функционирования сложных многокритериальных систем, что явилось толчком к внедрению системного подхода в науку. Наряду с этим используемый ранее концептуальный базис оказался недостаточным для постановки и решения таких задач. Возникла необходимость в углублении самосознания науки и поиска новых оснований способа мышления. Немаловажный вклад в развитие системных представлений того времени внёс отечественный учёный Александр Александрович Богданов (псевдоним, настоящая фамилия Малиновский), который выпустил труд под названием «Тектология: всеобщая организационная наука» [3; 4]. Основная концепция тектологии (в буквальном переводе с греческого «учение о строительстве») заключалась в существовании всеобщего организационного метода, такового, что любые объекты и процессы обладают конкретным уровнем организованности, который тем выше, чем сильнее свойства целого отличаются от суммы свойств входящих в него элементов. Организованная система в тектологии формулируется на основе тезиса о том, что «целое больше суммы своих частей». Отметим, что собственно анализ свойств целого и его частей и был впоследствии заложен в качестве основной характеристики понятия сложной системы. Рассматривались не только статические состояния структур, но и анализировалось динамическое поведение объектов, подчеркивая значение принципа обратных связей, обращая внимание на вопросы развития организации и выделяя роль формализации и математических методов в качестве потенциальных методов решения задач в теории организации, равно как и роль моделирования как вида тектологического эксперимента. А. А. Богданов высказал плодотворную идею о необходимости разработки методов изучения явлений из одной области при помощи средств, взятых из другой области. Его труды стали предметом критики его теории всеобщей организационной науки, и изложенные в ней конструктивные системные идеи, по сути предвосхитившие кибернетику, были надолго забыты. «Предметом самостоятельного изучения, анализа и разработки процедуры принятия управленческих решений стали после возникновения современной науки об управлении. Наука об управлении начала интенсивно развиваться лишь с начала XX в.» [2].

В СССР большое значение придавали планированию. Также во времена советской власти был создан уникальный институт, в рамках которого проводились коллективные обсуждения и принятие управленческих решений, называемый партийным съездом. Несмотря на то, что коммунистическая партия имела жёсткую внутреннюю организацию, большое внимание уделялось коллективному механизму принятия решений. На проходящих съездах встречались партийные делегаты из разных регионов страны и региональных центров, представлявшие различные уровни иерархии партийного руководства. Дискуссии на съездах партии выполняли функции внутрипартийного голосования по стратегическим вопросам, информирования партийных кадров о новой линии партии. На таких мероприятиях также происходило формирование эмоциональной и рациональной мотивации к действию путём фиксации и анализа речей делегатов, вождей. Консолидацию имеющихся на тот момент методов принятия решений и развитие целых институтов по этой тематике вызвали сложные управленческие задачи, поставленные в период Второй мировой войны, такие как размещение объектов гражданской обороны, огневых позиций, разработки оружия.

После развала Советского Союза Россия претерпела модернизацию, произошло большое количество преобразований, было принято множество реформ. Так, на смену плано-распределительной системе пришла так называемая «рыночная экономика», конечно, далёкая от механизма свободного регулирования участниками рынка на основе чисто экономических процедур. Либерализация экономической деятельности, внешней и внутренней торговли достигла огромных масштабов. Министерства перестали быть согласованными, отказавшись полностью от планирования как от советского пережитка, пришли к окончательному развалу таких важнейших институтов, как здравоохранение (в 90-х демографический кризис в России), образование (в мировом рейтинге российские вузы продолжают стремительно уступать позиции), промышленность (заккрытие крупных стратегических промышленных предприятий). Это стало временем внутренних военных конфликтов, жертвами которых стали тысячи граждан Российской Федерации. Отличительным признаком процесса

принятия управленческих решений в России стали большая степень неопределённости и высокий показатель риска, что обусловлено законодательными, политическими, коммерческими, экономическими и многими другими факторами. В это время, после волны приватизации, начало образовываться множество коммерческих предприятий, краеугольным камнем которых стало принятие управленческих решений, и желательно эффективных. Назрела необходимость выработки чёткой стратегии действий лица, принимающего решения, на основе установленных критерий и правил.

На сегодняшний день обоснованность, эффективность управленческих решений, несомненно, выросли с момента начала становления нашей страны как государства с рыночной экономикой, однако стали забыты прежние наработки российских и советских ученых. Необходимо систематизировать и интегрировать прошлые теоретические разработки российской и советской науки в сфере экономики и управления, а также их практические достижения.

Активной проработкой проблемы принятия управленческих решений занимались и за рубежом. Среди зарубежных учёных основополагающие идеи в области становления и дальнейшего внедрения в науку, в том числе и в теорию принятия решений, системных представлений внёс австрийский биолог Карл Людвиг фон Берталанфи. В 1937 г. он доложил о теории открытых систем в биологии в качестве рабочей гипотезы для проведения дальнейших исследований, после чего приступил к созданию общей теории систем. Вопросы, рассмотренные им, охватывали обширную область научного знания, синтезируя направления конкретных наук, занимающихся системами и систематизацией, и обеспечивая для них методологический теоретический базис. Системный подход явился инструментом методологии. Не будем забывать при этом, что разработанная Берталанфи общая теория систем не является всеобъемлющей теорией, распространяемой на все системы, а есть не что иное, как потенциальная форма теоретического описания систем.

Теория принятия управленческих решений фактически начинает интенсивно развиваться в 1940-е гг., происходит становление мощного научно-прикладного направления, которому поспособствовала и кибернетика,

основоположником которой является известный американский учёный, математик и философ Норберт Винер. Он обосновал законы информационного взаимодействия элементов в процессе управления системой. Труд Винера под названием «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» [5] вышел в США в 1948 г. (в СССР его первый перевод появился в 1958 г.). Здесь надо отметить, что академик АН СССР Н. Н. Моисеев указывал на заимствование основных идей кибернетики у Богданова.

В период с 1950-х по 1960-е гг. формируются тесно связанные с теорией принятия решений новые научные дисциплины, такие как исследование операций, системный анализ и другие. Приобрели популярность, в том числе и в СССР, исследования в области теории нечётких множеств американского математика Лотфи Заде, а также исследования процедур принятия приближенных решений. В военно-промышленной сфере США начал формирование в качестве научной дисциплины системный анализ. Впоследствии его изучение проходило во многих государственных организациях США.

На сегодняшний день множество работ зарубежных исследователей в области теории управления переведены на русский язык и легли в основу теоретических и прикладных работ отечественных исследователей. Однако отличительным признаком большого числа зарубежных работ, применяемых в управленческой деятельности, является их направленность на применение в рамках коммерческих организаций (ориентированы на максимальную прибыль), что делает их непригодными для специфических задач государственного управления. В нынешних российских реалиях положительным моментом является бóльшая публичность (но не полная открытость) принимаемых управленческих решений, возможность их обсуждения и ответный посыл представителей различных групп, составляющих гражданское общество, что позволяет отследить компетентность и соответствие решения делегируемым субъекту управления полномочиям, способствует положительной динамике социального развития. Несмотря на это, проблема принятия решений остается открытой, носит сложный междисциплинарный характер, исследуется множеством научных направлений. До сих пор различные дисциплины рассматривают

процесс принятия решения в качестве объекта изучения, конечным результатом которого должна явиться разработка новых концепций и подходов.

Философские аспекты принятия управленческих решений.

Первые теоретические исследования в области управления были предприняты именно философами (Конфуций, Сократ, Платон, Аристотель, Макиавелли, Кант, Маркс, Вебер, Богданов и др.). С тех пор трансляция некоторых законов философии в теорию принятия оптимальных управленческих решений значительно ее обогатило. Так, в теории управления область (ситуация), в которой принимается решение, представляют в виде системы, а принятие решений предусматривает такие элементы диалектического материализма, как вскрытие и преодоление противоречий (выбор целевых функций, значимых критериев и т. д.). Кроме того, при принятии решений человек использует сформировавшиеся в уме каждого в течение жизни под влиянием социальных факторов понятия, такие как хорошее и плохое, полезное и вредное, важное и неважное (система ценностей). Это вносит субъективный компонент в проблему принятия решений, ведь окончательное решение всё равно принимает человек, несмотря на применение моделей, методов, новейших технологий обработки информации. Здесь для выбора параметров высшего приоритета важную роль играет принцип объективности рассмотрения как фундаментальный принцип диалектики. Следующий важный применяемый принцип – принцип всестороннего рассмотрения явления. Диалектико-материалистическое понимание всеобщей связи занимает основное место в системных исследованиях. Ещё один ключевой принцип – принцип конкретно-исторического подхода. Также устанавливается диалектика взаимосвязи (причинные связи) результатов оптимизации с постановкой задачи, определяются новые задачи, совершенствуются старые решения (циклический процесс познания).

Однако наряду с диалектическим подходом используется и метафизический. На сегодняшний день популярные методы принятия оптимальных управленческих решений (статистические методы, методы линейного программирования) решают проблему оптимизации принимаемого решения в виде

ограниченного числа критериев в рамках выбранной целевой функции. При этом они базируются на ряде допущений либо предположений, например, критерий оптимальности должен быть линейным (хотя мир, в общем-то, не линеен), при этом рассматривается какая-то конкретная сторона реальности. Такая редукция позволяет максимально математизировать задачу оптимизации решения, а значит применять компьютерные технологии, охватить больше статистических данных, но результатом такой редукции является то, что полученная оптимизация на практике может произвести противоположный эффект. Нередко на практике всеобщие законы развития систем, даже такие, как основные законы диалектики, игнорируются.

При выработке решений философия необходима, чтобы посмотреть на решаемую задачу «сверху», перейдя на максимальный уровень обобщения (посредством общелогического философского метода – абстрагирования), что несомненно важно для охвата масштаба проблемы. На данном этапе могут быть выделены какие-то ключевые аспекты оптимизируемого решения. Однако со времен первых теоретических исследований в области управления были сформулированы и до сих пор не решены некоторые вопросы философской направленности. Например: какие методы применимы в процессе принятия управленческих решений, какое место в других науках и в системе научного знания в целом занимает теория принятия решений, какую познавательную и социальную функцию она выполняет. Системный взгляд на современную науку об управлении, на различные разрозненные научные направления, занимающиеся решением задач оптимального управления, может помочь в создании единых междисциплинарных методов выработки оптимальных управленческих решений,

в объединении их в единую теорию. Такая попытка предпринята в системологии, благодаря классификации систем не по определенным типам элементов, а по определенным типам отношений. Примером классификации по типам элементов служит традиционное подразделение науки и техники на дисциплины и специальности, причем каждая из них занимается определенным типом элементов (физических, химических, биологических, политических, экономических и т. д.). В системологии критерием классификации служит тип отношений между элементами, а деление систем производится на основе методологических отличий. Каждый из этих классов состоит из систем, эквивалентных с точки зрения конкретных, практически существенных сторон определенных в них отношений. Благодаря такому подходу может быть осуществлено интегрирование учений об управлении, чего до сих пор не сделано.

В заключение хотелось бы отметить

Философская оценка проблем принятия управленческих решений очень важна. Философия выступает в качестве «общего знаменателя» всех форм человеческой деятельности и позволяет рассмотреть исследуемую область в перспективе общественно-исторической практики и дальнейшего развития общества. Из выше предложенного анализа можно сделать вывод, что в условиях нарастающего воздействия управленческих решений назрела необходимость разработки единого комплексного научного направления, учитывающего наработки предыдущих лет в области философии и наук о принятии решений, оперирующего информацией, не зависящей от семантики (последовательный отказ от семантики методом абстрагирования) в виду междисциплинарного характера проблемы, ориентированного, в том числе, на использование компьютерной техники.

Список литературы

1. Асаул, А. Н. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса / А. Н. Асаул, И. П. Князь, Ю. В. Коротаева. – СПб.: ЭВР, 2007. – 224 с.
2. Башкатова, Ю. И. Управленческие решения: учеб. пособие / Ю. И. Башкатова. – М.: МЭСИ, 2005. – 184 с.
3. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. / А. А. Богданов. – Кн. 1. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.;
4. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. / А. А. Богданов. – Кн. 2. – М.: Экономика, 1989. – 351 с.

5. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Science/viner.
6. Злобина, Н. В. Управленческие решения: учеб. пособие / Н. В. Злобина. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – 80 с.
7. Канторович, Л. В. Оптимальные решения в экономике / Л. В. Канторович, А. Б. Горстко. – М.: Наука, 1972. – 232 с.
8. Лазарев, В. Н. Управленческие решения: текст лекций / В. Н. Лазарев. – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – 56 с.
9. Лапыгин, Ю. Н. Управленческие решения: учеб. пособие / Ю. Н. Лапыгин, Д. Ю. Лапыгин. – М.: Эксмо, 2009. – 448 с.
10. Лукичёва, Л. И. Управленческие решения: учебник / Л. И. Лукичёва, Д. Н. Егорычев. – М.: Омега-Л, 2009. – 383 с.
11. Национальная психологическая энциклопедия. Решение. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/896/word/reshenie>.
12. Петровский, А. Б. Теория принятия решений: учебник / А. Б. Петровский. – М.: Академия, 2009. – 398 с.
13. Петухов, О. Н. Управленческие решения: учеб. пособие / О. Н. Петухов. – Томск: ТПУ, 2011. – 97 с.
14. Пирогова, Е. В. Управленческие решения: учеб. пособие / Е. В. Пирогова. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 176 с.
15. Трофимова, Л. А. Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие / Л. А. Трофимова, В. В. Трофимов. – СПб.: СПбГУЭФ, 2012. – 101 с.
16. Фатхутдинов, Р. А. Управленческие решения: учебник / Р. А. Фатхутдинов. – М.: ИНФРА-М. – 2002. – 314 с.

Сведения об авторе

Синельникова Татьяна Ибрагимовна – аспирант кафедры прикладной математики Кубанского государственного университета.
fbogin@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 89–96.*

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF OPTIMAL MANAGEMENT DECISION MAKING

T. I. Sinelnikova

Kouban State University, fbogin@mail.ru

The article deals with the specificity of a management decision and the optimality dilemma arising in the management decision making process. This article attempts to make a historical survey of management decision problems. Presented here are philosophical problems arising in the management decision making process. Also, it brings up the theme of the social implication of the decisions. The article views decision theory as a scientific field.

Keywords: optimal management decisions; philosophical aspects of management decision making; decision theory.

References

1. Asaul A.N., Knyaz' I.P., Korotayeva Yu.V. *Teoriya i praktika prinyatiya resheniy po vykhodu organizatsiy iz krizisa* [Theory and practice of decision-making institutions to overcome the crisis]. Sankt-Peterburg, EVR Publ., 2007, 224 p. (In Russ.).

2. Bashkatova Yu.I. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnoye posobiye* [Management Decisions: a tutorial]. Moscow, MESI Publ., 2005, 184 s. (In Russ.).
3. Bogdanov A.A. *Tektologiya: (Vseob-shchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology (Universal organizational science)], vol. 1. Moscow, Ekonomika Publ., 1989, 304 p. (In Russ.).
4. Bogdanov A.A. *Tektologiya: (Vseob-shchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology (Universal organizational science)], vol. 2. Moscow, Ekonomika Publ., 1989, 351 p. (In Russ.).
5. Wiener N. *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1958. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/viner, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
6. Zlobina N.V. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnoye posobiye* [Management decisions: a tutorial]. Tambov, TGTU Publ., 2007. 80 p. (In Russ.).
7. Kantorovich L.V., Gorstko A.B. *Optimal'nyye resheniya v ekonomike* [Optimal solutions in economy]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 232 p. (In Russ.).
8. Lazarev V.N. *Upravlencheskiye resheniya: tekst lektsiy* [Management Decisions: text of lectures]. Ul'yanovsk, UIGTU Publ., 2011, 56 p. (In Russ.).
9. Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnoye posobiye* [Administrative decisions: a tutorial]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 448 p. (In Russ.).
10. Lukichova L.I., Yegorychev D.N. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnyk* [Management Decisions: the textbook]. Moscow, Omega-L Publ., 2009. 383 p. (In Russ.).
11. *Natsional'naya psikhologicheskaya entsiklopediya. Resheniye* [The National Psychological Encyclopedia. Solution]. Available at: <http://vocabulary.ru/dictionary/896/word/reshenie>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
12. Petrovskiy A.B. *Teoriya prinyatiya resheniy: uchebnyk* [Decision theory: a textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 398 p. (In Russ.).
13. Petukhov O.N. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnoye posobiye* [Management Decisions: a tutorial]. Tomsk, TPU Publ., 2011. 97 p. (In Russ.).
14. Pirogova Ye.V. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnoye posobiye* [Management Decisions: a tutorial]. Ul'yanovsk, UIGTU Publ., 2010. 176 p. (In Russ.).
15. Trofimova L.A., Trofimov V.V. *Metody prinyatiya upravlencheskikh resheniy: uchebnoye posobiye* [Methods of managerial decision-making: a tutorial]. Sankt-Peterburg, SPbGUEF Publ., 2012. 101 p. (In Russ.).
16. Fatkhutdinov R.A. *Upravlencheskiye resheniya: uchebnyk* [Administrative decisions: the textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 314 p. (In Russ.).

УДК 330.163

ББК 65.012

И. В. Пивоварова, О. В. Устинова

УПРАВЛЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Нарастающая конкуренция, глобализация потребительских рынков закономерно обращают интересы исследователей к изучению мотивации потребительского поведения населения. В статье представлено авторское исследование потребительского поведения клиентов крупного предприятия розничной торговли, по результатам которого выявлен уровень удовлетворенности покупателей, определены слабые стороны предприятия в управлении его потребительским поведением.

Ключевые слова: покупатель; потребительское поведение; управление потребительским поведением.

Потребление товаров и услуг в России изучалось еще в дореволюционный период в связи с наличием нищеты и бедности. Далее потребности и потребление представляли интерес для специалистов в области политической экономии, которые изучали динамику и структуру потребления населением продовольственных и непродовольственных товаров [5. С. 7–9].

В научной литературе термин 'потребности' представлен в различных смысловых контекстах. Чаще всего фигурирует смысловая пара 'потребности' и 'потребление'. Безусловно, удовлетворение потребностей связано с потреблением. Ученые рассматривают потребности личности как «...объективно обусловленные внутренние запросы в необходимых для ее существования материальных, духовных и социальных благах и деятельности по их приобретению» [8; 10].

К. Маркс выделил три основные группы потребностей по социальной направленности. В основе его классификации находится процесс жизнедеятельности общества в целом: потребности производства; жизненные потребности и нужды людей, удовлетворение которых осуществляется членами общества совместно; личное потребление, размер которого зависит от трудового вклада человека в общественное богатство [4. С. 17].

А. Маслоу предложил иерархическую пирамиду потребностей, включающую: физиологические потребности, потребность в безопасности, социальные потребности, потребности эго-статуса, потребность в самовыражении [9. Р. 80–106]. К. Альдерфер выделил три группы потребностей (теория ERG): потребности существования, потребности в связях,

потребности в росте [3]. Согласно классификации Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина, потребности делятся на три группы: физические потребности, включающие биолого-физические, биолого-воспроизводственные, биолого-экономические потребности общества и самого человека; интеллектуальные потребности, связанные с развитием знаний, способностей человека; социальные потребности [2. С. 244]. Представляет интерес теория потребностей, предложенная М. В. Тараткевичем, который разделил их по сферам деятельности (потребности труда, познания, общения, отдыха и т. д.); по функциональной роли (доминирующие и второстепенные, центральные и периферические, устойчивые и ситуативные); по субъекту (индивидуальные, групповые, коллективные, общественные) [6. С. 84–87]⁸.

Важнейшей особенностью потребностей, по мнению авторов статьи, является их динамический характер, изменчивость, развитие на базе удовлетворенных потребностей новых, более высоких, что связано с включением личности в различные формы и сферы деятельности.

В современном обществе изобилие продуктов и товаров стимулирует людей к активному потреблению. Но проблема удовлетворения материальных и духовных потребностей сохраняется, так как в условиях многообразия товаров и услуг выбор затрудняется и осложняется, а вопрос качества предлагаемой потребителю продукции еще не решен [7. С. 213–215]. Поэтому неслучайно возникновение в России общественного движения потребителей, принятие Закона РФ «О защите прав потребителей», в основе которого лежит понятие 'суверенитет потребителя'.

Нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Васильчука, что «общественные науки пока не оценили значение того факта, что удовлетворение основной массы потребностей семей в XX веке оказалось связанным с рыночными отношениями. Потребности получили денежную форму, форму денежных ресурсов населения, свободно выбирающих “свой товар”, то есть форму спроса конечных потребителей. В этом виде потребности обрели огромную гибкость, подвижность, невероятную скорость смены, развития и трансформации, мощь воздействия на человека и общество» [1. С. 7].

Таким образом, потребление материальных благ не следует рассматривать упрощенно, как удовлетворение потребностей. Потребности нельзя сводить к доходу и потреблению, как это иногда представляют экономисты. Сегодня это не распределение товара, а процесс купли и продажи, это удовлетворение потребности в товаре, продукте, услуге через взаимодействие продавца и покупателя.

С целью исследования потребительского поведения покупателей авторами был проведен опрос 506 клиентов крупного предприятия розничной торговли (далее предприятие, магазин). По результатам опроса был выявлен уровень удовлетворенности покупателей, а также определены слабые стороны предприятия в управлении их потребительским поведением.

На вопрос, является ли предприятие магазином, в котором респонденты тратят больше всего денег, 64 % ответили положительно. Общий уровень удовлетворенности покупателей оценивался по отделам и последнему посещению. Индекс степени удовлетворенности покупателей отделами непродовольственных и продовольственных товаров, а также последним посещением магазина, высокий и колеблется от 8,0 до 8,3.

Поскольку предприятие функционирует чуть больше года, изменение частоты посещений сравнивалось за последние шесть месяцев. Половина покупателей (49 %) стали чаще делать покупки, 46 % посещают предприятие с прежней периодичностью.

В течение последних шести месяцев 86 % покупателей рекомендовали предприятие другим людям, 14 % не считали нужным этого делать.

Результаты опроса позволили выявить связь между удовлетворенностью покупателей и их преданностью предприятию (рис. 1).

Положительным моментом для предприятия является массовость покупателей группы «Посланники» (82 %). В то же время низкий процент покупателей, неудовлетворенных предприятием (6 %), является основанием для выявления проблем в управлении потребительским поведением.

Степень доверия покупателей предприятию выявлялась в одобрении ими высказываний, характеризующих его как социально-ответственную компанию, стремящуюся удовлетворять потребности своих клиентов (рис. 2).

Анализ индексов степени удовлетворенности покупателей по 37 показателям позволил выявить наиболее сильные и слабые стороны управления потребительским поведением (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг показателей, получивших наиболее высокий и низкий индексы удовлетворенности покупателей

<i>Высокий индекс удовлетворенности потребителей</i>	
Оценочный показатель	Индекс удовлетворенности потребителей
Выбор, свежесть и вкус хлеба	9,2
Чистота магазина	9,1
Вкус, свежесть выпечки	9,1
Атмосфера в магазине	8,9
Чистота и опрятность формы сотрудников	8,9
Цены на выпечку	8,9
<i>Низкий индекс удовлетворенности потребителей</i>	
Время ожидания на кассе	6,8
Цена на рыбу	6,8
Выбор рыбы	6,8
Консультации продавцов в отделе аудио-видео, компьютерной техники	6,7
Цены на овощи, фрукты	6,5
Легко найти место на парковке	5,9

Кроме перечисленных показателей, невысокую оценку получила удовлетворенность ассортиментом товаров – чуть меньше половины покупателей во время последнего посещения не нашли на прилавках важный для себя товар (табл. 2). Отсутствие нужного

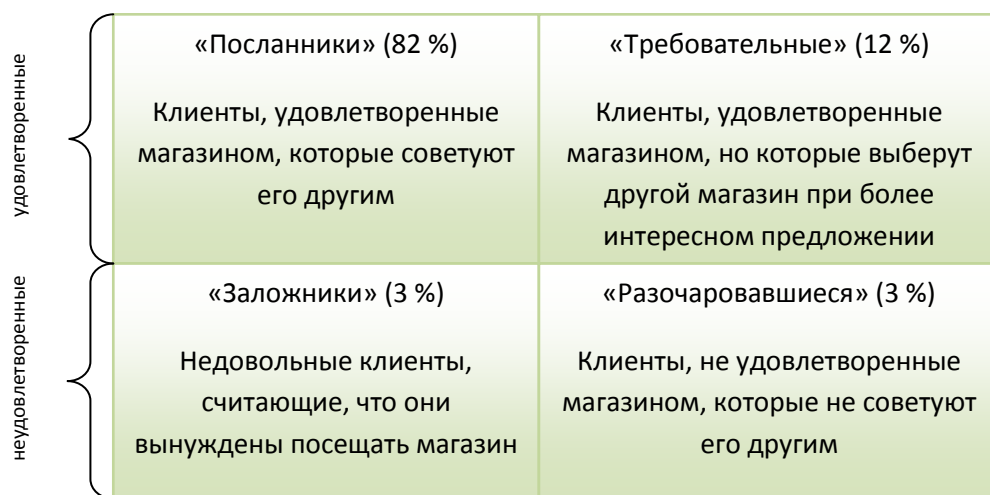

Рис. 1. Взаимосвязь между удовлетворенностью покупателей и их преданностью предприятию

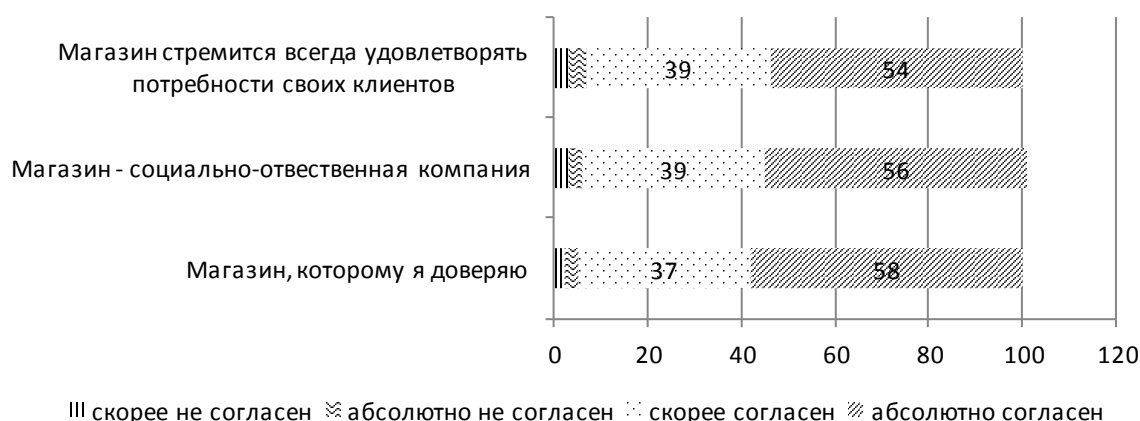

Рис. 2. Степень доверия покупателей магазину, %

товара покупатели объясняют следующими причинами: этот товар просто отсутствовал на полках – 38 %; товар никогда не продавался в магазине – 24 %; товар больше не продается в магазине – 7 %. Треть респондентов (33 %) затруднились найти объяснение.

Таблица 2

Распределение ответов покупателей на вопрос: «Во время Вашего последнего посещения случилось ли, что вы хотели купить товар, но не нашли его на полках магазина?», %

Варианты ответов	%
Да, один (или несколько) товар, очень важный для меня	17
Да, один (или несколько) товар, достаточно важный для меня	27
Да, один (или несколько) товар, совсем не важный для меня	20
Нет	36

Отсутствие необходимых товаров, а также скудный ассортимент, могут стать основной причиной выбора покупателем конкурентного предприятия. Поэтому важно иметь представление о восприятии покупателем предприятия по сравнению с его конкурентами.

К преимуществам предприятия по сравнению с другими магазинами относятся цены, выбор и качество товаров. Тогда как распродажи, скидки и качество обслуживания оставляют желать лучшего (рис. 3).

Покупатели, для которых магазин является основным, оценивают его преимущества гораздо выше, нежели другие покупатели (рис. 4, 5).

Таким образом, анализ корреляции между удовлетворенностью покупателей и их преданностью предприятию показал низкий процент покупателей, не удовлетворенных предприятием. Исследование индексов сте-

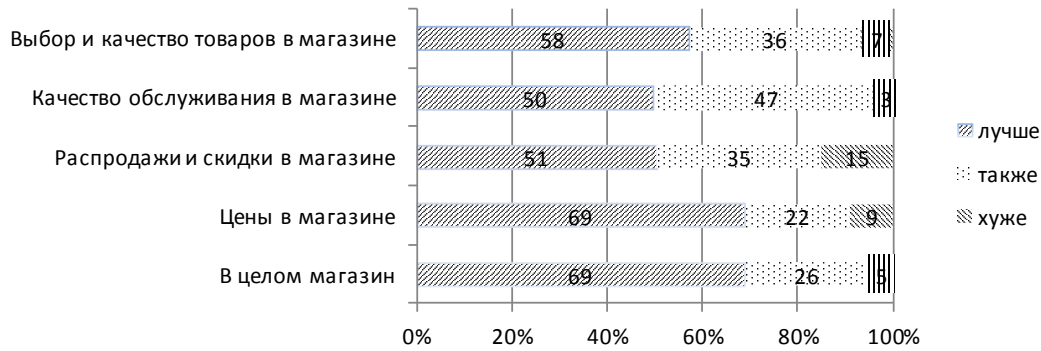

Рис. 3. Восприятие покупателями магазина по сравнению с конкурентами, %

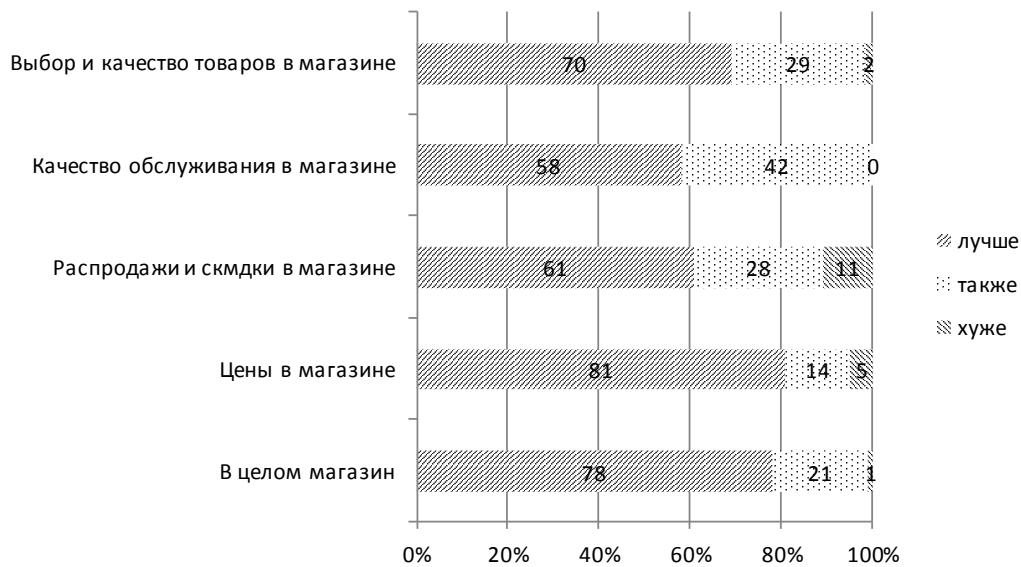

Рис. 4. Восприятие магазина по отношению к конкурентам покупателями, для которых магазин является основным, %

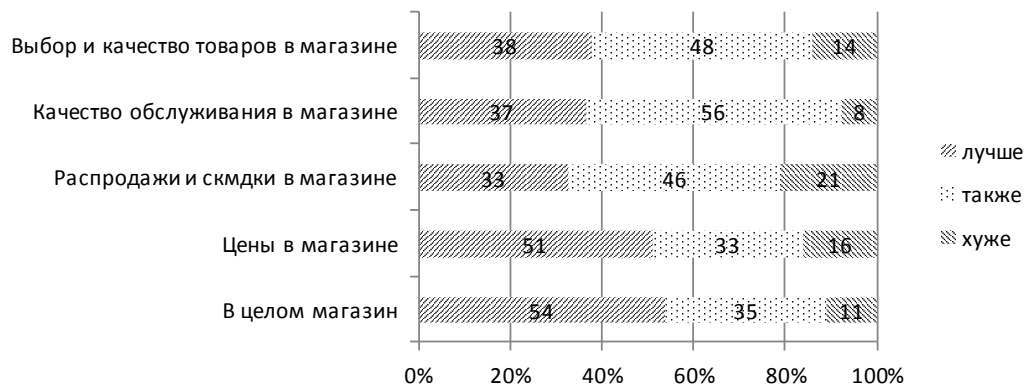

Рис. 5. Восприятие магазина по отношению к конкурентам покупателями, для которых магазин не является основным, %

пени удовлетворенности покупателей позволил выявить наиболее сильные и слабые стороны управления потребительским поведением. Так, требуют пристального внимания руководства такие проблемы, как: время ожидания на кассе, ассортимент продукции,

консультации продавцов в отделе аудио-видео, компьютерной техники, цены на овощи и фрукты, наличие мест на парковке.

Покупатели, для которых магазин является основным, оценивают его преимущества гораздо выше, нежели те, кто не считают его

таковым. К преимуществам предприятия по сравнению с другими магазинами относятся цены, выбор и качество товаров, тогда как распродажи, скидки и качество обслуживания оставляют желать лучшего.

Делая выводы по исследованию в целом,

необходимо отметить уверенные конкурентные позиции предприятия. Эффективное управление потребительским поведением будет способствовать укреплению его преимуществ, позволяющих увеличить количество постоянных покупателей.

Список литературы

1. Васильчук, Ю. А. Трансформация потребностей – развитие личности и общества / Ю. А. Васильчук // Полит. исслед. – 1994. – № 5. – С. 7.
2. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М.: Политиздат, 1988.
3. Лютенс, Ф. Организационное поведение: учеб. для вузов / Ф. Лютенс. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 692 с.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960.
5. Социология потребления / под ред. Л. Т. Волчковой. – СПб.: Лань, 2001.
6. Тараткевич, М. В. Человек. Среда. Потребности: (Диалектика формирования разумных потребностей) / М. В. Тараткевич. – Минск: Новое знание, 1980.
7. Устинова, О. В. Феномен потребительского поведения в системе научных знаний. / О. В. Устинова, А. И. Гарькуша // Социально-экономическое развитие территорий на этапе стабилизации: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень; Павлодар: Вектор Бук, 2005. – С. 213–215.
8. Хайруллина, Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли: учеб. пособие; М-во образования и науки РФ; Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень, 2012.
9. Maslow, A. Motivation and personality / A. Maslow. – N. Y., 1954.
10. Ustinova, O. V. An Investigation into the Motives Behind the Reproductiv Conduct of the Ural Federal District / O. V. Ustinova // World Applied Sciences Journal. – 2014. – 31 (5): 910–914.

Сведения об авторах

Пивоварова Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета.
pivovarova_irina@mail.ru

Устинова Оксана Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.
sema_79@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 97–102.

DEPARTMENT OF CONSUMER BEHAVIOR

I. V. Pivovarova

Tyumen State Oil University, pivovarova_irina@mail.ru

O. V. Ustinova

Tyumen State Architecture-Constructing University, sema_79@bk.ru

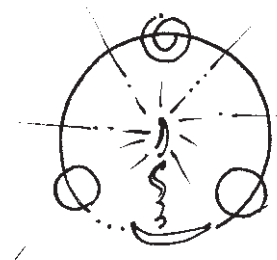
Increasing competition, globalization of consumer markets naturally attracts the interest of researchers to the study of motivation in consumer behavior of the population. The article presents the author's research on consumer behavior of customers of major retailers, the results of which revealed the level of customer satisfaction, identified weaknesses of the enterprise in the management of their consumer behavior.

Keywords: the buyer; consumer behavior; management consumer behavior.

References

1. Vasil'chuk Yu.A. *Transformatsiya potrebnostey – razvitiye lichnosti i obshchestva* [Transformation needs as a personal and social development]. *Politicheskiye issledovaniya* [Political researches], 1994, no. 5, p. 7. (In Russ.).
2. *Kratkiy slovar' po sotsiologii* [Short Dictionary of Sociology], D.M. Gvishiani, N.I. Lapina (eds.). Moscow, Politizdat Publ., 1988. (In Russ.).
3. Lyutens F. *Organizatsionnoye povedeniye: uchebnyk dlya vuzov* [Organizational behavior: a textbook for high schools]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 692 p. (In Russ.).
4. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works], vol. 19. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1960. (In Russ.).
5. *Sotsiologiya potrebleniya* [Sociology of consumption], L.T. Volchkova (ed.). Sankt-Peterburg, Lan' Publ., 2001. (In Russ.).
6. Taratkevich M.V. *Chelovek. Sreda. Potrebnosti: (Dialektika formirovaniya razumnykh potrebnostey)* [Man. Environment. Needs (Dialectics of forming the reasonable needs)]. Minsk, Novoye znaniye Publ., 1980. (In Russ.).
7. Ustinova O.V., Gar'kusha A.I. Fenomen potrebitel'skogo povedeniya v sisteme nauchnykh znaniy [Phenomenon of consumer behavior in the system of scientific knowledge]. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye territoriy na etape stabilizatsii: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Socio-economic development of the regions at the stage of stabilization of the theory and practice: proceedings of the international scientific-practical conference]. Tyumen'; Pavlodar, Vektor Buk Publ., 2005, pp. 213–215. (In Russ.).
8. Khayrullina N.G. *Upravleniye personalom na predpriyatiyakh trgovli: uchebnoye posobiye* [HR management in the trade: a manual], Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet. Tyumen', 2012. (In Russ.).
9. Maslow A. *Motivation and personality*. N. Y., 1954.
10. Ustinova O.V. An Investigation into the Motives Behind the Reproductiv Conduct of the Ural Federal District. *World Applied Sciences Journal*, 2014, no. 31 (5), pp. 910–914. (In Russ.).

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.3
ББК 74.2

С. Ю. Фролов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВУЗЫ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обосновывается роль региональных вузов в социально-экономическом развитии регионов и доказывается их влияние на сохранение социокультурного и научного потенциала территорий. Предлагаемые автором мероприятия, направленные на повышение конкурентоспособности регионального высшего образования, с одной стороны, будут способствовать практикоориентированной подготовке специалистов для экономики региона и, с другой стороны, позволят создать эффективные механизмы взаимодействия академической науки и реального сектора экономики региона.

Ключевые слова: региональный вуз; глобализационные процессы; модернизация; качество образования; социально-экономическое развитие региона; научный потенциал; конкурентоспособность вузов.

Происходящие в стране социально-экономические и социально-политические изменения обусловили необходимость реформирования системы образования, направленного на обновление профессионального образования с учетом процесса вхождения России в мировое образовательное пространство. В условиях глобализации образование должно быть непрерывным, актуальным, «...новой формой накапливаемого человеком в течение жизни экономического ресурса», при этом роль вуза заключается в создании и приумножении человеческого капитала страны, повышающего ее конкурентоспособность в глобальном сообществе [4].

Безусловно, это касается и региональных вузов, которые в полной мере должны учитывать, в том числе, и особенности развития отдельных регионов. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Белоцерковского, который подчеркивает, что региональные университеты в той же степени определяют конкурентоспособность региона на национальном уровне, в которой конкурентоспособность страны на между-

народном уровне определяют качественный и количественный уровень образования ее населения: «...стране, мощь которой определяется регионами, крайне необходимы и первоклассные региональные университеты» [5].

В условиях модернизации системы высшего образования региональным вузам, в отличие от крупных федеральных или научно-исследовательских университетов, а также от имеющих общественное признание столичных вузов, получающих определенную государственную поддержку, гораздо сложнее соответствовать требованиям и критериям лучших мировых практик, ввиду меньшего количества материальных и человеческих ресурсов, отсутствия широкой известности, невысокого уровня ресурсной поддержки со стороны федеральной власти, преимущественной ориентацией на интересы региона. Поэтому, как правило, региональным вузам приходится самостоятельно выживать, предпринимая определенные меры по повышению качества образования, развитию новых образовательных технологий, поддержке

своих научных школ и зачастую опережать в рейтингах столичные университеты.

В условиях же глобализации потребность в постоянном обновлении профессиональных знаний, востребованных современным рынком труда, востребованность непрерывного образования, а значит и соответствие качества предоставляемого образования, соответствующего мировым стандартам, являются определяющими для дальнейшего существования развития регионального вуза.

Анализ уровня изученности территориальных аспектов образования показывает, что в исследованиях, как правило, преобладает отраслевая ориентация, в которых территория рассматривается, главным образом, как среда, в которой функционирует система образования. Не сформировалось и целостного единого подхода к проблемам региональных вузов, а система образования, сложившаяся в регионах, не рассматривается в качестве одного из важнейших способов преодоления трудностей периода трансформации, стоящих перед обществом.

Однако, по мнению автора статьи, необходимо подчеркнуть важность функционирования региональных вузов, которая определяется, прежде всего, существованием различий интересов и потребностей граждан, условий и возможностей по их удовлетворению, в связи с этим каждый из российских регионов в силу социальных, экономических, географических причин должен представлять своим гражданам различные условия и возможности для развития и социализации. Так, Е. Шевелева отмечает, что региональная образовательная политика все больше начинает детерминироваться региональными проблемами занятости и трудоустройства населения, миграции, экологии и здоровья, безопасности и порядка, градостроительными проблемами и проблемами малого бизнеса, т. е. регионализация становится «социальным заказом» общества [8].

Подчеркивая роль вузов в развитии региональной экономики, Е. Вашурина, Н. Дрантусова, Я. Евдокимов и И. Майбуров считают, что «университет в регионе – это не только продукт академических достижений данного учреждения, но и в значительной степени – результат социально-экономического развития региональной среды, ее конкурентности, ее совокупного интеллектуального потенциала» [1. С. 133–134].

Такого же мнения придерживаются Т. Чурикова и Ю. Захаров, которые отмечают,

что региональный вуз – это «...стабилизация процесса воспроизводства кадрового потенциала; подготовка кадров высшей категории. Именно в региональном вузе происходит формирование и развитие научных школ, фундаментальных и прикладных исследований, в которых приоритет отводится проблемам региона, развитию его производительных сил, его демографии, изучению факторов сбережения здоровья, социальным проблемам молодежи и т. д.» [7].

Анализ различных позиций ученых относительно роли региональных вузов позволяет автору под региональным вузом понимать научно-образовательную систему, включающую в себя также центр развития культуры и являющегося, в конечном счете, ресурсом регионального развития, в котором аккумулируется интеллектуальный потенциал региона.

Для достижения конкурентоспособности региональных вузов, обеспечивающей повышение их роли в эффективном развитии регионального сообщества, необходимо обеспечение следующих мероприятий.

Во-первых, изменение организации образовательного процесса, вызванное тенденциями глобализации образования, реформированием системы образования, проявляющееся в том, что основным становится выбор, который осуществляет студент – это выбор не только образовательной программы, но и последовательности изучения дисциплин, курсов по выбору, преподавателей, формирование индивидуального учебного плана [3].

Во-вторых, создание эффективных механизмов взаимодействия академической науки и реального сектора экономики региона, что позволит обеспечить вузу привлечение дополнительных внебюджетных средств. Иными словами, вуз должен стать центром для коммуникации бизнеса, общества и государства по вопросам прогнозирования развития региона.

В-третьих, практикоориентированная направленность подготовки выпускников. Решение этой проблемы лежит в плоскости привлечения к образовательной деятельности предприятий реального сектора экономики при наличии механизмов частно-государственного партнерства, а также за счет внедрения сетевых форм реализации образовательных программ, что весьма реально в условиях конкретного региона [2].

В-четвертых, организация производственной практики путем стажировки студентов

на предприятии, что позволит определиться с требованиями работодателей, создаст возможность познакомиться с современным оборудованием, на котором предстоит работать выпускникам. На сегодняшний день нет выстроенного государственного механизма, обязывающего работодателей принимать студентов на практику, обеспечивать их рабочими местами, осуществлять наставничество.

В-пятых, устранение угроз нетрудоустройства выпускников либо трудоустройства не по специальности. Выпускники, как молодые специалисты, являются одной из слабозащищенных в социальном отношении категорий населения, а без соответствующей государственной поддержки и нормативно-правовых механизмов социальной поддержки молодого специалиста одному вузу данную проблему не решить. В связи с этим весьма важно научиться прогнозировать спрос на специалистов того или иного профиля, как в краткосрочном, так долгосрочном периоде, и регулировать его соответствующими изменениями в учебных планах, образовательных программах.

В-шестых, важной составляющей непрерывного образования, призванного эффективно реагировать на новые требования региональной экономики, является реализация вузами программ дополнительного образования и профессионального обучения. Массовая подготовка и переподготовка специалистов предприятий возможна через систему дополнительного образования, прежде всего через синергетическое партнерство с промышленными предприятиями региона.

В-седьмых, необходимость выстраивания системной целенаправленной работы с талантливой молодежью. Необходимо отметить неоднородный охват школьников дополнительными образовательными про-

граммами, зачастую в сельской местности наблюдается полное его отсутствие. В данной ситуации необходимо использовать преимущество регионального вуза в близости к абитуриенту, эффективные механизмы отбора качественных абитуриентов. Объединение университета, школ, учреждений профессионального образования позволит, с одной стороны, обеспечить открытость, доступность и вариативность образования в регионе, с другой, обеспечить преемственность школьного и вузовского образования.

В-восьмых, в соответствии с новыми экономическими отношениями, обеспечением гуманности и приданием гибкости системе образования, требуется вовлечь студентов, их родителей, работодателей в образовательный процесс как потребителей, клиентов. Студент из сырья превращается в заказчика, из объекта превращается в субъект образования, становится участником формирования учебного процесса.

Безусловно, обозначенные задачи требуют комплексного решения, которое видится в концептуально-программном развитии системы регионального образования, в разработке и реализации которой необходимо взаимодействие вуза, власти и регионального бизнеса.

В этой связи встает самый главный, на взгляд автора данной статьи, вопрос – вопрос сохранения интеллектуального потенциала региона – профессорско-преподавательского состава вузов, без которого невозможно решить ни одну из вышеперечисленных задач. Именно преподаватели в силу имеющихся у них функций широких трансляторов интеллектуального и социально-культурного капитала могут способствовать экономической, культурной и политической интеграции регионального сообщества [6].

Список литературы

1. Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: аналитический обзор / Е. В. Вашурина, Н. В. Дрантусова, Я. Ш. Евдокимов, И. А. Майбуров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
2. Белоножко, М. Л. Качество подготовки выпускников университета для нефтегазового комплекса России / М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков, С. Ю. Фролов // *Соврем. проблемы науки и образования*. – 2013. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/113-11186> (дата обращения: 18.12.2013).
3. Белоножко, М. Л. О результатах внедрения требований ФГОС в подготовку управленцев / М. Л. Белоножко, А. Н. Силин, Л. К. Габышева // *Вестн. Удмурт. ун-та*. – 2013. – № 15. – С. 159–162.

4. Бурдые, П. Начала / П. Бурдые; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М., 1997.
5. Белоцерковский, А. В. Региональные университеты в системе образования России / А. В. Белоцерковский. – URL: <http://www.akvobr/regionaline>.
6. Влияние социальных коммуникаций на престиж регионального вуза / под ред. О. В. Шиняевой. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – 128 с.
7. Чурекова, Т. М. Качественное довузовское образование – условие доступности обучения в высшей школе / Т. М. Чурекова, Ю. А. Захаров // Университет. управление: практика и анализ. – 2004. – № 2 (31). – С. 50–53.
8. Шевелева, Е. А. Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах / Е. А. Шевелева // Регионология. – 2010. – № 4.

Сведения об авторе

Фролов Станислав Юрьевич – аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
frstanislav@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 103–107.*

REGIONAL UNIVERSITIES: PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION

S. Yu. Frolov

Tyumen State Oil University, frstanislav@mail.ru

The article explains the role of regional universities in socio-economic development of regions and proves their impact on the preservation of socio-cultural and scientific potential of territories. Offered by the author measures aimed at improving the competitiveness of regional higher education, on the one hand, and will facilitate the preparation of practical specialists for economics of the region, and, on the other hand, will create effective mechanisms of interaction between academic science and real sector of economics of the region.

Keywords: regional university; globalization processes; modernization; quality of education; socio-economic development of the region; scientific potential; competitiveness of the university.

References

1. Vashurina Ye.V., Drantusova N.V., Yevdokimov Ya.Sh., Mayburov I.A. *Analiz mirovykh tendentsiy razvitiya nauchno-obrazovatel'noy deyatel'nosti: analiticheskiy obzor* [Analysis of global trends in the development of scientific and educational activities: an analytical overview]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2006. (In Russ.).
2. Belonozhko M.L., Barbakov O.M., Frolov S.Yu. Kachestvo podgotovki vypusnikov universiteta dlya neftegazovogo kompleksa Rossii [The quality of university graduates for oil and gas complex of Russia]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no. 6. Available at: <http://www.science-education.ru/113-11186>, accessed 18.12.2014. (In Russ.).
3. Belonozhko M.L., Silin A.N., Gabysheva L.K. O rezul'tatakh vnedreniya trebovaniy FGOS v podgotovku upravlentsev [About the results of the implementation of the requirements of the GEF in the preparation of managers]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of University], 2013, no. 15, pp. 159–162. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Nachala [Beginnings], N.A. Shmatko (tr.). Moscow, 1997. (In Russ.).
5. Belotserkovskiy A.V. *Regional'nyye universitety v sisteme obrazovaniya Rossii* [Regional universities in the education system in Russia]. Available at: <http://www.akvobr/regionaline>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).

6. *Vliyaniye sotsial'nykh kommunikatsiy na prestizh regional'nogo vuza* [The impact of social communications on the prestige of a regional university], O.V. Shinyayeva (ed.). Ul'yanovsk, UIGTU Publ., 2009. 128 p. (In Russ.).

7. Churekova T.M., Zakharov A.Yu. Kachestvennoye dovuzovskoye obrazovaniye – usloviye dostupnosti obucheniya v vysshey shkole [The quality of pre-university education as a condition of access to learning in higher education]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2004, no. 2 (31), pp. 50–53. (In Russ.).

8. Sheveleva Ye.A. *Problemy razvitiya vysshego professional'nogo obrazovaniya v malykh i srednikh gorodakh* [Problems of development of higher education in small and medium-sized towns]. *Regionologiya*, 2010, no. 4. (In Russ.).

УДК 37.013
ББК 421.27

Т. Л. Молоткова

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

В последние десятилетия интенсивное развитие получила технология дистанционного обучения, использование которой помогает решать одну из важнейших конституционных задач, стоящих перед образовательной сферой, – обеспечение права человека на образование и получение информации.

Ключевые слова: система образования; профессиональное образование; дистанционное образование; телекоммуникационные технологии; электронные учебники; медиакультура.

В условиях формирования единого глобального информационного и образовательного пространства все в большей степени возрастает роль новых информационных технологий. В связи с этим необходима новая парадигма образования, поскольку обществом востребована личность, владеющая фундаментальными теоретическими знаниями, обладающая высоким уровнем компетентности, креативным мышлением, навыками конструктивного поиска при решении управленческих задач и способная к самоорганизации. Большинство молодых людей высказывает мнение, что именно получение профессионального образования способствует достижению социального статуса, проектированию жизненного пути, становлению компетентными специалистами [6].

Дистанционное обучение, в основе которого заложены современные информационные технологии, удовлетворяет основным требованиям новой образовательной парадигмы общества. Во-первых, это предоставление знаний всем категориям обучающихся независимо от их места проживания, стремление к массовому образованию. Во-вторых, это индивидуальное образование человека, непрерывно продолжающееся на протяжении всей его жизни. В XXI в. производство интеллекта выходит на первый план, поэтому постановка этой задачи в дистанционном обучении крайне важна. В настоящее время спектр технологий дистанционного обучения достаточно обширен, и его выбор определяется множеством факторов, но наиболее перспективной является технология Интернет-обучения

В научной литературе можно встретить множество толкований понятия ‘дистанционное образование’. Например, американский эксперт в области дистанционного обучения

Э. Кларк отмечает, что под категорию «дистанционное обучение подпадает множество видов и программ обучения» [3]. По мнению А. А. Андреева, это «система, в которой на основе дистанционного обучения обучающиеся достигают определенного образовательного уровня» [1]. При этом дистанционное обучение он классифицирует как «синтетическую, интегрированную форму обучения, базирующуюся как на использовании традиционных, так и информационных технологий». Аналогичной позиции в высказывании придерживаются Д. А. Богданова и А. А. Федосеев, полагая, что данная научная категория означает «удаленное обучение» [2]. Приведенные определения не в полной мере отражают суть рассматриваемого явления, часто авторы лишь ограничиваются констатацией некоторых характеристик дистанционного обучения.

Дистанционное образование, с одной стороны, открывает возможности обучающемуся удовлетворять свои образовательные потребности благодаря мобильной, виртуальной форме обучения, а с другой стороны – в системе непрерывного образования осуществлять постоянную динамику знаний, умений и навыков. Обучение в системе дистанционного образования предъявляет современные требования к уровню подготовки обучаемых, что определяет актуальность решения задач по формированию базового уровня информационной культуры обучаемого. В учебных заведениях должны готовить людей, умеющих самостоятельно учиться, работать с информацией, самостоятельно совершенствовать свои знания и умения в разных областях.

К сожалению, в стране до сих пор не сформировалась система подготовки активных потребителей информации: нет специализированной дисциплины, направленной

на формирование информационной культуры обучающихся [4]. При дистанционном обучении учебный процесс состоит из организационных форм, характерных для традиционного учебного процесса. Он включает в себя лекции, семинарские, практические, лабораторные занятия, системы контроля, самостоятельную работу обучающихся. Активно применяются в практике дистанционного образования развитые средства телекоммуникации, использование спутниковых каналов связи, передача упакованного видеозаписи по компьютерным сетям. Видеокассеты – это уникальное средство для дистанционного обучения практически по любой учебной дисциплине – используются обычно как компоненты наборов учебных материалов, частично заменяя традиционные лекции. Индивидуальная работа с электронными учебниками дает глубокое усвоение и

понимание материала. Электронная почта как инновационная технология используется для доставки содержательной части учебных курсов студентам. Однако она имеет ограниченный педагогический эффект из-за невозможности реализации диалога между преподавателем и студентами, принятого в традиционной форме обучения [5].

Применение инновационных технологий эффективно и качественно обучать – зависит в первую очередь от профессионального и педагогического мастерства разработчиков электронных дидактических средств. Как показывает анализ перспектив развития компьютерных и телекоммуникационных технологий, в будущем в контактном и дистанционном образовательном процессе востребован комплекс новых функциональных обязанностей преподавателей вузов, в частности образование в области медиакультуры; понимание

Рис. 1. Мнения респондентов и экспертов в отношении выбора вида обучения, в %

Рис. 2. Ответы респондентов о наличии проблем в развитии дистанционного обучения, в %

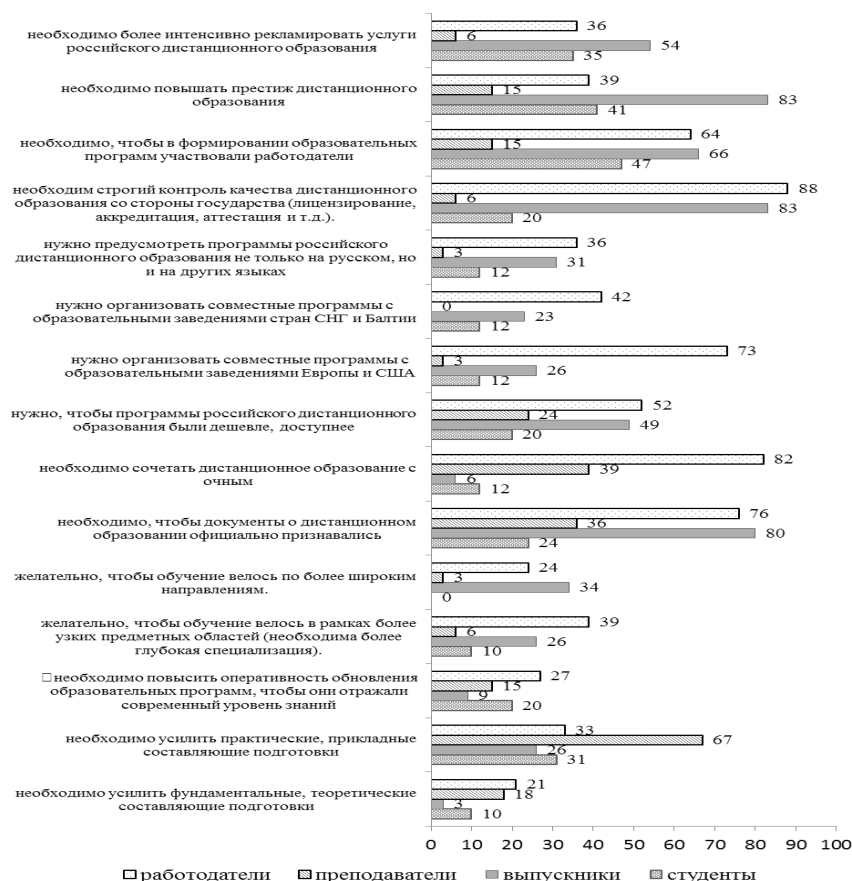

Рис. 3. Предложения по совершенствованию дистанционного обучения, в %

дидактических свойств различных составляющих инновационного компонента учебно-методических комплексов и перспективных программных средств; подготовленность к работе в телекоммуникационных виртуальных средах; знание методов проектирования электронных дидактических средств и умение работать с ними в учебном процессе.

С целью изучения процесса дистанционного обучения был проведен социологический опрос среди студентов и выпускников ТюмГНГУ в количестве 125 чел. и работодателей (23 чел.). На вопрос: «Какова цель получения профессионального образования в форме дистанционного обучения?», ответы распределились следующим образом (рис. 1):

Студенты указывали на необходимость получения профессионального образования (59%), в то время как выпускники вуза подчеркнули производственную необходимость как важнейший фактор получения высшего образования в формате дистанционного обучения (83%). Наблюдаются расхождения во мнениях работодателей и преподавателей. Для работодателей главный фактор – производственная необходимость (70%). Препода-

ватели отметили получение диплома о высшем образовании (85%).

На вопрос: «Какие проблемы возникают при внедрении дистанционного обучения?», ответы распределились следующим образом (рис. 2).

По мнению преподавателей, для совершенствования данной системы обучения следует усилить практические составляющие в дистанционном образовании (67%), сочетать ДО с очной формой обучения (39%), а также лоббировать признание полученного документа об образовании работодателями (36%). Основная масса работодателей (88%) считают, что следует усилить контроль качества ДО, 82% высказались за сочетание дистанционного образования с очной формой обучения.

Таким образом, дистанционное образование открывает студентам доступ к нетрадиционным источникам информации, повышает эффективность самостоятельной работы, предоставляет возможности для обретения профессиональных навыков, а преподавателям позволяет повышать уровень профессионализма и компетентности, использовать при организации образовательного процесса инновационные приемы и методы обучения.

Список литературы

1. Андреев, А. А. Определимся в понятиях / А. А. Андреев // Высш. образование в России. – 1998. – № 4. – С. 44–48.
2. Богданова, Д. А. Проблемы дистанционного образования в России / Д. А. Богданова, А. А. Федосеев // Информатика и образование. – 1996. – № 3. – С. 94–98.
3. Кларк, Э. Дистанционное обучение: способ преуспеть / Э. Кларк. – URL: <http://www.bolero.ru>.
4. Мицель, А. А. Дистанционное образование как составляющая процесса формирования единого образовательного пространства / А. А. Мицель // Открытое образование. – 2006. – № 2. – С. 59–62.
5. Осипова, Л. Б. Дистанционное обучение в вузе: модели и технологии / Л. Б. Осипова, О. М. Горева // Современ. проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/119-14612>.
6. Осипова, Л. Б. Жизненные стратегии современной молодежи / Л. Б. Осипова, Л. А. Энвери // Вестн. Вятс. гос. гуманитар. ун-та. – 2012. – № 4 (4). – С. 106–109.

Сведения об авторе

Молоткова Таисия Леонидовна – ведущий специалист кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
zhernakova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 108–111.

DISTANCE EDUCATION: THE ESSENCE AND CONTENT

T. L. Molotkova

Tyumen State Oil University, zhernakova@mail.ru

In recent decades, intensive development of distance learning technologies, the use of which helps to solve one of the most important constitutional challenges facing the educational sphere, – ensuring the human right to education and information.

Keywords: education; vocational education; distance education; telecommunication technologies; electronic textbooks; media culture.

References

1. Andreyev A.A. Opredelimsya v ponyatiyakh [Let us define in terms]. *Vysshye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 1998, no. 4, pp. 44–48. (In Russ.).
2. Bogdanova D.A., Fedoseyev A.A. Problemy distantsionnogo obrazovaniya v Rossii [Problems of distance education in Russia]. *Informatika i obrazovaniye* [Computer Science and Education], 1996, no. 3, pp. 94–98. (In Russ.).
3. Klark E. *Distantsionnoye obucheniye: sposob preuspet'* [Distance education: a way to succeed]. Available at: <http://www.bolero.ru>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
4. Mitsel' A.A. Distantsionnoye obrazovaniye kak sostavlyayushchaya protsesssa formirovaniya yedinogo obrazovatel'nogo prostranstva [Distance education as part of the process of forming a single educational space]. *Otkrytoye obrazovaniye* [Open Education], 2006, no. 2, pp. 59–62. (In Russ.).
5. Osipova L.B., Goreva O.M. Distantsionnoye obucheniye v vuze: modeli i tekhnologii [Distance Learning in the university: models and technologies]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/119-14612>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
6. Osipova L.B., Enveri L.A. Zhiznennyye strategii sovremennoy molodezhi [Life strategies of modern youth]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vятka State Humanitarian University], 2012, no. 4 (4), pp. 106–109. (In Russ.).

УДК 37.013
ББК 421.27

Г. О. Барбаков, Ю. Р. Валикина

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Формирование профессионализма кадров муниципальной службы – сложная интегральная задача. Одним из важнейших инструментов ее продуктивного решения выступает дополнительное профессиональное образование. В статье рассматриваются современные подходы к «инновационному образованию» муниципальных служащих, а именно ориентация на современную концептуальную модель государственного служащего; применение компетентностного подхода к формированию профессионализма муниципальных служащих; переход к инновационным образовательным технологиям.

Ключевые слова: дополнительное образование; муниципальные служащие; инновационная система дополнительного профессионального образования.

О том, что современные государственная и муниципальная службы нуждаются в росте уровня профессионализма ее кадрового состава, говорят многочисленные исследования [2; 7; 8; 13; 15]. Так, результаты опроса государственных гражданских служащих Марий-Эл, Мордовии и Чувашии, а также Нижегородской и Кировской областей, проведенного в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. под руководством В. А. Мальцева, показывают потребность в дополнительном профессиональном образовании 60 % госслужащих. Кроме того, респонденты с высокой самооценкой собственного профессионального уровня испытывают не меньшую потребность в дополнительном образовании, чем служащие, менее уверенные в своем профессионализме [7].

Согласно исследованиям И. Газиевой, проведенным в 2010 г. каждый четвертый госслужащий (28 %) – профессионально не реализовавшийся, 39 % имеют средний уровень профессиональной самореализации, и лишь 24 % являются профессионалами своего дела, заинтересованными в качестве своей деятельности; имеющими представление об оценке этой деятельности руководством; находящимися в процессе саморазвития и построения карьеры [2]. Обобщая полученные в ходе факторного и кластерного анализа данные социологического исследования, И. Газиева делает вывод о необходимости разработки программ ДПО с учетом особенностей типологических групп государственных служащих по степени их профессиональной самореализации.

Другое, не менее интересное исследование, проведенное в июне 2013 г. Б. В. Заливанским в целях оценки информационно-коммуникативных компетенций муниципальных служащих администрации г. Белгорода, показало, что знания муниципальных служащих об информационной компетентности специалиста достаточно поверхностны. Лишь единицы респондентов указали в качестве элементов информационной культуры такие варианты, как знание негативных возможных последствий работы с компьютерной техникой (9,3 %), понимание современной картины мира (6,98 %), доступ к информации, составляющей государственную тайну (2,33 %). При этом 88 % опрошенных считают уровень своей информационной компетентности достаточным для эффективного выполнения должностных обязанностей [3].

Результаты исследований в рамках научного проекта «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» под руководством В. Ф. Анурина, проведенных в 2011 г., также свидетельствуют о существенных проблемах в сфере дополнительного образования муниципальных служащих. Это такие проблемы, как отсутствие в органах государственного и муниципального управления достаточного числа вакантных мест для карьерного продвижения, несоответствие программ профессионального обучения служебным функциональным обязанностям и др.

Основная причина, по которой ДПО не способствует профессиональному развитию

чиновников, видится в отсутствии прямой корреляции между профессиональным развитием муниципального служащего и повышением оплаты труда, карьерным ростом.

Так, по результатам исследований В. А. Мальцева, верхние позиции рейтинга причин низкой мотивации служащих к дополнительному образованию занимают: отсутствие вакантных должностей в системе муниципальной службы (68,8 %), неэффективность системы управления карьерой в органах власти (39,6 %).

Как справедливо отмечает М. Маленькая, современная система дополнительного профессионального образования муниципальных служащих опирается на большой опыт, однако она нацелена не на перспективу, а на решение сегодняшних проблем [8]. По мнению А. В. Сурина, «реальная управленческая практика генерирует противоречия и проблемы настоящего, и при этом существующая система образования закрепляет все это в качестве эталона, опираясь на сакраментальный тезис о связи науки и практики. Возникает парадоксальная ситуация – ориентация на сложившуюся практику становится фундаментально непрактичной, поскольку в этом случае на вызовы будущего современный управленец отвечает методами прошлого» [12].

В сложившейся ситуации требуется трансформация системы дополнительного образования государственных служащих. Обобщая представленные в научной литературе мнения ученых о том, какой должна быть инновационная система ДПО государственных служащих, выделим основные составляющие «инновационности».

1. Ориентация ДПО на современную концептуальную модель государственного служащего.

В определении содержания модели государственного служащего существует широкий спектр выводов и рекомендаций школ и научных направлений, что обуславливает необходимость интеграции идей, с тем, чтобы сделать модель приемлемой для различных регионов. А. Г. Панькова предлагает выделить в модели государственного служащего следующие блоки: качества личности; способности; знания, умения, навыки; опыт; воспитание; мотивацию деятельности [10].

Модель государственного служащего, предложенная С. Г. Зыряновым, представлена деловыми, психологическими и личност-

ными качествами государственного служащего [4]. В ходе исследований ученый определил основные личностные характеристики государственного служащего, которыми явились честность (62,5 %), коммуникабельность (60,4 %), уравновешенность (51,9 %), приветливость (27,6 %), терпимость (22,3 %) и др. Из числа деловых характеристик верхние позиции рейтинга заняли такие как профессионализм и компетентность (87,9 %), организационный талант (48,7 %), умение общаться с людьми (45,6 %).

Логическим дополнением к работе С. Г. Зырянова, посвященной разработке концептуальной модели государственного служащего, может служить исследование И. А. Коха. Ученый выявил иерархию ценностных ориентиров государственных служащих, лидирующие позиции в которой заняли здоровье (54,6 %), счастливая семейная жизнь (52 %), материальная обеспеченность (42,8 %), знания, компетентность (39,8 %), интересная работа (38,1 %) [6].

Дискуссионность в отношении содержательной структуры концептуальной модели государственного служащего позволяет сделать вывод об отсутствии единой модели специалиста в области муниципального управления, так как она обусловлена спецификой и уникальностью каждого отдельно взятого региона.

2. Применение компетентностного подхода к формированию профессионализма муниципальных служащих.

В работах отечественных и зарубежных авторов к настоящему времени отчетливо определены сущностные характеристики компетентностного подхода. Н. Г. Хайруллина, О. В. Устинова полагают, что компетентностный подход к ДПО должен быть основан на описании компетенций органа местного самоуправления, что позволит учитывать специфические особенности конкретных муниципальных образований [14].

По мнению Л. Смышляковой, Т. Пшеничниковой, в российском образовании компетентностный подход переходит из стадии самоопределения в стадию самореализации, когда заявленные им ценности и методологические установки должны подтвердить себя в разных прикладных разработках. Актуальным в этом случае становится выявление теоретических и технологических основ реализации компетентностного подхода в системе

ДПО государственных служащих, а также принципов его реализации [11].

Апробация компетентного подхода в формировании профессионализма муниципальных служащих позволила Л. Смышляковой, Т. Пшеничниковой не только обозначить этапы его реализации, но и четко структурировать компетенции: 1) компетенции социального взаимодействия; 2) социально-деятельностные компетенции; 3) компетенции самоорганизации и самоуправления; 4) ценностно-смысловые и политико-правовые компетенции; 5) компетенции самостоятельной познавательной деятельности.

Разноплановость подходов к оценке компетенций служащих образует достаточно широкое пространство для принятия решения о выборе компетентного профиля должности государственного (муниципального) служащего.

3. Переход к инновационным образовательным технологиям.

Понятие «инновационности образовательных технологий» в большей степени относится к их внедрению в учебную практику, что до сих пор является скорее исключением, нежели правилом. В то же время среди основных принципов реализации федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения обозначен инновационный характер образования и образовательных технологий [5].

Говоря об информатизации обучения, нельзя не затронуть получившее повсеместное внедрение дистанционное обучение, представляющее собой новую технологию образования, предполагающую реализацию всех традиционных форм обучения (очную, очно-заочную и заочную) и в определенной

мере стирающую границы между ними [1]. При всей прогрессивности дистанционных технологий образования здесь кроется немало проблем, непосредственно влияющих на уровень и качество ДПО государственных и муниципальных служащих. Это такие как низкая мотивация слушателей к самообразованию, отсутствие отлаженной системы контроля знаний обучающихся, коррупционные проявления и др. В этих условиях внедрение дистанционных технологий в обучение государственных и муниципальных служащих требует дальнейшего совершенствования организации образовательного процесса [9].

Построение инновационной системы дополнительного профессионального образования муниципальных служащих необходимо подчинить принципам: непрерывности, основанном на своевременном совершенствовании содержания образовательных программ; применения инновационных образовательных технологий; индивидуализации, основанной на развитии компетенций конкретного слушателя; опережающего обучения, формирующего способности управленческой деятельности в постоянно меняющихся условиях и др.

В итоге инновации в системе ДПО муниципальных служащих должны способствовать развитию у них мотивации к самообразованию как эффективному инструменту раскрытия и использования их личностного потенциала и способностей. Это особенно актуально в контексте осуществления реформы местного самоуправления, расширения и усложнений функций муниципального управления, постоянного изменения нормативно-правовой базы деятельности муниципальных служащих.

Список литературы

1. Бажин, И. Система образовательных программ повышения квалификации муниципальных служащих / И. Бажин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2009. – № 1. – С. 43–52.
2. Газиева, И. Дополнительное образование как направление повышения профессиональной эффективности государственных гражданских служащих / И. Газиева // Власть. – 2010. – № 9. – С. 101–104.
3. Заливанский, Б. В. Формирование информационно-коммуникативных компетенций муниципальных служащих / Б. В. Заливанский // Гуманитар. науч. исслед. – 2014. – № 9. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7711>.
4. Зыряннов, С. Г. Деловые качества и имидж государственного служащего / С. Г. Зыряннов // Государственная и муниципальная служба: проблемы становления и развития: тез. докл. Урал. регион. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во УрАГС, 2011. – С. 70–72.

5. Комаров, А. М. Профессиональное развитие муниципальных служащих: проблемы и перспективы / А. М. Комаров, Л. Б. Осипова // *Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: материалы Междунар. науч. семинара.* – Тюмень, 2013. – С. 229–233.

6. Кох, И. А. Кадровый потенциал и социально-этические проблемы государственного и муниципального управления / И. А. Кох // *Тезисы докладов Уральской региональной научно-практической конференции.* – Пермь: УрАГС, 2008. – С. 82–87.

7. Маленькая, М. А. Инновации в дополнительном профессиональном образовании государственных и муниципальных служащих / М. А. Маленькая // *Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России: отчет о НИР / рук. В. А. Мальцев; исп. М. А. Маленькая и др.* – Н. Новгород, 2010. – С. 291–299.

8. Маленькая, М. А. Инновационная система дополнительного профессионального образования муниципальных служащих / М. А. Маленькая // *Власть.* – 2011. – Сентябрь. – С. 40–44.

9. Осипова, Л. Б. Дистанционное обучение в вузе: модели и технологии / Л. Б. Осипова, О. М. Горева // *Соврем. проблемы науки и образования.* – 2014. – № 5. – С. 723.

10. Панькова, А. Г. Проблема построения модели государственного, муниципального служащего / А. Г. Панькова // *Сборник материалов научно-практической конференции «Региональное управление и кадровая политика: проблемы становления государственной и муниципальной службы в Тюменской области».* – Тюмень, 2009. – С. 76–79.

11. Смышлякова, Л. Компетентный подход к формированию профессионализма муниципальных служащих / Л. Смышлякова, Т. Пшеничникова // *Гос. служба.* – 2009. – № 2. – С. 38–41.

12. Сурин, А. В. Подготовка управленцев нового поколения: кого, чему и как учить? / А. В. Сурин // *Вопр. гос. и муницип. управления.* – 2007. – № 1. – С. 183–189.

13. Устинова, О. В. Коммуникативные технологии в повышении эффективности взаимодействия муниципальных органов власти и населения / О. В. Устинова, И. А. Курашенко // *Перспективы развития науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (28 сент. 2012 г.).* – Тамбов, 2012. – С. 141–143.

14. Хайруллина, Н. Г. Профессиональное развитие муниципальных служащих / Н. Г. Хайруллина, О. В. Устинова. – Тюмень, 2005. – 127 с.

15. Ustinova, O. V. The role of communicative technologies in the process of local governments and the population interaction / O. V. Ustinova, N. G. Khairullina // *Life Science Journal.* – 2014. – P. 11 (12s).

Сведения об авторе

Барбаков Григорий Олегович – кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

bara79@bk.ru

Валикина Юлия Раисовна – специалист Приемной комиссии Тюменского государственного нефтегазового университета.

bara79@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 112–117.

INNOVATIVE SYSTEM OF COMPLEMENTARY PROFESSIONAL EDUCATION FOR MUNICIPAL OFFICIALS

G. O. Barbakov, Yu. R. Valikina

The formation of professional skills of employees in the municipal service is complex integrated task. One of the most important instruments of its productive solutions is the complementary profes-

sional education. The article considers modern approaches to the “innovative education” municipal employees: a focus on the modern conceptual model of a public servant; the use of competence-based approach to the formation of the professionalism of municipal employees; the transition to innovative educational technologies.

Keywords: complementary education; municipal employees; innovative system of complementary professional education.

References

1. Bazhin I. Sistema obrazovatel'nykh programm povysheniya kvalifikatsii munitsipal'nykh sluzhashchikh [System of educational training programs for municipal employees]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], seria 21 Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo), 2009, no. 1, pp. 43–52. (In Russ.).
2. Gaziyeva I. Dopolnitel'noye obrazovaniye kak napravleniye povysheniya professional'noy effektivnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Additional education as a way to improve the effectiveness of professional civil servants]. *Vlast'* [Power], 2010, no. 9, pp. 101–104. (In Russ.).
3. Zalivanskiy B.V. Formirovaniye informa-tсионno-kommunikativnykh kompetentsiy munitsipal'nykh sluzhashchikh [Formation of information-communicative competence of municipal employees]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian researching], 2014, no. 9. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/09/7711>, accessed 30.04.2015. (In Russ.).
4. Zyr'yanov S.G. Delovyye kachestva i imidzh gosudarstvennogo sluzhashchego [Business qualities and image of the civil servant]. *Gosudarstvennaya i munitsipal'naya sluzhba: problemy stanovleniya i razvitiya: tezis dokladov Ural'skoy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [State and municipal service: the problems of formation and development: Proceedings of the Ural regional researching and practical conference]. Perm', UrAGS Publ., 2011, pp. 70–72. (In Russ.).
5. Komarov A.M., Osipova L.B. Professional'noye razvitiye munitsipal'nykh sluzhashchikh: problemy i perspektivy [Professional development of municipal employees: problems and perspectives]. *Vuzovskaya nauka: teoretiko-metodologicheskkiye problemy podgotovki spetsialistov v oblasti ekonomiki, menedzhmenta i prava: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [University science: theoretical and methodological problems of training specialists in the field of economics, management and law: Materials of the International Scientific workshop]. Tyumen', 2013, pp. 229–233. (In Russ.).
6. Kokh I.A. Kadrovyye potentsial i sotsial'no-eticheskkiye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Human resources and the social and ethical issues of the state and municipal management]. *Tezis dokladov Ural'skoy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the Ural regional researching and practical conference]. Perm', UrAGS Publ., 2008, pp. 82–87. (In Russ.).
7. Malen'kaya M.A. Innovatsii v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh [Innovations in additional professional education state and municipal employees]. *Razvitiye innovatsionnoy sistemy nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh Rossii: otchet o NIR* [Development of innovative system of continuous professional education state and municipal officials in Russia: research report]. N. Novgorod, 2010, pp. 291–299. (In Russ.).
8. Malen'kaya M. A. Innovatsionnaya sistema dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya munitsipal'nykh sluzhashchikh [Innovative system of additional vocational training of municipal employees]. *Vlast'* [Power], 2011, September, p. 40–44. (In Russ.).
9. Osipova L.B., Goreva O.M. Distantionnoye obucheniye v vuze: modeli i tekhnologii [Distance Learning in the university: models and technologies]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 5, p. 723. (In Russ.).
10. Pan'kova A.G. Problema postroyeniya modeli gosudarstvennogo, munitsipal'nogo sluzhashchego [The problem of constructing a model of the state, municipal employee]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii «Regional'noye upravleniye i kadrovaya politika:*

problemy stanovleniya gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby v Tyumenskoy oblasti» [Collection of materials of scientific-practical conference «Regional management and personnel policy: problems of formation of the state and municipal service in the Tyumen region»]. Tyumen', 2009, pp. 76–79. (In Russ.).

11. Smyshlyakova L., Pshenichnikova T. Kompetentnostnyy podkhod k formirovaniyu professionalizma munitsipal'nykh sluzhashchikh [Competence approach to the formation of professionalism of municipal employees]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service], 2009, no. 2, pp. 38–41. (In Russ.).

12. Surin A.V. Podgotovka upravlentsev novogo pokoleniya: kogo, chemu i kak učit'? [Training a new generation of managers: who, what and how to teach?]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal government], 2007, no. 1, pp. 183–189. (In Russ.).

13. Ustinova O.V., Kurashenko I.A. Kommunikativnyye tekhnologii v povyshenii effektivnosti vzaimodeystviya munitsipal'nykh organov vlasti i naseleniya [Communication technologies in enhancing the effectiveness of interaction between municipal authorities and the public]. *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 sentyabrya 2012 g.)* [Prospects of development of science and education: collection of researching papers on the materials of the International researching and practical conference (September 28, 2012)]. Tambov, 2012, pp. 141–143. (In Russ.).

14. Khayrullina N.G., Ustinova O.V. *Professional'noye razvitiye munitsipal'nykh sluzhashchikh* [Professional development of municipal employees]. Tyumen', 2005. 127 p. (In Russ.).

15. Ustinova O.V., Khairullina N.G. The role of communicative technologies in the process of local governments and the population interaction. *Life Science Journal*, 2014, p. 11 (12 s).

УДК 34.37
ББК 74.202

Л. В. Прыкина, Л. Б. Осипова

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В современных условиях перед системой образования поставлен ряд задач: формирование разносторонне развитой личности; реализация образовательных потребностей и повышение качества образования обучающихся; обеспечение оптимального процесса социализации. В статье раскрыта сущность научных категорий ‘социализация’, ‘профессиональное самоопределение’, ‘профорIENTATION’, представлены образовательные и профессиональные предпочтения старшеклассников, выявлена степень эффективности проводимой профорIENTATION, предложена модель по организации профорIENTATIONной работы с учащимися.

Ключевые слова: система образования; социализация; профорIENTATIONная работа; профессиональное самоопределение; профессия.

Реальные процессы рыночной модернизации экономики определяют необходимость формирования экономически активного населения, обладающего качественно новым мышлением, высокой конкурентоспособностью, социальной мобильностью и сформированными базовыми ценностями. Однако существующая государственная система профорIENTATION не обеспечивает системного взаимодействия институтов социализации личности: семьи, школы, рынка труда и социокультурной среды. Отсутствие целевого государственного финансирования и материальной базы по осуществлению этой работы образовательными учреждениями (далее – ОУ) не позволяют результативно осуществлять практикоориентированную деятельность по формированию профессиональных предпочтений молодежи, их подготовку к профессиональному самоопределению.

Данные обстоятельства обусловили актуальность данной темы, суть которой заключается в разрешении противоречия между сложными условиями социализации молодого поколения в условиях рынка и стремлением его к адекватной оценке профессиональных предпочтений; между профессиональной ориентацией как одним из компонентов общечеловеческой культуры, влияющей на самоопределение личности, и обретением престижного социального статуса в обществе.

Понятие ‘социализация’ впервые введено в сферу исследования в конце XIX – начале XX в. ученым Г. Гиддингсом [5]. В его трудах формулировка термина ‘социализация’ опиралась на оценку реальных социальных про-

цессов. Э. Дюркгейм в свою очередь соотнес понятие ‘социализация’ с этапом включения личности в общество, процессом социального становления гражданина как члена общества [2]. По мнению Ч. Х. Кули, «социализация – процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, необходимых для эффективного выполнения им социальных ролей в обществе» [10]. К тому же социально-философские концепции социализации личности молодежи разработаны Ю. В. Кузнецовым, В. А. Кравцовым, А. И. Кибиткиным и др. [9] Социологический анализ роли факторов социализации подростков в период социальной трансформации общества дан в трудах Д. Л. Константиновского [8], В. В. Гаврилюк [1], О. И. Карпущина [6], Л. Б. Осиповой [11], Н. Г. Хайруллиной [13] и др. Комплексному исследованию процесса профессиональной ориентации выпускника, его социальных, педагогических и психологических аспектов посвящены труды отечественных ученых Е. А. Климова [7], Н. Н. Захарова [4], Н. С. Пряжникова [12], Э. И. Забневой [3].

В ходе изучения научной категории ‘социализация’ личности вводятся сопутствующие понятия – ‘профессиональное самоопределение’, ‘самореализация’, ‘профорIENTATION’, позволяющие глубже вникнуть в сущность данного процесса. Например, П. Г. Щедровицкий видел «смысл самоопределения в способности человека строить самого себя, свою индивидуальную историю в умении постоянно переосмысливать собственную сущность» [14]. Рассматривая профессиональную ориентацию как процесс, Н. С. Пряжников [12]

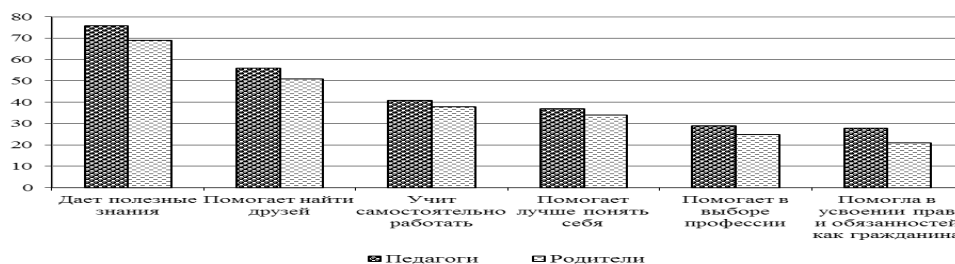

Рис. 1. Мнения педагогов и родителей о роли школы в жизни подростков, в %

Таблица 1

Ориентация старшеклассников образовательных учреждений г. Лянтора на тип учебного заведения (в % от числа опрошенных)

Планируют учиться	2013 г.					
	9 класс		10 класс		11 класс	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
ВУЗ	69,5	74,1	80,4	85,6	76,2	80,3
СПО	28,2	23,3	16,6	14,0	15,3	16,4
НПО	2,3	2,6	1,3	0,4	-	-
Курсы	-	-	1,7	-	3,4	1,2
Трудоустройство					5,1	2,1

отмечает, что ее итогом является профессиональное самоопределение личности, поскольку именно профессиональный труд дает человеку возможность реализовать основные замыслы своей жизни. Успешность интеграции молодежи в социум возможна лишь на основе профессиональной самореализации. Следовательно, процесс профессионального самоопределения молодежи невозможно рассматривать вне социокультурной среды.

В связи с этим автором статьи было проведено социологическое исследование в 2013 г. на тему «Профессиональное самоопределение старшеклассников». Опросу подлежали 127 респондентов и 35 экспертов в г. Лянторе.

На вопрос: «Удовлетворены ли Вы получением образования в школе?», результаты оказались следующими: удовлетворен – 21,3 %, вполне удовлетворен – 31,3 %, частично удовлетворен – 20,7 %, неудовлетворен – 18,2 %, затруднились в ответе – 8,5 %. Определяя образование как важную жизненную ценность, треть респондентов испытывает неудовлетворенность школьным образованием. Особый интерес представляют мнения педагогов и родителей при изучении вопроса: «Какую роль, по Вашему мнению, призвана играть школа в жизни подростков» (рис. 1).

Как видим, система образования продолжает делать главный акцент на передаче полезных знаний. Это отмечают 76 %/69 %

респондентов (в числителе указаны ответы педагогов, в знаменателе – родителей).

В качестве приоритетной жизненной перспективы выступают образовательные предпочтения старшеклассников (табл. 1).

Выявлено, что образовательная ориентация большинства респондентов концентрируется на получении высшего образования, что свидетельствует об осознанном представлении молодежи о том, что на рынке труда имеют ценность знания и квалифицированный труд. Лишь незначительная часть выпускников планирует обучение в училищах и техникумах, рассматривает вопрос трудоустройства. Результаты опроса свидетельствуют, что девушки в своих образовательных ориентациях опережают сверстников юношей. Вероятно, сказывается низкая конкурентоспособность женщин на рынке труда, девушки стремятся компенсировать ее более высоким уровнем образования.

Достаточно важную роль в обретении социального статуса в обществе играют профессии и работы. При выборе профессии молодые люди в большей степени руководствуются расчетом, субъективная ценность преломляется в оценках престижности профессии. Используя метод ранжирования, в пятерку лидеров вошли профессии бизнесмена (34,3 %/47,2 %), инженера (41,0 %/52,6 %), нефтяника (43,7 %/56,8 %), программиста (40,0 %/42,1 %), экономиста (56,7 %/32,8 %) (в числителе указаны ответы

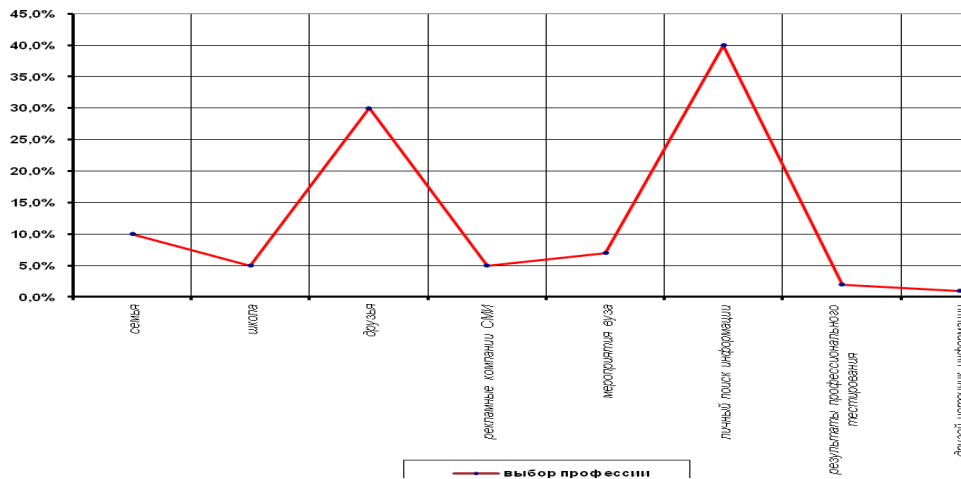

Рис. 2. Профессиональные предпочтения респондентов, в %

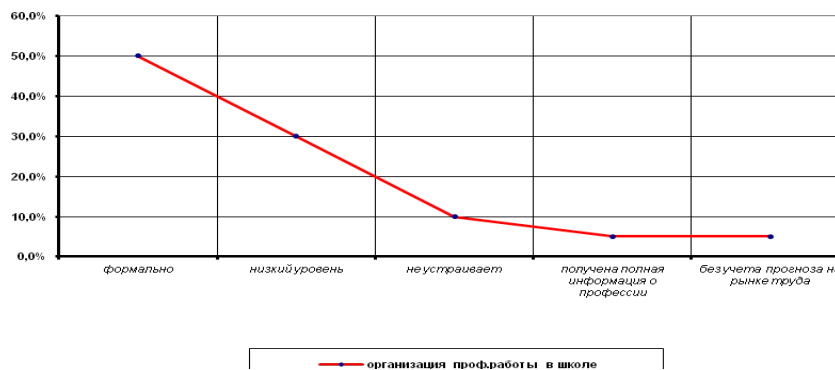

Рис. 3. Оценка качества профориентации, в %

девушек, в знаменателе – юношей). Наиболее развита в городе нефтяная промышленность, что объясняет выбор профессии данной профессии, напрямую связанной с перспективой дальнейшего трудоустройства. Катастрофически снижается престижность рабочих профессий в сознании молодежи.

В сложившихся условиях возникает необходимость организации профориентационной работы, разработки непрерывной модели профессионального самоопределения молодежи, обеспечивающей оптимальность выбора будущей профессии. Оценивая уровень эффективности работы по профориентации, 18,4 % респондентов отметили, что владеют определенными сведениями о профессиях, 27,5 % уже спланировали свои профессиональные предпочтения, 33 % имеют представление о реальных прогнозных потребностях рынка труда, 18,1 % сформировали свою жизненную траекторию, 3 % не определились с профессиональным выбором. Результаты опроса показали: 36,9 % отметили, что профориентационная работа проводится с 8 по 11 класс, основными формами данной

работы респонденты назвали профконсультации (11,7 %), экскурсии на предприятия (13,2 %), ежегодные тестирования психологом (10,2 %), «Дни открытых дверей» (8,8 %), классные беседы по профориентации (7,6 %).

Известно, что основными агентами социализации являются семья, друзья, образовательная система, СМИ. В связи с этим мнения респондентов, касающиеся источников информации о будущей профессии, распределились следующим образом: личный поиск информации – 29 %, друзья – 24 %, семья – 24 %, система образования – 13 %, СМИ – 8 %, другое – 2 %. В графическом выражении выявленная динамика может быть представлена следующим образом (рис. 2).

Результаты исследования свидетельствуют, что основным источником поиска информации о профессии для 40 % респондентов является личный поиск с помощью интернет-технологий. К тому же 30 % опрошенных сделали выбор профессии при активном участии друзей. Достаточно низкую оценку информативности получило ОУ, что подтверждает предположение о том, что профориентация

Таблица 2

Мнения экспертов по оценке состояния профориентации, в %

Проблемы	Директора школ		Психологи		Учителя-предметники	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Материально-техническое обеспечение	6,3	3	3,8	2	15,0	3
Программное обеспечение	14	2	19,6	4	24,7	4
Механизм государственного регулирования	58,0	4	47,5	3	35,0	2
Кадровое обеспечение профориентации	50,0	1	44,7	4	26,8	4
Формальный подход	14	4	4,0	4	31,0	3
Психологическое сопровождение	5	2	47,5	4	21,0	2
Профессиональное самоопределение	10	1	24,7	2	16,4	4

Рис. 4. Модель организации профориентационной работы

среди школьников носит формальный характер. Существенную проблему усугубляет отсутствие в большинстве ОУ необходимого программного продукта для проведения массового профтестирования и качественной обработки результатов.

Отметим, что социальная дифференциация жизненного самоопределения молодежи предопределена происходящими общественными процессами с учетом возраста, принадлежностью к полу, интересами личности. При анализе мнений респондентов по поводу качественного уровня профориентации представлены следующие оценки: формальность проведения – 50 %, низкий уровень работы – 30 %, не устраивает – 10 %, предоставлена конкретная информация о профессии – 5 %, не учтен прогноз ситуации на рынке труда – 5 % (рис. 3).

При выявлении наиболее распространенных форм профориентации в ответах респондентов названы следующие: встречи с пред-

ставителями вузов – 40 %, организация тематических лекториев – 10 %, консультации по будущей профессии – 4 %, проведение тематических мероприятий – 36 %, преподавание спецдисциплин по профориентации – 10 %. На вопрос в отношении оказания необходимой помощи для оптимизации профессионального выбора респонденты отдают предпочтение: индивидуальным консультациям по профилю будущей профессии – 40 %, диагностике психолога – 30 %, самотестированию – 30 %. Мнения экспертов по состоянию профориентационной работы в ОУ г. Лянтора распределились следующим образом (табл. 2).

Как видим, анализ результатов экспертного опроса подтвердил приоритетность следующих проблем: отсутствие модели государственного регулирования профориентации, низкий уровень кадрового обеспечения, низкий уровень программного обеспечения, низкий уровень профессионального самоопреде-

ления учащихся, неэффективное психологическое сопровождение, формальный подход в организации профориентации. Решение перечисленных проблем возможно при условии создания эффективной системной модели государственного регулирования процесса по организации профориентационной работы.

На основании выявленных проблем экспертами предложена модель формирования профессиональных ценностей учащихся, рекомендована практика наставничества из числа опытных специалистов; постоянное информирование о состоянии реальной ситуации на рынке труда; прохождение курсовой переподготовки повышения квалификации педагогов, причастных к организации профориентации в ОУ. Качество процесса социализации старшеклассников может быть до-

стигнуто при успешном функционировании прогнозной модели на принципах открытой системы, основанной на принципах эффективности, системности, научности, конкретности, комплексности и оптимальности.

Таким образом, согласно современной модели организации профориентационной работы, определяющее значение имеют институты социального воздействия с целью формирования профессиональных ориентаций и самоопределения молодого человека, способствующие полноценному его включению в социум. К тому же процесс успешной социализации есть активный способ интеграции в социальную структуру общества с целью развития базового потенциала личности, необходимого для её профессиональной самореализации и построения дальнейшей карьеры.

Список литературы

1. Гаврилюк, В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // Социол. исслед. – 2002. – № 1. – С. 96–105.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX – начала XX в. – М.: Канон, 1996. – С. 256–309.
3. Забнева, Э. И. Социальная эффективность управления процессом профессиональной ориентации молодежи в системе работы вуза / Э. И. Забнева. – Тюмень, 2013. – 24 с.
4. Захаров, Н. Н. Профессиональная ориентация школьников / Н. Н. Захаров. – М.: Просвещение, 1988. – 272 с.
5. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Моск. ун-т им. С. Ю. Витте. – URL: <http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/zimmel.pdf>.
6. Карпухин, О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения / О. И. Карпухин // Социол. исслед. СОЦИС. – 2000. – № 3. – С. 124–128.
7. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
8. Константиновский, Д. Л. Самоопределение или адаптация / Д. Л. Константиновский // Мир России. – 2003. – Т. XII, № 2. – С. 123–143.
9. Кузнецов, Ю. В. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм и Ж. Пиаже) / Ю. В. Кузнецов, В. А. Кравцов, А. И. Кибиткин // Вестн. Моск. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 118–212.
10. Кули, Ч. Х. Социологическая теория и социальное исследование / Ч. Х. Кули. – М., 1985. – 548 с.
11. Осипова, Л. Б. Взаимодействие семьи и школы в процессе социализации молодежи / Л. Б. Осипова // Студенты вузов – школе и производству: материалы Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов (22–23 апреля 2010 г.) / Ишим. гос. пед. ин-т им. П. П. Ершова. – Ишим, 2010. – С. 126–129.
12. Пряжников, Н. С. Перспективы развития профориентации в системе кадровой политики государства / Н. С. Пряжников; под ред. В. И. Загвязинского, Г. Ф. Шафранова-Куцева // Проблемы профориентационной работы в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2010 г.). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. – С. 6–18.
13. Хайруллина, Н. Г. Социально-демографическая ситуация: результаты исследования / Н. Г. Хайруллина // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 2. – С. 53–57.
14. Щедровицкий, П. Г. Проблемы методологии системного исследования / П. Г. Щедровицкий. – М., 1993. – 100 с.

Сведения об авторах

Прыкина Людмила Васильевна – учитель обществознания Лянторской средней общеобразовательной школы № 5.

lev1025@yandex.ru

Осипова Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.

lev1026@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 118–124.

**PROBLEMS PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
OF SENIOR PUPILS**

L. V. Prykina

Lyantor secondary school, lev1025@yandex.ru

L. B. Osipova

Tyumen State Oil University, lev1026@yandex.ru

Under present conditions the education system has a number of tasks: the formation of multiple personality; implementation of educational needs and improving the quality of education of students; optimization of the process of socialization. The article reveals the essence of scientific categories of “socialization”, “professional self-determination”, “career guidance”, presented educational and professional preferences of seniors explores the effectiveness of vocational guidance, we propose a model for the organization of vocational guidance work with students.

Keywords: education; socialization; vocational guidance work; professional self-determination; profession.

References

1. Gavrilyuk, V.V., Trikoz N.A. *Dinamika tsennostnykh oriyentatsiy v period sotsial'noy transformatsii* [Dynamics of valuable orientations in the period of social transformation]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Social Studies], 2002, no. 1, pp. 96–105. (In Russ.).
2. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the division of social labor. Method of Sociology]. *Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX v.* [Western European sociology of the nineteenth – early twentieth century]. Moscow, Kanon Publ., 1996, pp. 256–309.
3. Zabneva E.I. *Sotsial'naya effektivnost' upravleniya protsessom professional'noy oriyentatsii molodezhi v sisteme raboty vuza* [Social efficiency of process control professional orientation of young people in the work of the university]. Tyumen', 2013, 24 p. (In Russ.).
4. Zakharov N.N. *Professional'naya oriye-natsiya shkol'nikov* [Professional orientation of pupils]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 272 p. (In Russ.).
5. Simmel, G. *Konflikt sovremennoy kul'tury* [Conflict of Modern Culture]. Moscow, Moskovskiy universitet im. S.Yu. Vitte. Available at: <http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/zimmel.pdf>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
6. Karpukhin O.I. *Molodezh' Rossii: osoben-nosti sotsializatsii i samoopredeleniya* [Youth of Russia: features of socialization and self-determination]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Social Studies], 2000, no. 3, pp. 124–128.
7. Klimov Ye.A. *Psikhologiya profes-sional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1996. 512 p. (In Russ.).

8. Konstantinovskiy D.L. Samoopredeleniye ili adaptatsiya [Self-determination or the adaptation]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2003, vol. XII, no. 2, pp. 123–143. (In Russ.).
9. Kuznetsov Yu.V., Kravtsov V. A., Kibitkin A. I. Sotsial'no-filosofskiye kontseptsii sotsializatsii lichnosti (E. Dyurkgeym i J. Piazhe) [Socio-philosophical concept of socialization of the person (Durkheim and Piaget)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Technical University], 2012, no. 1, pp. 118–212. (In Russ.).
10. Cooley Ch.H. *Sotsiologicheskaya teoriya i sotsial'noye issledovaniye* [Sociological Theory and Social Research]. Moscow, 1985, 548 p. (In Russ.).
11. Osipova L.B. Vzaimodeystviye sem'i i shkoly v protsesse sotsializatsii molodezhi [Interaction between home and school in the process of socialization of youth]. *Studenty vuzov – shkole i proizvodstvu: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov (22–23 aprelya 2010 g.)* [University students - schools and production: Materials of the International scientific conference of graduate students (22-23 April 2010)]. Ishim, Ishimskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. P. P. Yershova Publ., 2010, pp. 126–129. (In Russ.).
12. Pryazhnikov N.S. Perspektivy razvitiya proforiyentatsii v sisteme kadrovoy politiki gosudarstva [Prospects for the development of vocational guidance in the personnel policy of the State]. *Problemy proforiyentatsionnoy raboty v sovremennykh usloviyakh: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (25–26 marta 2010 g.)* [Problems of career guidance in today's conditions: Materials of All-Russian scientific-practical conference (25–26 March 2010)], V. I. Zagvyazinsky, G. F. Shafranov-Kutsev (eds.). Tyumen', Izdatel'stvo TyumGU Publ., 2010, pp. 6–18. (In Russ.).
13. Khayrullina N.G. Sotsial'no-demogra-ficheskaya situatsiya: rezul'taty issledovaniya [Socio-demographics: results of a study]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News of higher educational institutions. Sociology. The Economy. Politics], 2010, no. 2, pp. 53–57. (In Russ.).
14. Shchedrovitskiy P.G. *Problemy metodo-logii sistemnogo issledovaniya* [Problems of systems research methodology]. Moscow, 1993. 100 p. (In Russ.).

УДК 376.6
ББК 541.4

И. В. Пивоварова, В. Н. Черепанова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

В условиях современной России основные агенты социализации находятся в кризисе. Наблюдается деформация воспитательных функций семьи, в результате чего она становится неспособной качественно выполнять свою социализирующую роль. В статье анализируются результаты социологических опросов, отражающие мнения респондентов и экспертов относительно условий, необходимых для успешной реализации воспитательной функции в процессе социализации детей в современной семье.

Ключевые слова: функции семьи; социализация; семья.

Социализация личности рассматривается учеными как фундаментальная проблема социально-гуманитарного познания. В условиях трансформации российского общества необходимость исследования проблемы социализации лишь актуализируется. Это связано, с одной стороны, с выдвижением новых требований к личности со стороны общества, с другой – с девальвацией институтов семьи и брака, разрушением системы традиционных ценностей, нарушением преемственности поколений, вытеснением и забвением отечественных культурных традиций, отвечающих за социокультурный иммунитет общества [3].

Наиболее целостную концепцию социализации содержательно раскрыл К. Маркс, определяя сущность человека «как совокупность всех общественных отношений, когда социальная среда одновременно выступает и условием, и результатом деятельности человека. Формирование человека не есть результат пассивного приспособления к социальной среде, а осуществляется в процессе его собственной практической активности. Воздействуя на окружающий мир, люди изменяют социальную среду и, вместе с тем, “свою собственную природу”, развивают дремлющие в ней силы» [2].

Э. Дюркгейм подчеркивает, что биологическая природа человека – способности, страсти, импульсы, биологические функции – находятся в противоречии с социальной природой, которая формируется путем формирования ценностей, идеалов и норм. Ученый полагает, что процесс семейного воспитания должен, прежде всего, основываться на морально-нравственных правилах поведения, без которых невозможно формирова-

ние ребенка как социального существа. При этом родители должны быть подготовлены к тому, чтобы развить в ребенке такие качества личности, которые нужны обществу [3]. З. Фрейд рассматривает «личность как противоречивое единство трех взаимодействующих сфер: “оно”, “я” и “сверх я”». Ученый разработал концепцию «защитных механизмов», призванных обеспечить целостность и стабильность личности в процессе социализации [2]. Весьма своеобразно характеризует социализацию Ю. Хабермас – автор «критической теории социализации», по мнению которого процесс социализации не охватывает всего человека, а только часть его личности, представляющую общественную сущность индивида, специфику его характера, что обеспечивает данной личности определенные формы функционирования в обществе. Ученый подчеркивает, что нельзя рассматривать человека как однозначно направленную личность, ибо каждый человек имеет свои, не только позитивные, но и негативные отношения. Например, господствующие в системе ценности, нормы позволяют ему критически относиться к различным характеристикам социальной среды, которые не совпадают с его стремлением к самоутверждению [4].

Отечественные социологи выделяют качественно различные этапы социализации [2]. Первый – от рождения человека до формирования определенного типа зрелости. Второй – трудовой и послетрудовой. Такой подход к разделению социализации личности на этапы привел к введению в научную литературу двух основных качественно различных периодов: «первичная социализация» от рождения до формирования зрелой лично-

сти и «вторичная социализация», фактически представляющая собой становление человека в период социальной зрелости.

Таким образом, процесс социализации личности начинается в детстве в семье. В то же время российская семья сегодня переживает ситуацию, когда изменение социальных условий, смена одних общественно-экономических отношений на качественно противоположные происходят не плавно, а скачкообразно, что в итоге привело к кризису этого социального института [5].

С целью исследования особенностей социализации детей в современных семьях ав-

тором проведен опрос 384 жителей г. Тюмени (см. таблицу, рис. 1, 2).

Одновременно с анкетированием населения г. Тюмени автором был проведен экспертный опрос специалистов в области семейной жизнедеятельности, семейного воспитания. В качестве экспертов были выбраны представители законодательной и исполнительной власти, социальной сферы, общественных фондов, клубов, организаций, секций, кружков. Всего было опрошено 94 человека, из них 36,2 % мужчин и 63,8 % женщин.

Обратимся к результатам исследования. По мнению большинства респондентов, в

Структура выборочной совокупности

Выборочная совокупность	Мужчины (171) 44,6 % в возрасте (лет)				Женщины (213) 55,4 % в возрасте (лет)			
	20–29	30–44	45–59	60 и старше	20–29	30–44	45–59	60 и старше
384 чел	54	52	45	20	57	56	59	41
%	14,1	13,5	11,7	5,3	14,8	14,7	15,2	10,7

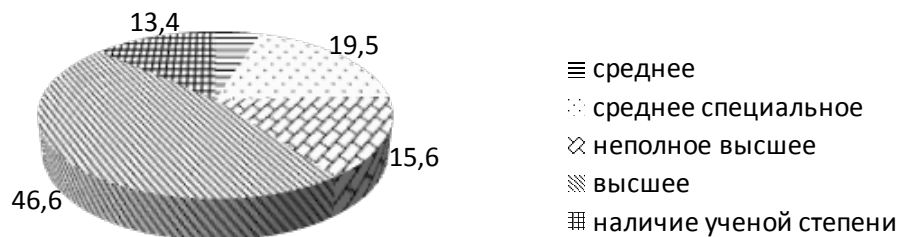

Рис. 1. Образование респондентов, %

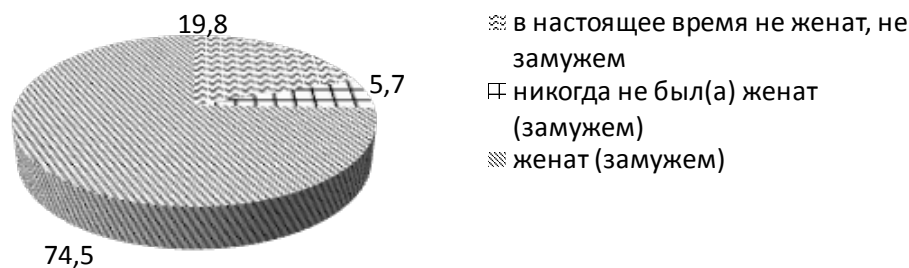

Рис. 2. Семейное положение респондентов, %

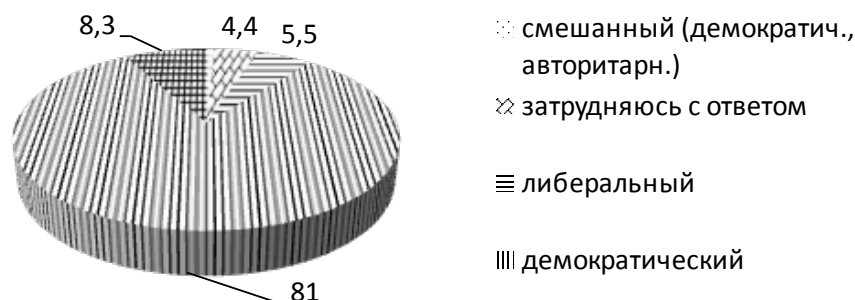

Рис. 3. Стиль воспитания детей в семьях респондентов, %

процессе социализации детей очень важен стиль воспитания в семье (рис. 3).

Респонденты оценили стиль воспитания детей в своих семьях как демократический – 81 %, авторитарный – 8,3 %, либеральный – 5,5 %.

Эксперты в выборе предпочтительного стиля воспитания детей для их успешной социализации в семье были практически единогласны – 91,5 % указали на демократический стиль (рис. 4). По типу семейных взаимоотношений свои семьи как вполне благополучные, устойчивые, крепкие оценили 45,3 % респондентов; как сравнительно благополучные, но временами с конфликтами и сложностями во взаимоотношениях, – 50,3 % (рис. 5).

Распределение ответов респондентов показало, что в их семьях в большинстве своем,

по их мнению, царит атмосфера доброжелательности, взаимопонимания, культуры во взаимоотношениях, спокойствие и уравновешенность (рис. 6).

Эксперты, относительно благоприятной атмосферы, в которой должна реализовываться воспитательная функция в семье в процессе социализации личности, указали такие условия, как любовь (85,1 %), искренность и честность (67,0 %), взаимопонимание (67,0 %). Атмосферу сдерживания, контроля, ограничений приветствуют только 33 % экспертов (рис. 7).

Чуть менее половины опрошенных (43 %) отметили среди факторов, негативно влияющих на социализацию детей в семье, личностные особенности членов семьи. Практически

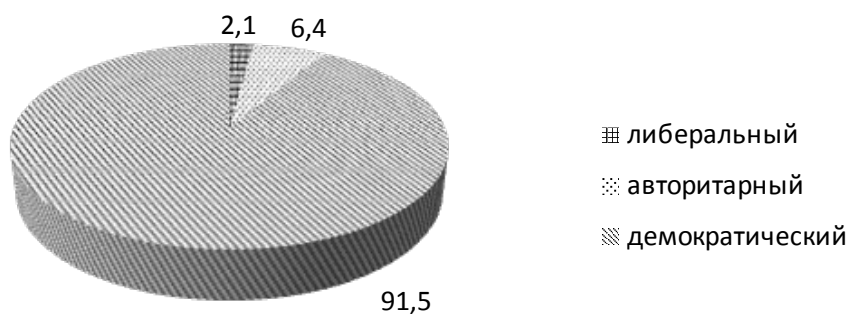

Рис. 4. Мнения экспертов о предпочтительном стиле воспитания в процессе социализации детей, %

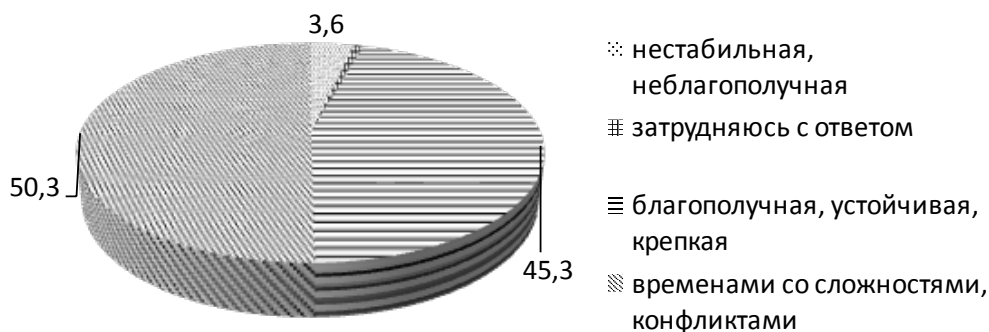

Рис. 5. Распределение семей респондентов по типу семейных взаимоотношений, %

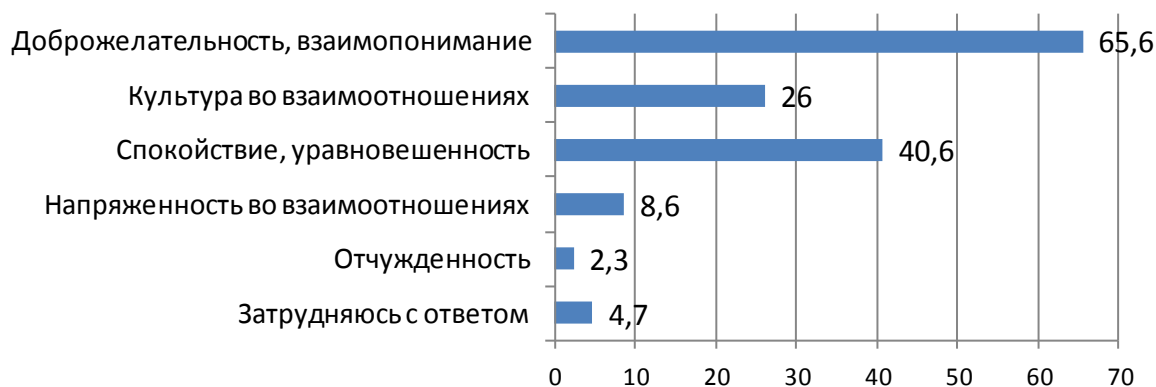

Рис. 6. Оценка респондентами атмосферы в своей семье, %

каждый третий респондент указал плохие условия проживания и низкие доходы (29,2 % и 18,0 % соответственно) (рис. 8).

Эксперты, отвечая на этот вопрос, в большинстве своем указали на плохое материальное положение (57,4 %), личностные особенности членов семьи (56,4 %) (рис. 9). Интерпретируя полученные результаты, можно пред-

положить, что и респонденты, и эксперты связывают высокое материальное положение с возможностью всестороннего развития ребенка (например, в секциях, кружках и т. д.) Этим же объясняется высокий процент «качества жилищных условий», обуславливающего трудности с воспитанием детей в семье. Подводя итог, автор отмечает, что семья

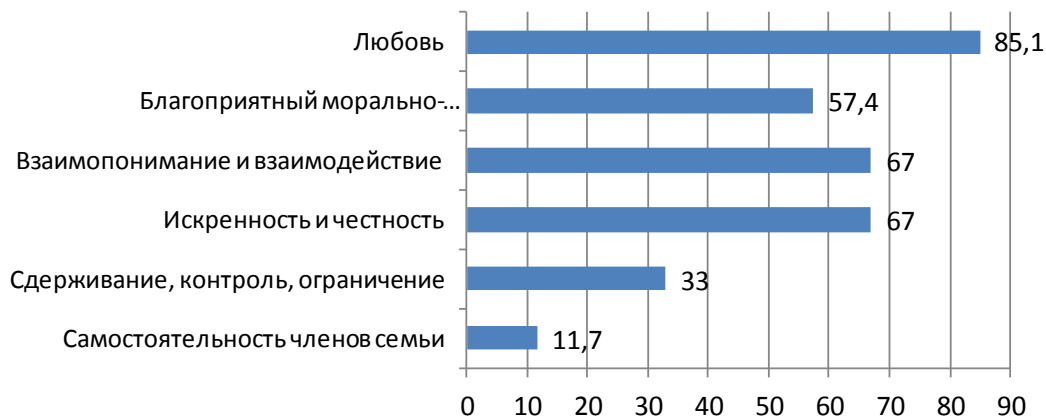

Рис. 7. Мнения экспертов об атмосфере в семье, необходимой для успешной реализации воспитательной функции в процессе социализации детей, %

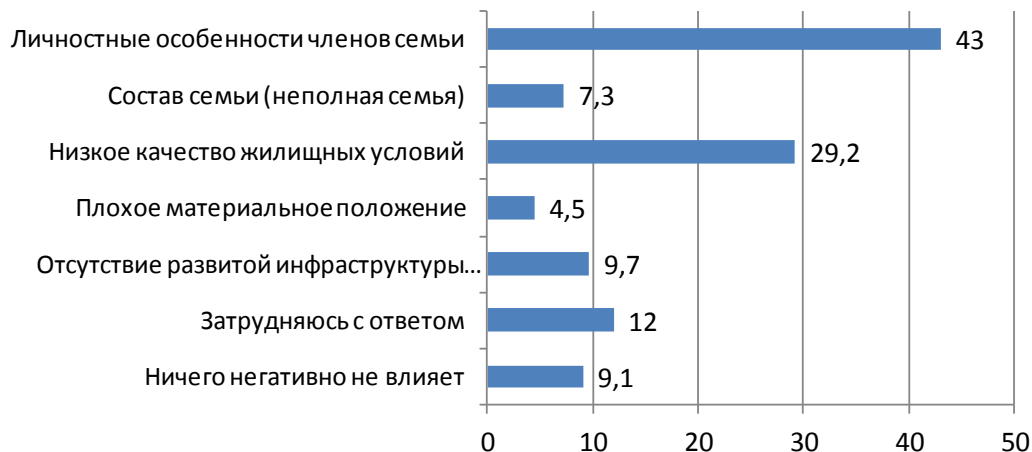

Рис. 8. Мнения респондентов о негативном влиянии на социализацию детей в семье, %

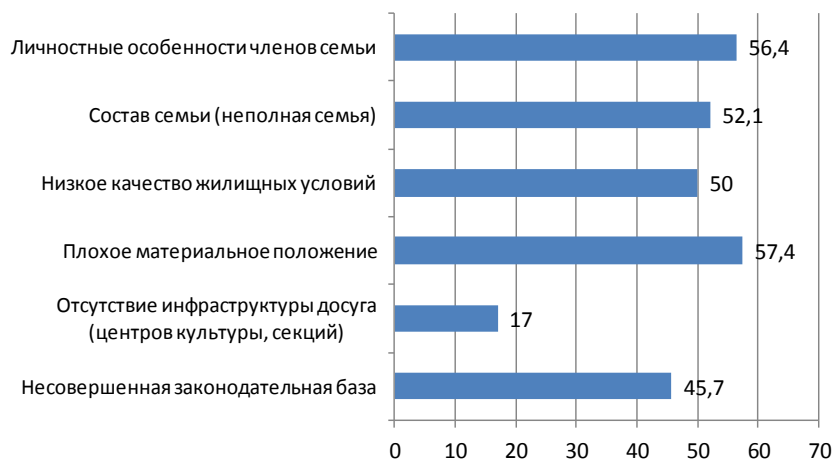

Рис. 9. Мнения экспертов о факторах, негативно влияющих на социализацию детей в семье, %

играет важнейшую роль в воспитании ребенка и приобретении им социального опыта. Любая деформация семьи, как структурная, так и психологическая, приводит к негативным последствиям в развитии личности ребенка. Нарушение системы межличностных отношений, ценностей в семье оказывает мощное влияние на развитие личности ребёнка, приводя к различным личностным деформациям: от социального инфантилизма до

асоциального поведения.

Результаты исследования показали, что обязательными условиями благоприятной атмосферы, в которой должна реализовываться воспитательная функция в семье в процессе социализации личности, являются любовь, искренность, честность и взаимопонимание. Не менее важными в этом процессе признаются материальная стабильность семьи и жилищные условия.

Список литературы

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм // Социология. – М., 1995.
2. Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль, 2003.
3. Устинова, О. В. Преодоление кризиса института семьи в России / О. В. Устинова, И. В. Пивоварова // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. – Тюмень, 2014. – № 1. – С. 78–82.
4. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы: пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2002. – 144 с.
5. Ustinova, O. V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia / O. V. Ustinova // Life Science Journal. – 2014. – 11(8s). – P. 465–468.

Сведения об авторах

Пивоварова Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета.
pivovarova_irina@mail.ru

Черепанова Вера Никаноровна – кандидат педагогических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.
veranikandrovna@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 125–130.*

FEATURES OF SOCIALIZATION OF CHILDREN IN A MODERN FAMILY

I. V. Pivovarova

Tyumen State Oil University, pivovarova_irina@mail.ru

V. N. Cherepanova

Tyumen State Architecture-Constructing University, veranikandrovna@mail.ru

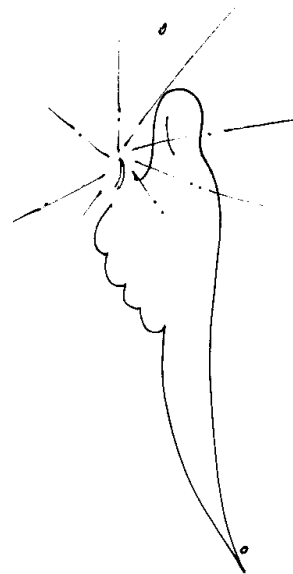
In modern Russia the main agents of socialization are in crisis. There has been a sharp decline in the educational functions of the family; it is not able to perform their socializing role. The article identifies features of socialization of children in the modern family. There are analyzed the opinions of the respondents and experts regarding the factors that facilitate and impede effective socialization in the family.

Keywords: functions of family; socialization; family.

References

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Yeye predmet, metod, prednaznacheniyе* [Sociology. Its subject matter, method, purpose]. Sotsiologiya [Sociology], Moscow, 1995. (In Russ.).
2. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Moscow, Mysl', 2003. (In Russ.).
3. Ustinova O.V., Pivovarova I.V. Preodoleniye krizisa instituta sem'i v Rossii [Overcoming the crisis of the family institution in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News of higher educational institutions. Sociology. The Economy. Politics]. Tyumen', 2014, no. 1, pp. 78–82. (In Russ.).
4. Habermas Yu. *Budushcheye chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Moscow, Ves' Mir, 2002, 144 p.
5. Ustinova O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. *Life Science Journal*, 2014, no. 11 (8s), pp. 465–468.

**СУДЬБА РОССИИ
В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

УДК 331
ББК 63.5

Н. Ю. Калинина, А. П. Ярко

**ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДА
В УСЛОВИЯХ ЕЕ МНИМОГО ОТСУТСТВИЯ**

*Мода – непостоянный образ жизни
И. Кант*

Описывается многогранность понятия 'мода' в «центре» и на периферии. Анализируются процессы, происходившие в разных областях знаний. Исследуются вопросы поступления информации о модных тенденциях на территорию Урала и Сибири в соответствии с существовавшими торговыми путями, коммуникационными связями, культурными запросами и нормами.

Ключевые слова: Урал и Сибирь; рубеж XIX и XX вв.; региональная мода и мировые тенденции; информационно-культурное пространство и торговля; центр и периферия.

В науке с конца XVIII в. моду изучали с точки зрения эстетического проявления [26. С. 42], где она определена как преобладание форм в промежуток времени и соотносима с определением: «непродолжительное господство определённого вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры» [1. С. 389].

Мода, как и искусство, в понимании Г. В. Ф. Гегеля, выступает то с преобладающей стороны формы, то содержания. Подчеркивая дуализм явления, Г. Зиммель выделял основные функции: с одной стороны, «разъединяет», с другой – «связывает» [11. С. 236]. На современном этапе, в зависимости от угла зрения, выделяют следующие функции моды: инновационную, регулятивную, психологическую, социализации, социальной дифференциации и нивелирования, престижную, коммуникативную, экономическую и

эстетическую [26. С. 47]. Каждый сам решает, в какой мере следовать моде, но не стоит забывать, что антимода в разные периоды времени представляла моду. Существовало и синонимичное определение – «не-мода» [9. С. 54–59].

По определению А. Гофмана, мода – «специфическая регуляция, обуславливающая периодическую смену и циклический характер развития образцов модного поведения» [26. С. 43].

В энциклопедии «Мода и стиль» дается следующая трактовка: «периодические изменения определенных форм любой сферы человеческого существования: искусства, речи, одежды, поведения и т. д.», но описываются и различные подходы к выявлению сути [10. С. 33–59]. К обобщенным толкованиям прибегают и в работах: «Покупателю об

одежде и моде» [17], «История костюма» [16] и др.

В пособии по «Психологии моды» рассматриваются различные гипотезы, теории и связи данного явления с разными науками [18].

Развивая общепризнанное понятие, авторы словаря по этике приходят к заключению, что мода зарождается стихийно «под влиянием доминирующих в данный период и в данном обществе настроений, вкусов, увлечений» [39. С. 179].

Схожие трактовки встречаются в работах по культурологии [30. С. 288], психологии [28. С. 110], социологии [6. С. 430], эстетике [45. С. 209], экологии [2. С. 42].

Многогранность явления описывают социологи, выделяя комплекс таких аспектов, как: «релятивизм (быстрая смена модных форм), цикличность (периодическая обращенность в прошлое, к традициям), иррациональность (мода обращена к эмоциям человека, ее предписания не всегда соотнобразуются с логикой или здравым смыслом), универсальность (сфера деятельности современной моды практически не ограничена; она обращена ко всем сразу и к каждому отдельно)» [34. С. 581].

Естественные науки заимствуют понятие 'мода', сохраняя общепризнанную суть, но перенося ее в свою специфику. Например, в физике мода представляется как «вид колебаний, возбуждающихся в сложных колебательных системах, характеризующийся пространственной конфигурацией колеблющейся системы, определяемой положением её узловых точек (линий или поверхностей), а также собственной частотой» [1. С. 389], а в математике – «одна из характеристик распределения случайной величины: точка в которой распределение принимает максимальное значение» [28. С. 110; 31. С. 202].

В точности определения большую роль играет тот временной период, на который ссылаются авторы, предлагая свои трактовки. Дискуссионным остается вопрос о периоде возникновения моды, но, как сказал А. Моравиа: «мода – это история <...>, по поводу которой нельзя дебатировать, спорить, которую нельзя отрицать. И действительно, народы, у которых нет истории, обходятся без одежды» [33. С. 7].

Мода имела свои этапы развития, а суть ее менялась. Так, по предположению Г. Зиммеля, ее не существовало в первобытном обще-

стве, так как была низкая степень социального расслоения [11. С. 241]. По мере насыщения «пирамиды потребностей» складывалась мода как характерный элемент определенной стадии развития общества. Существует мнение о возникновении моды в западноевропейских странах в середине XIV в., как «правило, сочетания разнообразных одежд в одном костюме» [18. С. 6]. В целом, исследователи не пришли к единому мнению о периоде зарождения явления, основываясь в своих суждениях на разных фактах и причинах.

С Ч. Ворта начинается период уже организованных законодателей моды. Тогда же появляются и дома высокой моды. Он «стал первым, кто стал диктовать моду, кто стал задавать ее направления, создавать собственные стили» [38. С. 16], предлагая клиентам уже готовые образцы.

С наступлением «модерна – эпохи массового производства однотипных вещей и их потребления» [18. С. 18], начинается иной период развития моды. Необходимо особо отметить, что в период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу «на смену унифицированной массовой культуре приходит культура разнообразия, уникальности и полицентричности» [26. С. 47].

С момента обособления мода проходит длительный путь развития, отвечая на природно-климатические, социально-экономические, ментально-психологические и др. факторы. К тому же сама мода циклична во времени, смене форм, заимствовании элементов и др. Поэтому она и менялась. Но задаваемые «каноны» трансформировались уже на месте – в соответствии со многими условиями: климатическими, нравственными (особо – религиозными), этнографическими и пр. «Творцы моды» на месте решали вопросы адаптации к региону целых коллекций или отдельных моделей, изменяя, порой значительно, состав используемых материалов, фасон, фурнитуру и пр.

Исследуя моду в современном обществе, многие ученые акцентируют внимание на экономическом аспекте. И это объяснимо, так как мода – это «глобальный бизнес, который из сферы исключительно практического плана постепенно входит в теоретическое, а также научно-практическое дискурсное поле» [41. С. 8].

Отношение к моде как к господству только глобальных тенденций, исходящих из обще-

признанных мировых центров, поверхностно. Но и воззрения на стихийное формирование моды – под влиянием лишь внутренних механизмов – утопичны.

Между тем как культурологический взгляд придает необходимый «объем» самому явлению, так как мода не только ныне, но и всегда, представляла собой особую форму существования человеческого «Я», реализуя, прежде всего, культуротворческую функцию «само моделирования» индивида. К тому же многогранность явления моды соотносится с творчеством, экзистенциальными поисками. Наиболее емко представление о мире моды высказал М. М. Ильинский: «это свой закрытый, сложнейший мир, хотя кажется, что там все “открыто”» [12. С. 5].

Объясняется этот алогизм тем, что мода общедоступна – для визуального восприятия. Но это лишь внешнее воплощение более сложных экономических, политических, социальных, нравственных констант и изменений в конкретном социуме, где иные модные тенденции не могут быть приняты изначально, например, из-за климатических, мировоззренческих, этических, демографических и культурно-исторических особенностей среды.

Мода, конечно, это и язык знакового общения, самоидентификации личности, но, одновременно, она – не есть «свобода выбора». Ее формы, фасоны, детали, да и общие тенденции четко продиктованы. Более того, исследуя форму и первоисточники образования моды, можно раскрыть историческую и семиотическую связь как новых «отражений» ранее воплощенных образов (целого), так и определенный символизм частного (элементов).

Так, старообрядки Приисетья и Урала абсолютно не приемли одежду светских современниц, считая ее «грешной». Да и для представителей аборигенного населения (как и русских жителей Крайнего севера) тема моды являлась «не актуальной», поскольку главное условие одежды – функционально; она не должна сковывать движения людей, занятых повседневными заботами в суровой природе. Мода трудно «сочеталась» с теплой одеждой, которую носили значительную часть года. Для ее изготовления использовали шкуры диких животных, «модно» украшенных различным орнаментом.

Среди доминирующей части населения – русских крестьян и рабочих – традиционная одежда лишь в 1930-е гг. «уходила в бабуш-

кины сундуки», заменяясь изготовленной по общесоветским стандартам (моде), фабриками, местными умельцами (частниками и в ателье потребкооперации) и на фабриках.

Сибирские крестьяне и уральские мастера-вые в XIX в. были достаточно консервативны в одежде, которую изготавливали сами. Мужчины носили штаны, рубахи, подпоясанные сверху опояской, сермяги (летнее пальто из льна или конопли). Зимой носили ушанки (из овечьей шерсти), тулупы, валенки (катали сами). Верхняя одежда шилась из овечьих, козых шкур. Для праздников имелась, конечно, более нарядная одежда, особенно женская. Ее украшали декоративными элементами: вышивками, рюшами, воланами и пр.

К концу XIX в. не только в Европе, но и на территории Урало-Сибирского региона, к нововведениям относились по-разному. Прежде всего, новации моды подвигали в массы немногие из зажиточных горожанок и, еще реже, – мужчины. Русские женщины включали в свой гардероб одежду «с новациями» или шали, хорошо сочетаемые с традиционным комплектом: длинная рубаха, а сверху юбка и кофта. Как утверждает Л. Ю. Фефилова: «Отличительным элементом модного костюма 1890-х гг. являлся широкий буфированный рукав. Он, как и новый лиф платья, практически сразу был принят горожанками. Однако и здесь, в отличие от модных журналов, наибольшее распространение получили самые простые по крою рукава с умеренно широким буфом, поддержка которого не требовала дополнительных конструкций» [42].

Модные тенденции иногда попадали «на благоприятную сибирскую почву» [43. С. 131], хотя порой сами изменения выглядели нелепо (для авторов изначальных моделей и жителей столиц), но они были комфортны для проживавших на этой территории.

Особой популярностью у местных «модников» пользовались товары, вывезенные из Китая и не достигшие конечного пункта назначения – Москвы или Санкт-Петербурга. В конце так называемого «Чайного пути» – Кяхте – российские купцы скупали самые разнообразные товары, которые быстро расходились по всему региону.

Особым спросом как у городских, так и у сельских жителей пользовались бумажные и шелковые ткани. Только в 1846–1851 гг. на сибирские ярмарки поступило тканей бумажных на 31886 р. и шелковых – на 79131 р. се-

ребром. Кроме этого, через Петропавловскую и соседние таможни доставили бумажных изделий (особый вид ткани) на 250000 р. Поэтому не удивительно, например, что крестьяне Приишимья со временем стали предпочитать одежду не из домотканых тканей, а из китайской бумажной крашеной материи, не такой маркой и более нарядной, чем изготовленной в домашних условиях. Даже появилось мнение, что «достойные мужчины и женщины всегда носят ситцевые рубахи и платье»; у бедных праздничное одеяние шилось из набивной материи. Заезжие купцы, повидавшие крупные города центральной России, отмечали, что сибиряки в основном покупают дешевый товар, при этом на изящество обращают мало внимания. Все, что залежалось в столичных магазинах и вышло из моды, отправлялось в провинцию, и чем громче было имя фабриканта, тем быстрее раскупался товар, но только по низким ценам. Значительную часть местных купцов называли ходебщиками. Поэтому изысканного вкуса от них никто и не ожидал: «Сибирскому же покупателю не позволяется быть слишком разборчивым, потому что выбрать не из чего» [37. С. 211].

Относительно строго следовали запретам последователи ислама, где модные тенденции минимализированы. И. И. Завалишин замечал: «Бухарцы, Ташкенцы и Татары носят общую восточную одежду: чалму или тебейку, халат, чигиз с туфлями» [8. С. 91].

В смешанных по составу селениях и городах процесс влияния модных тенденций интенсифицировался, хотя иные микрорайоны (как томский Заисток) были замкнуты на самовоспроизводство: «Здесь звучала своя полифония, смешавшая голос муэдзина, ржание лошадей на водопое, звонкий топот табунов, прогоняемых на конную площадь, речь на нескольких татарских диалектах. Среди восточных фасадов деревянных и каменных домов мелькали татарские одежды мужчин и женщин. Район был автономным мирком, где было все свое – бани, прачечные, фотосалоны, трактиры, библиотеки, мечети, ветхие лачуги бедняков и дворцы богачей...» [5. С. 93].

Анализируя фотографии того времени, где представлены городские татары, башкиры и сибирские бухарцы, можно выявить и определенное различие с сельскими соплеменниками их социокодов (в т. ч. его смещение в сторону европейского платья). Так, отмечены традиционно одеваемые мусульманами и носимые даже в помещении головные наборы; обнаженная (возможно, только для съемки в фотоателье) голова у мужчин, одетых в сюртуки; европейская одежда (в т. ч. мундиры) и отсутствие головных уборов у взрослых мужчин и женщин (в обыденной жизни недопустимо), тогда как дети почти всегда одеты традиционно. Очевидно, что родители стремились поддержать веками проверенные формы воспитания и иерархию знаковых систем даже в одежде. Через зрительные ощущения они закреплялись по взрослению через воспоминания, что рождали фотографии «из детства».

Очевидно, что в регионах, находящихся далеко от европейских и российских столиц, складывались иные основы модного бытия. Важным в вопросах распространения знаний о модных тенденциях являлось транспортно-коммуникационное сообщение – между центрами и периферией, хотя эти понятия относительно: для иных и Челябинск – «столица». Как точно заметил А. В. Павлов: «“столичность” – это процесс творчества норм и эталонов культуры, а провинциализм – процесс соответствия нормам и эталонам» [36. С. 51].

Города, как правило, выгодно располагались на пересечении торговых путей, долгое время связанных с реками, Сибирской дорогой (с 1685 г.), а затем Сибирским трактом, о котором сказано:

А сколько разного народу,
Лаптей, сапог, копыт, колес
В мороз, жару и непогоду
Он на горбу своем пронес.

С появлением городов и крупных селений (впоследствии – уездных центров) рождались ярмарки. Например, если Ишим возник в 1687 г., то Никольская ярмарка при нем – в 1721 г. [15. С. 27], Тюмень – 1586 г. [13. С. 338], а ярмарка – 1788 г. [29. С. 150],

Любопытны обороты Никольской ярмарки в 1866–1891 гг. (в рублях) [27]

	1866	1869	1876	1889	1890	1891
Привезено товаров	2124000 /	2781350 /	4850000 /	5749200 /	4951700 /	4628700 /
/ Продано товаров	1689300	2518350	4390000	4850700	4401000	3902500

Ирбит возник в 1632 г., а ярмарка – с 1643 г. [13. С. 643]. Позже других основан Челябинск (1736) [14. С. 71], но ярмарка появилась тоже вскоре – в 1744 г. [44. С. 64]

Ярмарки становились не только узлом товаро-денежного обмена, но и местом информационно-культурного диалога между этносами, сословиями, регионами страны, зарубежьем. Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» достаточно ярко нарисовал картину: «Ирбит – большое село в обыкновенное время – теперь превратился в какой-то лагерь, в котором соединились представители разных государств, народностей, языков и вероисповеданий. Это было настоящее ярмарочное море, в котором тонул всякий, кто попадал сюда...» [32].

Взаимозависимость благополучия горожан (как и благоустроенность городов) и сезонность ярмарочной торговли (как и ее специфика) долгое время выступала основой не только экономического, но и информационно-культурного пространства, где каждая ярмарка играла «свою» роль по отношению к «своему» городу и к региону. Здесь существовали ярмарки и торжки местного значения – «для сбыта сырья и продукции сельского хозяйства окрестными жителями и для закупки ими мануфактуры, обуви, колониальных товаров, бакалеи, галантереи, железных изделий и пр.» [44. С. 65] (в Челябинске, Тюмени, Ялуторовске, Кургане). Были подобные структуры и всероссийского масштаба – в Ирбите, Ишиме. В этих городах, прежде лишь ярмарочных, появлялись, хотя и немногочисленные, постоянно действующие магазины, подобные ирбитскому Пассажу, откуда «одетых в дубленые полушубки и сермяги мужиков выталкивали прочь» [35. С. 16].

Между тем мужики, отправляясь в Ирбит, одевали «самое лучшее», что было в их гардеробе. Расстраивались по этому поводу их родственники и соседи, поскольку в шерстобитном промысле пышминцы славились на весь регион. Но также очевидно, что, вытесняя подобных потенциальных покупателей, хозяева и приказчики исходили из желания соблности интерес «модной публики», не смешивая два потока. Их эстетические представления и публичное поведение различались, хотя финансовые возможности могли быть и равными.

В тот период расширилось влияние (но не в моде, а лишь экономически) регионов на центры, например, в Челябинске масло-

делие приняло промышленный характер, а оттуда продукция отправлялись и в Москву [44. С. 30–31]. При этом, конечно, мало кого в российских столицах интересовали особенности кроя одежды сибиряков, сопровождавших товар. Не являлись показателем «модных тенденций» в облике аборигенов и проводившиеся в крупных городах страны и за рубежом художественно-промышленные выставки, где одежда сибиряков оставалась лишь элементом экзотики.

Исходя из того, что основной торговой и информационной зоной все же служили ярмарки, то на моду часто оказывали влияние приезжие торговцы и путешественники, разъезжие актеры ярмарочных театров и «деловые люди» – из маргиналов.

И все же общее движение информации о модных тенденциях проходило не хаотично: осуществлялось последовательно, вначале распространяясь по торговым путям экстенсивно, охватывая не только крупные ярмарки, но и мелкие базары, торжки, а затем – по сословным и социокультурным основаниям. Точкой их пересечения выступали ярмарки и те поселения, что по мере движения железной дороги на восток становились «базовыми». Так, например, в небольшом поселке Троицкий (станция Поклевская) аккумуляровались (часто из-за непогоды) не только грузы и пассажиры, но и идеи, воплощенные в изделиях беловшеек, у которых всегда были «на руках и пред глазами» фасоны платья приезжих, свежие журналы мод. Устойчивый спрос местных жителей формировал не только вид модных товаров, но и их (относительная) обеспеченность.

Полученным модным предписаниям не все и не всегда следовали, а лишь зажиточная часть населения. А распространение моды за пределами ярмарок зависело, прежде всего, от того, какой информацией в устной форме владели посредники торговли и (или) какие журналы попадали в продажу.

Таким образом, мода существовала здесь в своеобразной форме, сочетавшей «каноны», задаваемые европейскими столицами моды, и традиции, существовавшие локально, например, в Омске – центре огромной Акмолинской области.

Специфика торгова и социальных отношений, складывающихся под их влиянием, изменилась с появлением железной дороги: ускорило сообщение между регионами и,

соответственно, людьми; развивалась стационарная торговля и, соответственно, стабилизировались поступающая информация и «модные товары»; временная последовательность ярмарок потеряла смысл. Появление железной дороги не только связало центры торговли: Челябинск – Екатеринбург (Свердловск) [44. С. 26], Тюмень – Омск (через Ишим) [13. С. 712], Екатеринбург – Тюмень [13. С. 339], но и способствовало формированию общероссийского информационного пространства. Как следствие, сведения о модных тенденциях стали поступать быстрее. Да и источников стало больше.

Потребителями и законодателями местной моды в первую очередь являлись зажиточные горожанки. Новые коммуникационные сети (укрепившиеся с появлением железных дорог) позволяли им получать доступ к первичной информации – в виде газетной рекламы и, особо, приложений к журналам. Об этом свидетельствуют издания, хранящиеся в фондах региональных музеев и архивов. А. Э. Жабрева приводит список из 47 изданий о модах XIX – начала XX в., не включая «модных приложений к журналам и альманахам» – по данным Н. М. Лисовского [7. С. 84]. Это были как переводные (с европейских языков) издания, так и сугубо российские.

Доставлялись они «с почтовым ящиком для ответов на разнообразные вопросы подписчиков» [19]. Какого характера вопросы мог удовлетворить ответами ящик, не указывается, но можно предположить, что он являлся коммивояжером и определенным носителем информации о модных тенденциях. Не всегда взгляд простого ящика на моду удовлетворял женское любопытство, но схожим образом проходил сбыт продукции текстильных фабрик: разъездные приказчики-коммивояжеры исполняли заказы, исходя из меняющихся запросов населения [3. С. 61].

В Тобольскую губернию информация поступала, в основном, через приложения к журналам. Например, в фондах ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова» хранится несколько выпусков журнала «Вестник моды» [20], где представлены зарисовки и краткое описание технологии изготовления костюма, «Нива» [19; 21; 22], содержащих, как правило, рекламу о модных магазинах и товарах. В Троицком историко-краеведческом музее (Талицкий район Свердловской области) сохранились приложения к журналу

«Родина» – «Новейшія моды и рукоделія», где описаны модные туалеты, предполагаемые для различных событийных поводов [23; 24; 25].

Мода являлась, с одной стороны, ответом на запросы общества, с другой – индустрией управления не только экономическими процессами, где «введение новых мод преследует единственную цель – обеспечить промышленникам получение наибольших прибылей» [4. С. 241], но и формированием определенного сознания и эстетических вкусов потребителей. Имевший экономические интересы на Урале и в Италии А. Н. Демидов¹ интересовался у Г. П. Волконского «точкой зрения людей, знающих о торговле заграничным шелком в России», для организации производства на своих флорентийских шелкопрядильнях. Из ответа Г. П. Волконского следует, что производство шелка для платков выгодно, так как «их сбыт, основанный на постоянном спросе, наибольший». Партнерами обсуждались вопросы относительно видов выпускаемой продукции и способов ее продажи: «Торговля тканями и шелком должна быть установлена только оптом в Петербурге, Москве, откуда они могут направляться на ярмарки в Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Ирбит». Немаловажной деталью было, чтобы «ткани точно соответствовали новой моде» [40. С. 241–242].

Рассматривая моду с точки зрения господства определенных вкусов в определенное время, можно говорить о европейском и азиатском влиянии на региональную моду. На Урале и в Сибири она являлась «сквозь призму» вкусов центральной части России, но с учетом климатических особенностей региона, где преобладание холодных сезонов требовало теплой или, по сезону, – многослойной одежды. Поэтому модные журналы были лишь источником идей, давая простор местным модисткам и заказчицам. Но при этом, используя и не свойственные ранее региону ткани и фасоны, модницы «возвышали» себя среди окружающих, «обличьем говоря о превосходстве».

Мода создавалась не только в Западной Европе. В России следование моде являлось неотъемлемой частью жизни царских особ, зажиточных горожан. «Высокая» мода постепенно «спускалась», становясь уже устаревшей, но востребованной, а сшитая в соответствии с нею одежда – носимой. Естественное

для значительной части населения стремление подражать и выделяться способствовало развитию моды и вдали от российских столиц. Прослеживается и тенденция к обширному влиянию моды на разные слои экономически самодостаточного населения.

Раскрытие прежних границ культуры, развитие коммуникационных средств привело к появлению внутрирегиональных центров «законодателей моды» – уездных центров, таких как Ишим, Ирбит, Тюмень, Челябинск и пр.

В Омске, Оренбурге, Перми, Тобольске, Екатеринбургe информационно-культурное пространство для моды иное. Социально (и поведением) отделяясь от основной массы, существовал мощный пласт элиты (губернские и областные чиновники, офицеры, купцы 1-й и 2-й гильдий, инженеры, техники,

врачи и учителя). При этом, безусловно, их женам и дочерям приходилось не только видоизменять на практике получаемые сведения о модных тенденциях (ввиду иных условий бытия), но и восполнять их.

Так, из совокупности мировых и отечественных модных тенденций, внутрирегиональных особенностей и факторов (природно-климатических и социально дифференцирующих, ментальных и эстетических), платежеспособности и сроков поставки моделей, тканей, фурнитуры, профессионализма мастеров складывался местный облик моды. Не являясь законодателем даже в общероссийском масштабе, Урало-Сибирский регион свою моду (как и взгляд на общемировые модные тенденции) имел.

Примечание

¹ Демидов Анатолий Николаевич – представитель уральского рода предпринимателей Демидовых, владел флорентийскими шелкопрядельнями.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / ред. А. М. Прохоров. – М.: Совет. энцикл., 1971. – Т. 16.
2. Борейко, В. Е. Популярный словарь по экологической этике и гуманитарной экологии / В. Е. Борейко. – Киев: Киев. эколого-культур. центр, 2002.
3. Гальских, Е. В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX в.: монография / Е. В. Гальских. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002.
4. Голыбина, А. Г. Искусство одеваться / А. Г. Голыбина. – Л.: Лениздат, 1959.
5. Город. Томская панорама начала XX века. – Томск, 2004.
6. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь: русско-английский, англо-русский: в 2 т.: пер. с англ. / Д. Джери. – М.: Вече: АСТ, 1999. – Т. 1.
7. Жабрева, А. Э. Русский костюм / А. Э. Жабрева. – СПб.: Профессия, 2002.
8. Завалишин, И. И. Описание Западной Сибири / И. И. Завалишин. – Тюмень: Мандрика, 2005.
9. Зайцев, В. М. Такая изменчивая мода / В. М. Зайцев. – М.: Молодая гвардия, 1983.
10. Современная энциклопедия Аванта+. Мода и Стиль / гл. ред. В. А. Володин. – М.: Аванта+, 2002.
11. Зиммель, Г. Избранное: (Созерцание жизни) / Г. Зиммель; гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 1.
12. Ильинский, М. М. Её величество Мода / М. М. Ильинский. – Смоленск: Русич, 1997.
13. Историческая энциклопедия Сибири / отв. ред. В. И. Клименко. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – Т. 3.
14. История культуры Челябинского края: веков связующая нить: хронология / сост.: В. И. Богдановский, Н. О. Иванова; ред. Д. Б. Перчик. – Челябинск: Камен. пояс, 2005.
15. Ишимская энциклопедия / ред. Ю. А. Мешков. – Тюмень, 2010.
16. Каминская, Н. М. История костюма / Н. М. Каминская. – М.: Легкая индустрия, 1977. – 127 с.
17. Кашенко, О. Д. Покупателю об одежде и моде / О. Д. Кашенко. – М.: Экономика, 1986. – 157 с.

18. Килошенко, М. И. Психология моды / М. И. Килошенко. – М.: Оникс, 2006. – 320 с.
19. Коллекция ТОКМ (ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова»). – № 4. – Апрель 1898 г.
20. Коллекция ТОКМ (ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова»). – № 2. – 1917 г.
21. Коллекция ТОКМ (ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова»). – Апрель 1899 г.
22. Коллекция ТОКМ (ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова»). – Апрель 1905 г.
23. Коллекция ТрМ (Троицкий историко-краеведческий музей). – № 2. – 1905 г.
24. Коллекция ТрМ (Троицкий историко-краеведческий музей). – № 5. – 1912 г.
25. Коллекция ТрМ (Троицкий историко-краеведческий музей). – № 6. – 1912 г.
26. Композиция костюма: учеб. пособие для вузов / Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова и др. – М.: Академия, 2003.
27. Коньков, Н. Л. Зимняя Никольская ярмарка / Н. Л. Коньков // Коркина слобода. – Ишим, 2000. – № 2. – С. 5–12.
28. Конюхов, Н. И. Словарь-справочник практического психолога / Н. И. Конюхов. – Воронеж: МОДЭК, 1996.
29. Кубочкин, С. Тюменская ярмарка. Взлет и падение / С. Кубочкин // Лукич. – Тюмень, 1998. – Ч. 3.
30. Культурология. XX век: словарь / сост. А. Я. Левит. – СПб.: Университет. кн., 1997.
31. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь / Л. И. Лопатников; ред. Г. Б. Клейнер; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. – 5-е изд. – М.: ДЕЛЮ, 2003.
32. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Приваловские миллионы: роман / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1980. – 448 с.
33. Неклюдова, Т. П. История костюма / Т. П. Неклюдова. – Ростов н/Д: Феникс, 2014.
34. Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов и др. – Минск: Книж. Дом, 2010.
35. Новопашин, М. Крестьянский сарафан Малахитницы: (Культурно-исторические очерки) / М. Новопашин. – Екатеринбург: Сократ, 2003.
36. Павлов, А. В. Многомерность провинциализма / А. В. Павлов // Филологический курс. Вестн. филол. фак. Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень, 2004. – Вып. 4.
37. Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сб. науч. ст. / редколл.: В. А. Скубневский и др. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – Вып. 3.
38. Скуратовская, М. В. Сто великих творцов моды / М. В. Скуратовская. – М.: Вече, 2013.
39. Словарь по этике / редактор И. С. Кон. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981.
40. Суровцева, Н. Г. Из переписки двух друзей / Н. Г. Суровцева // Демидовский временник: ист. альм. – Кн. 1. – Екатеринбург: Демид. ин-т, 1994.
41. Уайт, Н. Fashion-бизнес: теория, практика, феномен / Н. Уайт; под ред. Н. Уайт и Й. Гриффитса. – Минск: Гревцов Павлишер, 2008.
42. Фефилова, Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007.
43. Шелегина, О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века (к постановке проблемы): монография / О. Н. Шелегина; ред. Н. А. Томилов. – Новосибирск: Сиб. науч. кн., 2005.
44. Шишов, К. А. История культуры Челябинского края. Веков связующая нить / К. А. Шишов. – Челябинск: Камен. пояс, 2005.
45. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989.

Сведения об авторах

Калинина Наталья Юрьевна – аспирант Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий.

tyumm@yandex.ru

Ярков Александр Павлович – доктор исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета.

ayarkov@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 131–141.

ECONOMY AND CULTURE: REGIONAL FASHION WHERE IT SHOULDN'T BE

N. Yu. Kalinina

Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies, tyumm@yandex.ru

A. P. Yarkov

Tumen State University, ayarkov@rambler.ru

This article describes the versatility of fashion concepts in the ‘center’ and regions, analyses fashion process in different areas of knowledge. The author explores theses about disseminating knowledge about fashion trends in Urals and Siberian region. It depends on trade route, communication links, cultural requirements and standards.

Keywords: Ural and Siberia in the late 19th and early 20th century; region fashion and global trends; information and cultural space; trade; “center” and regions.

References

1. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia], A.M. Prokhorov (ed.), vol. 16. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1971. (In Russ.).
2. Boreyko V.Ye. *Populyarnyy slovar' po ekologicheskoy etike i gumanitarnoy ekologii* [Popular dictionary of environmental ethics and human ecology]. Kiyev, Kiyevskiy ekologo-kul'turnyy tsentr, 2002. (In Russ.).
3. Gal'skikh Ye.V. *Tekstil'nyy rynek Zapad-noy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v.* [Textile market in Western Siberia in the second half of the XIX century], monografiya. Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002. (In Russ.).
4. Golybina A.G. *Iskusstvo odevat'sya* [Arts dress], Leningrad, Lenizdat Publ., 1959. (In Russ.).
5. *Gorod. Tomskaya panorama nachala XX veka* [Tomsk panorama of the early twentieth century]. Tomsk, 2004. (In Russ.).
6. Dzheri D. *Bol'shoy tolkovyy sotsio-logicheskiy slovar': russko-angliyskiy, anglo-russkiy* [The big explanatory sociological Dictionary: Russian-English, English-Russian], vol. 1. Moscow, Veche, AST Publ., 1999. (In Russ.).
7. Zhabreva A.E. *Russkiy kostyum* [Russian costume]. Sankt-Peterburg, Professiya Publ., 2002. (In Russ.).
8. Zavalishin I.I. *Opisaniye Zapadnoy Sibiri* [Description of the Western Siberia]. Tyumen', Mandrika Publ., 2005. (In Russ.).
9. Zaytsev V.M. *Takaya izmenchivaya moda* [This fickle fashion]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1983. (In Russ.).
10. *Sovremennaya entsiklopediya Avanta+ Moda i Stil'* [Modern Encyclopedia Avanta+. Fashion and Style], V.A. Volodin (ed.). Moscow, Avanta+ Publ., 2002. (In Russ.).
11. Simmel G. *Izbrannoye: (Sozertsaniye zhizni)* [Selected works], S.Ya. Levit (ed.). Moscow, Yurist Publ., 1996, vol. 1. (In Russ.).
12. Il'inskiy M.M. *Yeyo velichestvo Moda* [Her Majesty Fashion]. Smolensk, Rusich Publ., 1997. (In Russ.).
13. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia Siberia], V. I. Klimenko (ed.). Vol 3. Novosibirsk, Istoricheskoye naslediyе Sibiri Publ., 2009. (In Russ.).

14. *Istoriya kul'tury Chelyabinskogo kraja: vekov svyazuyushchaya nit': khronologiya* [A Cultural History of the Chelyabinsk region: Ages connecting thread: Chronology], V.I. Bogdanovskiy, N.O. Ivanova, D.B. Perchik (eds.). Chelyabinsk, Kamennyy poyas Publ., 2005. (In Russ.).
15. *Ishimskaya entsiklopediya* [Ishim encyclopedia], Yu.A. Meshkov (ed.). Tyumen': Tyumenskiy izdatel'skiy dom Publ., 2010. (In Russ.).
16. Kaminskaya N.M. *Istoriya kostyuma* [History of Costume]. Moscow, Legkaya industriya Publ., 1977. 127 p. (In Russ.).
17. Kashchenko O.D. *Pokupatelyu ob odezhde i mode* [Customer about clothing and fashion]. Moscow, Ekonomika Publ., 1986. 157 p. (In Russ.).
18. Kiloshenko M.I. *Psikhologiya mody* [Psychology fashion]. Moscow, Oniks Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).
19. Kolleksiya TOKM (GAUK TO «Muzeynyy kompleks im. I. YA. Slovtsova»), no. 4. April' 1898 g. (In Russ.).
20. Kolleksiya TOKM (GAUK TO «Muzeynyy kompleks im. I. YA. Slovtsova»), no. 2. 1917 g. (In Russ.).
21. Kolleksiya TOKM (GAUK TO «Muzeynyy kompleks im. I. YA. Slovtsova»). April' 1899 g. (In Russ.).
22. Kolleksiya TOKM (GAUK TO «Muzeynyy kompleks im. I. YA. Slovtsova»). April' 1905 g. (In Russ.).
23. Kolleksiya TrM (Troitskiy istoriko-krayevedcheskiy muzey), no. 2. 1905 g. (In Russ.).
24. Kolleksiya TrM (Troitskiy istoriko-krayevedcheskiy muzey), no. 5. 1912 g. (In Russ.).
25. Kolleksiya TrM (Troitskiy istoriko-krayevedcheskiy muzey), no. 6. 1912 g. (In Russ.).
26. *Kompozitsiya kostyuma: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [The composition of the costume: a textbook for high schools], G.M. Guseynov, V.V. Yermilova, D.Yu. Yermilova et als. (eds.). Moscow, Akademiya Publ., 2003. (In Russ.).
27. Kon'kov N.L. Zimnyaya Nikol'skaya yarmarka [Winter Fair Nicholas]. *Korkina sloboda* [Korkin settlement]. Ishim, 2000, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.).
28. Konyukhov N.I. *Slovar'-spravochnik prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Voronezh, MODEK Publ., 1996. (In Russ.).
29. Kubochkin S. *Tyumenskaya yarmarka. Vzlet i padeniye* [Tyumen Fair. The Rise and Fall]. Lukich. Tyumen', 1998, part 3. (In Russ.).
30. *Kul'turologiya. XX vek: slovar'* [Cultural Studies. XX century: dictionary], A.Ya. Levit (ed.). Sankt-Peterburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. (In Russ.).
31. Lopatnikov L.I. *Ekonomiko-matematicheskij slovar'* [Economics and Mathematics Dictionary], G.B. Kleyner (ed.); Akademiya narodnogo khozyaystva pri Pravitel'stve RF, 5th edition. Moscow, DELO Publ., 2003. (In Russ.).
32. Mamin-Sibiriyak D.N. *Privalovskiye milliony: roman* [Privalov's Millions: a novel]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1980. 448 p. (In Russ.).
33. Neklyudova T.P. *Istoriya kostyuma* [History of Costume]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2014. (In Russ.).
34. *Noveyshiy sotsiologicheskij slovar'* [The actual sociological dictionary], A.A. Gritsanov (ed.). Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 2010. (In Russ.).
35. Novopashin M. *Krest'yanskiy sarafan Malakhitnitsy: (Kul'turno-istoricheskiye ocherki)* [Peasant sundress Malahitnitsy (Cultural-historical essays)]. Yekaterinburg, Sokrat Publ., 2003. (In Russ.).
36. Pavlov A.V. *Mnogomernost' provintsializma* [Multidimensionality provincialism]. *Filologicheskij diskurs. Vestnik filologicheskogo fakul'teta Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philological discourse. Bulletin of the Faculty of Philology of the Tyumen State University]. Tyumen', 2004, no. 4. (In Russ.).
37. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri: sbornik nauchnykh statey* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia: a collection of research articles], V.A. Skubnevskiy (ed.). Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2001, no. 3. (In Russ.).
38. Skuratovskaya M.V. *Sto velikikh tvortsov mody* [Hundred great fashion creators]. Moscow, Veche Publ., 2013. (In Russ.).

39. *Slovar' po etike* [Dictionary of ethics], I.S. Kon (ed.), 4-th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1981. (In Russ.).
40. Surovtseva N.G. Iz perepiski dvukh druzey [From the correspondence between two friends]. *Demidovskiy vremennik: istoricheskiy al'manakh* [Demidov vremennik: historical almanac], vol. 1. Yekaterinburg, Demidovskiy institut Publ., 1994. (In Russ.).
41. Uayt N. *Fashion-biznes: teoriya, praktika, fenomen* [Fashion-business: theory, practice, phenomenon], N. Uayt, Y. Griffitsa (eds.). Minsk, Grevtsov Pavlisher Publ., 2008. (In Russ.).
42. Fefilova L.Yu. *Metodika istoricheskogo analiza yevropeyskogo kostyuma kontsa XIX – nachala XX v. po fotomaterialam Urala i Sibiri: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Technique historical analysis of European dress late XIX – early XX century. photographic materials of the Urals and Siberia: thesis]. Yekaterinburg, 2007. (In Russ.).
43. Shelegina O.N. *Adaptatsionnyye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka (k postanovke problemy): monografiya* [Adaptation processes in the culture of life-support of the Russian population of Siberia in the XVIII – beginning of XX century (to the problem): monograph], N. A. Tomilov (ed.). Novosibirsk, Sibirskaya nauchnaya kniga Publ., 2005. (In Russ.).
44. Shishov K.A. *Istoriya kul'tury Chelyabinskogo kraya. Vekov svyazuyushchaya nit'* [Cultural History of the Chelyabinsk region. Ages connecting thread]. Chelyabinsk, Kamennyy poyas Publ., 2005. (In Russ.).
45. *Eстетика: slovar'* [Aesthetics: Dictionary], A. A. Belyayev (ed.). Moscow, Politizdat Publ., 1989. (In Russ.).

УДК 316.36
ББК 60.5

Ф. А. Игбаева

ДИАЛЕКТИЧЕСКИ ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

Теоретически обоснована необходимость рассмотрения воспроизводства населения города сквозь призму трансформации социально-демографических процессов. Показан диалектически противоречивый характер взаимосвязи демографической структуры населения города и стабильности семьи.

Ключевые слова: воспроизводство населения; демографическое развитие города; стабильность семьи; рождаемость; брачность; разводимость.

Население города, представляя собой специфическую его подсистему, функционирует и развивается в системе экономических и социальных отношений, характер которых определяется всем социально-экономическим укладом общества. Вместе с тем, население города связано общностью проживания, общностью социальной сферы и материальной базы его жизнедеятельности. Как и любая социально-территориальная общность людей, город постоянно претерпевает не только экономические и социальные, но и изменения демографического характера. Эти изменения и составляют содержание демографического развития города – процесса перехода от одного качественного состояния населения к другому.

Одной из особенностей воспроизводства городского населения является сравнительно неустойчивая его демографическая структура. Если в сельских поселениях удельный вес младших возрастов и пожилых людей на протяжении многих лет остается достаточно стабильным, то в городских поселениях в зависимости от их величины, места расположения, возраста, от темпов экономического роста, вариации в показателях демографического развития значительны.

Высокая динамичность социально-демографической структуры города приводит порой к перекосам в соотношении полов и возрастных групп. Это, в свою очередь, отражается на уровне брачности и рождаемости, поскольку многие молодые люди по причине отсутствия брачных партнеров не могут вступить в брак. Конечно, рано или поздно брачные пары сформируются, но оптимальная разница в возрасте женихов и невест будет нарушена. Как показывают исследования, гармоничность отношений в семье во многом

зависит от соотношения возраста жены и мужа. По мнению ряда исследователей семьи, разница в возрасте у супругов должна составлять 4–6 лет [5. С. 154].

Оптимальная разница в возрасте супругов обусловлена как биологическими, так и социальными причинами. Женщины дольше живут, но раньше стареют, социальная же зрелость мужчин наступает позже (годы учебы, служба в армии отодвигает время вступления в самостоятельную жизнь). Поэтому если раннее замужество женщин как-то оправдано, то этого нельзя сказать о ранних браках мужчин. Ситуация, когда муж намного старше жены или жена старше мужа в большинстве случаев приводит в определенное время к дисгармонии половой жизни и, как следствие этого, к дисгармонии семейной жизни в целом. Дисгармония в супружеских отношениях порождается как социальными факторами, так и особенностями физиологического развития супругов. Неудовлетворенность сексуальной жизнью в браке чаще возникает по субъективным причинам, однако, очевидно, что сексуальность является одной из главных ценностей брака.

Преобладание женщин в составе населения города приводит еще к одному очень важному в нравственном отношении следствию: значительное число мужчин вступают во второй или следующий брак с молодыми женщинами, которые до этого не состояли в браке. Например, по статистическим данным в Башкортостане второй и последующий браки заключили 12–14 % мужчин и 9–10 % женщин среди всех вновь заключаемых браков [3. С. 83–84]. Если учесть, что вступая в брак вторично, мужчины во многих случаях (примерно 35–40 %) получают в брачные партнерши более молодых женщин, а раз-

веденные женщины лишь в редких случаях вступают в брак с мужчинами, которые до этого не были женаты, то становится очевидным, что диспропорция полов оборачивается своеобразным «многоженством» мужчин. Этому способствует тот факт, что все большее число разведенных женщин и мужчин вообще не вступают больше в официально зарегистрированный брак, хотя и состоят в гражданском браке. Это подтверждают и данные переписей населения, когда замужних женщин оказывается значительно больше, чем женатых мужчин. Расхождение объясняется тем, что в фактических брачных союзах, официально не оформленных, женщины чаще считают себя замужними, чем их партнеры женатыми. Кроме того, следует учесть, что мужчины становятся вдовцами вдвое реже (ежегодно становятся вдовцами в стране около 300 тыс. мужчин), чем женщины вдовами, а в повторный брак ежегодно вступает не более 1/3 мужчин, у которых брак распался в прошлом году. Известно также, что в последние годы растет число мужчин, не состоящих в браке (ни в юридическом, ни в фактическом) [7. С. 59].

Следует отметить, что нарушение пропорций в демографической структуре населения города приводит не только к снижению уровня брачности и рождаемости, но и порождает такое специфическое социальное явление, как «соперничество» девушек и женщин в создании брачных союзов. Если прибавить к той части женщин, которые обречены на «незамужество» из-за отсутствия брачных партнеров, еще и женщин, состоящих в разводе и повторно не вышедших замуж, то образуется значительный контингент женского населения, который выпадает из процесса воспроизводства новых поколений. Кроме того, избыток незамужних женщин оказывает психологическое воздействие на непрочные семьи, создает дополнительные условия для супружеских измен, снижает уровень притязаний к потенциальным брачным партнерам-мужчинам. В частности, легкость, с которой совершаются разводы в городах, объясняется не только упрощенной процедурой расторжения брака, но и психологической уверенностью в наличии выбора очередного брачного партнера. Так, в крупных городах у разведенных мужчин вероятность повторного брака втрое выше, чем у женщин [1. С. 67]. «Соперничество» женщин в результате меньших возможностей для вступления в брак в определенной мере стимулирует рас-

пространение внебрачных связей, и как следствие – внебрачных рождений.

«Искавление» демографической структуры населения города, а значит и колебания в режиме воспроизводства населения, в значительной степени обусловлено характером миграционных потоков, устремляющихся в город и из него. Влияние миграционной подвижности населения на стабильность семьи в основном носит опосредованный характер. Повышенная доля молодежи в миграционных потоках приводит не только к нарушениям в пропорциях полов, но сама по себе выступает дестабилизирующим фактором для существующих семей в результате повышения анонимных связей, степени выбора сексуальных партнеров и т. п. Безусловно, профессиональная, социальная и территориальная подвижность горожан объективно необходима, поскольку без этого невозможно развитие новых районов. Но вместе с тем миграционные процессы сказываются на уровне рождаемости. Причем взаимосвязь миграционной подвижности населения и стабильности семьи, на наш взгляд, носит диалектически противоречивый характер.

Обратное влияние состояния брачно-семейных отношений на демографическое развитие города проявляется, прежде всего, в том, что от степени гармоничности внутрисемейных отношений зависит уровень миграционной подвижности и брачности населения. Сам факт переезда в чужой город заставляет многих корректировать семейные планы. Несложившаяся семейная жизнь, а тем более развод, могут выступать в качестве дополнительных стимулов к перемене места жительства. Опросы мигрантов, проведенные в г. Уфе, свидетельствуют о том, что дестабилизация семейных отношений усиливает миграционную подвижность населения города. Примерно 20 % потенциальных и 30 % фактических мигрантов в качестве определяющего мотива переезда называют «семейные обстоятельства» – переезд к детям (родителям), замужество, а также «бегство от семьи» [4. С. 52].

Нестабильность семьи прямым образом отражается на уровне рождаемости, поскольку напряженность в супружеских отношениях, неуверенность в брачном партнере нередко оказываются решающими в вопросе, сколько детей будет в семье. Причем в большей степени это относится не к первому, а ко второму и, особенно, к третьему ребенку, появление которого можно рассматривать как

ответ на вопрос, как обстоят дела в данной семье. Свидетельством этому, хотя и косвенным, является тот факт, что, по данным нашего исследования материалов ЗАГСов г. Уфы (900 брачных пар), среди разводящихся лишь 5,6 % имели троих детей, 52 % – одного ребенка, а 12 % – вообще не имели детей.

Наличие детей в семье уже само по себе способствует ее упрочению, т. к. повышает ответственность супругов друг перед другом и перед обществом. От характера и состояния брачно-семейных отношений, от уровня стабильности семьи зависит и ее величина. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные нашего исследования. Так, в семьях, где супружеские отношения более устойчивы и гармоничны, детей, как правило, больше, чем в семьях с неустойчивыми и напряженными брачно-семейными отношениями. Нарушение гармонии супружеских отношений, неудовлетворенность браком при чрезвычайно высоком уровне разводов находится в обратно пропорциональной

зависимости с уровнем рождаемости. Конечно, нельзя игнорировать влияние на рождаемость всей совокупности социально-экономических факторов и демографической структуры населения. Но не считаться при этом со степенью устойчивости брака тоже нельзя. Как отмечает Л. Е. Дарский: «Повышенная вероятность распада браков способствует формированию более низкого уровня брачной плодовитости, так как женщина опасается остаться одна с детьми, и супруги не хотят “связывать” себя большим числом детей, учитывая потенциальную возможность развода» [2. С. 166]. Поэтому, как справедливо считают многие специалисты по проблемам брака и семьи, одним из важнейших условий повышения рождаемости, помимо стимулирующих мер демографической политики этого в стране (речь о материнском капитале), является профилактика разводов, предотвращение распада семьи, повышение устойчивости брачно-семейных отношений [6. С. 131].

Список литературы

1. Антонов, А. И. Демографические процессы в России в XXI веке / А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский. – М.: Грааль, 2002.
2. Дарский, А. Е. Демографо-статистическое исследование / А. Е. Дарский. – М.: Статистика, 1999.
3. Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа, 2012.
4. Игебаева, Ф. А. Влияние миграционных процессов на репродуктивные установки горожан / Ф. А. Игебаева // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов, 2013.
5. Игебаева, Ф. А. Особенности демографического развития города и стабильности семьи / Ф. А. Игебаева // Социал.-полит. науки. – 2013. – № 2.
6. Игебаева, Ф. А. Социология: учеб. пособие / Ф. А. Игебаева. – М.: ИНФРА-М, 2014.
7. Харчев, А. Г. Исследование семьи: на пороге нового этапа / А. Г. Харчев // Социологич. исслед. – 2004. – № 3.

Сведения об авторе

Игебаева Фания Абдулхаковна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики Башкирского государственного аграрного университета.
igebaeva.fania@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 142–145.

DIALECTICALLY CONTRADICTIONARY REPRODUCTION OF THE POPULATION OF THE CITY

F. A. Igebaeva

Bashkirian State Agriculture University, igebaeva.fania@yandex.ru

The paper theoretically justified the need to address reproductive population of the city through the lens of transformation of social and demographic processes. It shows the dialectically contradic-

tory nature of the relationship of the demographic structure of the city population and family stability.

Keywords: reproductive population; demographic development of the city; stability of a family; birth rate; marriage; divorce.

References

1. Antonov A.I., Medkov V.M., Arkhangel'skiy V.N. *Demograficheskiye protsessy v Rossii v XXI veke Moscow* [Demographic processes in Russia in XXI century], Graal', 2002. (In Russ.).
2. Darskiy A.Ye. *Demografo-statisticheskoye issledovaniye* [Demographers and statistical research]. M., Statistika Publ., 1999. (In Russ.).
3. *Demograficheskiye protsessy v Respublike Bashkortostan: statisticheskiy sbornik* [Demographic processes in the Republic of Bashkortostan: statistical publication]. Ufa, 2012. (In Russ.).
4. Igebayeva F.A. Vliyaniye migratsionnykh protsessov na reproduktivnyye ustanovki gorozhan [Influence of migratory processes in the reproductive attitudes of citizens]. *Nauka, obrazovaniye, obshchestvo: problemy i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Science, education and society: problems and prospects: materials of the International scientific and practical conference]. Tambov, 2013. (In Russ.).
5. Igebayeva F.A. Osobennosti demogra-ficheskogo razvitiya goroda i stabil'nosti sem'i [Features of demographic development of the city and the stability of the family]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki* [Socio-Political Sciences], 2013, no. 2. (In Russ.).
6. Igebayeva F.A. *Sotsiologiya: uchebnoye posobiye* [Sociology: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. (In Russ.).
7. Kharchev A.G. Issledovaniye sem'i: na poroge novogo etapa [Research family: on the threshold of a new stage]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Social Studies], 2004, no. 3. (In Russ.).

УДК 504
ББК 20.1

А. Л. Колтунов

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Раскрывается содержание понятия 'экология', являющегося научной базой охраны окружающей среды и рационального природопользования, комплекса мероприятий санитарно-гигиенических, организационных, экономических и правовых по предупреждению или снижению вредного воздействия общества на человека и окружающую среду.

Ключевые слова: экология; экологический кризис; экологическая грамотность; природоохранные мероприятия.

Экологическое состояние окружающей среды в Тюменской области, по оценке Департамента недропользования и экологии, в настоящее время удовлетворительное. Однако уровень загрязнения водоемов, почвенного слоя земли и атмосферного воздуха в городах остается еще довольно высоким и требует принятия соответствующих мер. Главная причина загрязнения рек и озер – отсутствие очистных сооружений в некоторых населенных пунктах и недостаточная эффективность действующих. Одна из важнейших проблем в сфере охраны окружающей среды, решением которой озадачено правительство области, – загрязнение водных ресурсов. Главные источники загрязнения – хозяйствующие субъекты, предприятия и организации. Существенная доля нечистот приходится на бытовые сбросы населения и отходы коммунального хозяйства, не соблюдающих требований Водного кодекса. Наиболее подвергнуты негативному воздействию человека на юге области реки Иртыш, Тобол, Тура, Ишим, Тавда, Вагай, Исеть, Демьянка.

В рамках взаимодействия органов власти, СМИ и граждан Тюменской области было проведено социологическое исследование, в ходе которого ставилась задача по определению уровня экологической грамотности населения юга области. В процессе исследования были опрошены эксперты (работники Департамента недропользования и экологии, специалисты экологических организаций, преподаватели вузов Тюменской области) и простые граждане, вовлеченные в хозяйственную или иную деятельность, связанную с экологией (землепользователи, охотники, дачники, владельцы загородного жилья). Ниже представлены результаты опроса экспертов на наиболее важные проблемы окружающей среды и экологии.

По мнению 48,89 % опрошенных, состояние окружающей среды Тюменской области неблагоприятное и остается без изменений, чуть меньше – 37,78 % – считают, что состояние окружающей среды ухудшается, и остальные 13,33 % опрошенных считают, что состояние окружающей среды улучшается. Вариант «состояние окружающей среды остается без изменений (благоприятное)» не отметил никто. Это говорит о том, что сложившаяся обстановка мало кого устраивает, и необходимо предпринимать меры, направленные на улучшение состояния окружающей среды в Тюменской области уже сегодня.

В ст. 74 Закона РФ «Об охране окружающей природной среды» сказано, что овладение минимумом экологических знаний, необходимых для формирования экологической культуры граждан, во всех дошкольных, средних и высших учебных заведениях, независимо от профиля, обеспечивается обязательным преподаванием экологических знаний. Обязательность преподавания экологических знаний относится к числу важнейших принципов экологической политики России. Поэтому педагоги в доступной и понятной для учеников форме уже со школьного возраста должны разъяснять и внушать им, что правомерно, а что нет, и как вести себя в окружающей их природе.

Так, И. П. Лаптев подчеркивал необходимость объединения широких слоев населения для практического участия в природоохранных мероприятиях [1]. А Н. В. Абаев [4] отмечал, что творцами идей, образов и понятий духовного постижения окружающего мира начинает создаваться общество, в котором экологическое образование и воспитание, к сожалению, еще очень слабо изучено, а, сле-

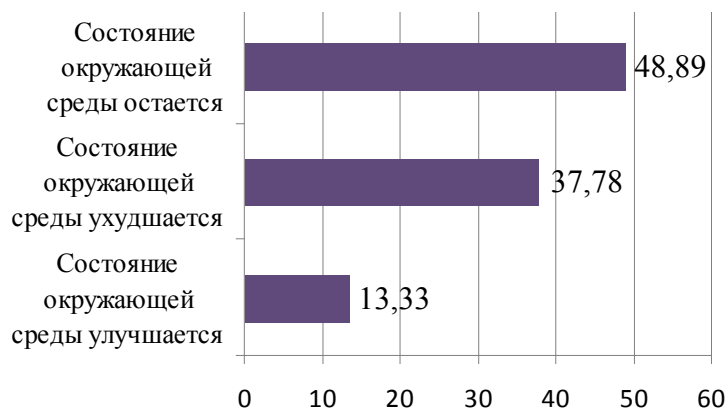

Рис. 1. Современное состояние окружающей среды Тюменской области, % опрошенных

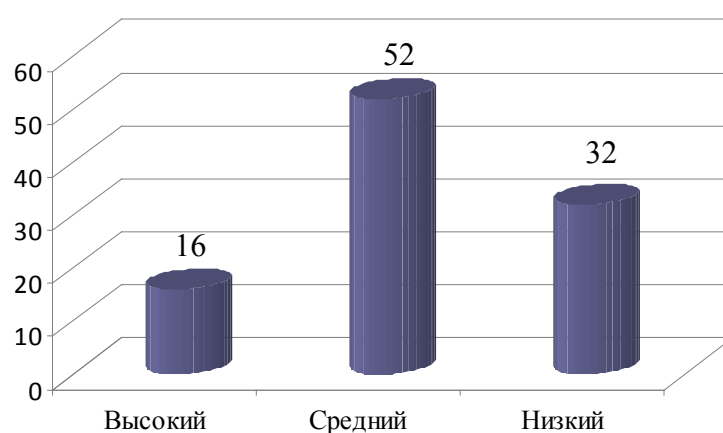

Рис. 2. Оценка уровня информированности граждан Тюменской области по вопросам охраны окружающей среды, % опрошенных

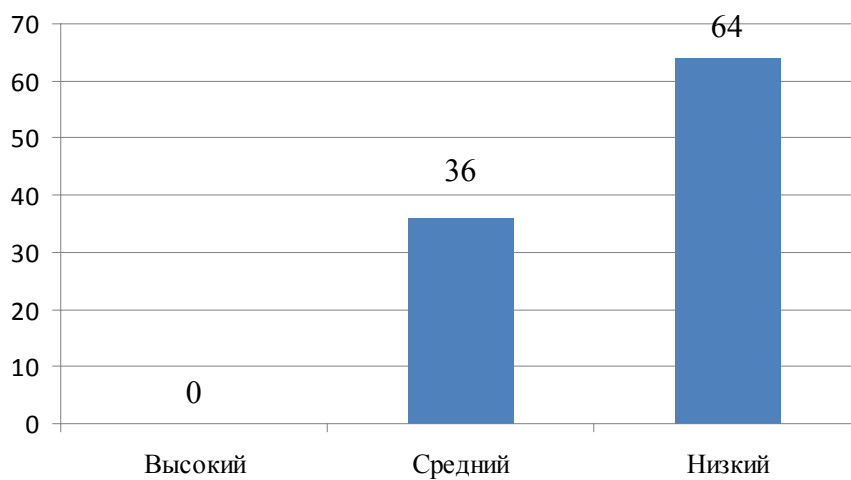

Рис. 3. Оценка уровня экологической грамотности граждан Тюменской области, % опрошенных

довательно, природа будет страдать от экологической неграмотности людей.

Н. Н. Моисеев отмечал, что экологически-ми знаниями, подобно арифметике, должны обладать все, независимо от специальности и характера работы, места обитания и цвета кожи [2]. Основными источниками воздействия на любого человека с целью формирования экологически грамотной личности, согласно идеям Ю. Н. Пахомова, можно считать образование, средства массовой информации, правовую систему и др. [3]

По мнению 52 % опрошенных, уровень информированности граждан Тюменской области по вопросам охраны окружающей среды является средним, 32 % экспертов оценили его как низкий, и меньшинство (16 %) считают, что уровень информированности граждан высокий. Результаты данной оценки, в первую очередь, зависят от деятельности средств массовой информации, следовательно, можно сделать вывод о недостаточном внимании со стороны СМИ теме охраны природной среды.

Большинство экспертов (64 %) считают, что уровень экологической грамотности граждан Тюменской области является низким, остальные 36 % оценили уровень экологической культуры граждан как средний. Вариант «высокий» не выбрал ни один из респондентов. Это говорит, прежде всего, о неэффективности работы природоохранных и образовательных органов в данной сфере.

При опросе граждан, занимающихся хозяйственной деятельностью, связанной с экологией, выяснилось, что внушающему большинству опрошенных (62,22 %) известны основные законы и понятия законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды, 26,67 % участников приходилось лично сталкиваться с законодательством. Нашлись те, кто не знает законов в данной сфере, – 4,44 %, и лишь 6,67 % знают законодательство хорошо. Результаты утешающие, но незнакомых с законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды вовсе не должно быть (рис. 4).

При анализе ответов на вопрос об информации по охране природной среды были получены следующие данные.

Большинство участников опроса – 51,11 % – получают информацию об охране природной среды из средств массовой информации, 22,22 % респондентов получают

информацию из личного общения, под влиянием различного рода слухов, 15,56 % – от различных общественных, неформальных организаций, 6,67 % опрошенных получают информацию из собственных наблюдений, и остальные 4,44 % – из решений, постановлений местных органов власти. Данные показатели говорят о большой роли СМИ в данном вопросе, а также необходимо отметить то, что значительная часть респондентов получает недостоверную информацию из неофициальных источников.

В первую очередь каждый конкретный человек должен заниматься решением проблем экологии, так считают 91,11 % опрошенных, почти половина опрошенных посчитали, что решением проблем окружающей среды должны заниматься специалисты в области охраны окружающей среды, – 48,89 %, треть респондентов дали предпочтение варианту ответа – министерство природных ресурсов и экологии РФ – 37,78 %. Остальные варианты распределились равномерно: 10–20 % считают, что правительство, партия «зеленых» и наука должны заниматься решением возникающих проблем в области экологии.

Таким образом, по мнению автора статьи, для повышения экологической культуры населения необходимо предпринять следующие меры:

- включение вопросов экологии, рационального природопользования, охраны окружающей среды и устойчивого развития Российской Федерации в учебные планы на всех уровнях образовательного процесса;
- подготовка и переподготовка в области экологии педагогических кадров для всех уровней системы обязательного и дополнительного образования и просвещения;
- включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и просвещения в федеральные, региональные и местные программы развития территорий;
- государственная поддержка деятельности системы образования и просвещения, осуществляющей экологическое просвещение и образование;
- эколого-просветительская деятельность общественных объединений, средств массовой информации и дополнительных образовательных учреждений для детей;
- организация и проведение научно-практических конференций, семинаров и

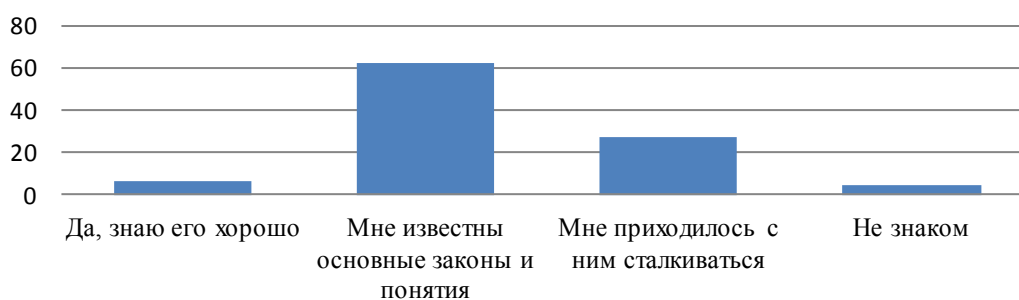

Рис. 4. Структура ответов респондентов на вопрос: «Знакомы ли Вы с законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды?», % опрошенных

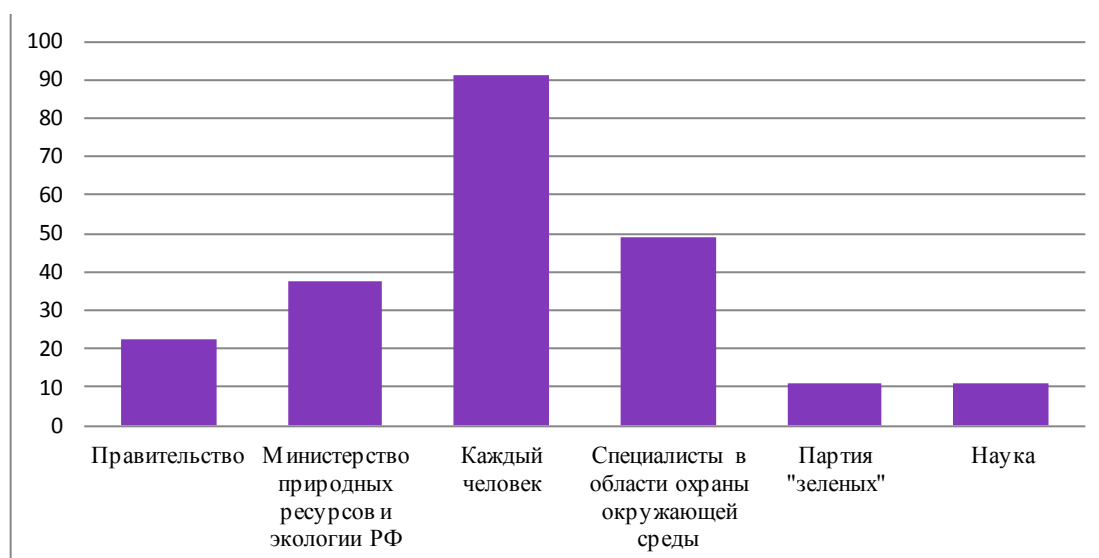

Рис. 5. Разделение мнений респондентов по вопросу: «Кто, на Ваш взгляд, в первую очередь должен заниматься решением проблем экологии?», % опрошенных

симпозиумов по проблемам экологического образования;

- привлечение средств социальной рекламы и наглядной агитации для формирования экологического мировоззрения;

- распространение экологических знаний библиотеками и другими учреждениями учебно-просветительского характера.

Список литературы

1. Лаптев, И. П. Теоретические основы охраны природы / И. П. Лаптев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – 276 с.
2. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 224 с.
3. Пахомов, Ю. Н. Формирование экокочеловека: методологические принципы и программные установки / Ю. Н. Пахомов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 124 с.
4. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии / под ред. Н. В. Абаева. – Новосибирск: Наука, 1992. – 160 с.

Сведения об авторе

Колтунов Анатолий Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. astra_gp@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 146–150.*

FORMATION OF ECOLOGICAL LITERACY OF THE POPULATION OF THE TYUMEN REGION

A. L. Koltunov

Tyumen State Oil University, astra_gp@mail.ru

The article deals with the concept of ‘ecology’ which is a scientific basis for environmental protection and rational use of natural resources, a set of measures of sanitary, organizational, economic and legal to prevent or reduce harmful effects on society and the environment.

Keywords: ecology; ecological crisis; environmental awareness; environmental protection measures.

References

1. Laptev I.P. *Teoreticheskiye osnovy okhrany prirody* [Theoretical Foundations of Nature Conservation]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1975. 276 p. (In Russ.).
2. Moiseyev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [Fate of civilization. The way the mind]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 224 p. (In Russ.).
3. Pakhomov Yu.N. *Formirovaniye ekocheloveka: metodologicheskiye printsipy i programmnyye ustanovki* [Formation ekocheloveka: methodological principles and software installation]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2002. 124 p. (In Russ.).
4. *Ekologicheskiye traditsii v kul'ture narodov Tsentral'noy Azii* [Environmental traditions in the culture of the peoples of Central Asia], N.V. Abayev (ed.). Novosibirsk, Nauka, 1992. 160 p. (In Russ.).

УДК 328.185
ББК 65.5

В. П. Максимов, А. А. Тараданов

УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ (по результатам анкетного опроса горожан)

Частота коррупционных отношений, расчет-определение годового объема рынка коррупции в городе Челябинске в денежном выражении, среднегодовые затраты одного респондента на взятки, степень коррумпированности различных органов и уровней власти.

Ключевые слова: уровень коррупции; жители города Челябинска; органы власти.

Исследование проведено в сентябре – октябре 2013 г. на территории города Челябинска в рамках научно-исследовательской работы по теме «Проведение исследования коррупции социологическими методами в муниципальных учреждениях и органах местной власти города Челябинска». Выборочную совокупность (N=600) составили жители города Челябинска старше 18 лет; выборка случайная.

Распределение респондентов по роду деятельности

Кто Вы по роду деятельности	Все опрошенные	
	N	%
Рабочий, рядовой работник	186	31
Специалист предприятия, фирмы	101	16,8
Руководитель, бизнесмен	79	13,2
Студент(ка), учащийся	59	9,8
Индивидуальный предприниматель	36	6,0
Пенсионер	35	5,8
Ведете домашнее хозяйство	30	5,0
Муниципальный (гос.) служащий	29	4,8
Представитель интеллигенции	24	4,0
Военный, органы правопорядка, МЧС	14	2,4
Другое	7	1,2
Итого:	600	100

Опрос показал, что коррупция в отношениях населения с органами власти города Челябинска остается достаточно заметным явлением.

То есть фактически треть респондентов «улаживали» свои отношения с представителями власти в городе посредством взятки. При этом каждый десятый делал это 2–3 раза в год, каждый двадцатый – в два раза чаще, а каждый сотый делал это каждый месяц.

Как часто в течение года Вам приходилось «улаживать» свои отношения с представителями органов власти г. Челябинска посредством взятки?	Все опрошенные	
	N	%
Не чаще, чем 1 раз в год или реже	124	20,7
2–3 раза в год	59	9,9
4–5 раз в год	20	3,3
6–10 раз в год	11	1,8
Практически каждый месяц	8	1,3
Принципиально взяток не даю	66	11,0
Взяток не давал	280	46,7
Не ответили	32	5,3
Итого ответов:	600	100

По роду деятельности наиболее частыми участниками коррупционных отношений (сумма процентов по вариантам ответов «2–3» раза в год и более =) являются категории индивидуальный предприниматель (31,7 %) и руководитель, бизнесмен (26,0 %). Также чаще с помощью взяток решают свои вопросы с представителями власти мужчины, чем женщины (16,1 % против 10,3 %), в основном находящиеся в возрастной группе от 31 до 50 лет (17,3 % и 14,7 %), имеющие высшее образование (14,7 %), по уровню дохода – лица с ежемесячным душевым доходом свыше 20 тыс. рублей.

Чаще других не были связаны с коррупцией представители интеллигенции (91,7 %), силовых структур (78,6 %), пенсионеры (68,6 %), студенты (64,4 %) и респонденты с уровнем душевого дохода менее 5 тыс. рублей на человека в месяц (42,5 %).

Данные опроса позволили произвести расчеты по определению годового объема рынка коррупции в городе. В денежном выражении среднегодовые затраты одного респондента

Сколько за прошедший год вы потратили на «неформальное» решение своих проблем?	2013	Кто вы по роду деятельности?										
		Руководитель, бизнесмен	Рабочий, рядовой работник	Индивидуальный предприниматель, фермер	Специалист предприятия, фирмы	Муниципальный (гос.) служащий	Представитель силовых структур	Представитель интеллигенции	Ведёте домашнее хозяйство	Студент(ка), учащийся	Пенсионер	Другое
– От 100 до 1000 руб.	5,6	1,4	5,6	0,0	7,9	3,4	7,1	12,5	13,3	6,8	0,0	0,0
– От 1000 до 5000 руб.	8,0	8,7	7,7	9,1	5,0	6,9	0,0	4,2	26,7	10,2	8,6	0,0
– От 5 до 10 тыс. руб.	6,6	8,7	4,9	13,6	5,9	13,8	0,0	4,2	13,3	3,4	8,6	0,0
– От 10 до 100 тыс. руб.	7,6	21,7	2,8	31,8	6,9	6,9	7,1	0,0	6,7	1,7	2,9	0,0
– От 100 до 500 тыс. руб.	1,0	2,9	0,7	0,0	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,7	0,0	0,0
– Свыше 500 тыс. руб.	1,6	4,3	0,0	9,1	2,0	0,0	7,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
– Взятки не давал	68,5	52,2	76,9	36,4	70,3	65,5	78,6	79,2	40,0	74,6	77,1	100,0
– Не ответили	1,0	0,0	1,4	0,0	0,0	3,4	0,0	0,0	0,0	1,7	2,9	0,0
Итого ответов:	99,0	99,9	98,6	100,0	100,0	96,5	99,9	100,1	100,0	98,4	97,2	100,0
Годовой размер данных взяток одним среднестатистическим респондентом, рублей	19983	53849	4305	87079	25452	5089	57191	525	5684	6681	2541	0

на взятки выглядят следующим образом.

Из полученных данных следует, что «среднегодовой коррупционный налог» (средние годовые затраты одного респондента на взятки) составил в городе Челябинске 19983 р. (2011 г. – 13851 р.). По сравнению с другими категориями опрошенных выше среднестатистического годового размер взяток наблюдается у групп индивидуальный предприниматель (87079 р. в год; в 2011 г. – 42946 р. в год; рост по номиналу в два раза); силовики (57191 р.); руководитель, бизнесмен (53849 р.; в 2011 г. – 38048 р.) и специалист предприятия, фирмы (25452 р.). Заметно снизился средний размер взятки у домашних хозяйств: с 25470 р. в 2011 г. до 5684 р. в 2013 г. Это может говорить об изменении ситуации в лучшую сторону в детских садах, школах и вузах, где обучаются их дети, и в медицинских учреждениях, где они лечатся.

Если привести выборочную совокупность к статистически пропорциональной представительности, в которой руководитель, бизнесмен реально составляют около 4 %, а пенсионеры

– около 20 % (остальные социально-профессиональные группы нашей выборочной совокупности близки к реальному соотношению), а численность взрослого населения Челябинска полагать 750 тыс. чел., то годового объема коррупционного рынка в городе Челябинске составит 11,2 млрд рублей.

А если учесть, что исполнение бюджета города Челябинска за 2013 г. составило около 30 млрд р., то получается, что коррупционный оборот финансовых средств в городе равен 1/3 городского бюджета, и все это – без уплаты налогов.

Разумеется, это не значит, что все эти средства попали в карманы чиновников муниципального уровня: речь идет о размере всех взяток, данных представителям всех органов власти в городе, а среди них весьма значительно представлены также федеральные и региональные структуры. Однако некоторые полученные данные опроса позволяют нам судить о степени коррумпированности различных органов и уровней власти.

Кто вы по роду деятельности?	%%	Средний годовой размер взятка (рублей) на одного горожанина
Руководитель, бизнесмен	3,8	53849
Рабочий, рядовой работник	28,7	4305
Индивидуальный предприниматель, фермер	4,4	87079
Специалист предприятия, фирмы	18,2	25452
Муниципальный (гос.) служащий	4,8	5089
Представитель силовых структур (военный, органы правопорядка, МЧС)	2,8	57191
Представитель интеллигенции	4,8	525
Ведёте домашнее хозяйство	3,0	5684
Студент(ка), учащийся	10,8	6681
Пенсионер	18,7	2541
Итого коррупция в 2013 г. на одного среднестатистического взрослого горожанина	100,0%	14983,59 р.
Итого коррупция по городу за 2013 г.		14983,59 * 750000 = 11237694000 р.

Какие органы власти, на ваш взгляд, наиболее подвержены коррупции? (можно указать несколько)	2013	Кто вы по роду деятельности?										
		Руководитель, бизнесмен	Рабочий, рядовой работник	Индивидуальный предприниматель, фермер	Специалист предприятия, фирмы	Муниципальный (гос.) служащий	Представитель силовых структур	Представитель интеллигенции	Ведёте домашнее хозяйство	Студент(ка), учащийся	Пенсионер	Другое
Правоохранительные органы	52,1	62,3	49,7	50,0	49,5	58,6	21,4	54,2	26,7	61,0	51,4	85,7
Органы местного самоуправления г. Челябинска	36,7	46,4	38,5	54,5	27,7	37,9	21,4	33,3	40,0	32,2	31,4	14,3
Федеральные органы власти	32,1	43,5	37,8	13,6	32,7	34,5	14,3	33,3	0,0	33,9	25,7	14,3
Органы государственной власти Челябинской области	29,9	39,1	32,9	9,1	25,7	37,9	35,7	33,3	20,0	25,4	22,9	14,3
Судебные органы	27,9	34,8	30,8	13,6	25,7	31,0	7,1	41,7	0,0	39,0	22,9	14,3
Налоговые органы	25,1	36,2	20,3	31,8	21,8	24,1	35,7	20,8	26,7	28,8	17,1	14,3
Органы противопожарного надзора	15,8	24,6	15,4	9,1	15,8	17,2	21,4	16,7	0,0	11,9	11,4	14,3
Другие	4,4	1,4	8,4	4,5	3,0	0,0	7,1	12,5	0,0	0,0	5,7	0,0
Не ответили	3,4	2,9	2,1	4,5	3,0	3,4	0,0	8,3	0,0	1,7	11,4	14,3
Итого ответов:	223,8	288,3	233,8	186,2	201,9	241,2	164,1	245,8	113,4	232,2	188,5	171,5

Поскольку допускалось указывание нескольких вариантов, в среднем каждый респондент отметил 2,24 наиболее коррумпированных структуры. С весьма заметным отрывом «впереди» – правоохранительные органы: им «отдали свои голоса» 52,1 % респондентов. Далее на примерно одинаковом уровне следу-

ют органы местного самоуправления г. Челябинска (36,7 %), федеральные органы власти (32,1 %), органы государственной власти Челябинской области (29,9 %), судебные органы (27,9 %) и налоговые органы (25,1 %).

Наиболее критически по поводу коррупции в органах власти высказались руково-

дители, бизнесмены (названо в среднем 2,9 структур), представители интеллигенции (2,5) и... муниципальные (гос.) служащие (2,4); наименее критически – домашние хозяйки (1,1) и... представители силовых структур (военный, органы правопорядка, МЧС) – 1,6.

Динамика коррупции в оценках респондентов выглядит следующим образом.

Ваша оценка динамики коррупции за 2012 г.	В стране %%	В области %%	В городе %%
Увеличилась	35,1	25,1	24,8
Уменьшилась	4,2	6,6	7,0
На прежнем уровне	25,7	25,5	26,7
Затрудняюсь ответить	32,7	38,7	38,5
Не ответили	2,4	4,2	3,0

Около 2/3 респондентов не высказали по поводу динамики коррупции определенной точки зрения «больше – меньше». В составе же оставшейся 1/3 респонденты в несколько раз чаще полагают, что коррупция увеличивается, чем уменьшается; в стране увеличение коррупции отмечается заметно выше, чем в городе и области.

Сведения об авторах

Максимов Василий Петрович – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета управления Челябинского государственного университета.
maksimov@csu.ru

Тараданов Александр Ардалионович – доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы и социологии Челябинского государственного университета.
taradanov@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 151–154.*

LEVEL OF CORRUPTION IN THE CITY OF CHELYABINSK (BASED ON A QUESTIONNAIRE SURVEY OF CITIZENS)

V. P. Maksimov

Chelyabinsk State University, maksimov@csu.ru

A. A. Taradanov

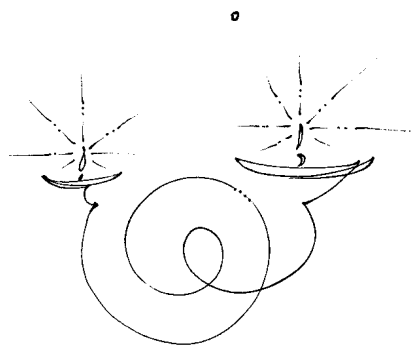
Chelyabinsk State University, taradanov@csu.ru

The article deals with the frequency of corrupt relationships, calculation, determination of the annual market volume of corruption in the city of Chelyabinsk in monetary terms, the average annual cost per respondent for bribes, the degree of corruption in various organs and levels of government.

Keywords: corruption; residents of the city of Chelyabinsk authorities.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 378
ББК 74.0

О. М. Горева

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ: ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Автор статьи раскрывает роль социально-гуманитарного направления в научно-исследовательской деятельности вузов, большое значение которого обусловлено спецификой нынешнего этапа развития нашей страны. Сегодняшние тенденции вызывают необходимость оценить состояние и перспективы социально-гуманитарного направления в науке и образовании, его роль во всех сферах жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: система образования; высшее учебное заведение; наука; научно-исследовательская деятельность; социально-гуманитарное направление.

Постиндустриальная цивилизация увеличила роль науки во всех сферах жизнедеятельности человека в связи с тем, что научное знание стало основой всех видов материального и духовного производства. Именно прогресс научного знания определяет возможность существования человечества в современную и перспективную эпоху. Достаточно распространенным является признание важнейшей роли науки только в производстве материальных благ, не учитывается при этом, что субъектом любой деятельности является человек, в связи с чем возникает необходимость формирования его мировоззрения, ценностей, творческих способностей, интересов, то есть всего того, что делает его социально активным исполнителем общественно значимых функций [1].

Рассматривая значение социально-гуманитарного направления в научно-исследовательской деятельности, необходимо выделить следующие три направления:

1) взаимодействие социально-гуманитарной научной деятельности с научной деятельностью всех других направлений;

2) взаимодействие социально-гуманитарной научной деятельности с системой образо-

вания (подготовка специалистов, аспирантов, докторантов, повышение квалификации сотрудников и преподавателей университета);

3) значение социально-гуманитарной научной деятельности для структур власти, бизнеса и в целом для города, региона, с одной стороны, и, с другой, для активизации взаимодействия с научно-образовательными и научно-производственными зарубежными структурами.

Взаимодействие социально-гуманитарной научной деятельности с научной деятельностью всех других направлений характерно для многих вузов, особенно взаимодействие социально-гуманитарной научной деятельности с системой образования.

Один из принципов, реализуемых в процессе данного взаимодействия, заключается в необходимости формирования образованных субъектов научно-образовательной и научно-производственной деятельности, а фактически всех сфер жизнедеятельности, учитывая известное положение В. И. Толстых о том, что беда России заключается в том, что очень мало образованных людей при наличии огромного количества полуобразованных. В. И. Толстых подчеркивал, что полуобра-

зованного человека характеризует то, что он считает единственно важным и единственно значимым знанием то, которым он обладает [3]. И поэтому такой человек не терпит инакомыслия, уверен в том, что именно он владеет истиной в последней инстанции, весьма категоричен в своих суждениях. Полуобразованный человек чрезвычайно опасен, особенно тогда, когда он занимает руководящую, управленческую должность, навязывая свою волю и свое мнение работникам, входящим в орбиту его действия.

В связи с этим важнейшей задачей вузовской деятельности является формирование не полуобразованных, а образованных субъектов всех сфер жизнедеятельности общества, независимо от конкретной профессиональной подготовки. Реализация этой задачи возможна при целенаправленной работе по формированию высокой степени образованности профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов вуза [2]. Данная целевая направленность социально-гуманитарных наук может быть реализована в процессе различных форм внутривузовского взаимодействия:

- разработка программы выполнения роли социально-гуманитарного направления в научно-исследовательской деятельности университета;

- создание постоянно действующего теоретико-методологического семинара для научных сотрудников, аспирантов, докторантов, соискателей, студентов, преподавателей всех видов научно-образовательной деятельности;

- создание постоянно действующего дискуссионного клуба для преподавателей различных дисциплин с целью развития их возможностей формирования творческого мышления, способностей творческой научной деятельности студентов;

- издание внутривузовской газеты или интернет-газеты с публикациями материалов по функционально-целевой направленности научно-образовательной и научно-производственной деятельности субъектов, по системе средств и методов их подготовки к реализации цели;

- проведение внутривузовских общих для различных специальностей конференций, семинаров, симпозиумов.

Решение задач повышения влияния социально-гуманитарной науки в научной, обра-

зовательной, производственной, общественной и др. деятельности обусловлены, прежде всего, направленностью деятельности всех структур власти: кафедральной, институтской, университетской, производственной, государственной и т. д., при этом главную роль играют все уровни государственных и муниципальных структур, а также бизнес-структур и общественных организаций. Данный подход диктует необходимость совместной разработки программ взаимодействия социально-гуманитарной науки с вышеобозначенными субъектами.

Разработка программ взаимодействия университета с муниципальными, региональными властными структурами, с бизнес-структурами, общественными организациями, включают:

- формирование концептуальных принципов управленческой деятельности (в любой сфере, в том числе законодательной и исполнительной);

- социально-гуманитарную научно-образовательную подготовку субъектов управленческой деятельности (кандидатов, докторов наук, второе высшее образование, повышение научной квалификации и т. д.);

- организацию совместных конференций, симпозиумов, семинаров по данной проблематике;

- научную экспертизу проектов, в том числе нормативно-законодательных актов, решений, резолюций и т. д.;

- совместную разработку и доработку различного рода положений, направленных на формирование мировоззрения, ценностных ориентаций, интересов, идеологии, социальной активности личности и всех социальных групп;

- организацию и проведение исследований с результативным построением поисковой и прогнозных моделей для последующего использования в управленческой деятельности.

Учитывая, что современное мировое общество вошло в информационную стадию развития цивилизации, породившую такую закономерность, как глобализация, представляющую собой взаимозависимость и взаимобусловленность всех процессов жизнедеятельности, социально-гуманитарная наука не может игнорировать эту закономерность [4]. Поэтому существенной направленностью социально-гуманитарной научной деятельно-

сти любого вуза является внутрироссийское и международное сотрудничество, которое предполагает:

- изучение опыта влияния социально-гуманитарной научной деятельности на общеузовскую научную деятельность;
- изучение опыта форм, методов и результатов влияния социально-гуманитарной научной деятельности на различные виды деятельности управленческих структур всех сфер общества;
- проведение совместных общероссийских и международных исследований по данной проблематике;
- продолжение традиции проведения совместных общероссийских и международных

конференций, симпозиумов, семинаров по данной проблематике;

- совместное издание журналов, сборников, монографий по данной проблематике;
- взаимный обмен опытом подготовки и проведения теоретических и эмпирических исследований субъектами социально-гуманитарной научной деятельности.

Следовательно, социально-гуманитарная наука по своей направленности способствует разработке критериев, направлений, методов и средств формирования культуры студентов, ППС, реализуемые в образовательной, досуговой, управленческой, научно-исследовательской, предпринимательской и других видах деятельности.

Список литературы

1. Константиновский, Д. Л. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, О. Я. Дымарская, Г. А. Чередниченко. – М.: ЦСП, 2006. – 264 с.
2. Осипова, Л. Б. Модель современного образовательного процесса / Л. Б. Осипова, О. М. Горева // Современные тенденции в образовании и науке: сб. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 14 ч. – Тамбов, 2014. – С. 98–100.
3. Толстых, В. И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы / В. И. Толстых. – М.: Политиздат, 1975. – 184 с.
4. Шабатура, Л. Н. Понятие и сущность культуры научной деятельности / Л. Н. Шабатура, Ф. Р. Набиуллина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 13 (304). – Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. – С. 140–144.

Сведения об авторе

Горева Ольга Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и математики Тюменского государственного нефтегазового университета.
ogoreva@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 155–158.*

SOCIAL AND HUMANITARIAN DIRECTION IN RESEARCH ACTIVITIES OF UNIVERSITIES: THE IMPORTANCE AND PROSPECTS

O. M. Goreva

Tyumen State Oil University, ogoreva@yandex.ru

The authors reveal the role of social and humanitarian work in the research activities of universities, which is of great importance due to the nature of the current stage of development of our country. Current trends make it necessary to assess the status and prospects of social and humanitarian work in science and education and its role in all spheres of human activity.

Keywords: education; higher education; science and research activities; socio-humanitarian direction.

References

1. Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya Ye.D., Dymarskaya O.Ya. *Sotsial'no-gumanitarnoye obrazovaniye: oriyentatsii, praktiki, resursy sovershenstvovaniya* [Social and humanitarian education: orientation, practices, resources, improving]. Moscow, TSSP Publ., 2006. 264 p. (In Russ.).
2. Osipova L.B., Goreva O.M. Model' sovremennogo obrazovatel'nogo protsessa [Model modern educational process]. *Sovremennyye tendentsii v obrazovanii i nauke: sbornik trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 14 chastyakh* [Modern Trends in Education and Science: Proceedings of the international scientific-practical conference: 14 parts]. Tambov, 2014, pp. 98–100. (In Russ.).
3. Tolstykh V.I. *Obraz zhizni. Ponyatiye, real'nost', problemy* [Lifestyle. The concept of reality, problems]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 184 p. (In Russ.).
4. Shabatura L.N., Nabiullina F.R. Ponyatiye i sushchnost' kul'tury nauchnoy deyatel'nosti [Concept and essence of the culture of scientific activity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural Studies], 2013, vol. 29, no. 13 (304), pp. 140–144. (In Russ.).

УДК 37.013
ББК 74.0

В. И. Кочергина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию специфических методов познания социальной ментальности. Показывается необходимость междисциплинарного подхода при рассмотрении социальной ментальности, объединяющего методы естественных и гуманитарных наук на базе социальной философии и антропологии. Раскрываются эвристические возможности метода понимания, диалектики, воображения для выражения природы социальной ментальности. Делается вывод о необходимости изучения социальной ментальности с интеграционных позиций.

Ключевые слова: ментальность; общество; герменевтика; диалектика; социальная философия.

В последние годы в России широкое распространение получило понятие ‘социальная ментальность’. Это связано с процессами идеологизации знания, начавшимися с распадом Советского Союза. Несмотря на широкое использование данного термина специалистами различных отраслей: этнологами, социологами, психологами, философами и др. – не было выработано единого мнения касательно его природы. С одной стороны, это обусловлено самой природой социальной ментальности. С другой стороны – неразработанностью методологии по исследуемой проблематике. Рассмотрение социальной ментальности актуально особенно для современных многонациональных государств, где остро стоит вопрос взаимодействия между различными социальными общностями.

Социальная ментальность представляет собой сложный саморазвивающийся феномен. Саморазвитие любого явления подчиняется законам диалектики. Поэтому к исследованию природы социальной ментальности необходимо подойти с диалектических позиций. Диалектический метод позволяет рассматривать социальную ментальность как реальность, находящуюся в постоянном противоречии. Так, В. П. Визгин пишет: «Природное и культурное, рациональное и эмоциональное, сознательное и бессознательное, индивидуальное и общественное – все эти оппозиции “пересекаются” на уровне ментальности, растворяясь в ее структурах» [3. С. 175]. В связи с этим можно выделить социальную ментальность на уровне личности и социальную ментальность на уровне общества. Социальная ментальность рожда-

ется только на стыке взаимодействия личности и общества как воплощение общественного в уникальном и проявление уникального в общественном.

Природный компонент представлен двумя составляющими: в качестве биологического субстрата – генофондом социума – и в качестве условий формирования социальной ментальности (географическая среда, климат и др.). В то же время социальная ментальность выступает основой культуры. Человек укоренён в культуре, он может создавать новые культурные смыслы и сохранять старые в виде традиций и обычаев. Социальная ментальность личности и культура взаимобуславливают друг друга и развиваются параллельно. Нельзя сказать, что какой-то из этих элементов был первичен. И социальная ментальность, и культура рождаются в каждый момент времени во взаимодействии друг с другом. На протяжении многих веков формируется определённая матрица культуры. Человек, рождаясь, принимает эту матрицу, входит в её пространство. Можно назвать этот процесс культурацией, по аналогии с процессом принятия социальных норм и правил. Культурная матрица включает в себя ограничения и запреты, ритуальные практики, ценностные ориентации, символы, принятые большинством населения социума. Человек не только поглощается культурной матрицей, но и, являясь личностью, формирует новую матрицу, привносит в неё иные смыслы и трансформирует старые. Успешная трансформация тех или иных идей, по мнению Ю. А. Бубнова, во многом зависит от того, насколько личность готова «оценить

способность этих идей к интеграции в сложившуюся культуру, их созидательный потенциал» [2. С. 52]. В переломные моменты при смене общественных парадигм мир каждый раз открывает новых гениев и талантов, которые способны привносить историчность в социальную ментальность общества, делать её подвижной и прогрессивной системой.

На основе социальной ментальности общество выстраивает рациональную картину мира. Как правило, она отличается в трудах философов и учёных и в умах обычных людей. Способ мировидения заключается в особом понимании времени и пространства, места человека во Вселенной, основы мира. Рациональная картина мира не отвечает на самый главный вопрос, в чём предназначение человека, в чём смысл жизни? Здесь ключевым является эмоциональный компонент социальной ментальности, чаще всего скрытый за различного рода рационализациями.

Социальная ментальность текуча, как и само время. М. Блок, один из основателей школы «Анналов», пишет: время есть «конкретная и живая действительность, необратимая в своём стремлении, время истории – это как бы плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты» [1. С. 27]. Время – это есть контекст, необходимое условие для существования, передачи и воспроизводства ментальных установок. Тем не менее, понимание времени напрямую зависит от конкретной социальной ментальности. Качественные изменения социальной ментальности сопровождаются экономическими, политическими, социальными, духовными или природными катаклизмами. Именно в эти периоды глубинные пласты социальной ментальности проявляются вовне.

Переход на новый качественный уровень развития социальной ментальности всегда сопровождается не только созданием нового, но и сохранением старого, которое необходимо для дальнейшего развития. Неизменной остаётся структура социальной ментальности. На уровне личности она представлена архетипами коллективного бессознательного, мыслительными стереотипами, ценностными и моральными ориентациями, невербализованным языком. На уровне общества социальная ментальность, несмотря на то, что она состоит из социальных ментальностей отдельных личностей, представляет собой не их сумму, а совершенно новую реальность, подчинённую

собственным законам развития. Социальная ментальность воплощается в традициях и обычаях, культуре, языке конкретного социума, в способах организации политической, экономической и социальной жизни. Проявления социальной ментальности можно рассматривать в качестве элементов структуры на уровне социума.

Диалектический метод позволяет вскрыть внутренние причины и закономерности развития социальной ментальности. Г. В. Ф. Гегель показал три стадии саморазвёртывания сущности, которые можно применить для раскрытия любого феномена. Сначала философ анализирует «простую, в себе сущую сущность в своих определениях внутри себя», потом «переходящую в наличное бытие, иначе говоря, сообразно со своим существованием и явлением», и затем «как сущность, которая едина со своим существованием и явлением, как действительность» [5. С. 111–112].

Аналогично можно применить схему саморазвёртывания к понятию социальной ментальности. В данном случае первая стадия развития сущности будет представлена индивидуальной ментальностью личности. Это так называемая простая сущность, которая содержит в себе логику дальнейшего ведения мысли. Затем индивидуальная ментальность переходит в социальную ментальность общества, то есть сущность достигает непосредственности и становится существованием. На уровне существования сохраняется противоречие между рефлексией и непосредственностью. И затем, на завершающей стадии развития сущности, происходит снятие противоречия между сущностью и существованием, в данном случае, между личностью и обществом. «Вещь» становится действительностью. Действительность представлена социальной ментальностью личности, в своей основе содержащей индивидуальную ментальность, которая через саморазвёртывание в непосредственность приобретает новое качество. Таким образом, социальная ментальность есть единство индивидуальной ментальности со своей непосредственностью, то есть с социальной ментальностью общества. Вот как описывает процесс саморазвёртывания сущности Г. Гегель: «Определённая сущность, достигшая непосредственности, есть, во-первых, существование, а как неразличное единство сущности со своей непосредственностью – существующее или вещь.

Вещь, правда, содержит рефлексию, но отрицательность рефлексии угасла прежде всего в непосредственности вещи; однако, так как основание вещи есть по существу своему рефлексия, то непосредственность вещи снимается; вещь делается положенностью. Таким образом, вещь есть, во-вторых, явление. Явление – это то, что вещь есть в себе, или ее истина. Но это лишь положенное, рефлексированное в инобытие существование есть также выход за свои пределы в свою бесконечность; миру явлений противопоставляется рефлексированный в себя, сущий в себе мир. Но являющееся бытие и существенное бытие безусловно соотносены друг с другом. Таким образом, существование есть, в-третьих, существенное отношение; являющееся обнаруживает существенное, и существенное имеет бытие в своем явлении. Отношение – это еще неполное соединение рефлексии в инобытие и рефлексии в себя; полное взаимопроникновение обеих есть действительность» [5. С. 111–112]. Полное взаимопроникновение социальной и индивидуальной ментальности происходит только на уровне личности.

Социальную ментальность можно рассмотреть с трёх ракурсов: природного, социального и экзистенциального. Поэтому содержание социальной ментальности нельзя полностью сделать предметом мысли, изучить, используя метод объяснения. С целью наиболее глубокого раскрытия данного феномена необходимо обратиться к методу, разработанному специально для гуманитарных наук герменевтическим направлением мысли – методу понимания. Метод понимания позволяет проникнуть внутрь явления, в ту сферу смыслов, которая недоступна для прямой фиксации человеческим мышлением. Задача понимания – не просто проанализировать видимые проявления социальной ментальности как на уровне личности, так и на уровне общества, а вскрыть те условия, которые предшествуют им. Именно в этом видел предназначение герменевтики один из основоположников этого направления – Х.-Г. Гадамер: «посредством герменевтической рефлексии раскрыть условия истины, которые не коренятся в логике исследования, а предшествуют ей» [4. С. 98].

Метод понимания позволяет вскрыть не только социальную ментальность человека настоящего, но и социальную ментальность человека прошлого. Для этого необходимо обратиться к тексту. В данном случае лучше

использовать литературу личного характера: дневники, воспоминания, размышления, автобиографии, письма. Воспроизведение социальной ментальности прошлого является ещё более сложной задачей. Так как социальная ментальность не может стать предметом исследования, то во многом понимание социальной ментальности прошлого будет зависеть от самого исследователя. В данном случае исследователь становится не просто сторонним вопрошающим наблюдателем, но соавтором. Поэтому социальная ментальность прошлого всегда будет отягощена социальной ментальностью исследователя, поэтому история всегда будет переписываться, история всегда будет другой.

Тем не менее, если говорить о философском постижении какого-либо феномена, то необходимо учитывать, что философское знание должно ему соответствовать, то есть отвечать требованиям истины. В данном случае истина понимается как соответствие знания действительности. Иначе исследование может превратиться в фантазирование. Как же обеспечить адекватное использование метода понимания, не уходя при этом в область воображаемых миров? Понимание должно сочетаться с методом глубокой саморефлексии. Только изучив свою собственную социальную ментальность, исследователь может приступить к постижению социальной ментальности людей прошлого или настоящего. Это необходимо для проведения границы между привнесёнными смыслами и смыслами, заложенными в изучаемом феномене. Социально-философский анализ всегда должен начинаться с саморефлексии. Это связано с особенностью предмета, который изучает социальная философия. Иначе социальная философия имеет риск превратиться в искусство и постигать реальность не в категориях, а художественных образах.

Социальная ментальность полностью не выразима ни в научных, ни в философских категориях. Поэтому для наиболее адекватного выражения личности необходимо использовать образы, которые являются прерогативой искусства. Искусство помогает постичь истину при помощи воображения. Традиционно понятие воображения ассоциируется с тем, чего нет в действительности, с выдуманной реальностью, вымыслом. Воображение же, напротив, помогает глубже постичь реальность, вскрыть бессознательные пласты, оно

как бы раздвигает границы категориального мира. При помощи воображения человек может постичь истину. Только эта истина будет выражена при помощи некоего смыслообраза. Смыслообраз – единственный способ постижения истины в античности и забытый в наши дни. Необходимо выделить смыслообразу достойное место в рамках постижения социальных и психических явлений. Если рассмотреть социальную ментальность с позиций смыслообраза, то социальную ментальность можно представить в качестве души народа. Именно она выражает Жизнь народа, в противовес существованию.

Помимо названных методов, социально-философское знание социальной ментальности должно аккумулировать и систематизировать достижения частных наук. К таким наукам можно отнести филологию, этнологию, психологию и другие. В частности их достижения необходимы для наглядной ретрансляции социально-философского знания, так как социальная ментальность проявляется в поведении людей, в их языке, способе выражения мысли.

Таким образом, социальная ментальность представляет собой саморазвивающийся феномен, который подчиняется диалектическим законам развития. Социальную ментальность так же, как и личность, нельзя опредметить, поэтому невозможно для её раскрытия использовать только методы естественных наук. Чтобы выразить социальную ментальность, нужно обратиться к методу понимания, разработанному герменевтической традицией мысли. Метод понимания позволяет не только вскрыть глубинные пласты исследуемого феномена, но и стать соавтором постигаемой действительности. В связи с этим наиболее адекватное выражение феномена социальной ментальности должно заключаться не только в философских категориях, но и аккумулироваться в определённом смыслообразе. Только смыслообраз способен схватить истину на грани философии и искусства. Перечисленные методы в сочетании с саморефлексией и систематическим объединением результатов исследования частных наук помогут наиболее полно увидеть социальную ментальность, как на уровне личности, так и на уровне общества.

Список литературы

1. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М., 2003.
2. Бубнов, Ю. А. Историческая память как проявление гуманистического смысла культуры / Ю. А. Бубнов // Университет. площадь. – 2008. – № 1.
3. Визгин, В. П. Ментальность, менталитет / В. П. Визгин // Современная западная философия: словарь. – М.: Политиздат, 1991.
4. Гадамер, Х. Г. Истина и метод / Х. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988.
5. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 2. – М.: Мысль, 1971.

Сведения об авторе

Кочергина Виктория Игоревна – аспирант кафедры истории философии Воронежского государственного университета.

vikodin07@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 159–163.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF A SOCIAL MENTALITY RESEARCH

V. I. Kochergina

Voronezh State University, vikodin07@rambler.ru

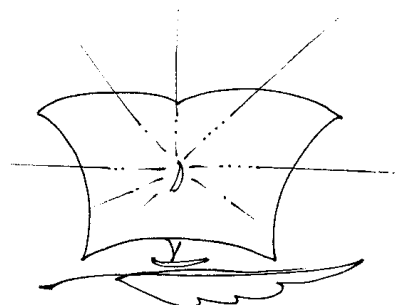
The article is devoted to a research on specific methods of social mentality cognition. There is shown the necessity of interdisciplinary approach combining methods of humanities and natural science. Heuristic abilities of method of interpretation, dialectics, and imagination are disclosed to express a nature of social mentality. The author makes a conclusion about a necessity of social mentality researching with integrated point of view.

Keywords: mentality; society; hermeneutics; dialectics; social philosophy.

References

1. Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology history or the craft of the historian]. Moscow, 2003. (In Russ.).
2. Bubnov Yu.A. Istoricheskaya pamyat' kak proyavleniye gumanisticheskogo smysla kul'tury [Historical memory as an expression of the humanistic sense of culture]. *Universitetskaya ploshchad'* [University Square], 2008, no. 1. (In Russ.).
3. Vizgin V.P. Mental'nost', mentalitet [Mentality, mentalitat]. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: slovar'* [Modern Western Philosophy: Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. (In Russ.).
4. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. (In Russ.).
5. Hegel G.-W.-F. *Nauka logiki* [The Science of Logic], vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1971. (In Russ.).

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

УДК 1(091) (073)
ББК 87.0

В. А. Лезьер

КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМИСТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Л. И. ШЕСТОВА

Рассматривается интерпретация Л. И. Шестовым принципов познания бога, совмещения разума и веры, свойственных философии Г. В. Ф. Гегеля. Показано, что Шестов признавал в объективном идеализме Гегеля «современное» прочтение христианства и последовательное развитие античной мысли. Аргументировано, что гегелевскому совмещению разума и веры Шестов противопоставляет веру, исключающую знание о законах, веру в высшее трансцендентное начало. В статье дается шестовская интерпретация веры, наполненной экзистенциальным переживанием отчаяния, безысходности, беспочвенности, надежды.

Ключевые слова: разум; вера; трансцендентное; необходимость; возможность; Бог; абсолютная идея; спасение.

Анализ наследия классической философии, присущей ей иерархии ценностей обретает свою обновленную актуальность в современной истории философии. Постклассическая мысль складывается в полемике с традицией новоевропейской парадигмы познания, нацеленная на критическое переосмысление ее положений в свете трагического опыта XX в., пережившего бедствия двух мировых войн, размах борьбы против человека в тоталитарных режимах в свете глобальных проблем, несущих угрозу для всего человечества. Важными темами современной философии являются переосмысление установок классического рационализма, кризис гуманизма и субстанциалистских конструкций общества с сопровождающими их утопиями будущего. Основоположения современной философии часто строятся в противовес тем идеям, которые были определяющими в эпоху Нового времени: рационалистической вере в безграничные возможности разума, его способности постигнуть строй универсума и созидать гармонию в человеке.

В этой связи особо интересными представляются философские интерпретации концепций, идей, тем классической философии XIX в., среди которых важное место занимает философский опыт прочтения произведений Г. В. Ф. Гегеля религиозным экзистенциалистом Л. И. Шестовым. Шестовизация идей Гегеля занимает заметное место среди трудов, обращенных к гегелевскому наследию в первой половине XX в., авторы которых выявили в нем истоки целого корпуса новых тем и идей. Гегель вновь прочитывался как современный эпохе мыслитель, что инициировало пристальное изучение его произведений. В 1905 г. В. Дильтей в работе «История молодого Гегеля» осуществил интерпретацию ранних работ Гегеля в духе иррационализма философии жизни. В 1910 г. В. Виндельбанд выступил с докладом «Возрождение гегельянства», наметив программу нового общеевропейского философского движения. Среди различных работ о Гегеле труд отечественного философа И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретно-

сти Бога и человека» представлял собой одну из самобытных и последовательных попыток понять систему Гегеля в целом как последовательную реализацию замысла, предельно значимого для философии XX в. Переосмысливая вслед за Дильтеем гегелевскую систему в духе иррационализма, Ильин находит в ней основу для своеобразной философии мировой трагедии.

Религиозный экзистенциалист Л. И. Шестов не остался в стороне от философских опытов переосмысления гегелевской мысли. И хотя Шестов, в отличие от Ильина, не стремился к систематическому анализу Гегеля, он показал значение идей Гегеля для современной мысли, в частности, в том, что немецкий гений сформулировал ответы на самые главные вопросы современности – о сущности Бога и человека.

Цель статьи: показать особенности философской интерпретации идей Г. В. Ф. Гегеля, осуществленной в произведении религиозного экзистенциалиста Л. И. Шестова «Афины и Иерусалим», обобщить шестовское понимание принципов познания бога, соотношения категорий веры и разума в философии Гегеля.

Лев Шестов в своем последнем произведении «Афины и Иерусалим» пытался разрешить мучительный вопрос, который ставил во всех своих предыдущих сочинениях: отчего «в глубинах нашей души живет желание даже Богу поставить какие-нибудь пределы, остановить его творческую жизнь, его право на *jubere*» [8. С. 74]. Шестов перебирает имена классиков европейской философии – Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Дунса Скота – и склоняется к мысли, что смысл и значение библейского «*et dixit Deus*» («И сказал Бог» – лат.)¹ в истории философской мысли ослабляется, а то и вовсе сводится на нет. Шестова неуклонно преследует мысль о том, «что и над Богом есть что-то, что Его связывает, что и для Бога есть невозможное» [8. С. 75]. Это «что-то» равно непреодолимо и для Бога, и для человека... Необходимость, которая «поднялась так высоко над всем существующим, что перед ее лицом Боги и люди становятся “равно бесправными”» [8. С. 76]. В контексте этих размышлений и ставится анализ философии Г. В. Ф. Гегеля, в которой экзистенциальный философ обнаруживает полноту выражения идеи господства Необходимости над Богом.

Логика настоящей статьи направлена на то, чтобы вместе с Шестовым разобраться

в содержании данной идеи и в тех аргументах, которые приводит религиозный философ XX в. для подтверждения собственной философской позиции.

В работе «Логика» Гегеля отечественный философ обнаруживает явное противоречие в суждениях о Боге. С одной стороны, ясно, что логика есть истина, царство чистой мысли, «изображение Бога, каков он есть в своей сущности до сотворения мира и конечного духа» [8. С. 76–77]; с другой стороны, «логика есть царство теней» [8. С. 76–77]. Шестов недоумевает: значит, «Бог, каков он есть, и есть, и есть царство теней?» [8. С. 77] Как понять эту сентенцию Гегеля? Здесь вряд ли возможно простое объяснение, ибо немецкий мыслитель создал в своем учении целый мир, подчиняющийся единой идее, разгадка которой требует особой синкретической логики выстраивания категориальных схем. В одной из своих статей «От Канта до Гегеля» Шестов уже подчеркнул тот фундамент – синтез античности и христианства, – который был осуществлен в философии Гегеля. Действительно, замечает Шестов, едва ли у какого другого философа «так часто встречаются слова “дух” и “истина”». И потом – он называл христианство абсолютной религией, учил, что слово стало плотью, говорил о троичности Бога, признавал таинства и “почти” все, что исповедует христианство, пытался “обосновать” в своих философских трудах» [8. С. 77].

Шестов признавал в объективном идеализме Гегеля такое прочтение христианства, которое «соответствует» современному умонастроению» [8. С. 77], и в то же время усматривал в Гегеле последовательное развитие античной мысли. Уже сама по себе претензия философского разума создать логическую систему, посредством которой возможно описать становление мира как саморазвитие Абсолюта-Единого, приводит к мысли о сходстве философии Гегеля и Плотина. Как пишет С. Г. Гутова, «Гегель не скрывает местами явное заимствование из Плотина и даже восхищается его значительным вкладом в развитие философии. Неоплатонизм выступает у немецкого мыслителя как один из ключевых этапов становления Абсолютной идеи, поскольку “рациональное понятие” именно в этой античной школе приобретает свое принципиальное новое качественное выражение» [5. С. 120]. Действительно, харак-

теризуя синкретизм неоплатоновской школы александрийского варианта, Гегель в «Лекциях по истории философии» высказывает мысль, важную для понимания его собственной методологической позиции: «Ибо так как через всю философию проходит одна идея, то она снимает своими собственными силами ту особенную форму, которую она приняла, ту односторонность, в виде которой она высказывается» [1. С. 105].

Плотин оказывается предшественником немецкого классика мысли в понимании Абсолюта-Первоначала, которое тождественно самому себе и целостно, внутренне не дифференцировано, и поэтому, рождая многое, остается Единым. Сходный способ введения первичного понятия Абсолюта применяется Гегелем в «Феноменологии духа», где утверждается, что высшее понятие немислимо само по себе, будучи предтечей всякого становления. Первым следствием, вытекающим из самой сущности Абсолюта, является признание «сверхсущего», то есть некоторого творящего божественного существа, трансцендентного по отношению к сущему как таковому. Быть может, поэтому Гегель полагал неоплатоников предшественниками христианской теологии, хотя справедливо заметить, что «у самого Плотина, а тем более Порфирия, Прокла или Ямвлиха не обнаруживается даже намек на христианского Бога» [5. С. 124]. Однако в неоплатонизме идею единого Бога можно обнаружить лишь в качестве чисто логического символа, у Гегеля же мыслящий себя Абсолют как некий процесс отождествляется с разворачивающимся бытием. В таком случае в гегелевской философии «логическое и мистическое оказывается двумя сторонами бесконечного процесса становления, не имеющего границ во времени и пространстве» [5. С. 138].

Именно это основополагающее положение философии Гегеля подчеркивает Шестов, всякий раз подвергая его критике. «Не берусь решить, – комментирует экзистенциалист, – проговорился ли Гегель, так наглядно соединив “истины” конкретной, чувственной действительности с истинами религиозными в общем понятии принуждающей истины, или он умышленно подчеркнул неразрывную связь между метафизическим и позитивным познанием» [8. С. 81–82]. В любом случае, пишет далее Шестов, для Гегеля «ни метафизика, ни религия не могут черпать своих ис-

тин из иного источника» [8. С. 82], чем Разум, чем мыслящий самого себя Бог-Абсолют.

Обратимся к Гегелю. Действительно, субстанцию всего сущего в его философии составляет мышление, преодолевшее односторонность субъективного и объективного. Не метафизика и не религия, – в этом замечании правота Шестова, – а логика как наука о чистой идее, система определений мышления, является фундаментальной философской дисциплиной немецкого классика мысли [4. С. 124]. Гегель онтологизирует логику, подчеркивая, что «это царство есть истина, какова она без покрова, в себе и для себя самой. Можно поэтому выразиться так: это содержание есть изображение Бога, каков он в своей сущности до сотворения природы какого бы то ни было конечного духа» [4. С. 103]. Бог Гегеля – суть идея, абсолютное, сущность, достигнутая в мысли и понятии [4. С. 224–225]. Именно в этом понимании гегелевского Бога Шестов усматривает сближение религии и философии, ибо как предмет религии, так и предмет философии есть вечная истина в объективности, Бог и богопознание. «Здесь, – пишет Гегель, – религия и философия совпадают <...> Они отличаются друг от друга методами своего постижения Бога» [4. С. 220].

Гегелевский принцип познания Бога вызывает критику Шестова, поскольку означает, что «бытие целиком и без остатка укладывается в плоскость разумного мышления» [8. С. 81]. Следовательно, вновь господствует принуждающая Истина, вера оказывается под неуклонной опекой разума [8. С. 84–85], которому «ни до Бога, ни до души, ни до свободы нет никакого дела – только бы не обидели необходимость» [8. С. 91]. Философ выступает против абсолютизации мыслительной способности, ибо в этом случае дух становится «вплощением знания и науки», и «нужно согласиться с Гегелем, что чудо есть насилие над духом» [8. С. 79]. Шестов подчеркивал: абсолютизация мышления инициировала Гегеля-философа, который «поклонялся Богу в духе и истине, как то и требуется Св. Писанием» [8. С. 77], даже о христианстве высказываться безапелляционно: «Истинное содержание христианской веры следует оправдывать философией» (на нем.) [8. С. 81]. А это означает, по Шестову, что над христианством, признаваемым Гегелем, царит гегелевская наука логики, которая «постигла истину, как она есть в себе и для себя, без покрова, и

каков Бог есть в своей вечной сущности, до сотворения мира» [8. С. 81].

Подчеркивая, тем не менее, что Гегель называл христианство абсолютной религией, Шестов пытается постичь гегелевскую интерпретацию христианской идеи Бога: Бог – это абсолютная идея, дух, рассматриваемые как единство понятия и реальности. Абсолютный дух в философии Гегеля представляет собой в-себе-и-для-себя сущий дух природы и духа. Бог представляет собой абсолютно истинное, из которого все исходит и к которому все возвращается. Он есть в себе и для себя всеобщее, всеохватывающее, все содержащее и признающее всему устойчивость. Бог, как всеобщее, в себе конкретное, полное есть единый и не противопоставлен многим богам; он есть единое и единственное, Бог [3. С. 274–275]. Подобно триипостасному христианскому Богу, гегелевский Бог раскрывается как триединое. Гегель подчеркивает, что без триединства «Бог не был бы духом» [3. С. 228]. Триединство абсолютного духа, по Гегелю, предстает в «абсолютной религии» в нескольких основных аспектах. Первый – значение сущности о себе самой – «...наличие бытия слова» [2. С. 403–410]. Здесь сфера умопостигаемого – логос, разум, которому уже недостаточно пребывания в простой непосредственной сущности единого, и он стремится выйти за пределы самого себя. Так возникает «Дух в своем овнешнении; царство сына». Следующая стадия, – «Дух в своем осуществлении, или царство духа» [2. С. 411]. Философ подчеркивает, что внутреннее разнообразие и самоопределение лиц Троицы позитивно, поскольку именно в процессе его установления и создается целостно-всеединое видение реальности Абсолютного.

Эти важные аспекты в концепции Гегеля осознает Шестов, неоднократно подчеркивая, что «великий немецкий философ говорил о троичности Бога, признавал таинства и “почти” все, что исповедует христианство...» [8. С. 77]. Что имеет в виду Шестов под фразой «почти все»? Отрицание Гегелем обращенности к чуду, непонимание того, что власть разума конечна, а сила веры беспредельна. Непонимание того, что «вера в религии начинается с чудесного...» [8. С. 77]. Для Гегеля чудеса суть внешние вещи, признаки формальной веры, в то время как «сам Христос <...> говорил ученикам своим: дух будет вести вас ко всей истине» [8. С. 77]. Гегель ссылается на

Вольтера, злейшие насмешки которого были направлены против такой веры: «Как можно требовать от образованных людей, чтобы они серьезно верили рассказам о Канне Галилейской, излечении паралитиков, воскрешении умерших или считать Богом того, от имени которого написаны 13–14-ый стихи 23-ей главы Второзакония?» [8. С. 78].

Вспоминая эти строки, Шестов вопрошает: «Но разве Св. Писание требует веры?» [8. С. 78] В чем сомневается сам Шестов? Быть может, в том, что «человек сам себе так же мало может добыть веру, как он мог добыть бытие» [8. С. 78]? Склоненный перед величием Творца, полагаясь на свободу Его воли, Шестов уличает Гегеля в неспособности двинуться дальше плоскости мышления образованного человека, в определении веры лишь как «особенной формы знания» [8. С. 78]. Он ищет аргументы против гегелевской убежденности, что «вера есть то же знание» [8. С. 78]. Тогда, заявляет Шестов, Канна Галилейская или воскрешение Лазаря есть бессмысленная выдумка, а вместе с тем и все Св. Писание, как Ветхого, так и Нового Завета, есть выдумка и ложь, ибо «предполагает веру в то, что не совместимо со знанием» [8. С. 78–79]. Он обращается к библейскому фрагменту, о котором «Гегель <...> не вспоминает»: «Если будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда; и она перейдет; и не будет ничего невозможного для вас». По Шестову, Гегель усматривает в событиях такого рода нарушение естественной связи вещей, и, следовательно, «чудо есть лишь насилие над естественной связью вещей, и этим самым насилие над духом» [8. С. 79].

Однако чистый интеллект, постулирующий мир в объектных, повторяющихся, устойчивых связях, в форме понятий не способен, по Шестову, подняться до постижения бесконечных возможностей самого человека. Невозможное – вот область устремленности подлинного «Я». Сравним этот пункт шестовского познания с пониманием возможности в философии Гегеля: возможность кажется на первый взгляд более полным и богатым определением, а действительность есть более широкое определение, ибо она, как конкретная мысль, содержит в себе возможность, как абстрактный момент.

Итак, мысль Гегеля движется от возможного к действительному, а мысль Шестова –

от возможного к невозможному. Поэтому русский философ убежден, что философия, основанная на здравом смысле, на отрицании чуда, ибо «чудо есть насилие над духом» [8. С. 79], не способна постичь непреходящее и вечное. У Гегеля же мы даже в толковании духа христианства и его судьбы обнаруживаем колоссальное значение разума и недоверие к чуду. В уста Иисуса Гегель неоднократно вкладывает повеление, адресованное ученикам, повиноваться законам разума: «Уважение к себе, веру в святой закон вашего разума и внимание к внутреннему суду вашей совести <...> – вот что я стремлюсь пробудить в вас» [3. С. 82, 83, 84, 40, 50]. В этом же произведении («Дух христианства и его судьба») Гегель анализирует чудо как категорию познания. Для Гегеля чудо – это «выражение наиболее далекого от божественности господства над мертвым <...> Низводя божественное до причины, человек не возвышается до него. <...> И если в истинно божественном заключено единство, если в нем обрекается покой, то божественное в чудесах есть полная разорванность природы» [3. С. 189]. Шестов, естественно, не может согласиться с подобной интерпретацией как сущности христианства, так и его таинств.

У Гегеля, словами Вл. Соловьева, «несмотря на безусловную истинность своего содержания (которую Гегель признавал и должен признавать совершенно искренне), христианство, в силу общей формы религиозного представления, являлось <...> неадекватным выражением абсолютной истины, такое выражение оно получает только в философии» [7. С. 75]. «Утверждая свою уверенность в существовании бога, – пишет Гегель, – мы обычно пользуемся словом “вера”. Поскольку бог есть самопознание, постольку вера может быть определена “как свидетельство духа об абсолютном духе или уверенность в истине”» [7. С. 275]. Гегель стремится придать вере форму опосредования: «Вера сама по себе есть уже эта форма, поскольку она есть знание о боге и его определении, а это знание есть в себе самом процесс, движение, жизнь...» [7. С. 377] Именно в этом смысле вера есть знание: «Мы знаем непосредственно, что бог есть» [7. С. 296]. Итак, Гегель отождествляет веру со знанием, но отделяет от процесса познания. Знание есть абстрактное, непосредственное отношение, в то время как «о познании мы говорим тогда, когда знаем о

всеобщем, и вместе с тем постигаем его в его особенных определениях и в качестве некой связи» [7. С. 296–297].

Гегелевское совмещение разума и веры Шестов принять не может, признавая их формальный параллелизм, институциональную независимость. Л. Шестов, напротив, признает веру, исключаящую знание о законах, веру в высшее начало – «божественную реальность, трансцендентную мирозданию, в которых царят причинно-следственные связи, в котором возможно невозможное. Акт веры, по Шестову, должен быть наполнен «экзистенциальным переживанием отчаяния, безысходности, беспочвенности, надежды» [7. С. 72].

Философ признает не ценность разума, а ценность веры, открывающей «иррационально и непостижимую сущность Бога, и человека» [6. С. 267]. Шестов пишет в работе «Афины и Иерусалим»: «Плоды с дерева познания Добра и Зла, то есть, как нам обязательно истолковывает Гегель, разум, все черпающий из самого себя, стал принципом философии на все времена. “Критика разума”, заключающаяся в предостережении против дерева познания, от которого должны прийти в мир все беды, заменила “недоверием к недоверию”, и Бог был изгнан из сотворенного им мира, и власть его полностью перешла к разуму, который хоть он и мира и не сотворил, предложил человеку в неограниченном количестве именно те плоды, от которых Творец его предостерегал» [8. С. 118]. Справедливо заметить, что религиозное сознание представляет собой в понимании Гегеля уход от непосредственного, конечного, переход к интеллектуальной сфере, поглощение преходящего абсолютной, субстанциальной сущностью [3. С. 247; 285–286; 291–292]. Рационалистическая трактовка человека в его взаимодействии с Богом, данная Гегелем, противостоит иррационалистической интенции шестовского дискурса: русский философ отрицает какую-либо устойчивость в структуре личности и определяет человеческое «Я» как непрерывно изменяющееся, становящееся, но не утрачивающее связи с глубиной экзистенции, открытой Богу. Шестов не приемлет в гегелевской философии абстрактное понимание человека, его разумную действительность, из которой удален живой, страдающий человек с его личной судьбой и совсем невеликими поступками. И здесь спорить о том, кто прав – Гегель или Шестов – непродуктив-

но. Они лишь выражали собственное видение истины и пытались, каждый по-своему, аргументировать ее неопровержимость. Более того, понять критику Шестова возможно, если встать на позиции иррационализма, экзистенциализма, и персонализма.

Выводы

Таким образом, наше сравнительное обращение к философии Гегеля и Шестова показало, что для Гегеля истинное философское познание — это самопознание Бога, и в стремлении устранить трансцендентного Бога он осуществлял пересмотр значимости категории бытия. Для Шестова же главной стала тема человеческого спасения. В вопросе спасения Шестов кардинально расходится с основными постулатами гегелевской философии — теологического рационализма, исключающего личностные характеристики человека, определившего за пределами логической модели религиозную субъективность.

Исходным состоянием на пути к спасению для Л. И. Шестова является имманентный человеческому «Я» конфликт, вызванный несопадением подлинных ценностей человека с рациональными установками, ограничивающими свободу выражения и творчества. Ше-

стов осмысливает Бога как высшую интенцию самого бытия, тесно связанную с человеком.

Оптимистическому рационализму Гегеля и его убежденности во всемогуществе человека Шестов противопоставляет спасение как возможность «посредством единения с Богом» стать собой и обрести свое подлинное «Я». Так же, в отличие от Гегеля, спасение для Шестова — это объект истинной веры, а не рациональная конструкция, не умопостигаемый проект. Феномен веры направляет шестовского человека в мир, «где не светит ни закон, ни разум, а только лишь тайна веры, которая с несомненностью возвещает, что он будет спасен помимо и вне закона, в Христе» [9. С. 196]. Однако, шестовизируя произведение Гегеля, русский философ понимает величие немецкого идеализма, реализацию глубокого синтеза античности и христианства у Гегеля. Но Шестов не может не принять подлинность «весов» немецкой классической философии, потому что в его понимании текучесть и изменчивость бытия не укладываются в стройность понятий; таинственность мира превосходит разумные возможности его понимания; а «последние вопросы» бытия остаются без ответа.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — Т. 3. — СПб., 1994.
2. Гегель, Г. В. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1994.
3. Гегель, Г. В. Философия религии: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. — Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
4. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — Т. 1. — М., 1974–1977.
5. Гутова, С. Г. Последний неоплатоник: между мистикой и рацио (синкретизм в философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля) / С. Г. Гутова // Немецкая философия второй половины XVIII – конца XIX века: коллектив. моногр. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1999.
6. Евлампиев, И. И. Абсолют как царство Абсурда: Лев Шестов / И. И. Евлампиев // История русской метафизики в XIX–XX веках. — СПб., 2000.
7. Философский словарь Владимира Соловьева. — Ростов н/Д: Феникс, 2000.
8. Шестов, Л. Афины и Иерусалим / Л. Шестов. — М.: Фолио, 2001.
9. Шестов, Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. — М., 1992.

Сведения об авторе

Лезьер (Апрелева) Виктория Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

vika_64@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 164–170.*

CONCEPT OF OPTIMISTIC RATIONALISM OF G. V. F. HEGEL IN EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF L. I. SHESTOV

V. A. Leusiere

Tyumen State Architecture-Constructing University, vika_64@list.ru

In article it is considered the interpretation of the principles of knowledge of god by L. I. Shestov, the combination of reason and belief peculiar to G. W. F. Hegel's philosophy. It is shown that Shestov recognized "modern" reading of Christianity and consecutive development of antique thought in objective idealism of Hegel. It is reasoned that to combination of reason and belief of Hegel, Shestov opposes the belief excluding knowledge of laws, belief in the highest transcendental beginning. In article is given the interpretation of the belief of Shestov filled with existential experience of despair, hopelessness, groundlessness, hope.

Keywords: reason; belief; transcendental; need; opportunity; God; absolute idea; rescue.

References

1. Hegel G.-W.-F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy], vol. 3. Sankt-Peterburg, 1994. (In Russ.).
2. Hegel G.-W.-F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit]. Sankt-Peterburg, 1994. (In Russ.).
3. Hegel G.-W.-F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion], vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1976. (In Russ.).
4. Hegel G.-W.-F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy], vol. 1. Moscow, 1974. (In Russ.).
5. Gutova S.G. Posledniy neoplatonik: mezhdru mistikoy i ratsio (sinkretizm v filosofii Georga Vil'gel'ma Fridrikha Gegelya) [Last Platonist, between mysticism and rationality (syncretism in the philosophy of Georg Wilhelm Friedrich Hegel)]. *Nemetskaya filosofiya vtoroy poloviny XVIII – kontsa XIX veka: kollektivnaya monografiya* [German philosophy of the second half of the XVIII – the end of the XIX century: the collective monograph]. Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo pedagogicheskogo institute Publ., 1999. (In Russ.).
6. Yevlampiyev I.I. Absolyut kak tsarstvo Absurda: Lev Shestov [Absolute as the kingdom of the Absurd: Lev Shestov]. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX–XX vekakh* [Russian history of metaphysics in the XIX–XX centuries]. Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.).
7. *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'yeva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2000. (In Russ.).
8. Shestov L. *Afiny i Iyerusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow, Folio Publ., 2001. (In Russ.).
9. Shestov L. *Kirkegard i ekzistentsial'naya filosofiya* [Kierkegaard and existential philosophy]. Moscow, 1992. (In Russ.).

УДК 87.8
ББК 63.5

Ю. Е. Гринивецкий

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ И КОСМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАКЕНРОДЕРА

Статья посвящена философским взглядам Вакенродера, представителя йенского романтизма. Автор начинает с утверждения антропологического идеала романтизма. Затем анализируется факт критического отношения Вакенродера к современной для него действительности, которая ведет к дегуманизации. Затем автор проводит параллели между воззрениями йенского романтика и гуманистическими идеями И. Канта и Гегеля, а также с воззрениями русских космистов. В завершение автором делается вывод об актуальности представлений Вакенродера для современно культуры.

Ключевые слова: йенский романтизм; гуманизм; русский космизм; человек и природа.

Идеалом человека для йенских романтиков является отстраненный от быта и обыденной рутины человек, путешествующий по миру, активно созерцающий природу. Социум же рассматривается романтиками как враждебная для духовного роста личности среда, оказывающая на индивида зачастую негативное давление через условности, стереотипы. Общение членов социума наполнено фальшью, лестью, подхалимством и двуличием. Романтик не чувствует себя счастливым в подобных условиях, общество тяготит его, поэтому социуму он часто предпочитает природу, в слиянии с которой он обретает себя. Подобный эскапизм не носит активно-протестного характера, скорее – это бегство от гнетущей реальности.

При этом важным мотивом в произведениях йенских романтиков выступают взаимоотношения человека и природы, которые рассматриваются как единое целое. Концептуальные идеи, посвященные единству человека и природы, прослеживаются в трудах Г. Вакенродера, талантливого теоретика искусства, который отличался от остальных членов йенского кружка наиболее демократическими взглядами.

Жизнь Вакенродера по преимуществу была сопряжена с художественным творчеством. Несмотря на то, что он является автором только одного произведения – «Сердечных излиятий монаха, любителя искусства» (*Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders*, 1797). Помимо этого, он являлся соавтором «Странствований Франца Штернбальда» (1798), основным автором которого был Тик.

«Сердечные излипания» являются специфическим сочинением в духе романтизма.

Его нельзя назвать ни сборником критических статей, ни философским трактатом в академическом смысле этого слова. Вакенродер выступает против строгого академического стиля изложения, считая, что для обсуждения искусства подходит только эмоциональный выразительный, образный язык. Позднее Ф. Ницше, использовавший такой же художественный, а порой метафоричный, стиль изложения, скажет, что «стремление к системе есть отсутствие порядочности» [6. С. 542].

Единственное произведение Вакенродера посвящено отдельным образцам художественного искусства эпохи Ренессанса. Особое внимание он уделяет живописным творениям Альбрехта Дюрера из-за их гуманистической ориентированности.

Провозглашая величие искусства, немецкий романтик указывает на то, что развитию искусства способствовала как атмосфера эпохи Возрождения, так и общий духовный фон Средневековья. Так, он указывал, что «...настоящее искусство может процветать не только под итальянским небом, под величественными куполами и коринфскими колоннами, но и под готическими сводами, под пестрыми украшениями зданий и под готическими башнями» [1. С. 105].

Восторгаясь прошлым и ностальгируя по безвозвратно ушедшим временам, автор «Сердечных излиятий» в противовес прошлому ставит настоящее – современную для него общественную среду, то есть феодальный социум, в котором, по его мнению, царят светские условности. Так, вторая часть «Сердечных излиятий» имеет название «Достопримечательная музыкальная жизнь ком-

позитора Иосифа Берглингера». Ее главный герой – талантливый музыкант, которого не устраивает окружающая его действительность. Это человек, ценности которого противоречат ценностям других. Он мечтает о том, что невозможно в реальной повседневной жизни, от чего он страдает. Социальная реальность, в которой находится Иосиф, – это мир рациональности, холодного материального расчета и ценности денег и богатства. Он же живет в мире музыки, ему симпатизирует искусство, он восхищается им. Подобное противоречие между душевной жизнью индивида, его духовными потребностями и социальной средой, не соответствующей этим потребностям и желаниям, напоминает конфликт между бессознательными импульсами к саморазвитию и свободе, с одной стороны, и нездоровой в духовном плане социальной средой, легший в основу фрейдомарксистской концепции мыслителя XX в. Э. Фромма [10]. Таким образом, жизненная ситуация И. Берлингера – это ситуация, ведущая, рассуждая в терминах фрейдистов и неофрейдистов, к неврозу [9].

Так, став придворным капельмейстером, музыкант и романтик очень скоро приходит к неутешительному выводу об отсутствии у дворянской элиты подлинной любви к музыкальному искусству. Но вскоре иллюзии Берглингера рассеиваются. Он приходит к убеждению, что дворянская знать не испытывает настоящего влечения к музыке. Трагически переживая осознанное, Иосиф понимает, что ему романтическим мечтам не суждено сбыться: гнетущая реальность не дает ему свободной жизни.

Как и другие романтики, Вакенродер симпатизирует простому народу, сельским труженикам, в которых еще не искоренились такие подлинно духовные качества, как эстетическое чувство, осознание единства с природой. Это подтверждают слова Берлингера: «Мне хотелось бы покинуть всю эту культуру и бежать в горы к простому швейцарскому пастуху и наигрывать его альпийские песни, по которым он тоскует, где бы ни находился» [1].

Таким образом, условием счастья человека и обретения им романтической свободы является близость к природе. Общество же с его условностями, стереотипами отчуждает человека от природы, а значит и от его первозданности. Идеал романтика, таким образом, это жизнь в гармонии с миром, созерцание

его прекрасных сторон и воспроизведении их посредством различных видов искусства.

Единство человека с миром, согласно Вакенродеру, означает не только солидарность с природой, но и согласие между людьми, в отсутствии которого романтик и обвиняет современное ему общество. Он критикует своих современников за приземленность и эгоизм: «Они ссорятся, и не понимают друг друга, и не видят, что все стремятся к одной и той же цели, ибо каждый твердо стоит на своей почве и не умеет охватить взглядом целое. Им невдомек, неразумным, что наша земля состоит из антиподов и что сами они – чей-то антипод. Та точка, где они находятся, всегда кажется им центром вселенной, и духу их не даны крылья, дабы облететь вокруг земли и охватить всю ее взглядом» [1. С. 57].

Единство человека с другими в философии выражено в этическом принципе гуманизма. Поскольку общество состоит из индивидов, каждый из которых уникален, ему необходимо иметь общий вектор движения, то, к чему стремились бы все и что объединяло бы всех тех, кто оказался заброшенным в одну и ту же точку в социальном пространстве и времени.

Люди не просто живут в мире, они преобразовывают его, они «творяют», подобно тому как, согласно взглядам религиозных философов, бог творил мир и человека. Что движет ими, определяет их бытие в мире? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя, можно лишь сказать, что детерминирует их повседневную активность явно не разум. Об этом свидетельствуют две мировые войны, рост преступности, терроризма. Причем человек относится неразумно не только к себе подобным, но и к природе, о чем свидетельствует современная экологическая ситуация. Нельзя определить абсолютную детерминанту поведения человека, каждый индивид уникален. Но все же можно сказать о некоторых возможных детерминантах, повторяя мысли некоторых представителей иррационалистической философии. Среди них воля к жизни (Шопенгауэр), воля к власти (Ницше), неосознаваемые влечения сексуального характера (Фрейд) и так далее.

Таким образом, люди «творяют», подчиняясь определенным детерминантам их повседневной активности. Это не означает, что они не обладают сознанием, они осознают большее из того, что с ними происходит и их окружает. И они осознают, что все-таки,

несмотря на то, что они «заброшены» в социальный мир, и этот мир навязывает им правила жизни, бунт в этом случае неуместен, на бунт идут немногие, немногие решаются на то, на что решился Поль Ибьер в рассказе Сартра «Герострат», мало, кто решается написать в прощальном письме: «Сейчас я возьму револьвер, выйду на улицу, и посмотрим, кто кого» [8. С. 76]. Большинство соглашались жить в обществе. В чем причина?

Она на поверхности: в том, что человеку без общества не выжить, он в одиночку не может обеспечить себя все необходимым для существования. Но что-то должно объединять одиночек, заброшенных в мир, что-то должно их спланивать. И этим объединяющим, солидаризирующим началом, на мой взгляд, является гуманизм, под которым мы подразумеваем особое отношение общества к человеку как уникальному свободному индивидууму со своими нуждами и потребностями, стремящемуся к самореализации и активному, как говорят персоналисты, «вовлеченному существованию» [2. С. 47]. Каждый человек, «заброшенный» в общество, уникален и свободен, а значит, каждый из индивидов должен признавать уникальность каждого, и такое отношение, основанное на взаимном признании уникальности и свободы каждого, будет являться по сути гуманистичным. Только такое отношение каждого к каждому позволит множеству индивидов взаимодействовать, а обществу – функционировать и развиваться.

Во все времена люди искали цель – конечную точку развития общества, то есть идеал. И таких идеалов было и есть множество: царство Христа на земле, «государство всеобщего благоденствия», «гражданское общество», «коммунистическое социальное устройство» и так далее. Йенские романтики представляют свой идеал устройства жизни человечества – гармония личности, социума и природы, основанная на единстве трех данных составляющих бытия.

Говоря о гуманистической составляющей йенского романтизма и в частности воззрений Г. Вакенродера, необходимо остановиться на понятии гуманизма. Гуманизм – неоднозначное понятие, и на протяжении всей истории развития системы философского знания трактовался по-разному.

Гуманизм йенских романтиков, на наш взгляд, можно отнести к морально-идеали-

стическому типу, который связан с признанием не только самоценности человеческой индивидуальности или человечества по отношению к природе, но с принятием одновременной и взаимодополняющей самоценности индивидуальной экзистенции, бытия Другого и бытия целого в культуре и природе. Это означает, что не нужно абсолютизировать отдельную личность, нужно помнить о том, что личность не изолирована от социальной группы, а социальная группа от социума. Гуманизм морально-идеалистический – это гуманизм каждого по отношению к каждому, и одним из его выражений является цель социальной помощи терминальным больным. Зародившись в трудах йенских романтиков, морально-идеалистический гуманизм получил развитие в философско-этических трудах И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831 гг.), продолжая романтическую линию в философии, призывал людей к осуществлению добра, указывал на то, что мир должен быть построен на основаниях добра и справедливости. По мнению Гегеля, добро – это «абсолютная цель мира и долг для субъекта, который должен иметь понимание добра, сделать его своим намерением и осуществлять в своей деятельности» [3. С. 336]. Реализация добра каждым человеком, построение социальной жизни на началах взаимного добра для Гегеля было идеалом развития социума. Через человека, совершающего добро, по мнению Гегеля, в мире действует абсолютный разум. Делать добро другому человеку – значит реализовывать в социальной жизни принцип гуманизма, социальный мир, основанный на добре – это мир, построенный на началах гуманизма, социальной солидарности и социальной справедливости. Отличие такого гуманизма от ренессансно-просветительского заключается в том, что он носит морально-идеалистический характер.

Немецкий мыслитель указывает на то, что есть множество видов добра, и человек реализует те из них, которые являются наиболее важными, поскольку осуществлять сразу все многочисленные виды добра сразу человек не может, как не может абсолютизировать лишь некоторые. Гегель пишет об этом так: «Субъект должен быть диалектикой, которая заключала бы соединение одних видов добра и обязанностей с исключением других и соответственно этому со снятием этого абсолютного значения их» [3. С. 337].

Иммануил Кант, наряду с Гегелем, также внес значительный вклад в развитие западноевропейской философской мысли. Для нас являются актуальными его этические воззрения и, прежде всего, сформулированный им в «Критике практического разума» «основной закон чистого практического разума»: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5. С. 305]. Под максимой Кант понимал субъективный закон действия или индивидуальное нравственное основание совершения поступка. Под законом Кант понимал всеобщее основание поведения людей в обществе, «объективный принцип» [4. С. 236]. Итак, каждый человек должен поступать так, чтобы основание его поступка могло служить законом для всех. Перед тем, как совершить (или не совершить) определенный поступок, человек должен задуматься, а что будет, если все остальные будут совершать (или не совершать) подобного рода поступки. Кант в «Основаниях метафизики нравственности» утверждает, что «я всегда должен поступать только так, чтобы я также мог желать превращения моей максимы во всеобщий закон» [4. С. 238].

Устроение общества на гуманистических началах возможно при условии единства его с природой, которую восхваляет йенский романтик: «Природа, прилежная труженица, своими вечно деятельными руками создает миллионы существ всякого рода и бросает их в юдоль земную» [1. С. 69].

Подобная идея проявилась позднее и была развита в философии русского космизма, в рамках которого постулируются такие принципы, как антропокосмизм, коэволюционное развитие, антропность и ряд других.

Ярчайшим представителем русского космизма можно с уверенностью назвать Н. Ф. Федорова. Его философское учение называют философией общего дела, поскольку он призывал к социальной солидаризации путем выполнения всеми людьми «общего дела», под которым понимал воскрешение предков. Смерть, по мнению Федорова, «есть анестезия, при которой происходит полное трупоразъятие, разложение и рассеяние вещества» [7. С. 75]. Воскрешение заключается, таким образом, в собирании и объединении этих рассеянных частиц. Несмотря на фантастичность его взглядов, сама идея о необходимости построения общественной жизни

на солидарных началах является для нас актуальной. По его мнению, «препятствия к построению нравственного общества заключаются в том, что нет дела настолько обширного, чтобы поглотить все силы людей, которые в настоящее время расходуются на вражду» [7. С. 73]. Нравственное общество – это общество, построенное на началах гуманизма и социальной справедливости.

Единство всех поколений нашло свое обоснование и в трудах еще одного представителя русского космизма К. Э. Циолковского, который, так же как и Федоров, считал, что смерть – это рассеивание вещества во Вселенной. Исходя из этого, он обосновывал идею бессмертия человека: по его мнению, каждый человек со смертью рассеивается, а затем вновь собирается воедино, рождаясь заново. «Мы всегда жили и будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошедшем» [7. С. 279]. Таким образом, люди едины не только со своими современниками, но и с предками и потомками.

Идея принадлежности всех людей космосу означает единство всех индивидов, причем не только в пространстве, но и во времени. Каждый индивид есть часть единого космоса; умирая, индивид не покидает космос, он лишь на время рассеивается. Принадлежностью индивидов к единому и целостному космосу обуславливается принцип социальной солидарности, социального единства, согласия, стремления индивидов поддерживать друг друга, оказывать помощь, в том числе и помощь терминальным больным. Индивиды не изолированы друг от друга, они суть элементы одной пространственно-временной системы, они едины, поэтому стремление к сплоченности складывается должно быть в людях с рождения.

Таким образом, в творчестве Вакенродера прослеживаются как гуманистические мотивы, так и идеи, свойственные русскому космизму. Убежденность йенского романтика в необходимости достижения солидарности между людьми позволяет нам считать его одним из предвестников универсального гуманизма, сформированного в XX в. в трудах А. Швейцера и исходящего из принципа благоговения к жизни. Несмотря на некоторую утопичность его взглядов, что свойственно для романтического мировоззрения в целом, гуманистический потенциал взглядов йенского романтика делает его концепцию важным феноменом европейской и всей мировой культуры.

Список литературы

1. Вакенродер, В.-Г. Фантазии об искусстве / В.-Г. Вакенродер. – М.: Искусство, 1977.
2. Вдовина, И. С. Французский персонализм (1932–1982) / И. С. Вдовина. – М.: Высш. шк., 1990.
3. Гегель, В. Г. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 ч. / В. Г. Ф. Гегель. – Ч. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1974.
4. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М.: Мысль, 1999.
5. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – Т. 1. – М.: Мысль, 1965.
6. Ницше, Ф. Сумерки кумиров или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Стихотворения. Философская проза. – СПб.: Худож. лит., 1993.
7. Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Грачева. – М.: Педагогика-пресс, 1993.
8. Сартр, Ж.-П. Герострат / Ж.-П. Сартр // Сартр, Ж.-П. Стена: сб. рассказов. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
9. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
10. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 429 с.

Сведения об авторе

Гринивецкий Юлиан Евгеньевич – выпускник аспирантуры Государственной академии славянской культуры (Москва), методист «Центра образования» (Красногорск).
julian_grin@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 171–176.

HUMANISTIC AND COSMIC THEMES IN THE CREATIVE WORK OF WACKENRODER

Yu. E. Grinivetskiy

State Academy of Slavian Culture, julian_grin@mail.ru

The article is devoted to the philosophical views of Wackenroder, a representative of Jena romanticism. The author begins with the approval of the anthropological ideal of romanticism. Then it is analyzed the fact of the critical attitude of Wackenroder to modern for him reality, which leads to dehumanization. Then the author draws parallels between the attitudes of Jena romanticism and humanistic ideas of I. Kant, and Hegel, as well as views of the Russian cosmists. In conclusion the author draws a conclusion about the relevance of the views of Wackenroder for the modern culture.

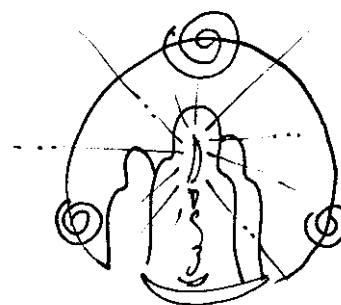
Keywords: Jena romanticism; humanism; Russian cosmism; man and nature.

References

1. Wackenroder V.-G. *Fantazii ob iskusstve* [Fantasies about art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. (In Russ.).
2. Vdovina I.S. *Frantsuzskiy personalizm (1932–1982)* [French personalism (1932–1982)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. (In Russ.).
3. Hegel G.-W.-F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1974. (In Russ.).
4. Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Foundations of the Metaphysics of Morals]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. (In Russ.).
5. Kant I. *Sochineniya* [Works], vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1965. (In Russ.).
6. Nietzsche F. *Sumerki kumirov ili kak filosofstvuyut molotom* [Twilight idols or philosophize hammer]. Nietzsche F. *Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza* [Poems. Philosophical prose]. Sankt-Peterburg, Khudozh. lit. Publ., 1993. (In Russ.).

7. *Russkiy kosmizm: antologiya filosofskoy mysli* [Russian Space Philosophy: An Anthology of philosophy / S.G. Semenova, A.G. Gracheva (eds.). Moscow, Pedagogika-press Publ., 1993. (In Russ.).
8. Sartre, Jean-Paul. Gerostrat [Herostrat]. Sartre, Jean-Paul. *Stena: sbornik rasskazov* [Wall: storybook]. Sankt-Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. (In Russ.).
9. Freud Z. *Vvedeniye v psikhoanaliz. Lektsii* [Introduction to Psychoanalysis. Lectures]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 456 p. (In Russ.).
10. Fromm E. *Dusha cheloveka* [The human soul]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 429 p. (In Russ.).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 130.2
ББК 87.5

И. А. Чудова

ТЕОРИЯ ЖАНА БОДРИЙЯРА КАК ВАРИАНТ «ТИПИЧНОГО» ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Предложен вариант идентификации постмодернистской социологической теории с аргументацией в виде комплекса критериев – связь с постструктурализмом, критическая позиция в отношении модернизма, уклонение от идентификации, концепция постсовременного общества. Рассмотрена выраженность критериев в теории Ж. Бодрийяра и, тем самым, обоснована её категоризация в качестве «типичной» постмодернистской социологической теории.

Ключевые слова: постмодернистская социологическая теория; идентификация; постструктурализм; модернизм; деконструкция; постсовременность.

Социологическая теория XX в. насыщена разнородными школами и персоналиями, направлениями и парадигмами. Постмодернизм как одно из течений в интеллектуальном и культурном мире был и остается неоднозначным в своей причастности социологии, плохо поддающимся систематизации и идентификации. Вероятно, сложность идентификации постмодернизма связана с эпатажной позицией и программным содержанием постмодернистских теорий, в которых зачастую отвергается реальность социального и возможности социологии как науки. В данной работе приводится авторская версия аргументации причисления теории к постмодернизму в социологии, а также раскрывается специфика содержания одной из типично-постмодернистских теорий (за авторством Ж. Бодрийяра) с учетом её социологической значимости. Аргументация подразумевает выдвижение комплекса критериев как способов идентификации принадлежности к постмодернистским социологическим теориям. В комплексе аргументирующих критериев включены:

- *Постструктурализм как идейная платформа постмодернизма*

Данный критерий говорит о задействовании в постмодернизме идей интеллектуального направления постструктурализма. Постструктурализм характеризуют как философскую основу, с ориентацией на которую постмодернизм получил своё развитие [14; 15]. Аналитики указывают период объединения постмодернизма и постструктурализма – это конец 70-х и начало 80-х [20; 21], когда постмодернизм в архитектуре и искусстве обрел в лице постструктурализма соответствующую философскую поддержку. Данный критерий может считаться выраженным, если в текстах теории прослеживается смысловая обращенность или прямая апелляция к идеям и понятиям постструктурализма.

- *Различение 'модернизм/постмодернизм'. Критика модернизма*

В качестве существенного критерия предполагается знаменитая контроверза 'модернизм/постмодернизм'. Данный критерий свидетельствует об идентификации по типу противопоставления – в том случае, если в теории обозначены критические позиции в отношении модернизма (модерна), а указанная контроверза имеет концептуальное значение для дифференциации социальных состоя-

ний. Считается, что именно постмодернизм привносит в социологическую теорию актуализацию различия 'модернизм/постмодернизм' с акцентом на критике первого элемента пары [14]. Теоретики постмодернизма рефлексируют изъяны модернистской теории и общества, предлагают отказаться от прежних установок, сложившихся правил и традиций в науке, сформированных в течение трех минувших столетий. Примечательно, что ряд известных постмодернистских текстов посвящен разоблачению модернистского понимания науки и общества и выдвигению постмодернистских альтернатив [как пример, «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара, «Случайность, ирония и солидарность» Р. Рорти. – *И. Ч.*].

- *Тактики ускользания и деконструкция*

Означенный критерий связан с характерной, имеющей концептуальное обоснование в самой постмодернистской теории чертой – намеренном уклонении авторов от идентификации как категоризации и систематизации, отказ от признания себя причастным к постмодернизму при наличии соответствующих внешних референций. Данная тактика «ускользания» находит обоснование в установках постмодернизма на разрушение целостности, смерть автора, карнавализацию и т. д. [24] Деконструкция в данном случае представляет собой постструктуралистский вариант переоценки правил, понятий и методов изучения социальной жизни, говорится о «необходимости деконструкции социологического дискурса и тотальной ревизии концептуального аппарата» [16. С. 116]. В более радикальном прочтении деконструкция подразумевает разрушительный импульс в отношении социологии как исчерпавшей себя и дискредитировавшей свой дискурс способа познания. В этом смысле утверждение о том, что социологическая теория более не возможна, оказывается показательно-деконструктивистским.

- *Концептуальная тематизация постсовременности*

В этом критерии, который обладает, очевидно, наибольшей социологической ценностью, учтена концептуальная картина общества, какой она представлена средствами определенной теории. Предполагается рассмотрение актуализации постсовременности как отличного от всех предыдущих состояний общества, применяемого теоретиком поня-

тийного арсенала и полноты теоретического взгляда (описание различных концептуально-важных сфер и тенденций в постобществе). Наличие концепции постсовременности свидетельствует о продуктивном потенциале постмодернизма в социологической теории, с учетом понятийных новаций и объясняющих гипотез, предложенных в теории. Критерий выражен, если теоретические тексты содержат описание и диагностику постсовременных социальных реалий – общества в целом и отдельных сторон его существования.

Предложенные критерии позволяют оценить теорию с точки зрения «насыщенности» постмодернистскими характерными чертами, и большая выраженность критериев означает большую аргументированность причисления определенного кейса к постмодернистской социологической теории. В таком случае представляется полезным рассмотреть далее одну из наиболее известных теорий, причисляемых к постмодернизму, – теорию Ж. Бодрийяра; подобное рассмотрение позволит уточнить позицию теории в качестве представителя «типичного» постмодернизма в социологии. Теория будет рассмотрена на предмет выраженности спектра упомянутых выше критериев.

- *Постструктурализм как идейная платформа постмодернизма*

Категоризация теории Бодрийяра в качестве принадлежащей определенному направлению признана частичной и непродуктивной [11; 17]. Аналитики выделяют различные влиятельные теории, положения которых обнаруживаются в его ключевых текстах, – наряду с марксизмом, неомарксизмом, психоанализом упоминается и (пост)структурализм. Тем не менее, в самой неоднозначности позиции автора ощутимы постструктуралистские корни – так, «Бодрийяр предлагает создавать фантастические теории, в которых все концепты подвергались бы переворачиванию и взрывались изнутри. Впрочем, симптоматично, что подобную “имплозию” реализовал в своей программе деконструкции и Деррида. К тому же двигался и Гваттари в своем шизоанализе, порождающем химер» [12].

Обратимся к рассмотрению содержательной близости теории постструктурализму. Одно из стержневых понятий теории Бодрийяра – симулякр – вырастает из (пост)структуралистской идеи строения знака, включающем означающее, означаемое и референт.

Понятие 'симулякр' описывает состояние разрушения связи между знаком и референтом и, как заявлено в одноименной работе, «отсылает не к внешней действительности, а к самому себе – возникает замкнутый круг без референта и без границ» [8. С. 259]. Состояние отрыва знаков от реальности, «прецессию» симулякров, автор рассматривает как итог исторической динамики обществ: исходно знак отражает реальность, далее маскирует и искажает её, искажает её отсутствие и, наконец, отрывается от реальности, не соотносясь с ней более. Примечательно, что обретенная знаком автономия проявляет себя в различных областях жизни и определяет социальное существование, в котором нет более «никаких «референций» материального производства, значения, аффекта, истории и т. п.» [9].

Бодрийяр совершает перенос знакового уровня на социальный, утверждает примат знака в социальном существовании, сталкивая психоанализ и структурализм в пользу последнего: «именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности» [7. С. 44]. Принцип симуляции реализуется в коммуникации разного рода благ как знаков, товары явлены как самодостаточный (хотя и неполноценный) язык культуры. Этот язык продуцируется и воспроизводится преимущественно масс-медиа средствами рекламного дискурса. Кроме того, Бодрийяр применяет структуралистские идеи к анализу марксовской концепции потребительской стоимости [17]. Утверждая, что труд, подобно знаку, утрачивает в настоящем своё референциальное измерение, автор имеет в виду возросшую автономию сферы потребления, утрату определенности деятельностных проявлений и активистской морали в обществе. Параллель между знаковым и социальным следующая: нет референта – нет коллективной идентичности, деятельности и т. д. Именно обращение к знаковому измерению позволяет Бодрийяру констатировать ситуацию тотальной симуляции, при которой общественное состояние одновременно производится и утрачивается [7]. Радикальную трансформацию общества автор предвосхищает также именно на знаковом уровне – путем подрыва властной инстанции знаковым путем, «восстановления символического обмена в самом сердце слов» [7. С. 338].

В качестве диагностического понятия в теории Бодрийяра – потребление, дефини-

ция которого, в свою очередь, укоренена в структуралистском учении о знаке: «сегодня потребление <...> задаёт как раз ту стадию, на которой товар непосредственно производится в качестве знака, стоимости/знака, а знаки (культура) – в качестве товара» [4]. Потребление представляет собой игру различий, организованную посредством приобретения вещей, причем вещь как знак обретает смысл именно в соотнесенности с другими знаками (тогда как референт вторичен, произволен). Автор предлагает присовокупить к вещам произведенную информацию, и это множество вещей и сообщений составляет дискурс постсовременного общества. Привнесение знаковой терминологии в описание социальной жизни дает процессуальное понимание происходящего: коммуникация вещей-знаков множится до бесконечности, потребление безостановочно.

Влияние постструктурализма (и структурализма как предшествующего направления мысли) в данном случае ощутимо в качестве корневого – исходные положения и понятия теории Бодрийяра базируются на знаково-символическом сюжете. В таком случае есть основания говорить о выраженности данного критерия применительно к теории Бодрийяра.

- Различение ««модернизм/постмодернизм». Критика модернизма

Обратимся к изучению видения модерна/модернизма в теории Бодрийяра. Понятие модернизма, равно как и постмодернизма, встречается у автора редко, но приводится содержательное описание обществ, организованное как сравнение прошлого и настоящего с применением маркера 'пост-' в отношении последнего.

Модернизм понимается автором как недавнее прошлое западной цивилизации, маркируется им как «продуктивистско-капиталистическое общество», «эра серийно-технической репродукции» [7], на смену которому приходит кибернетический неопосткапитализм в ореоле симуляции. Среди примет модерна общества у Бодрийяра говорится о ведущей роли производственной деятельности в условиях товарно-денежного обмена, в том числе социального производства труженников и социализирующее воздействие капитала. При всей функциональной интеграции обществ модерна, обеспеченной институционально, они оказываются лишенными символической интеграции, сверхсоциализиро-

ваны, что становится залогом перемен – «что происходит, когда социализировано все? Тогда машина останавливается, динамика всего процесса меняется на противоположную, и в остаток превращается вся ставшая целостной социальной система» [1].

Одним из свидетельств символической дезинтеграции современных обществ Бодрийяр считает появление социальных наук, нацеленных на рационализацию управления социальными отношениями. Редукция множественности социальной жизни к модернистским социологическим понятиям, таким как 'класс', 'статус', 'институт', содействовала символическому обеднению взаимодействия. Научные идеалы модерна, поиск истины и выявление объективного вписаны в симулятивное производство того времени и трактуются Бодрийяром как эффекты означивания.

При общем умеренно-критическом настрое в адрес современного общества и науки Бодрийяр делает исключение для марксистской теории, живописующей конфликт буржуазно-капиталистической формации, симпатизирует ее революционному настрою, более того, достраивает марксизм в своих категориях, именуя современный контекст симуляцией на основе рыночного закона стоимости [13]. Соединяя структурализм и марксизм, Бодрийяр объявляет период модерна «золотым веком диалектики знака и реальности, который одновременно был “классическим” периодом капитала и стоимости» [7. С. 52].

Завершение периода модерна, в сопрягающей знаки и вещи версии Бодрийяра, знаменует собой «конец» – эры производства и линейного измерения товара, знака и дискурса (с последующим триумфом симулякров). Это подразумевает отход от причинно-следственного мышления в науке и практике – «сегодня вся система склоняется к недетерминированности» [7. С. 44], – вместо которого постмодерн выдвигает неопределенность. Информационная и знаковая множественность стирают возможность предвидения и помышления результата. Модернистская детерминированность знаков и производства задавала непрерывный линейный порядок, тогда как текущий контекст потребления располагает к дублированию, повторению и хаотическим флуктуациям [7].

Модерные доминанты – труд, экономический рост – утратили свою силу в восприятии и организации общественной жизни: труд

стал «плавающей переменной», экономический рост представляется утопией. Завершение модерна проявляется в разочаровании в Идеалах, развенчании идей исторического прогресса, научного развития, человеческой личности [12]. В целом, в обществе потребления как воплощении постмодерных начал акцент ставится на воображение и фантазию вместо идеалистического, ценностно-нагруженного современного мировидения. По Бодрийяру, гибель модерна сообщает привкус искушенности постмодерну, в котором избыточность предметов и удовольствий, знаков и идей сопряжена с настроением «сегодня игра окончена – все освобождено» [6].

Декларация исчерпанности современных тенденций значима как указание на наступление эпохи постмодерна, которая описывается как постапокалиптическое состояние, когда все присущие современности институты – производство, образование, политическое представительство – утрачивают своё качество реальности, «не разрушаются насильственно, но незаметно заменяются подобиями» [13. С. 24]. Автором подчеркивается радикальное отличие модерна от постмодерна – в промышленную эпоху модерна знак как симулякр второго уровня маскирует и искажает реальность, примером чему служит логика функционирования идеологии в марксовом понимании, тогда как возобладавший в постмодерне симулякр третьего уровня состоит в идиосинкразии образов, которые фактически не связаны с реальностью, но организованы как гиперреальность [8]. В терминах формаций говорится о мутации капитализма в гиперкапитализм, где производство уступает место потреблению, идеология – рекламе, власть – симуляции власти, одним словом, логика репрезентации уступает место логике коннотации [12]. Характерно, что многие аспекты состояния постмодерна подаются Бодрийяром как последствия или преемники современной стадии, причем поворот к постмодерну понимается им не как коренной перелом, но как постепенное развитие событий, постмодерн подается как «асимптотический конец» всех современных тенденций [2].

По рассмотрению идей о модерне можно сделать вывод об актуальности данного критерия. В теории Бодрийяра не наблюдается резкого противопоставления современности/модернизму, однако сам период полагается им минувшим, многие свойства обществ модерна

исчерпаны и модифицированы. Модерн вписан в концепцию исторической динамики становления симулякра, описывается как эпоха-предшественник постмодерна. Критический настрой обнаруживается в адрес современной науки (за исключением марксизма) как нерелексивно воспроизводящей свойства общества модерна и как ныне устаревшей.

- Тактики ускользания и деконструкция

Обратимся к рассмотрению критерия, относящегося к отказу от идентификации причастности к постмодернистской социологической теории. Специфично авторское понимание социальных наук в постсовременной ситуации. Теории, подобно любой другой информации, утратили референциальную опору, и само понятие верификации становится невысказанным [7]. В логике знака это подразумевает, что теории могут быть осмыслены не в соотношении с практикой, но лишь во взаимной соотношенности. Также Бодрийяр утверждает необходимость радикального переосмысления классических социологических понятий (преимущественно марксистских), таких как 'труд', 'власть', 'революция', говорит о неизбежности радикализации теоретических гипотез – для получения коммуникативного резонанса [7]. Современная теория должна иметь деконструктивистский настрой, что подразумевает разоблачение внутренней логики феномена за счет рассеивания его смысла – в частности, такого рода деконструкции Бодрийяр подвергает одно из стержневых понятий собственной теории, «общество потребления».

Далее сфокусируемся на представлении теоретика об объекте социологической теории. Бодрийяр, объявляющий своим предметом общество, в котором исчезает социальность как таковая, эпатажен. Взамен классов на историческую арену выходят массы, автор ярко метафорически характеризует их как «черную дыру, куда проваливается социальное <...> полная противоположность тому, что обозначается как “социологическое”» [1]. Настойчивость утверждения о разрушении и исчезновении социального («имплозии») в ряде работ указывает на выраженность рассматриваемого критерия, деконструкцию проекта социологии как науки. Социальное, по версии Бодрийяра, утрачивается, будучи поглощенным симулякрами третьего порядка, и социологические идеи о ценностной дифференциации групп, коллективной дея-

тельности и институциональной интеграции теряют своё значение [3]. Исчезновение объекта подразумевает утрату смысла его изучения, нет социального – нет и социологии. Однако каковы основания у столь деструктивной для социологии позиции об исчезновении её объекта?

Ключевую роль в исчезновении социального Бодрийяр отводит информационной перенасыщенности, – mass media, атакуя восприятие какофонией образов, способствует разрушению социальной идентичности [19]. При всех технических возможностях интенсивной коммуникации общество не осознает себя как целое, распадается на фрагменты в условиях гиперреальности [3]. Утверждение о разрушении социального базируется на тезисе о беспорядочной циркуляции симулякров – «пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет» [19. С. 442]. Вопрос о возможности общества относится к возможности ценностного консенсуса, и в этом плане Бодрийяр проявляет себя как преемник классической социологической мысли: «в нашей системе образов и знаков исчезают все основные гуманистические критерии ценности, определявшие собой вековую культуру моральных, эстетических, практических суждений» [7. С. 55]. Повсеместное распространение медиа стирает грани реального, порождает зрительскую и, стало быть, социальную индифферентность, что размывает платформу общественного порядка. В вопросе существования социального можно наблюдать характерный ход – в теории деконструируется понятие 'социального', на котором, однако, сама теория и построена. Утверждение об исчезновении социального подкреплено социологическими обоснованиями, его можно трактовать как отказ от идентификации себя как социолога, но и как повод к социологическому теоретизированию.

Другой аспект выраженности критерия 'ускользание и деконструкция' относится к сложности дисциплинарной идентификации, к стремлению автора быть неудобным для категоризации. В постсовременном контексте симуляции однозначное именование невозможно, «означаемые ускользают, а ряды означающего более никуда не ведут» [7. С. 51]. Логика симулякра не предполагает ответа на вопрос «кто ты» в связи с не-ответом на ис-

ходный вопрос «существуешь ли ты», то есть с учетом положений его теории ускользание от идентификации можно трактовать как сопротивление социальному контексту. Бодрийяр приветствует анаграмматическую манеру письма за деконструкцию имени и разрушительный потенциал, который она в себе несет [13]. Страсть к бессмыслице и разрушению имеет под собой революционные чаяния теоретика по воссозданию разрушенного цивилизацией символического обмена. Ускользание от идентификации в логике теории Бодрийяра трактуется как особый символический акт, состоящий «в исчезновении имени, означающего, в экстерминации термина, в его безвозвратном рассеивании» [7. С. 331].

Упомянутые особенности теории позволяют заключить, что критерий выражен в полной мере – теория Бодрийяра избегает рамок категоризации, теоретик прибегает к ускользанию и ратует за деконструкцию, и такого рода тактика («символический акт») имеет поддержку в содержании теории.

- Концептуальная тематизация постсовременности

Концепция постсовременного состояния общества Бодрийяра содержит разветвленную систему идей, вписывающих постсовременность (постиндустриальное общество) в историческую траекторию. С опорой на марксистское различие формаций автор выделяет допроизводственное состояние, стадию политической экономии и актуальную в настоящем стадию всеобщего преобладания симулякров. Историческая ретроспектива общественных состояний приводится в соответствии с ключевым понятием ‘симулякр’, сопряжено с логикой понимания ценности/стоимости: «симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности» [7. С. 111]. Допроизводственное состояние отличает бытование укорененных в обычаях ценностей (и, соответственно, знаков как символического измерения ценностей); в дальнейшем, в индустриальную эпоху, ценность приобретает экономическое хождение и унификацию, затем обретает эфемерность и существует как совокупность образов [10]. Автор комбинирует марксистские и структуралистские мотивы и получает варианты общественных состояний, – от при-

родной и рыночной стоимости к самостоятельности знака.

История общества выводит к состоянию постсовременности, то есть гиперкапитализма, «эпидемического» размножения и опустошения ценностей [12]. Гиперреальность определяется как среда симулякров, медиа и коммуникаций, в которой значима лишь знаковая оболочка, происходит «переход от послания, сосредоточенного на обозначенном <...> к посланию, центрированному на обозначающем» [5. С. 161]. Автор применяет различные метафорические средства, чтобы подчеркнуть, что эпоха преобладания симулякров («ксерокс культуры») достигает своего апогея. Информационное изобилие содействует тому, что фактическое, как и смысловое, теряет определенность: «погребенные в глубине media, мы больше не можем сказать, произошло ли что-то или нет» [2]. «Послания, исходящие не от мира, а от самого медиума» [5. С. 162], лишают знак какого-либо смысла, «растворяют» его в информационном потоке. Медиатрансляции подаются с расчетом на массовую аудиторию, выступают в качестве группообразования (аудитория) и в то же время разрушения (массы).

Массы – парадоксальное «тело» социального, пришедшее на смену классическим в социологии различиям групповой и институциональной принадлежности: «массы – неподъемное ничто всех дискурсов. Ни истерии, ни потенциального фашизма – уходящая в бездну симуляция всех потерянных систем референций» [1]. Общества прошлого создавали эпизодические ситуации массового скопления, но именно постсовременное развитие технологий дает массе возможность перманентного существования. Принципиальное свойство масс состоит в индифферентности как способности поглощать знаки и разобщенности, масса являет собой «бесконечную сумму равнозначных индивидов 1+1+1+1» [1]. Концептуализация масс позволяет затронуть ряд проблем постсовременности, среди которых сложности коллективной самоорганизации и эффективной коммуникации, социальная пассивность, социальное одиночество. В изображении Бодрийяра именно массы воплощают в себе актуальную социальную среду и в то же время её отсутствие, так как любое событие воспринимается как зрелище, любая идея как развлечение. Апельлируя к массам, политики, деятели культуры,

ученые-эксперты в медиа-измерении приобретают характер симулякров. Диагноз общества, к которому приходит автор, – «форма деградирующей социальности (снимающей напряженность, предохраняющей, успокаивающей и снисходительной), форма предельно низкого уровня социальной энергетики (энергетики экологического функционирования), форма энтропии – именно в таком виде предстает перед нами социальное» [1].

Ведущей рамкой социальных отношений постсовременности теоретик полагает потребление, которое подается как тотальная практика в разных сферах и формах, от потребления вещей как знаков к потреблению знаков и всего окружающего. Повседневный акт потребления, приобретение товара, трактуется как интеграция в общество, вклад в гиперреальную экономику с преобладанием производства спроса над производством товаров. Знаки как носители информации включены «в глобальный процесс движения капитала» [7], вещи встроены в коммуникацию в качестве ее предмета и способа. Массы как преобладающая субстанция социальности заняты именно потреблением, то есть поглощением знаков: «мы потребляем тогда не такое-то зрелище и такой-то образ в себе, а виртуальность следования всевозможных зрелищ и уверенность, что закон последовательности и разбивки программ ведет к тому, что ничто не может там появиться иначе, чем в качестве зрелища и одного из знаков» [5. С. 159]. Для иллюстрации теории Бодрийяр обращается к описанию атмосферы молла, места организованного потребления, в котором нагляден сконструированный характер среды соблазна потребителя: «Это сублимация всей реальной жизни, всей объективной общественной жизни, где <...> все схвачено и преодолено в удобстве, в полупрозрачности абстрактного “счастья”, определяемого единственно как расслабление напряженности» [5. С. 11]. В подобных описаниях заметны критические, радикально неомарксистские обертоны теории Бодрийяра.

Социальная структура в ракурсе потребления изображена как дискурс, участники которого коммуницируют путем присвоения различных благ, персонализируют себя, общаясь к товарам-знакам [9]. Логика потребления изменяет тип взаимодействий, место статусной конкуренции занимает самореализация в вещи, так что дискурс потребления я-центричен. Симптоматично также то, что

касается мировосприятия, – потребитель, при всей отстраненности масс, любопытствует, нуждается в новинках: «отношение потребителя к “реальному миру” (политике, истории), обобщенное и систематизированное в “обществе потребления” функционированием массовых коммуникаций, – это отрицание реального на основе жадного мультиплицированного восприятия его знаков» [17].

Диагностика постсовременности через потребление позволяет Бодрийяру обнаружить модус власти и социального принуждения, скрывающийся под маской спонтанного соблазна. Во имя дурной бесконечности производства индивид оказывается обреченным желать и осуществлять всё новую покупку [9]. Тематика власти позволяет соединить модерное и постмодерное состояния – Бодрийяр, применяя идеи Маркса, считает, что оба типа общества организованы по принципу расширенного воспроизводства производительных сил и контроля над ними. Специфика постсовременности состоит в смещении акцента с производства на воспроизводство, но принцип общественной регуляции сохраняется. Отчуждение в труде заменяется на отчуждение в потреблении, с той разницей, что антагонизм овнутряется, потребление оказывается в дюркгеймианском смысле социально обусловленным феноменом и в марксовом смысле построенном на отчуждении.

За счет масштабного рекламного дискурса потребление приобретает характер морального императива. Рекламный дискурс двупаправлен, апеллирует как к наслаждению вещью, так и к психическим потребностям в общении, защищенности, идентичности [10]. По сути, реклама выполняет функцию социализации, «заменяя пуританскую мораль гедонистической моралью чистого удовлетворения» [9]. Соблазн вещи, составляющий данный дискурс, обретает повседневный характер, приучая зрителя желать – не конкретную вещь, а в целом и этого оказывается достаточно для становления поголовья потребителей. Кроме того, реклама приобщает зрителя к гиперреальности, избытка симулякрами вещей и аффектов, «рекламный дискурс внушает не покупку какого-либо конкретного товара, но утверждает целостность симулятивной реальности» [11. С. 32].

Существенное социальное последствие тотализации практики потребления состоит в том, что потребительская установка рас-

пространяется предельно широко, партнер по интеракции, сообщество, культура – всё воспринимается потребительски, и в этом кроется коренное отличие состояния постсовременности от прежних. Общество потребления асоциально, так как в нем не выражена какая-либо солидарность: «историческая солидарность – фабричная, соседская и классовая – исчезла. Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля» [5. С. 157]. Перефразируя Вебера, Бодрийяр отмечает бессилие в социальном отношении этики спасения через досуг и удовольствие, и объятые практикой потребления общество как бы не существует. Общий исход постиндустриальной социальности Бодрийяр описывает как состояние после оргии, то есть состояние особой искушенности, которая возникла на пересечении обстоятельств – информационной перенасыщенности и бума потребления. Ранее упомянутый тезис об отсутствии социального обретает основания в том числе в проблеме мотивации к деятельности, поскольку утрачиваются устойчивые намерения, цели, «сильные влечения и порывы положительного, избирательного, аттрактивного характера <...> исчезла определенность вкусов, желаний, как, впрочем, и воли» [3. С. 442]. Переменчивые желания как отклик на потребительские соблазны не способны составить фундамент социального поведения и солидарности [6]. Невовлеченность в социальные отношения в сочетании с погруженностью в информационные потоки проявляется не в деятельности, а в «обозначении деятельности». В таком случае человек существует в обществе не в субъектном, а в телесном качестве, его тело, подвластное спродуцированному соблазну, потребляет и транслирует знаки. Характерное изобретение постсовременности – гаджет, товар-устройство, позволяющее потреблять какой-либо сорт информации, в терминах Бодрийяра, воплощает симуляцию функций без реального практического референта [5]. В комбинации тел и гаджетов при отсутствии объединяющей морали и понимания смысла происходящего автор видит индифферентность в качестве общей судьбы.

Исконно состояние социальности, на взгляд Бодрийяра, обладало символическим измерением взаимодействия, но оно было утрачено по ходу развития цивилизации. Функциональная интеграция в индустриаль-

ном (модерном) обществе подразумевала порабощение символического и использование его в политических и прагматических управленческих проектах. В постсовременной гиперреальности символическое измерение еще более подавлено, преобладает комбинаторная свобода опустошенных знаков. Символический обмен, остро востребованный в условиях кризиса социальности, подразумевает интенсивную концентрацию на Другом как партнере по интеракции (или более широко – на Другом как том или ином смысловом горизонте) и особое до-симулятивное прочтение знака [11]. В этой связи вскрывается еще одна значительная проблема постсовременности – игнорирование Другого, когда «все наше общество с присущими ему антисептическими излияниями, иллюзиями обмена и контакта нацелено на то, чтобы нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление» [6]. Способность к символически насыщенной коммуникации с Другим может актуализоваться только через разрушение, деконструкцию существующего порядка. Автор приписывает постсовременным индивидам подспудное ощущение необходимости изменений, «покончить с системой, освободить дорогу для чего-то иного <...> мы хотим, чтобы пришел Другой» [3. С. 447]. Общество потребления при всей аморфности не избегнет грубых нашествий и разрушений – таков прогноз теоретика в качестве «вызова и надежды» [3].

В целом, диагностика постсовременности с подачи Бодрийяра реализуется в виде разветвленной социологической концепции, которая содержит историческую ретроспективу динамики обществ, указание на ключевые черты и проблемы постсовременного состояния социальности. Критерий ‘концептуальная тематизация постсовременности’, несомненно, выражен.

На основании проведенного рассмотрения можно сделать вывод о том, что теория Бодрийяра являет собой характерный («типичный») пример постмодернизма в социологической теории, поскольку выражены все аргументирующие критерии. В работах Бодрийяра ощутима опора на ряд постструктуралистских положений и понятий, дифференцированы модерное и постмодерное социальные состояния, автор отрицает возможность идентификации в качестве теоретика-постмо-

дерниста и, в целом, какой-либо социальной теории, но при этом предлагает собственную концепцию постсовременного общества. В дальнейшем анализе, для уточнения идентификации постмодернистских социологических теорий, а также для проверки выдвинутых критериев, могут быть привлечены теоретические кейсы других авторов, в том

числе Ж.-Ф. Лиотара, З. Баумана, Э. Гидденса, М. Фуко. Представляется, анализ теории в ракурсе приведенных критериев-аргументов позволяет уточнить её содержание, прояснить её соотнесенность с постмодернизмом как современным направлением в науке и культуре.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург, 2000. – URL : <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 20.04.2014).
2. Бодрийяр, Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка Года 2000 / Ж. Бодрийяр // Археология будущего: сайт. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (дата обращения: 01.07.2014).
3. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийяр // Логос. Избранное. – Т. 2. – М., 2006. – С. 437–448.
4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кролечкина. – М.: Библион-Русская книга, 2003. – URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudril-lard-k_krit_polit_ek_znaka=ann.htm (дата обращения: 20.07.2014).
5. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Республика: Культур. революция, 2006. – 269 с.
6. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – URL: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html> (дата обращения: 21.07.2014).
7. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.
8. Бодрийяр, Ж. Симуляция и симулякры / Ж. Бодрийяр // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 258–271.
9. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php (дата обращения: 13.06.2014).
10. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad marginem, 2000. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodriy/index.php (дата обращения: 15.09.2014).
11. Грицанов, А. А. Жан Бодрийяр / А. А. Грицанов, Н. Л. Кацук. – Минск: Книж. дом, 2008. – 256 с.
12. Дьяков, А. В. Философия постструктурализма во Франции / А. В. Дьяков. – М.; Н.-Й.; СПб.: Northern Cross, 2008. – URL: <http://www.jkhoura.narod.ru/diakoff002.pdf> (дата обращения: 17.10.2014).
13. Зенкин, С. Н. Жан Бодрийяр: Время симулякров / С. Н. Зенкин // Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – С. 9–40.
14. Емелин, В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: дис. ... канд. филос. наук / В. А. Емелин. – М.: Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1999. – URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnye-tekhnologii-v-kontekste-postmodernistskoifilosofii-0> (дата обращения: 25.09.2014).
15. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
16. Кацук, Н. Л. Постмодернистская социология / Н. Л. Кацук // Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книж. дом, 2001. – С. 610–613.

17. Фурс, В. Н. Социально-критическая теория Жана Бодрийяра / В. Н. Фурс // Социол. журн. – 2002. – № 1. – URL: <http://www.nir.ru/sj/sj1-02furs.html> (дата обращения: 3.10.2014).

18. Чудова, И. А. Теоретики постмодернизма в социологии: тактики ускользания и стратегии атрибуции / И. А. Чудова // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симп. (13–14 окт. 2011 г.). – М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 233–254.

19. Armitage, J. Now You See It, Now You Don't: A review of Jean Baudrillard (2009) / J. Armitage // International Journal of Baudrillard Studies. – Vol. 7, Number 2 (July 2010). – URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol-7_2/v7-2-armitage.html (дата обращения 15.07.2014).

20. Denzin, N. Postmodern Social Theory / N. Denzin // Sociological Theory. – 1986. – Vol. 4. – P. 194–204.

21. Roberts, M. Rethinking the Postmodern Perspective: Excavating the Kantian System to Rebuild Social Theory Source / M. Roberts // The Sociological Quarterly. – Vol. 41, no. 4. – P. 689–698.

Сведения об авторе

Чудова Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, соискатель Института социологии Российской академии наук.

dauza@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 177–187.

THE THEORY OF JEAN BAUDRILLARD AS A VERSION OF “TYPICAL” POSTMODERNISM IN SOCIOLOGY

I. A. Chudova

Russian Academy of Sciences, dauza@mail.ru

The article deals with a type of identification of postmodern sociological theory that implies argumentation as a complex of criteria including connection with post-structuralism, critical attitude towards modernism, evading identification, the conception of post-modern society. It is described the expressiveness of criteria in Jean Baudrillard's theory and justified the categorization of this theory as a “typical” post-modern sociological theory.

Keywords: postmodern sociological theory; identification; post-structuralism; modernism; deconstruction; post-contemporaneity.

References

1. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority, or the end of the social]. Yekaterinburg, 2000. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>, accessed 20.04.2014. (In Russ.).

2. Baudrillard J. *V teni tsysyacheletiya, ili Priostanovka Goda 2000* [In the shadow of the Millennium or Year 2000 Suspension]. Arkheologiya budushchego [Archeology of the future]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml>, accessed 01.07.2014. (In Russ.).

3. Baudrillard J. *Gorod i nenavist'* [City and Hating]. Logos. Izbrannoye [Logos. Selected works], vol. 2. Moscow, 2006, pp. 437–448. (In Russ.).

4. Baudrillard J. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Contribution to the Critique of Political Economy sign], D. Krolechkin (tr.). Moscow, Biblion-Russkaya kniga Publ., 2003. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/baudrillard-k_krit_polit_ek_znaka=ann.htm, accessed 20.07.2014. (In Russ.).

5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structure], Ye.A. Samarskaya (tr.). Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 269 p. (In Russ.).

6. Baudrillard J. *Prozrachnost' zla* [Transparency of evil], L. Lyubarskaya, Ye. Markovskaya (trs.). Moscow, Dobrosvet, 2000. Available at: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html>, accessed 21.07.2014. (In Russ.).
7. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death], S. N. Zenkin. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 389 p. (In Russ.).
8. Baudrillard J. Simulyatsiya i simulyakry [Simulation and Simulacra]. *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [Modern Literary Theory: An Anthology], I.V. Kabanova (ed.). Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2004, pp. 258–271. (In Russ.).
9. Baudrillard J. *Sistema veshchey* [System of things], S.N. Zenkin. Moscow, Rudomino Publ. 2001. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/index.php, accessed 13.06.2014. (In Russ.).
10. Baudrillard J. *Soblazn* [Temptation], A. Garadzhi (tr.). Moscow, Ad marginem Publ., 2000. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodriy/index.php, accessed 15.09.2014. (In Russ.).
11. Gritsanov A.A., Katsuk N.L. *Zhan Bodriyyar* [Jean Baudrillard]. Minsk, Knizhnyy dom Publ., 2008. 256 p. (In Russ.).
12. D'yakov A.V. *Filosofiya poststrukturalizma vo Frantsii* [Poststructuralist philosophy in France]. Moscow; N.-Y.; Sankt-Peterburg, Northern Cross Publ., 2008. Available at: <http://www.jkhora.narod.ru/diakoff002.pdf>, 17.10.2014. (In Russ.).
13. Zenkin S.N. Zhan Bodriyyar: Vremya simulyakrov [Jean Baudrillard: Time of simulacra]. Baudrillard, J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Baudrillard, J. Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, pp. 9–40. (In Russ.).
14. Yemelin V.A. *Informatsionnyye tekhnologii v kontekste postmodernistskoy filosofii: dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk* [Information technology in the context of postmodern philosophy: thesis]. Moscow, Moskovskiy universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., 1999. Available at: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnye-tekhnologii-v-kontekste-postmodernistskoi-filosofii-0>, accessed 25.09.2014. (In Russ.).
15. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 256 p. (In Russ.).
16. Katsuk N.L. Postmodernistskaya sotsiologiya [Postmodern sociology]. *Postmodernizm: entsiklopediya* [Postmodernism: Encyclopedia], A.A. Gritsanov, M.A. Mozheyko (eds.). Minsk, Interpresservis: Knizhnyy dom Publ., 2001. pp. 610–613. (In Russ.).
17. Furs V.N. Sotsial'no-kriticheskaya teoriya Zhana Bodriyyara [Socio-critical theory of Jean Baudrillard]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Journal of Sociology], 2002, no. 1. Available at: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-02furs.html>, accessed 03.10.2014. (In Russ.).
18. Chudova I.A. Teoretiki postmodernizma v sotsiologii: taktiki uskol'zaniya i strategii atributsii [Theorists of postmodernism in sociology: escape tactics and strategies of attribution]. *Davydovskiye chteniya: istoricheskiye gorizonty teoreticheskoy sotsiologii: sbornik nauchnykh dokladov simpoziuma (13–14 oktyabrya 2011 g.)* [Davydov readings: historical horizons of theoretical sociology: a collection of scientific papers of the symposium (13–14 October 2011)]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2011, pp. 233–254. (In Russ.).
19. Armitage J. Now You See It, Now You Don't: A review of Jean Baudrillard (2009). *International Journal of Baudrillard Studies*, vol. 7, no. 2 (July 2010). Available at: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol-7_2/v7-2-armitage.html, accessed 15.07.2014.
20. Denzin N. *Postmodern Social Theory. Sociological Theory*, 1986, vol. 4, pp. 194–204.
21. Roberts M. Rethinking the Postmodern Perspective: Excavating the Kantian System to Rebuild Social Theory Source. *The Sociological Quarterly*, vol. 41, no. 4, pp. 689–698.

УДК 316.34
ББК 60.5

В. Н. Козлов

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

По результатам репрезентативного прикладного социологического исследования рассматриваются состояние здоровья и реализации здорового образа жизни студентов, преподавателей и сотрудников ЧелГУ, выделяются здесь позитивные сдвиги и проблемы.

Ключевые слова: здоровье; здоровый образ жизни; диспансеризация; вредные привычки.

В современных условиях здоровье – капитал. Его нужно сохранять, преумножать и получать с него дивиденды. И здесь велика роль медицины и здорового образа жизни каждого человека. Здоровье и здоровый образ жизни – важнейшие факторы самореализации человека, активного долголетия, счастливой семейной жизни и реализации репродуктивной функции, учебной, трудовой и общественно-политической активности.

По статистике в России лишь 10 % выпускников школ могут считаться абсолютно здоровыми, а 45–50 % имеют серьезные отклонения в физическом и психическом развитии, распространяются алкоголизм и наркомания среди молодежи. Около 70 % лиц, употребляющих наркотики, составляют молодые люди до 30 лет [1].

В последние десятилетия в молодежной и других возрастных группах растут социально обусловленные заболевания, прежде всего, связанные с неправильным образом жизни: низкой двигательной активностью, нервно-психическими нагрузками, нерациональным питанием, чрезмерной работой и неполноценным, неорганизованным отдыхом.

На высшие учебные заведения в рамках задач социального развития, подготовки квалифицированных специалистов ложится и задача сохранения физического, психического и нравственного здоровья студентов и сотрудников. В ее решении многие вузы, в том числе и Челябинский государственный университет, имеют определенный опыт. По заказу ректората ЧелГУ в апреле – июне 2011 г. кафедрой социологии проведено исследование «Здоровый образ жизни: мнение студентов, преподавателей и сотрудников Челябинского государственного университета». По представительным выборкам проведёны опросы 1035 студентов первого

– четвертого курсов дневной формы обучения, 290 преподавателей и сотрудников кафедр, 72 сотрудников отделов, управлений, подразделений ЧелГУ. Тип выборки – многоступенчатая, серийная. Статистическая погрешность результатов опроса по студентам университета до 2,8 %, по преподавателям и сотрудникам кафедр до 4,5 %, по сотрудникам управлений, отделов, подразделений до 10,8 %.

Выявлены мнения студентов, преподавателей и сотрудников ЧелГУ о здоровом образе жизни и его составляющих, наличие и распространенность вредных привычек среди студентов, преподавателей и сотрудников, мнения респондентов о морально-психологическом климате в учебных группах, трудовых коллективах и его влиянии на душевное и физическое состояние, учебную и трудовую деятельность, уровень информированности о проводимых в вузе мероприятиях, направленных на формирование здорового образа жизни, и предложения по созданию условий для сохранения здоровья и формирования здорового образа жизни в ЧелГУ.

Результаты настоящего анкетирования по отдельным панельным вопросам сравниваются с данными мониторинговых репрезентативных исследований в 2003–2009 гг. по студенчеству области, в т. ч. и по ЧелГУ.

Исследования показывают, что в деле укрепления здоровья, утверждения здорового образа жизни в университете есть как положительные тенденции, так и проблемы.

Из положительных тенденций выделим следующие. Чуть более половины студентов, почти половина преподавателей и несколько более трети сотрудников считают себя практически здоровыми (см. рис. 1).

По результатам мониторинговых опросов с 2003 г. состояние здоровья студентов Чел-

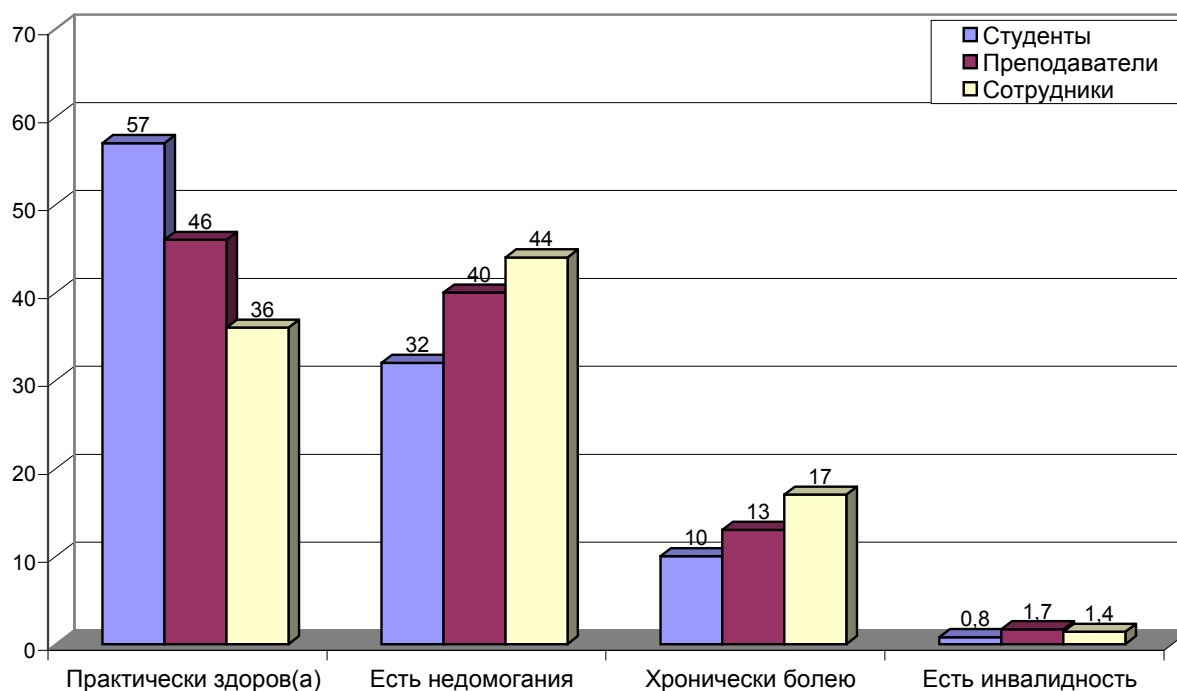

Рис. 1. Оценка студентами, преподавателями и сотрудниками состояния своего здоровья, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

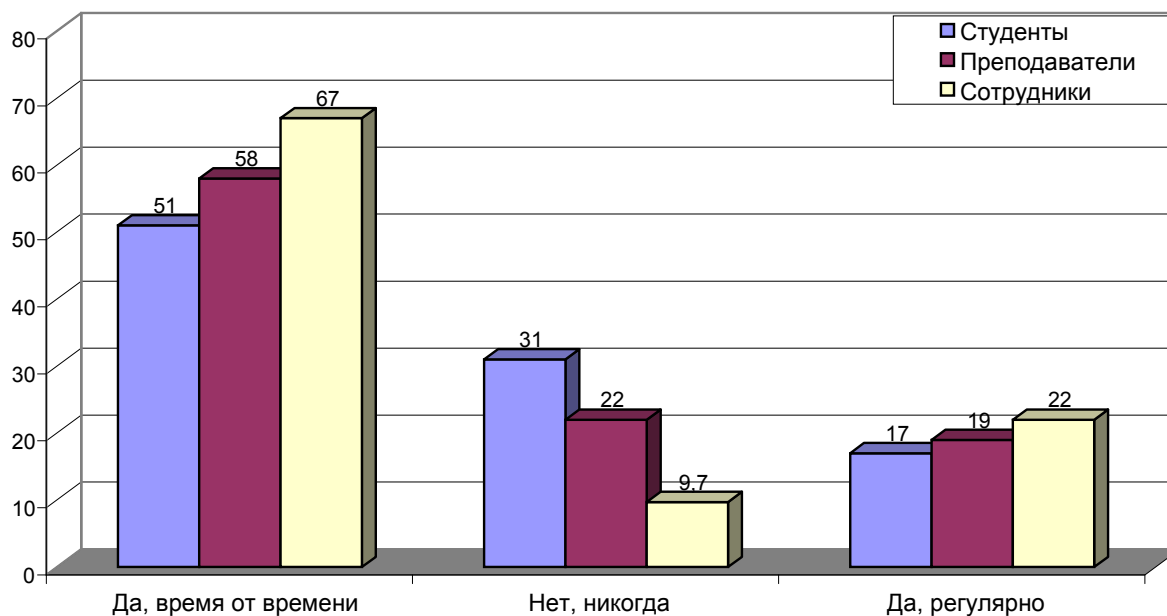

Рис. 2. Прохождение студентами, преподавателями и сотрудниками диспансерных медицинских осмотров, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

ГУ на уровне областных показателей и в целом улучшается. Большинство сотрудников, преподавателей и студенты регулярно или время от времени проходят диспансерные медицинские осмотры (см. рис. 2).

Пятая часть студентов входят или ранее входили в медицинскую группу специальных занятий физической культурой. Опре-

деленная часть студентов, преподавателей и сотрудников получают путевки в санаторий-профилакторий, на базу отдыха университета, на курорты.

Большинство студентов, преподавателей и сотрудников считают здоровый образ жизни одной из важнейших ценностей, выделяют и реализуют, прежде всего, такие наиболее

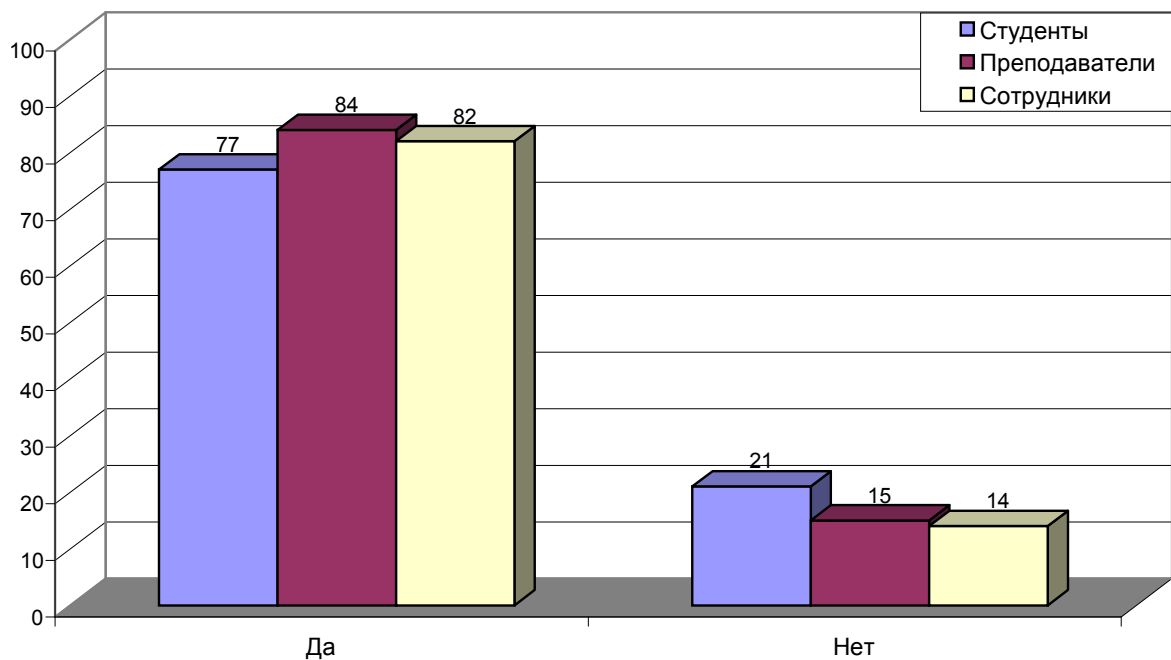

Рис. 3. Мнение студентов, преподавателей и сотрудников о том, является ли здоровый образ жизни для них одной из важнейших ценностей, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

важные его составляющие, как соблюдение личной гигиены, достаточная двигательная активность, отказ от вредных привычек, рациональное питание (см. рис. 3 и таблицу).

Большинство студентов, преподавателей и особенно сотрудников регулярно питаются (см. рис. 4).

Многие студенты, преподаватели, большинство сотрудников университета регулярно или время от времени занимаются физкультурой и спортом (см. рис. 5). Анализ результатов мониторинговых опросов с 2003 г. свидетельствует, что показатели занятий физкультурой и спортом студентов ЧелГУ на уровне области растут. Также большинство студентов, преподавателей и сотрудников регулярно или время от времени занимаются активным отдыхом, туризмом и прогулками на природе.

Из тех, кто курит, намерены бросить или уже пытаются бросить 81 % студентов, 55 % преподавателей и 86 % сотрудников. Причем подавляющее большинство из них говорят, что справятся сами. Из тех, кто употребляет алкоголь, намерены бросить 48 % студентов, 20 % преподавателей и 18 % сотрудников. Заметное большинство студентов ЧелГУ рассматривают наркотики как зло, проблему, которую надо решать.

Большинство студентов университета характеризуют взаимоотношения в своей груп-

пе как позитивные (см. рис. 6).

При этом каждый второй определяет их как теплые, доброжелательные, а как конфликтные, напряженные – лишь 6,2 %. То же большинство студентов отмечает, что морально-психологическая обстановка в их группе за последний год улучшилась или не изменилась. При этом на её улучшение указывают 39 %, а на ухудшение – только 12 %. Подавляющее большинство студентов позитивно характеризуют взаимоотношения с большинством преподавателей (см. рис. 7).

При этом каждый второй студент считает их теплыми, доброжелательными. Как конфликтные, напряженные их характеризуют незначительная часть – лишь 1,6 %.

Как позитивную оценивают морально-психологическую обстановку в своем коллективе большинство преподавателей и сотрудников. При этом 69 % преподавателей и 56 % сотрудников оценивают ее как доброжелательную. А как не доброжелательную – только 1,4 % и 2,8 % соответственно. Большинство преподавателей и сотрудников отмечают, что за последний год эта обстановка не изменилась или даже улучшилась. На ее ухудшение указывают только 7,6 % преподавателей и 6,9 % сотрудников

Как отрядный результат действия многих факторов назовем удовлетворенность (впол-

Мнение студентов, преподавателей и сотрудников о том, какие составляющие здорового образа жизни наиболее важные и какие реализуются

(в % к общему числу опрошенных по указанным группам / место по рангу)

Составляющие здорового образа жизни	Студенты		Преподаватели		Сотрудники	
	Наиболее важные	Реализуются	Наиболее важные	Реализуются	Наиболее важные	Реализуются
Достаточная двигательная активность	85 / 1	61 / 2	87 / 1	57 / 2	83 / 2	47 / 3
Рациональное питание	78 / 2	37 / 4	81 / 2	43 / 1	88 / 1	42 / 4
Отказ от вредных привычек	76 / 3	53 / 3	66 / 3	53 / 3	69 / 3	57 / 1
Соблюдение личной гигиены	74 / 4	72 / 1	54 / 4	61 / 1	50 / 4	56 / 2
Соблюдение режима дня	40 / 5	17 / 6	48 / 5	26 / 6	36 / 6	21 / 6
Безопасное поведение в быту, на улице, в учебном заведении	24 / 6	33 / 5	25 / 7	31 / 5	26 / 7-8	33 / 5
Закаливание организма	18 / 7	11 / 7	22 / 8	9,0 / 8	26 / 7-8	15 / 7-8
Не поддаваться эмоциям	16 / 8	9,8 / 8	28 / 6	11 / 7	47 / 5	15 / 7-8
Другое	2,0	1,0	2,8	1,7	4,2	4,2

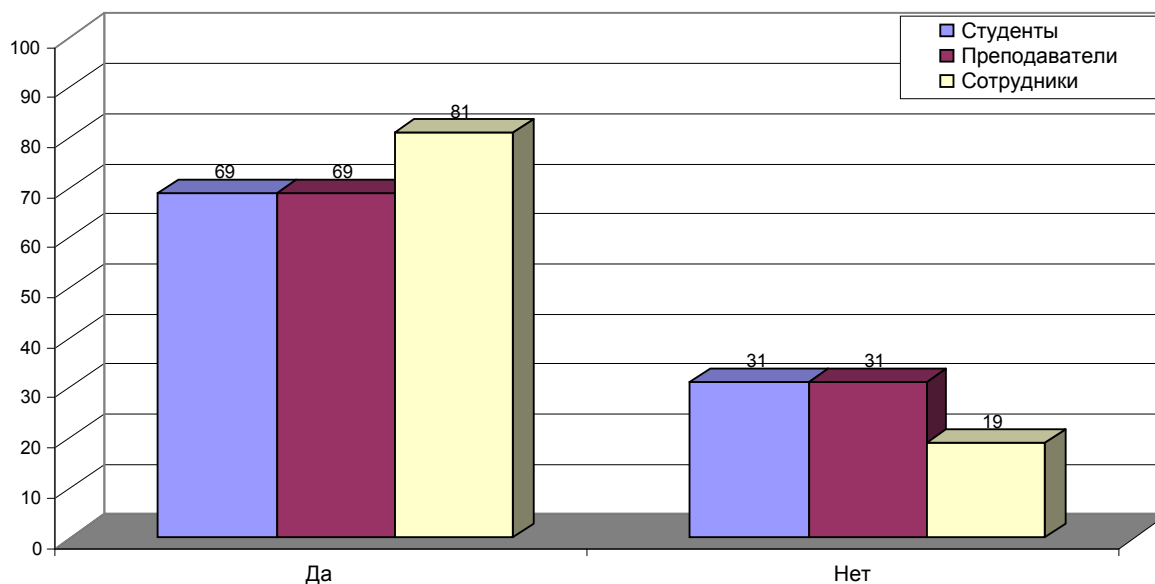

Рис. 4. Регулярность питания студентов, преподавателей и сотрудников университета, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

не или отчасти) своей учебной подавляющего большинства – 85 % студентов университета. Не удовлетворены ею только 12 % студентов (см. рис. 8).

Подавляющее большинство преподавателей и сотрудников удовлетворены (впол-

не или отчасти) своей работой в ЧелГУ. Не удовлетворены только 6,6 % преподавателей и 2,8 % сотрудников.

Из очевидных проблем со здоровьем и здоровым образом жизни по результатам опросов можно выделить следующие. До-

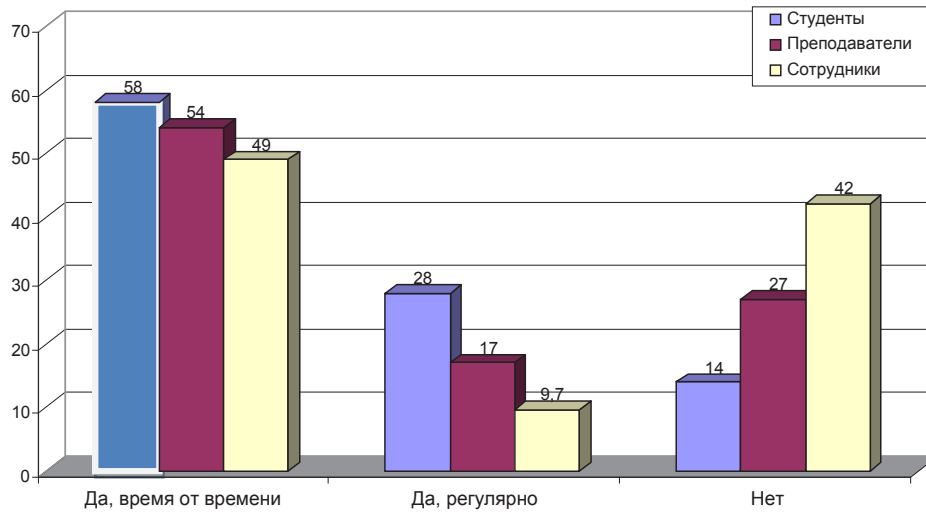

Рис. 5. Занятия студентов, преподавателей и сотрудников университета физкультурой, спортом, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

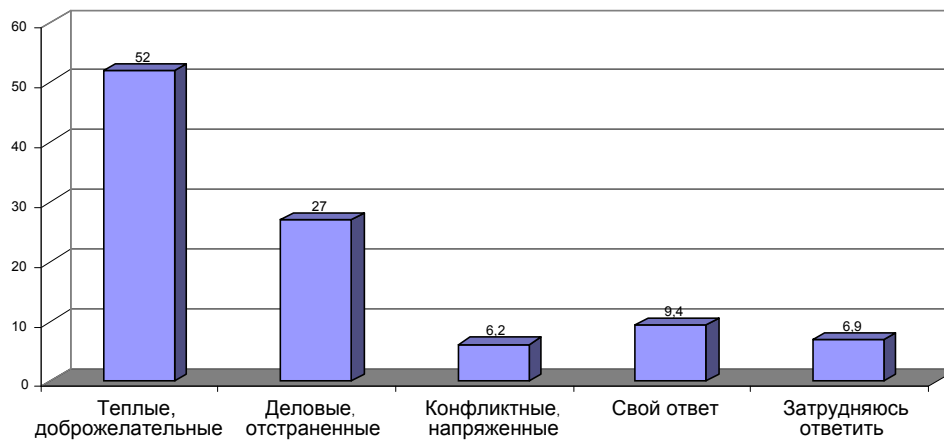

Рис. 6. Характеристика студентами ЧелГУ взаимоотношений в своей группе, в % к общему числу опрошенных студентов

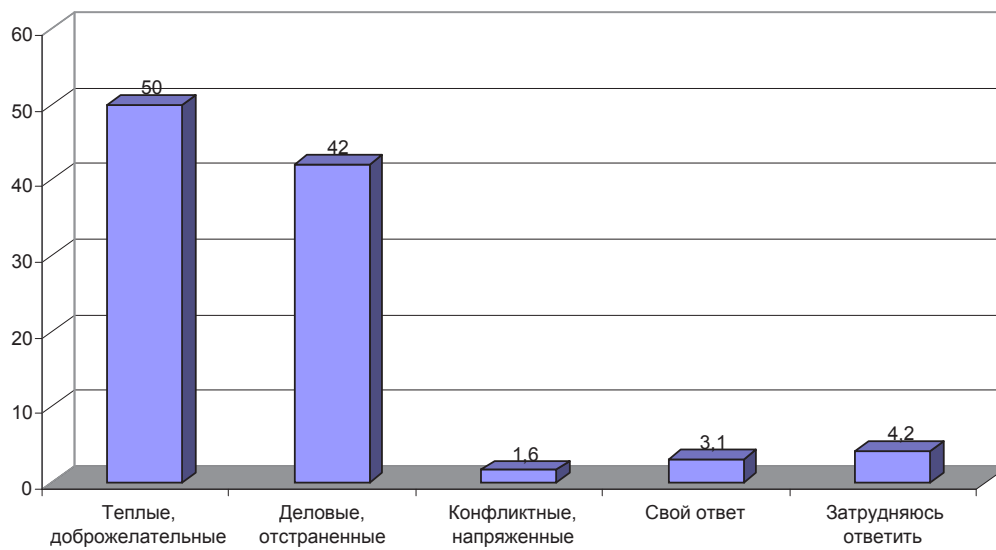

Рис. 7. Характеристика студентами взаимоотношений с большинством преподавателей, в % к общему числу опрошенных студентов

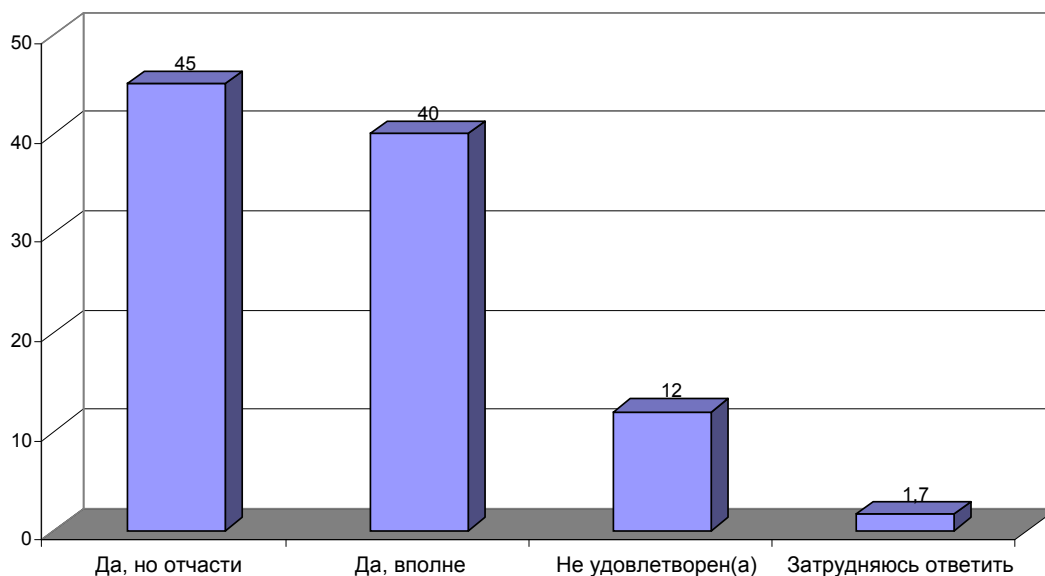

Рис. 8. Удовлетворенность студентами своей учебной работой в ЧелГУ, в % к общему числу опрошенных студентов

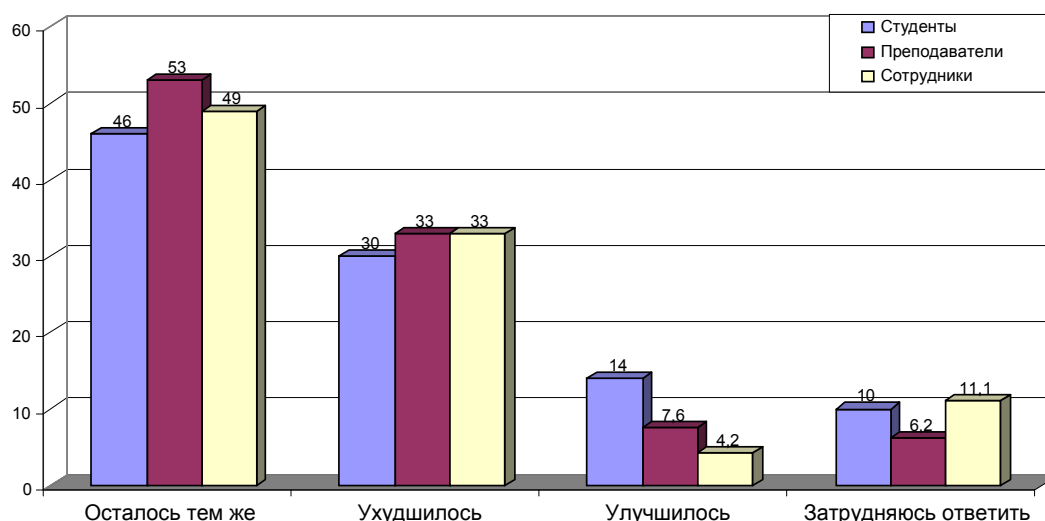

Рис. 9. Оценка студентами, преподавателями и сотрудниками изменений состояния своего здоровья, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

вельно значительная часть студентов, преподавателей и сотрудников университета не здоровы (см. рис. 1). 42 % студентов, 53 % преподавателей, 61 % сотрудников указывают, что у них есть недомогания или хронические болезни. Практически каждый третий студент, преподаватель и сотрудник отмечают, что за последние три года состояние их здоровья ухудшилось (см. рис. 9).

Почти каждый третий студент, каждый пятый преподаватель, каждый десятый сотрудник никогда не проходят диспансерные медицинские осмотры. Определенно не устраивает обслуживание в ГКБ № 2 (студенческой

поликлинике) 24 % студентов, 11 % преподавателей и 6,9 % сотрудников (см. рис. 10).

Студенты, преподаватели и сотрудники университета отмечают в ГКБ № 2, прежде всего, большие очереди на прием к специалистам, грубое отношение медицинского персонала к пациентам, низкое качество обслуживания, недостатки в организации обслуживания (выдачи талонов на прием, отсутствие или чрезмерную загруженность ряда специалистов).

Для определенной части студентов, преподавателей и сотрудников здоровый образ жизни не является важнейшей ценностью (указали 21 %, 15 % и 14 % соответственно) (см. рис. 3).

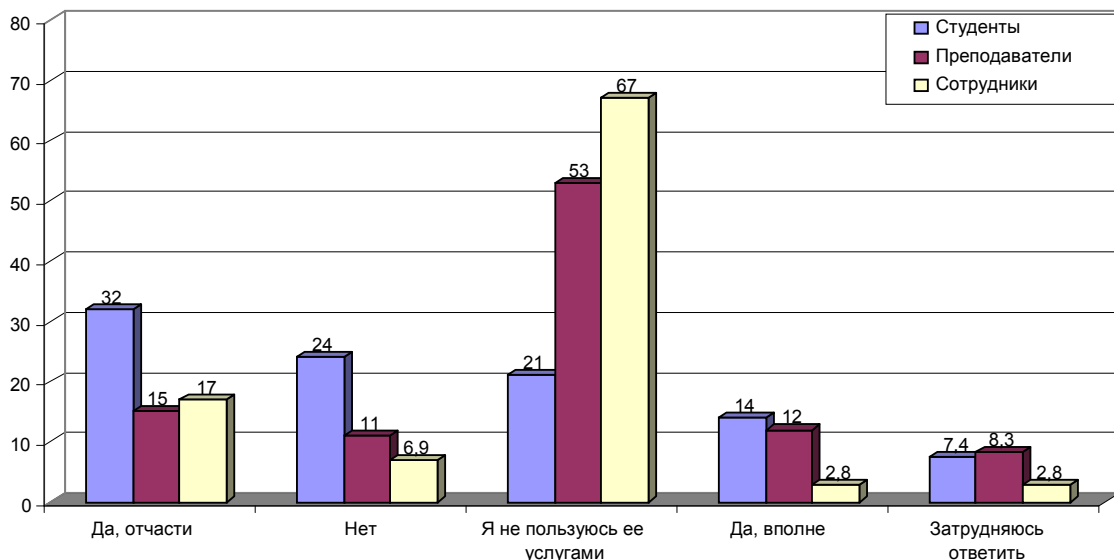

Рис. 10. Ответы студентов, преподавателей и сотрудников на вопрос: “Устраивает ли вас обслуживание в ГКБ № 2 (студенческой поликлинике)?”, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

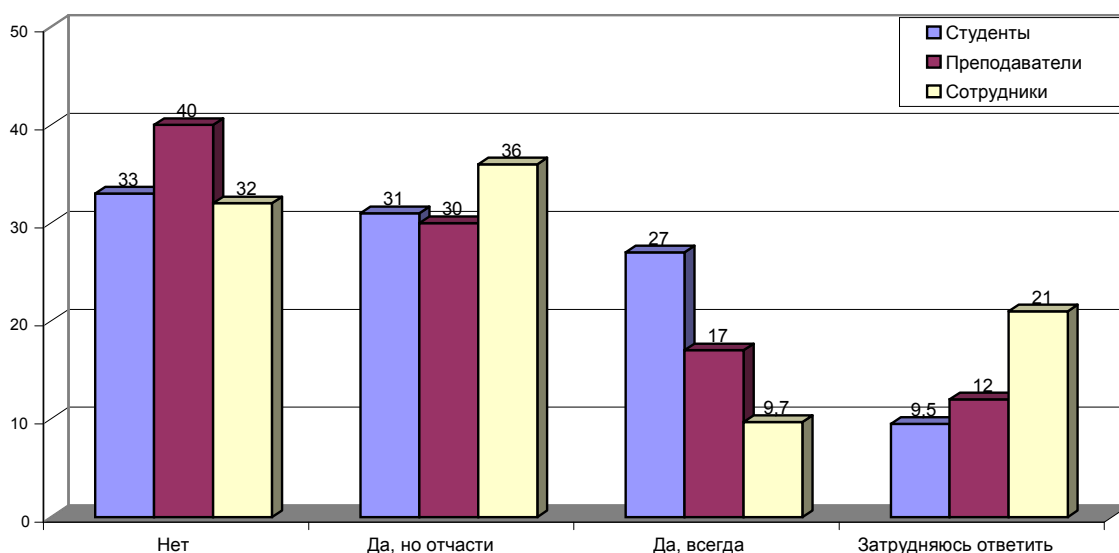

Рис. 10. Удовлетворенность студентов, преподавателей и сотрудников состоянием питания в университете, в % к общему числу опрошенных по каждой группе

Обращает на себя внимание и то, что удельный вес тех, кто реализует составляющие здорового образа жизни, как правило, заметно ниже тех, кто признает их наиболее важными. Довольно значимая часть коллектива университета не получает здесь информации о здоровом образе жизни. При этом студенты, преподаватели меньше всего получают такую информацию из газеты «Университетская набережная», с сайта университета.

В питании ни в чем себе не отказывают и лишь иногда проявляют умеренность большинство студентов, преподавателей и сотрудников. Каждый третий студент и сотрудник,

40 % преподавателей не удовлетворены состоянием питания в университете (см. рис. 11).

Не занимаются физкультурой и спортом 42 % сотрудников, 27 % преподавателей (см. рис. 5). Большинство студентов, преподавателей и сотрудников не делают утреннюю гимнастику, не участвуют в физкультурно-оздоровительных мероприятиях в университете.

45 % преподавателей подчеркивают, что не участвуют в таких мероприятиях в силу загруженности, а почти четвертую часть студентов, преподавателей это не интересует. Около половины студентов, преподавателей

и сотрудников признаются, что не занимаются закаливанием.

Почти каждый четвертый студент, каждый восьмой преподаватель, каждый девятый сотрудник курят. Почти каждый третий студент, каждый пятый преподаватель, каждый седьмой сотрудник употребляют спиртные напитки. У некоторой части студентов, преподавателей и сотрудников есть увлечение компьютерными играми. 12 % студентов признаются, что порой не считаются с нормами морали и права, а 9,3 % студентов, 6,6 % преподавателей, 4,2 % сотрудников ведут нездоровый образ жизни, 1,1 % студентов употребляют наркотики. Некоторые студенты, преподаватели и сотрудники не собираются бросить курить и пить спиртные напитки. В случае возникновения проблем с употреблением алкоголя, наркотиков, табачных изделий только 1,9 % студентов обратились бы за помощью к преподавателям.

Из причин проблем с морально-психологическим климатом в своей группе студенты выделяют сложные отношения между студентами, а преподаватели и сотрудники такой причиной в своих коллективах называют прежде всего разного рода несправедливости (в оплате труда, распределении учебной нагрузки, в неоплачиваемых поручениях и др.).

Есть и могут быть учтены в дифференцированной адресной работе по утверждению здорового образа жизни определенные различия во мнениях студентов младших и старших курсов, юношей и девушек, а также преподавателей и сотрудников с разным стажем работы в ЧелГУ. Целесообразно принять во внимание, как правило, заметно чаще положительные ответы в группах студентов, преподавателей и сотрудников, не имеющих вредных привычек, и заметно реже такие положительные ответы в группах с вредными привычками, ведущих нездоровый образ жизни.

Особый интерес представляют предложения участников опроса по теме исследования. По открытому вопросу создания более благоприятных условий для лечения и профилактики заболеваний высказано 522 предложения, в том числе студентами – 372, преподавателями – 113, сотрудниками – 37. Такие предложения, прежде всего, касаются улучшения условий лечения, в том числе открытия медицинских и аптечных пунктов в каждом корпусе, устранения очередей в ГКБ № 2, обязательной вакцинации, диспансеризации, диагностики заболеваний на ранней стадии, повышения роли

физической культуры и спорта в укреплении здоровья, повышения качества и улучшения организации питания в университете, пропаганды здорового образа жизни.

По открытому вопросу об утверждении здорового образа жизни и созданию более благоприятных условий для этого в университете 589 предложений, в том числе студентами – 382, преподавателями – 165, сотрудниками – 42. Большинство предложений затрагивают развитие в университете физкультуры и спорта, организацию спортивных мероприятий в вузе и вовлечение в них большего количества обучающихся и работающих, строительство нового корпуса с танцевальным залом, бассейном, спортзалом. Довольно много предложений внесено по улучшению организации и качества питания в целях утверждения здорового образа жизни, по пропаганде здорового образа жизни. Немало и предложений по борьбе с вредными привычками: «ввести тотальный контроль употребляющих, принимающих, курящих», «не разрешать курить в университете и возле него». Часть предложений по созданию благоприятных условий для учебы, работы и отдыха, по обеспечению путевками в оздоровительные учреждения и другие.

Результаты опроса позволяют реально оценить состояние здоровья и образа жизни студентов, преподавателей и сотрудников университета и выработать действенные меры по укреплению здоровья и утверждению здорового образа жизни.

Список литературы

1. Варламова, С. Н. Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад / С. Н. Варламова, Н. Н. Седова // Социол. исслед. – 2010. – № 4. – С. 75–88.
2. Отчет о научно-исследовательской работе «Здоровый образ жизни: мнение студентов, преподавателей, и сотрудников Челябинского государственного университета» (апрель-июнь 2011 г.). – Ч. 1. Научный отчет. – 88 с.
3. Программа ГОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет» по оздоровлению студентов и сотрудников и формированию установок на здоровый образ жизни на 2009–2010 гг. – URL: <http://www.vstu.ru/docs/programma-ozdorovleniya.pdf>.
4. Самоанализ деятельности ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогиче-

ский университет им. И. Я. Яковлева» по формированию и пропаганде здорового образа жизни. 2011. – URL: <http://www.chgpu.edu.ru>.

5. Скрыник, И. А. Здоровый образ жизни как приоритетная задача социальной политики государства / И. А. Скрыник // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 119–124.

Сведения об авторе

Козлов Вадим Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета.

kozlovvn@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 188–196.*

HEALTHY LIFESTYLE: OPINION OF STUDENTS, FACULTY AND STAFF OF THE CHELYABINSK STATE UNIVERSITY

V. N. Kozlov

Chelyabinsk State University, kozlovvn@list.ru

According to the results of a representative of applied sociological research reviews the implementation of the health and healthy lifestyles of students, faculty and staff of the Chelyabinsk State University, highlights the positive developments and challenges.

Keywords: health; health; mass health examination; pernicious habits.

References

1. Varlamova S.N., Sedova N.N. Zdorovyy obraz zhizni – shag vpered, dva nazad [Healthy lifestyle: one step forward, two steps back]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Social Studies], 2010, no. 4, pp. 75–88. (In Russ.).
2. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote «Zdorovyy obraz zhizni: mneniye studentov, преподаvateley, i sotrudnikov Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta» (aprel'-iyun' 2011 g.)* [Report on the research project «Healthy lifestyle: the opinion of students, teachers and employees of the Chelyabinsk State University» (April-June 2011)], part 1, 88 p. (In Russ.).
3. *Programma GOU VPO «Volgogradskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet» po ozdorovleniyu studentov i sotrudnikov i formirovaniyu ustanovok na zdravyy obraz zhizni na 2009–2010 gg.* [The program HPE «Volgograd State Technical University» to improve the health of students and staff and the formation of attitudes for a healthy lifestyle for 2009–2010]. Available at: <http://www.vstu.ru/docs/programma-ozdorovleniya.pdf>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
4. *Samoanaliz deyatel'nosti GOU VPO «Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. I. YA. Yakovleva» po formirovaniyu i propagande zdravogo obraza zhizni. 2011* [Self-inspection of activity of Chuvash State Pedagogical University named Yakovlev to build and promote a healthy lifestyle. 2011]. Available at: <http://www.chgpu.edu.ru>, accessed 12.05.2015. (In Russ.).
5. Skrynik I.A. Zdorovyy obraz zhizni kak prioritelnaya zadacha sotsial'noy politiki gosudarstva [Healthy lifestyle as a priority social policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2010, no. 1, pp. 119–124. (In Russ.).

УДК 316.34

ББК 60.5

В. Н. Черепанова, Н. Н. Шилова

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Современный этап реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта характеризуется увеличением внимания к формированию здорового образа жизни населения. Тем не менее, процент граждан, вовлеченных в массовый спорт, остается низким. В статье предпринята попытка проанализировать роль физической культуры и спорта в образе жизни современной молодежи, а также выявить основные причины, препятствующие занятию молодежью физкультурой и спортом.

Ключевые слова: здоровье; здоровый образ жизни; физическая культура и спорт; молодежь; ценностные ориентации.

Россия является одной из стран, где ухудшение состояния здоровья населения приобрело катастрофический характер. По продолжительности жизни Россия не входит даже в первую сотню стран мира, занимая 102-е место. Наблюдается очень низкая продолжительность жизни мужчин, чья смертность от сердечно-сосудистых заболеваний увеличилась за последние 10 лет в 1,5 раза, от убийств и самоубийств – в 2 раза, от отравления алкоголем – в 3 раза. Поэтому средняя продолжительность жизни мужчин составляет менее 60 лет. Женщины в Российской Федерации живут в среднем на 13 лет дольше мужчин, в то время как в мире – на 4 года [1].

В результате обозначенных тенденций население России по прогнозам ООН к 2050 г. снизится до критического уровня – 111,7 млн чел. [5] Причем сокращение численности населения страны происходит на фоне роста численности населения Земли, что грозит вымиранием российского этноса. Особую актуальность в такой ситуации приобретает здоровьесберегающее поведение россиян.

На актуальность проблемы здоровья нации указывает и Президент России. Так, выступая на учредительном съезде Ассоциации студенческих спортивных клубов в июне 2013 г., В. В. Путин подчеркнул необходимость того, «чтобы спорт, активный образ жизни стали нормой российского общества» [2].

Безусловно, за последние пять лет в России наблюдается резкий всплеск внимания, главным образом со стороны государства, к развитию физической культуры и спорта в стране. Но это своего рода «разовая кампания» в преддверии Олимпиады и Паралимпиады, проводимых в Сочи. В целом же по стра-

не уровень массовой физической культуры и спорта остается очень низким.

По данным Всемирной организации здравоохранения, из всех факторов, влияющих на здоровье населения, превалирует ‘образ жизни’. Значение образа жизни усиливается его непосредственным влиянием на здоровье, тогда как социально-экономические и другие факторы и условия опосредованы.

При анализе образа жизни рассматриваются особенности профессиональной, общественной и социально-культурной деятельности человека. В качестве особенностей при этом выступают социальная, трудовая и физическая активность индивидов. Другими словами, важными составляющими в образе жизни человека являются: социальная среда, способы и формы жизнедеятельности. При этом необходимо учитывать, что разные социальные группы имеют свои отличия в образе жизни, а именно ценности, установки, эталоны поведения.

С целью выявления роли физической культуры и спорта в образе жизни современной молодежи авторами статьи был проведен опрос населения Тюмени в возрасте от 16 до 25 лет (540 респондентов). Исходными гипотезами исследования выступили предположения о том, что, во-первых, молодежь обладает незначительными знаниями о здоровом образе жизни, следовательно, у нее нет достаточного стимула для занятий физкультурой и спортом; во-вторых, здоровый образ жизни не является приоритетной ценностью у молодежи.

Респондентам было предложено выбрать доминирующие для них ценности. Самый высокий рейтинг получила ценность ‘семейное благополучие’ (4,56 балла), на втором

месте 'интересная и разнообразная работа' (4,52 балла). Ценность 'здоровье' на третьей позиции, что свидетельствует о понимании молодежью важности быть здоровым.

В то же время авторы отмечают, что молодежь не соотносит 'здоровье' с возможностью вести полноценную жизнедеятельность. Ценность 'спорт и занятие физкультурой' занимает в рейтинге только 11 (!) позицию, уступая место 'большим деньгам', 'жизни без конфликтов' и др. (табл. 1). Можно предположить, что молодежь считает здоровье генетически заложенной характеристикой, и занятия физкультурой и спортом никак не скажутся на его состоянии.

Таблица 1

Ценностные ориентации современной молодежи

Ценности	Средний балл	Ранг по значимости
Семейное благополучие	4,56	1
Интересная и разнообразная работа	4,52	2
Здоровье	4,40	3
Свобода в принятии решений и деятельности	4,27	4
Любовь	4,06	5
Жизнь без конфликтов, в согласии с собой и окружающими людьми	3,90	6
Личная безопасность	3,90	6
Большие деньги	3,84	7
Творчество	3,52	8
Первенство во всем	3,51	9
Стабильность и уважение традиций	3,41	10
Спорт и занятие физкультурой	3,25	11
Слава и известность	3,07	12
Нехлопотная спокойная работа	2,97	13

На вопрос относительно степени знаний (информированности) молодежи о здоровом образе жизни были получены следующие ответы (табл. 2).

Смысл понятия 'здоровый образ жизни' четко понимают только 34 % респондентов. Остальные либо имеют смутное представление о нем, либо вообще не задавались этим вопросом.

Вызывает досаду тот факт, что показатель 'занятие физкультурой и спортом' уступа-

ет таким видам времяпрепровождения, как 'сидеть в Интернете' и 'смотреть телевизор' (табл. 3).

Таблица 2

Степень знаний (информированности) современной молодежи о здоровом образе жизни, %

Степень осведомленности молодежи	Всего	Возраст			
		16-17 лет	18-19 лет	20-21 лет	22-25 лет
Я имею четкое представление, что означает понятие 'здоровый образ жизни'	34	2	5	4	23
Я имею смутное представление об этом понятии	28	14	12	2	-
Что-то слышал, но не задавался этим вопросом	38	18	18	2	-

Таблица 3

Способы проведения свободного времени современной молодежью

Способы проведения свободного времени	% от числа ответов	Рейтинг
Сидеть в Интернете	38	1
Общаться с друзьями	26	2
Смотреть телевизор	12	3
Отдыхать на природе	8	4
Заниматься физкультурой и спортом	5	5
Читать книги, слушать музыку	4	6
Заниматься рукоделием (шить, вязать, вышивать)	4	7
Помогать родителям по хозяйству	2	8
Другое (укажите)	1	9

Молодежь, не занимающаяся физкультурой и спортом, отметила следующие причины своего поведения: на первом месте – нехватка свободного времени – 41,9 %, на втором – финансовые трудности (22,2 %), на третьем – отсутствие компании (14,8 %) (табл. 4).

Таблица 4

Причины, препятствующие занятию молодежью физкультурой и спортом, %

Варианты ответов	%
Нет свободного времени, у меня на первом месте учеба	41,9
Финансовые трудности	22,2
Нет компании единомышленников	14,8
Я не представляю, где в нашем городе и каким спортом я мог бы заниматься	8,4
Неудобное месторасположение мест для занятий	6,7
Затрудняюсь ответить	6,0

Полученные результаты коррелируют с результатами исследований других ученых. Так, опрос населения репродуктивного возраста об иерархии их ценностных ориентаций, проведенный О. В. Устиновой и А. В. Артюховым в 2012 г., показал, что в системе ценностей 'хорошее здоровье' отнесено в конец списка и уступает карьере, материальному благополучию и другим ценностям [3]. Авторы исследования делают вывод о неодинаковости приоритетов ценностей экономического и социального характера в регионах с разным уровнем экономики и процентным соотношением городских и сельских жителей, но, тем не менее, указывают на то, что респонденты единогласно относят свое здоровье в конец списка ценностей.

Другое, не менее интересное исследование, проведенное в 2010 г. О. В. Устиновой, В. А. Гарабажий, позволило выявить доминирующие ценности студенческой молодежи Тюмени, в число которых вошли (в порядке убывания значимости): семейное благополучие, интересная и разнообразная работа, собственное здоровье, наличие детей, любовь, согласие с собой и окружающими людьми, личная безопасность, высокий заработок, творческая реализация, друзья и др. [4] С одной стороны, примечательно, что 'здоровье' занимает третью позицию в рейтинге ценностей, с другой – настораживает, что оно уступает такой ценности, как 'интересная и разнообразная работа'.

Подводя итог, авторы статьи делают вывод, что среди ценностных ориентаций современной молодежи ценность 'спорт и занятие физкультурой' не входит в число приоритетных. Молодежь не видит взаимосвязи ценностей 'спорт и занятие физкультурой' и 'здоровье'. Выявленная низкая активность молодежи к занятию физической культурой и спортом обусловлена, прежде всего, причинами организационного характера: недостаточной пропагандой и, как следствие, неинформированностью молодежи о здоровом образе жизни; низкой престижностью и социальной значимостью занятий спортом среди молодежи.

Список литературы

1. Вот какие мы – россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Рос. газ. – 2011. – 22 дек.
2. Выступление В. В. Путина на учредительном съезде Ассоциации студенческих спортивных клубов (июнь 2013 г.). – URL: <http://gtm.ru/news/2014/03/04/5195> (дата обращения: 12.03.2014).
3. Устинова, О. В. Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение / О. В. Устинова, А. В. Артюхов // Социология. Экономика. Политика. Изв. высш. учеб. заведений. – Тюмень, 2012. – № 4. – С. 56–58.
4. Устинова, О. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи / О. В. Устинова, В. А. Гарабажий // Вестн. Казан. гос. техн. ун-та им. А. Н. Туполева. – 2010. – № 4. – С. 203–205.
5. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects // The 2004 Revision and World Urbanization Prospects: The 2003 Revision. – URL: <http://esa.un.org/unpp> (Date Views 04.01.2014).

Сведения об авторах

Шилова Наталья Николаевна – доктор экономических наук, профессор Тюменского государственного нефтегазового университета
lev1026@yandex.ru

Черепанова Вера Никаноровна – кандидат педагогических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.
veranikandrovna@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 9 (364).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 36. Pp. 197–200.*

HEALTHY LIFESTYLE IN THE VIEWS OF YOUNG PEOPLE

V. N Cherepanova, N. N. Shilova

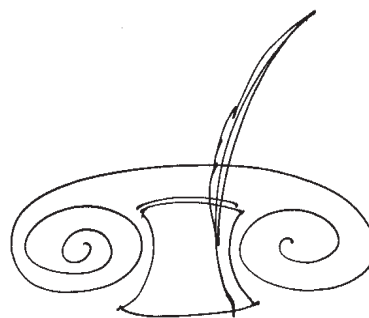
State policy in physical culture and sports is being aimed at healthy lifestyle of population. Nevertheless, percentage of population involved in mass sports is still low. The paper analyzes the role of physical culture and sports in the life of young people and reveals the main obstacles for doing sports and physical exercises.

Keywords: health; healthy lifestyle; physical culture and sports; young people; value orientations.

References

1. Vot kakiye my – rossiyanе. Ob itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [This is what we are – the Russians. On the results of the National Population Census 2010]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2011, 22 dekabrya. (In Russ.).
2. Vystupleniye V. V. Putina na uchreditel'nom s'yezde Assotsiatsii studencheskikh sportivnykh klubov (iyun' 2013 g.) [The speech by Vladimir Putin at the founding congress of the Association of student sports clubs (June 2013)]. Available at: <http://gtm.ru/news/2014/03/04/5195>, accessed 12.03.2014. (In Russ.).
3. Ustinova O.V., Artyukhov A.V. Vliyaniye tsennostnykh oriyentatsiy grazhdan na ikh reproduktivnoye povedeniye [Influence of value orientations of citizens in their reproductive behavior]. *Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Sociology. The Economy. Politics. News of Higher Schools]. Tyumen', 2012, no. 4, pp. 56–58. (In Russ.).
4. Ustinova O.V., Garabazhiy V.A. Tsennostnyye oriyentatsii studencheskoy molodezhi [Value orientations of students]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni A. N. Tupoleva* [Bulletin of the Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev], 2010, no. 4, pp. 203–205. (In Russ.).
5. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects. The 2004 Revision and World Urbanization Prospects: The 2003 Revision. Available at: URL: <http://esa.un.org/unpp>, accessed 04.01.2014.

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 341
ББК 24.44

В. А. Кузнецов

БЫЛ ЛИ ИММАНУИЛ КАНТ ПОДДАННЫМ РОССИИ?

В 1755 г. И. Кант стал преподавать в Кенигсбергском университете, в котором учился и защитил диссертацию. Россия в войне с Пруссией в 1758 г. захватила Кенигсберг и привела его жителей в подданство России. Вместе с преподавателями университета на верность императрице России принял присягу и будущий великий философ, основатель классической немецкой философии. Существует легенда, что когда император Петр III вернул королю Пруссии все утраченные в войне с Россией города и земли, то якобы при даче присяге на верность прусскому королю Кант отказался ему переприсягать. Но это легенда. А о том, что Кант какое-то время был подданным России, свидетельствует следующий документ.

Из всеподданнейшего прошения доцента Кенигсбергского университета Эммануила Канта императрице Елизавете 14 декабря 1758 г.

«Эммануэль Кант, магистр, всеподданнейшие умоляет е.и.в. всемилостивейшее назначить его на освободившееся место ординарного профессора по кафедре логики и метафизики в Кенигсбергском университете.

Пресветлейшая великодержавнейшая императрица, самодержица всеи России, всемилостивейшая императрица и великая жена!

...Надежда, каковою я себя льщу быть назначенным на академическую службу по предмету сих наук, особенно же всемилостивейшее

расположение е.и.в. оказывать наукам ваше высочайшее покровительство и снисходительное попечительство, побуждает меня всеподданнейшие просить е.и.в. всемилостивейшее благоволить благосклонно утвердить меня на вакантную кафедру ординарного профессора... Готов умереть в моей глубочайшей преданности.

В. и. в. наивернейший раб Эммануэль Кант. Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.»

(См: Русский архив. 1896. Вып. 7. С. 455–456; Kantstudien. 1896. Кн. 2).

В декабре 1758 г. в университете освободилось место профессора. Поэтому Кант выставил свою кандидатуру по совету своего благожелателя – профессора богословия пастора Шульца, который стал к тому времени ректором университета. Из пяти кандидатов совет выбрал двух – математика Бока и Канта. Однако решение о занятии вакансии было не в пользу философа. Профессором стал Бок, который был старше его по возрасту и по стажу преподавания.

Профессором кафедры логики и метафизики он стал относительно поздно, в 1770 г. в возрасте 46 лет. Два раза, в 1786 и 1788 г., Кант был ректором Кенигсбергского университета.

В ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

(Из словаря В. А. Кузнецова по истории, мифологии, философии... Древнего мира.)

«Абхидхарма-питака», или «Абхидхамма-питака» – 3-я часть палийского буддийского канона Трипитака, в которой изложены философско-психологические воззрения раннего буддизма.

Лао Лай, Лаолай (I тыс. до н. э.) – один из превознесенных конфуцианством преданных родителям сыновей. Достигнув 70-летнего возраста, он продолжал носить пестрые детские платья и играл в игрушки, чтобы родители не почувствовали, как они стары.

Инь Хао (даты жизни неизвестны) – крупный китайский сановник, уволенный по ложному доносу. Не осмеливаясь открыто выразить свое возмущение, он писал в воздухе иероглифы, которые означали: «Ох, и стран-

ные дела творятся!»; прославился как мастер рассуждения на темы даосизма.

Синезий Киренский (370/5–413/4) – греческий философ, писатель, толкователь снов, ученик Ипатии; в 410, хотя он и не был крещен, избран епископом Птолемаиды.

Евфидем – 1) афинский архонт в 555/554 до н. э; 2) *Хиосский* – софист, старший современник Сократа, герой диалога Платона.

Девятивратный град – в индийской традиции метафора тела человека; «девять врат»: глаза, уши, ноздри, рот и два органа выделения. Образ восходит к Упанишадям, где число «врат» – 11 (добавлялись пуп и черепной шов).

Сведения об авторе

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета.

vladkuz@mail.ru

WAS IMMANUEL KANT THE RUSSIAN CITIZEN?

V. A. Kuznetsov

Chelyabinsk State University. vladkuz@mail.ru